ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ
БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ РАН
КОМИССИЯ ИСТОРИКОВ РОССИИ И БОЛГАРИИ

ИСТОРИЧЕСКАЯ БОЛГАРИСТИКА

К 100-летию со дня рождения профессора Л.Б. Валева

МОСКВА
2016

УДК 94
ББК 63
И90

Редакционная коллегия:
кандидат исторических наук *Е.Л. Валева* (отв. ред.),
доктор исторических наук *Т.В. Волокитина*

Рецензенты:
доктор исторических наук *Е.П. Серапионова* (ИСл РАН),
доктор исторических наук *Н.И. Егорова* (ИВИ РАН)

И90 **Историческая** болгаристика (К 100-летию со дня рождения профессора Л.Б. Валева). Сб. статей / Редколл.: Е.Л. Валева (отв. редактор), Т.В. Волокитина. – М.: Институт славяноведения, 2016. – 392 с.: ил.

ISBN 978-5-7576-0360-5

Книга подготовлена на основании материалов прошедших в декабре 2015 г. Научных чтений, посвященных 100-летию со дня рождения доктора исторических наук, профессора Любомира Борисовича Валева (1915-1981), с чьим именем прочно связаны становление и успешное развитие советского (российского) славяноведения. Сборник составили научные статьи, в которых рассматриваются различные аспекты истории Болгарии от средневековья до современности, в том числе историографические сюжеты, а также воспоминания коллег, работавших вместе с Л.Б. Валевым.

Сборник рассчитан на профессиональных специалистов по истории Болгарии, а также всех интересующихся историей Юго-Восточной Европы.

УДК 94
ББК 63

ISBN 978-5-7576-0360-5

© Коллектив авторов, текст, 2016
© Институт славяноведения РАН, 2016

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие 5

Ученый и человек

С Болгарией в сердце:
жизненный и творческий путь историка 10

Марьина В.В. Любомир Борисович Валев: штрихи
к портрету на фоне истории Института и времени 33

Мурашко Г.П. Вспоминая учителя и наставника 42

Задорожнюк Э.Г. Память благодарная 51

Библиография научных трудов профессора Л.Б. Валева 59

Литература о Л.Б. Валеве 77

Исследования

Валева Е.Л. Историческая болгаристика в России:
современное состояние 80

Червенков Н.Н. Историческая болгаристика
в Республике Молдова 97

Вартаньян Э.Г. Историческое славяноведение
в Кубанском государственном университете 112

Дроснева Е. Календарь. Размышления и недоразумения 124

Муртузалиев С.И. Болгария и болгары
в российских источниках XVI – XVII вв. 144

Макарова И.Ф. Межнациональные отношения
в болгарских землях Османской империи в XV – XVII вв. 165

Леонтьева А.А. Нормы наследственного права в шариате:
теория и практика применения
в кадийских судах Софии в XVIII – начале XIX вв. 183

Горина Л.В. София в жизни профессора Марина Дринова 201

Фролова М.М. В поисках повстанческого потенциала:
деятельность российского консула М.А. Хитрово
в Битоле (1861–1862 гг.) 208

Косик В.И. Русский вопрос в болгарском зеркале.....227

Исаева О.Н. Российская империя на Балканах:
цели и итоги внешней политики 246

Гусев Н.С. Идея, за которую сражались болгары
в 1912–1913 гг.
(По свидетельствам сторонних наблюдателей) 259

Пейковска П. Русская интеллигенция в Болгарии
в 20-е годы XX в.:
социально-профессиональная структура 270

Канарская А.Н. Болгарский коммунист
Рубен Аврамов Леви в Советском Союзе. 1940–1943 гг.:
неизвестные страницы биографии 285

Тошкова В. СССР и США: проекты послевоенного
устройства Болгарии (1942–1945 гг.) 296

Волокитина Т.В. В поисках выхода.
Болгария и антигитлеровская коалиция осенью 1944 г. 307

Васильева Н.В. От войны к миру:
некоторые дискуссионные аспекты политики
советских военных властей в Болгарии
(сентябрь 1944 – май 1945 гг.) 323

Ревякина Л.В. Болгарский земледельческий
народный союз в социалистический период
развития Болгарии 339

Баева И. Болгарские турки в годы
общественно-политической трансформации.....358

Марчева И. Болгарская академия наук
в годы перехода (1989–2007 гг.): проблемы адаптации.....376

ПРЕДИСЛОВИЕ

Предлагаемая вниманию читателя книга подготовлена в честь знаменательной даты – 100-летия со дня рождения доктора исторических наук, профессора Любомира Борисовича Валева (1915–1981). С именем этого видного ученого-слависта прочно связаны не только становление и успешное развитие советского (российского) славяноведения в целом, но и исторической болгаристики в нашей стране.

22 декабря 2015 г. Институтом славяноведения РАН и российской частью Комиссии историков России и Болгарии в память об Л.Б. Валеве были организованы Научные чтения «Историческая болгаристика», посвященные юбилейной дате. Открывший заседание директор Института славяноведения РАН д.и.н. К.В. Никифоров отметил значимость подобных мероприятий, цель которых напомнить об основных вехах развития отечественной славистики и, главное, рассказать о людях, внесших заметный вклад в нашу науку. Особенно важен такой рассказ для молодых коллег, принявших творческую эстафету от предшествующих поколений. Любомир Борисович Валев, отметил К.В. Никифоров, относился к той плеяде сотрудников Инслава, которые сформировали основные направления исследований и заложили традиции этого научного учреждения. Начиная с 1948 г., когда Л.Б. Валев пришел в только что созданный Институт славяноведения АН СССР, вся его дальнейшая творческая жизнь была связана с ним. Здесь был пройден путь от младшего научного сотрудника до заведующего сектором, которым он руководил более четверти века. При непосредственном участии Любомира Борисовича и под его руководством были созданы знаковые для отечественной

историографии труды, вошедшие в золотой фонд советской славистики и болгаристики.

С приветственным словом к собравшимся обратился председатель российской части Комиссии историков России и Болгарии чл.-корр. РАН В.П. Козлов. Он остановился на роли Л.Б. Валева в работе Комиссии, созданной в 1968 г. Став в 1971 г. заместителем председателя советской ее части, Л.Б. Валев отдавал ее работе много времени и сил, непосредственно участвуя в подготовке и проведении ежегодных совместных заседаний, на которых обсуждался широкий и весьма разнообразный круг организационных и научных проблем. Он внес огромный вклад в развитие творческих контактов советских исследователей с историками Народной Республики Болгария. Заслуги Л.Б. Валева в деле развития и укрепления советско-болгарской дружбы неоднократно отмечались правительством Болгарии. В числе его высоких болгарских наград – орден Кирилла и Мефодия I степени.

Выступившая с основным докладом д.и.н. Т.В. Волокитина охарактеризовала жизненный и творческий путь ученого. Необычна была его судьба. Сын болгарского революционера, выросший и сформировавшийся в среде политэмигрантов, как ученый сложившийся в Советском Союзе, Л.Б. Валев остался примером бескорыстного и целеустремленного служения науке, честного гражданина, человека широкой эрудиции и высоких нравственных качеств. Научное наследие Л.Б. Валева, включающее более 150 работ, ставит его в ряд виднейших советских славистов. Но он был и талантливым педагогом, терпеливо пестовавшим кадры болгаристов; в качестве официального оппонента он выступил по 18 кандидатским и 10 докторским диссертациям. Несколько поколений сотрудников Института славяноведения прошли школу Валева и получали от него профессиональные советы и консультации по самым разным вопросам, нередко выходящим за рамки собственно болгарской истории.

С личными воспоминаниями о Л.Б. Валеве выступили сотрудники Института славяноведения доктора исторических наук Г.П. Мурашко, Э.Г. Задорожнюк, С.И. Данченко, кандидат исторических наук А.В. Карасев. Коллеги Любомира Борисовича тепло вспоминали об ученом, особо отмечая его исключи-

тельную доброжелательность и деликатность, открытость для общения, готовность поддержать советом и делом. Обладая все реже встречающимся талантом слушать и слышать, он не оставался пассивным при обсуждении острых дискуссионных вопросов, тактично, но твердо высказывал свое мнение. Внимательное и уважительное отношение к сотрудникам, коллегам и ученикам в сочетании с высокой требовательностью к себе и другим, демократичная обстановка научных дискуссий, культура человеческих отношений – вот те условия, которые создавали творческую научную атмосферу в руководимом им секторе.

В адрес участников и гостей Научных чтений поступили теплые приветствия от болгарских коллег-историков. От имени сотрудников Института исторических исследований БАН успешного проведения мероприятия пожелал директор Института профессор Илия Тодев. Члены болгарской части Комиссии историков России и Болгарии во главе с ее председателем академиком Георгием Марковым в своем приветствии отметили, что Любомиру Борисовичу Валеву по праву принадлежит важное место в мировой славистике и болгаристике. Они выразили свое глубокое уважение и сопричастность чествованию 100-летия ученого, посвятившего свою жизнь исследованию истории Болгарии, отметили его заметный вклад в исследование ключевых проблем национальной истории, в становление двусторонней Комиссии историков. Отметив, что сегодня идеи сотрудничества, заложенные ее основателями и руководителями с болгарской и российской сторон, поддерживаются и развиваются, болгарские коллеги приветствовали организованное Институтом славяноведения РАН чествование Л.Б. Валева, выразили надежду на продолжение совместной работы и пожелали успешной деятельности коллективу Института.

Данная книга подготовлена на основании материалов прошедших Научных чтений. Ее составили статьи, в которых рассматриваются различные аспекты истории Болгарии от средневековья до современности, в том числе и историографические сюжеты, а также воспоминания работавших с Л.Б. Валевым коллег. Помимо ученых различных институтов РАН и других российских научных учреждений и вузов,

в сборнике приняли участие болгарские историки – члены болгарской части Комиссии историков России и Болгарии, а также председатель Научного общества болгаристов в Республике Молдова д.и.н. Н.Н. Червенков. Некоторые исследования (Т.В. Волокитиной, Н.В. Васильевой, А.Н. Канарской) непосредственно связаны с проблематикой, над которой работал Л.Б. Валев. Особую актуальность сборнику придают статьи болгарских ученых И. Марчевой и И. Баевой, написанные буквально по горячим следам событий и затрагивающие проблемы, которые волнуют сегодня болгарское и российское общество.

УЧЕНЫЙ И ЧЕЛОВЕК

С БОЛГАРИЕЙ В СЕРДЦЕ: ЖИЗНЕННЫЙ И ТВОРЧЕСКИЙ ПУТЬ ИСТОРИКА

В декабре 2015 г. исполнилось 100 лет со дня рождения крупного советского историка профессора Любомира Борисовича Валева. С его именем прочно связаны не только становление и успешное развитие отечественного славяноведения, но и возникновение такой его отрасли, как историческая болгаристика. Любомир Борисович выступал первопроходцем в освоении многих научных проблем, открывал новые исследовательские направления, безошибочно определяя их перспективность и актуальность. Поэтому представляется, что для характеристики его научного творчества самым точным является слово «впервые».

Творческое наследие любого ученого неотделимо от его личности, неизбежно несет на себе ее отпечаток, тесно связано с жизненным путем и тем временем, в котором человек жил и творил. Научная деятельность Любомира Борисовича в полной мере подтверждает эту аксиому.

Родился Любомир Борисович 21 декабря 1915 г. в маленьком болгарском городке Дупница в семье учителей. Его отец Борис Валев (Вълев) был активным участником Сентябрьского вооруженного восстания 1923 г., осуществленного по инициативе Коминтерна, членом революционного комитета в г. Берковица. После подавления восстания коммунисту Валеву пришлось эмигрировать в Югославию. Вскоре, в 1925 г., за ним последовала его жена с детьми Любомиром и Эмилем. Через год по решению ЦК Болгарской компартии семья переехала во Францию: Борису Валеву был поручен выпуск газеты Балканской коммунистической федерации «La fédération balkanique»,

и старший сын Любомир нередко помогал отцу в распространении издания.

Решающее влияние на формирование личности Любомира Борисовича оказал приезд семьи в 1930 г. в Советский Союз, ставший для младших Валевых второй родиной. На такое восприятие ими советской страны не повлияли даже драматические события в жизни семьи – арест отца в марте 1938 г. по ложному обвинению в шпионаже. До мая 1941 г. Борис Валев, как и многие другие болгарские политэмигранты, отбывал срок на Колыме, а затем под личное поручительство Георгия Димитрова был освобожден. Вернувшись тяжело больным в Москву, он умер в победном 45-ом...

Судьба уберегла Любомира от возможной участи сына «врага народа». В Москве в 1935 г. он окончил среднюю школу-десятилетку и поступил на исторический факультет Московского университета. Молодой человек избрал профессию историка по велению ума и сердца. Впоследствии Валев любил вспоминать о студенческих годах на истфаке МГУ, о Новгородской археологической экспедиции под руководством чл.-корр. А.В. Арциховского. Лекции и семинары историков-международников Владимира Михайловича Хвостова и Льва Николаевича Иванова сформировали его интерес к истории дипломатии и международных отношений. В 1940 г. после успешной защиты дипломной работы «Болгария в Балканских войнах 1912–1913 годов» молодой специалист направлен в Институт мирового хозяйства и мировой политики АН СССР. Вскоре старший научный референт Валев начинает публиковаться в институтском журнале. Первые шаги на научном поприще были многообещающими, но уже через год началась Великая Отечественная война.

Летом 1941 г. в составе комсомольского батальона он выехал в район Смоленска на строительство оборонительных укреплений. В сентябре после ранения эвакуирован сначала в Москву, а затем вместе с сотрудниками Института мирового хозяйства и мировой политики – в Ташкент. 1942 год отмечен первой вехой в научной деятельности молодого ученого: под псевдонимом «Л. Борисов» он публикует статью «Болгария под пятой германского фашизма»[1]. Эта работа стала знаковой: несмотря на скудость источников и полное отсутствие какой-ли-

бо историографической традиции изучения темы, автор сумел выявить экономические и политические факторы, способствовавшие вовлечению Болгарии в фашистский блок, представил убедительную картину развертывания в стране движения Сопротивления. Но главное – проявил готовность браться за неисследованные проблемы, стремление к рассмотрению разных сторон явления.

В декабре 1942 г. начался важнейший этап в жизни Любомира Борисовича: по распоряжению Георгия Димитрова его вызывают в Москву в аппарат Исполкома Коминтерна. Он приступает к работе на радиостанции болгарского движения Сопротивления «Христо Ботев», которая вела передачи с территории СССР, сначала как диктор, а затем как редактор. Сотрудники радиостанции выходили в эфир по несколько раз в сутки, передавали информацию, нередко поступавшую, что называется, «с колес», оперативно готовили актуальные материалы и комментировали текущие события... И так все 1147 дней действия радиостанции. В мае 1944 г. болгарский коммунист Станке Димитров – Марек, находившийся на Украине в ожидании вылета в Болгарию, сообщал в «центр»: «Слушал передачу «Христо Ботева», хорошо слышно, читает Валев, хорошо читает»[2]. Радиостанция прекратила передачи в сентябре 1944 г. Любомир Борисович работал в редакции до последнего дня. Самоотверженный напряженный труд был отмечен орденом Красной Звезды.

Летом 1946 г. Любомир Борисович вновь оказывается в гуще событий: на международном трибунале в Нюрнберге он – переводчик с болгарского языка. Необходимость включения в советскую делегацию человека, свободно владеющего болгарским, была вызвана рассмотрением в трибунале «катынского дела», в расследовании которого, организованном в годы войны по инициативе гитлеровского руководства, принимали участие представители союзной Германии Болгарии. Любомир Борисович не любил вспоминать о Нюрнбергском процессе, и, думается, связано это было с пришедшим к нему позднее осознанием всей сложности и неоднозначности оценок этой трагической страницы в истории войны и советско-польских отношений, с невозможностью вплоть до начала советской перестройки открыто высказывать свои суждения, расходившиеся с официальной позицией «верхов».

Вернувшись после войны в науку, Любомир Борисович определил основное научное направление, которому будет следовать на протяжении всей своей творческой жизни, – новейшая история Болгарии. Биография молодого ученого, историческая эпоха, современником которой он был, оказались тесно переплетенными с избранной им научной стезей. Именно поэтому в центре его внимания – самые животрепещущие вопросы того времени: германская агрессия на Балканах, участие Болгарии в войне на стороне фашистского блока, борьба против фашизма, освободительная миссия Красной Армии на Балканах, народная демократия, советско-болгарские отношения. Фактически с этой тематикой связано появление советской исторической болгаристики, и во многом благодаря Любомиру Борисовичу она обрела статус самостоятельной отрасли славистики.

В 1948 г. Валев пришел в только что созданный Институт славяноведения АН СССР, и в нем прошел он путь от младшего научного сотрудника до заведующего сектором, которым руководил более четверти века.

В институте под руководством одного из крупнейших советских историков-славистов Сергея Александровича Никитина Любомир Борисович подготовил и успешно защитил в 1950 г. кандидатскую диссертацию «Из истории Отечественного фронта Болгарии (июль 1942 г. – май 1945 г.)». В том же году ее часть была опубликована отдельной книгой[3]. Одним из первых историков-исследователей Любомир Борисович понял исключительную важность и актуальность изучения проблематики национальных фронтов. Не случайно выход книги не остался незамеченным за рубежом. В 1951–1953 гг. книга «Из истории Отечественного фронта Болгарии (июль 1942 г. – сентябрь 1944 г.)» переиздается в Венгрии, ГДР и Чехословакии. А уже к середине 1960-х годов история ОФ превратилась в самостоятельную научную проблему советской и болгарской историографии. Обозначились и дискуссионные вопросы, отразившие постепенно намечавшиеся различия в интерпретации конкретных источников и те ограничения, которые накладывали на исследователей партийные установки о характере болгарской революции и подход к ОФ как к коммуноцентристской по своей сути системе. Практически

такое положение сохранялось до рубежа 80–90-х годов XX в. – перестройки и «архивной революции». Сегодня российские и болгарские ученые рассматривают ОФ в русле функционирования коалиционной системы власти. Однако работы предшествующих поколений исследователей в своей познавательной части сохраняют значение для исследователей.

С тематикой Отечественного фронта была тесно связана другая проблема, которую Любомир Борисович исследовал настойчиво и последовательно, – борьба болгарского, а также других балканских и славянских народов против фашизма в годы Второй мировой войны. Этому посвящены статьи и главы в коллективных трудах, вышедшая в 1964 г. в свет монография «Болгарский народ в борьбе против фашизма (накануне и в начальный период Второй мировой войны)», годом позже защищенная в качестве докторской диссертации. Монография получила высокую оценку советских и болгарских коллег как первый целостный труд по истории Болгарии конца 30-х – начала 40-х годов XX в. И сегодня, спустя полвека, эта оценка видится объективной и точной. Ведь Любомир Борисович не только обстоятельно проанализировал международное положение и внешнюю политику Болгарии, но и вскрыл глубинные связи процессов, происходивших в экономике страны, с ее внутриполитическим и международным положением, настроениями болгарского общества, расстановкой политических сил.

Любомир Борисович приступил к работе над монографией в то время, когда в советской исторической науке еще сравнительно слабо были исследованы проблемы первого периода войны, охватывавшего 1939–1941 гг., не было единства в оценке тактики коммунистических партий в этот сложный период. Л.Б. Валев одним из первых обратился на конкретном материале Болгарии к этим вопросам и сумел внести значительный вклад в изучение проблематики антифашистской борьбы народов ЦЮВЕ. Советская литература по истории Второй мировой войны пополнилась обстоятельным исследованием, посвященным ее наименее изученному начальному периоду, а историческая болгаристика – работой, заполнявшей существенные лакуны в изучении новейшей истории Болгарии.

Стремление Л.Б. Валева к объективному анализу конкретной обстановки в стране обусловило внимательное изучение

им состояния болгарской экономики накануне и в первые годы войны. Опираясь на серьезные исследования экономических сюжетов в болгарской историографии, скрупулезно изучив доступный в то время источниковый материал, автор существенно обогатил представления исследователей о развитии болгаро-германских отношений накануне войны, в частности, о клиринговых отношениях между двумя странами.

Л.Б. Валев внес также весомый вклад в разработку слабо изученных в то время в исторической литературе вопросов, освещавших международное положение и внешнюю политику Болгарии. Им впервые были рассмотрены попытки вовлечения страны в войну в 1939 г. англо-французским блоком, раскрыты содержание и значение советских предложений болгарскому правительству в конце 1940 г. о заключении пакта о дружбе и взаимной помощи, а также ответа болгарской стороны. Изучение широкого круга источников, многие из которых вводились в научный оборот впервые, позволило автору выявить сущность «выжидательной политики» болгарских правящих кругов, тонко проанализировать нюансы внешнеполитического курса страны. Любомир Борисович очень любил работать в архивах, выявлять новые документы, скрупулезно изучать, осмысливать и вводить их в научный оборот. С особым чувством ученый писал о борьбе болгарского народа против фашизма и войны, за дружбу с Советским Союзом. Здесь наиболее ярко проявлялись присущие ему черты патриотизма и интернационализма – тот чудесный сплав, который придавал Любомиру Борисовичу неповторимое обаяние.

Разумеется, с точки зрения сегодняшнего дня некоторые формулировки и положения этой монографии и других работ нуждаются в уточнении и известной корректировке. Отказ от марксистской парадигмы истории привел к глубокому переосмыслению прошлого. Этому способствовали и новая источниковая база – рассекреченные документы и материалы из архивов России и Болгарии, и постепенное преодоление стереотипов. Так, например, в результате острых и длительных дискуссий историков по проблеме «болгарского фашизма» его наличие в стране было поставлено под сомнение, и к концу 1980-х гг. уже большинство связанных с понятием «фашизм» марксистских формулировок признаны несостоятельными.

Тем не менее, следует подчеркнуть, что в значительной своей части работы Любомира Борисовича по истории Болгарии периода Второй мировой войны выдержали испытание временем, сохраняют свою научную значимость. В частности, это касается широкого спектра болгаро-германских экономических отношений, а проблема клиринга, например, по-прежнему остается уникальным по глубине анализа исследованием.

Еще одной магистральной проблемой в научной палитре Любомира Борисовича была история народно-демократической революции и строительства социализма в Болгарии.

Работать по этой проблеме Валеву и его коллегам пришлось в весьма сложных условиях политической конъюнктуры. Старшее поколение российских историков помнит «теоретические» установки о соотношении народной демократии и диктатуры пролетариата. Волевым решением в начале 1950-х гг. болгарское партийное руководство устами В. Червенкова объявило, что в Болгарии диктатура пролетариата ведет свое начало с 9 сентября 1944 г., пройдя в своем развитии два этапа, отличавшиеся по существу решаемых задач и степени «зрелости» диктатуры. В июне 1958 г. VII съезд БКП развенчал установки Червенкова о двух этапах, отбросил и защищавшиеся отдельными авторами выводы о «перерастании» или «превращении» власти, установленной 9 сентября 1944 г. Народно-демократическая революция в Болгарии объявлялась социалистической по своему характеру «с самого начала»[4]. Эта установка действовала и в 60–80-е годы XX в.

Советских ученых наличие партийной оценки ставило в исключительно трудное положение. Противостоять официальной в братской стране точке зрения было непросто. «Инстанция» в лице Отдела науки ЦК КПСС внимательно следила за тем, чтобы ничто не омрачало отношений между двумя странами.

Современная наука ушла далеко вперед в освещении, а точнее – новом осмыслении этого периода, в научный оборот введены многообразные документальные материалы. Они дают простор научной интерпретации, призванной показать, какие реалии имели место во второй половине 1940-х годов в освобожденной Восточной Европе, какие внутренние и внешние факторы, находившиеся в тесном взаимовлиянии

и взаимозависимости, породили этот особый, народно-демократический, этап в истории региона. В начале 1990-х гг. сотрудники бывшего сектора Любомира Борисовича предложили свою трактовку народной демократии как своеобразной специфической формы перехода к новому общественному строю, характеризующейся политической вариативностью, наличием альтернативных политических программ и борьбой носителей различных альтернатив развития. Эта точка зрения не является единственной в историографии, имеет своих сторонников и критиков, но, несомненно, продолжает валевскую традицию изучения данной проблематики в нашем Институте.

На фоне возможностей сегодняшнего дня особенно четко осознается драматизм положения, в котором оказались многие ученые прошлых поколений. Исследовательская работа, которую они были вынуждены вести с учетом официального «мнения», не давала возможности полностью выявить собственный творческий потенциал, мешала научному и теоретическому осмыслению исторического процесса.

По всей вероятности, Любомир Борисович понимал это. Коллеги и ученики помнят его критическое отношение к собственным работам. Показательно, что в год своего 60-летия в интервью болгарскому журналу на вопрос: Какие свои труды Вы вновь напечатали бы сегодня, не внося в них существенных поправок? – ученый ответил: «Ни один. Во всяком случае, полностью меня не удовлетворяет ни один труд. При известном компромиссе с самим собой – монография «Болгарский народ в борьбе против фашизма», но и то с доработкой»[5]. Такой строгий подход к себе, к своим работам убеждает, что Любомир Борисович, будучи сформированным своим временем ученым-гражданином, отнюдь не был догматиком, считал естественным и необходимым развитие методологии истории.

Это проявилось и при решении вставшей в то время задачи написания таких обобщающих трудов, которые воссоздавали бы целостную картину исторического развития славянских народов. Любомир Борисович активно включился в работу над двухтомником по истории Болгарии, выступив как автор ряда важнейших разделов, а совместно с Петром Николаевичем Третьяковым и Сергеем Александровичем Никитиным и как член редколлегии всего издания. Работа над «Историей Болга-

рии» была завершена в 1955 г. И хотя впоследствии Любомир Борисович самокритично писал в одной из своих историографических статей, что в этом труде не удалось равномерно осветить все вопросы и все периоды истории Болгарии, избежать схематичности и ошибок, нельзя, однако, преуменьшать значение сделанного. В советском славяноведении «История Болгарии» явилась первым сочинением, где была дана научная периодизация исторического развития страны, начиная с древнейших времен до начала 50-х годов XX в. В ней был определен тот круг проблем, на изучении которых исследователям в будущем предстояло сосредоточить творческие усилия.

В 1955 г. Любомир Борисович возглавил сектор новейшей истории славянских стран. Под его руководством были подготовлены завершающие тома коллективных трудов по истории Польши, Чехословакии, Югославии. 1960-е гг. – это время серьезных успехов руководимого им коллектива. И хотя не всегда на титульных листах изданных книг можно увидеть фамилию Любомира Борисовича, каждая из этих работ готовилась при его деятельном участии. И свойственные Валеву черты – интеллигентность, доброжелательность, внимательное отношение к мнению своих коллег, умение создать творческую рабочую атмосферу – во многом способствовали реализации намеченного.

В начале 1970-х годов сектор был реорганизован. Географический диапазон его исследований расширился – отныне он охватывал весь регион Центральной и Юго-Восточной Европы. И хотя состав сектора несколько изменился, пришли новые люди, однако атмосфера творческого поиска сохранилась. Без нее, пожалуй, трудно было бы перейти к решению новых задач, к разработке оригинальной и в значительной степени более сложной проблематики. Отныне центральными для сектора становились проблемы сравнительного анализа национально-освободительной борьбы народов стран Центральной и Юго-Восточной Европы в годы Второй мировой войны и революционных преобразований в этих странах после их освобождения. К сожалению, итоговые работы сектора увидели свет уже после кончины Любомира Борисовича. В 1985 г. вышла коллективная монография «Народные и национальные фронты в антифашистской освободительной борьбе и рево-

люциях 40-х годов», а затем, в 1989 г., еще одна – «Строительство основ социализма в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. Очерки истории».

Начало 1970-х гг. ознаменовалось подготовкой болгаристами Института совместно с болгарским коллегами фундаментальной многотомной публикации документов «Советско-болгарские отношения и связи». Любомир Борисович с большим энтузиазмом отнесся к этому труду, отдавал ему много сил и внимания как ответственный редактор советской части Главной редакции издания и одновременно руководитель первого тома. Он был душой небольшого коллектива, щедро делился практическим опытом, знаниями, неизменно вселял бодрость и уверенность в минуты крайнего напряжения и усталости. Зато как радовался он, держа в руках первый том издания, вышедший в 1976 г., как гордился положительными откликами в советской и болгарской печати! При непосредственном участии Любомира Борисовича была проведена подготовка второго тома, в котором он редактировал один из разделов, написал научный комментарий. А до выхода тома в свет ученый не дожил всего нескольких дней... Без Любомира Борисовича готовился и третий, завершающий, том. Однако и в его подготовку он успел внести свой вклад: определил основную тематику тома и направления поиска материалов; большинство документов, вошедших в макет, было отобрано при его участии и сохранило его рабочие пометки.

Сегодня сотрудники бывшего сектора Любомира Борисовича готовы отчитаться о работе и по этому «валевскому» направлению. В ходе «архивной революции» удалось выявить и опубликовать шесть томов первоклассных архивных материалов – «Восточная Европа в документах российских архивов. 1944–1953 гг.», «Советский фактор в Восточной Европе. 1944–1953 гг.», «Власть и церковь в Восточной Европе», а также проблемные сборники «НКВД и польское подполье. 1944–1945 гг.» «Три визита А.Я. Вышинского в Бухарест. 1944–1946 гг.», «Трансильванский вопрос. Венгеро-румынский территориальный спор и СССР. 1940–1946 гг.» и другие. В научный оборот введены свыше полутора тысяч архивных документов, ранее находившихся на особом режиме хранения, в том числе и под грифом «особая папка».

Сквозной в творческой деятельности Любомира Борисовича была «димитровская» тема. К ней он обращался многократно, опубликовав ряд статей и воспоминаний. Ему принадлежит один из первых в советской исторической литературе научно-биографических очерков жизни и деятельности Георгия Димитрова[6]. В наши дни эта тема, несколько приглушенная в период болгарской перестройки, вновь актуальна. Отмечавшееся в июне 2002 г. 120-летие со дня рождения Димитрова выявило наличие неоднозначных оценок этой личности в современной Болгарии, необходимость переосмыслить его теоретическое наследие и практическую деятельность[7]. Болгарские коллеги уже ведут эту работу. Все активнее обращаются к сложной и неоднозначной личности Димитрова и российские историки.

Отдельный вопрос – вклад Любомира Борисовича в становление отечественной македонистики – сравнительно молодой ветви славяноведения, изучающей возникновение и развитие македонской нации. Оставляя в стороне сложные перипетии изучения македонского вопроса и влияния на него отнюдь не научных факторов, напомним лишь, что в конце 1960-х гг. болгаро-югославская полемика по македонскому вопросу вылилась в настоящую кризисную ситуацию. Стороны взаимно обвиняли друг друга в территориальных притязаниях, во вмешательстве во внутренние дела, в попрании международного права.

В столь непростых условиях, стремясь ввести дискуссии в научное русло, Любомир Борисович и его коллеги оформили концепцию генезиса и развития македонского народа. С известными модификациями российские ученые придерживаются этой концепции и сегодня[8].

Любомир Борисович активно выступал в области научной критики и историографии. Из-под его пера вышли многочисленные рецензии на сборники документов, публикации, прежде всего, болгарских и советских историков. Но он не удерживал свой исследовательский интерес за «железным занавесом» идеологических ограничений, с интересом знакомился с западной литературой по болгаристике. Его отклики на работы французских и западногерманских историков по новейшей истории Болгарии далеки от огульной критики «буржуазной историографии», отражают уважительное отношение к разным точкам зрения. Сейчас мы сказали бы, что Лю-

бомир Борисович поддерживал плюрализм мнений и научных суждений.

Картина многообразной и разносторонней научной деятельности ученого будет, безусловно, неполной, если не сказать о его вкладе в развитие научных и личных контактов между советскими и болгарскими историками.

Начиная с 1954 г., Любомир Борисович почти ежегодно бывал на родине. В то же время не было болгарского историка, неважно – маститого или начинающего, который, приехав в Москву, не обратился бы к нему за советом или за помощью. По словам болгарского ученого Страшимира Димитрова, он стал «живым олицетворением сотрудничества историков двух стран»[9]. Заслуги Любомира Борисовича в укреплении советско-болгарской дружбы неоднократно отмечались правительством Народной Республики Болгария. В числе высоких болгарских наград – орден Кирилла и Мефодия I степени.

Много душевных и физических сил Любомир Борисович отдавал работе в созданной в 1968 г. на основе решений Академий наук обеих стран двусторонней Комиссии историков СССР и НРБ. Она была призвана стать центром, содействовавшим научной интеграции ученых: координировать деятельность исследователей, проводить совместные научные мероприятия, способствовать разработке актуальной проблематики, обмену учеными, изданию трудов и архивных документов, систематически анализировать состояние историографии. С 1971 г. и вплоть до своей кончины в сентябре 1981 г. Л.Б. Валев являлся заместителем председателя советской части Комиссии: организовывал ежегодные совместные заседания и непосредственно участвовал в их проведении, выступая с докладами и в дискуссии. Подчас в работе Комиссии возникали весьма драматичные ситуации, связанные с обсуждением пресловутого «македонского вопроса», о чем свидетельствуют материалы личного архива Л.Б. Валева. Однако, несмотря на напряженные моменты, возникшие после выявления взаимоисключающих позиций сторон по вопросу о формировании македонской нации, работа Комиссии все же продолжалась и личные отношения между советскими и болгарскими историками не пострадали. Немалая заслуга в этом принадлежала Любомиру Борисовичу.

Научное наследие Л.Б. Валева, включающее более 150 работ, ставит его в ряд виднейших советских славистов. Но он был еще и внимательным, заботливым педагогом, терпеливо пестовавшим кадры болгаристов, за что удостоился профессорского звания. В качестве официального оппонента выступил по 18 кандидатским и 10 докторским диссертациям. Взыскательность и принципиальность органично сочетались в нем с благожелательностью и тактичностью, уважением к позиции коллег.

А скольким историкам из самых разных уголков Советского Союза помог Любомир Борисович в выборе темы исследования, никогда не отказывая в научной консультации! И не случайно, провожая взглядом очередного посетителя, сотрудники сектора шутили, что в кабинет Валева никогда «не зарастет народная тропа». Ведь эту реально существовавшую вытоптанную «тропу» на старом паркете тесной секторской комнатки на Трубниках во время институтских субботников им приходилось драить щетками и порошком!

Среди послевоенной генерации историков-болгаристов Л.Б. Валев был, безусловно, одним из наиболее авторитетных и уважаемых ученых. Многие слависты и болгаристы России, Украины и Белоруссии вступили в большую науку под его «крылом». Способность замечать в людях «творческую искру» «тактично и доходчиво учить важному, главному», слушать и слышать собеседника отмечали многие коллеги ученого[10]. Внимание к тем, у чьей «научной колыбели» находился Любомир Борисович, сохранялось у него на многие годы.

У всех, кто хотя бы недолгое время общался с Л.Б. Валевым, остались в памяти во многом схожие впечатления: исключительная доброжелательность и деликатность, открытость для общения, совета, моральной поддержки. Внимательное и уважительное отношение к сотрудникам, коллегам и ученикам в сочетании с высокой требовательностью к себе и другим, демократичная обстановка научных дискуссий, культура человеческих отношений – вот те условия, которые создавали творческую научную атмосферу в руководимом им секторе. В шутку он так объяснял две главные обязанности научного руководителя: быстро читать написанное аспирантом и помогать опубликовать готовый материал. Читал Любомир Борисович не только быстро, но и очень внимательно и, будучи без-

упречным стилистом, приучал своих учеников ответственно относиться к слову, к формулировке.

60-летний юбилей Любомир Борисович встретил полным энергии и творческих замыслов, в кругу соратников и учеников. Сотрудники его сектора пели на мотив популярной тогда песни «Московские окна»:

«Шесть десятков – это ерунда!
Будем пить и будем петь всегда:
Нежный шеф и бригадир,
Любомир – ты наш кумир,
В тебе одном мы видим целый мир!»

Никто не думал тогда, что судьбой ему еще отпущено всего пять лет... Он никогда не жаловался на здоровье, был до последних дней преисполнен творческих планов. Но в сентябре 1981 г. ушел из жизни, ушел неожиданно и безвременно, в расцвете творческих сил, способный еще многое сделать на ниве отечественного славяноведения и болгаристики, как ученый, организатор, педагог, искренний поборник дружбы между нашими странами. С годами, при явном росте в нашей жизни дефицита подлинной интеллигентности и порядочности, мы, его коллеги и ученики, все острее осознаем невосполнимость утраты. Для тех, кому посчастливилось работать с Л.Б. Валевым, он навсегда остался примером бескорыстного и целеустремленного служения науке, человека широкой эрудиции и большого личного обаяния.

Редакционная коллегия

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Мировое хозяйство и мировая политика. 1942 г. № 1–2. С. 98–105.

[2] *Валев Л.Б.* Исследования по новой и новейшей истории Болгарии. М., 1986. С. 226.

[3] *Валев Л.Б.* Из истории Отечественного фронта Болгарии (июль 1942 – сентябрь 1944 г.). М.- Л., 1950.

[4] VII конгрес на Българската комунистическа партия. 2 юни – 7 юни 1958 г. Стенографски протокол. София, 1958. С. 109–110.

[5] *Димитров С.* Любомир Валев – равносметка и планове // Векове. 1976. № 5. С. 83.

[6] *Валев Л.Б.* Выдающийся борец за дело коммунизма // Вопросы истории КПСС, 1957. № 1. С. 68–78.

[7] Георги Димитров – между възхвалата и отрицанието. Студии и статии. София, 2003.

[8] См.: *Литаврин Г.* Прошлое и настоящее Македонии в свете современных проблем // Македония: проблемы истории и культуры. М., 1999. С. 27–28.

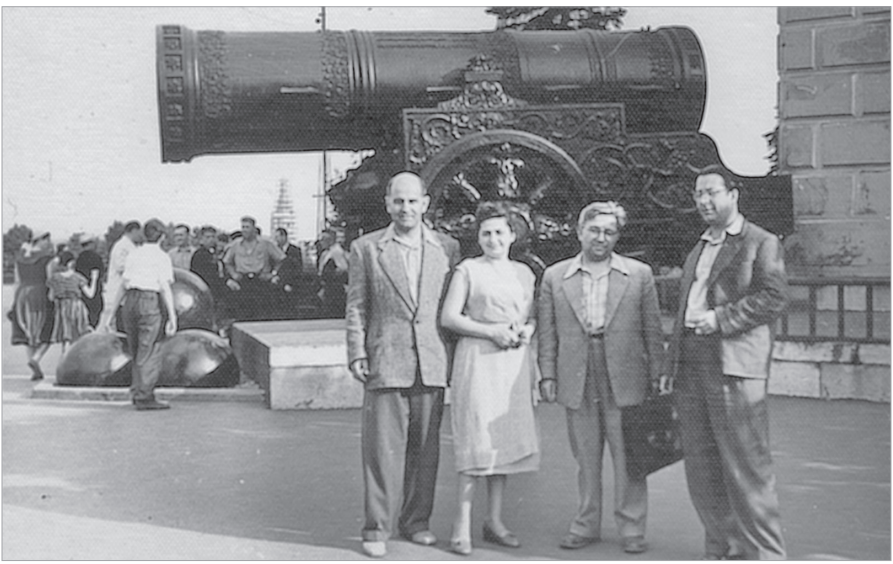
[9] *Димитров С.* Любомир Валев – равносметка и планове. С. 82.

[10] Любомир Борисович Валев (1915–1981) // Портреты историков. Время и судьбы. М., 2004. С. 204.

СЕМЬЯ ВАЛЕВЫХ В ЭМИГРАЦИИ ВО ФРАНЦИИ.
Примерно 1927 г.

ЛЮБОМИР И ЭМИЛЬ С МАТЕРЬЮ.
Москва, 1939 или 1940 г.

5-Я ГОДОВЩИНА ПРИХОДА К ВЛАСТИ ОТЕЧЕСТВЕННОГО ФРОНТА БОЛГАРИИ. В центре Л.Б. Валев и В.И. Злыднев. Институт славяноведения АН СССР. 1949 г.



В КРЕМЛЕ С И.С. ДОСТЯН, В.Д. КОРОЛЮКОМ И С БОЛГАРСКИМ ИСТОРИКОМ ЧЛ–КОРР. А. БУРМОВЫМ. 1958 Г.

НА 60-ЛЕТИИ БРАТА, Э.Б. ВАЛЕВА.

1980 г.

НА ОТДЫХЕ С СЕМЬЕЙ.
1959 г.

СЕКТОР Л.Б. ВАЛЕВА. Слева направо (стоят) В.Д. Карякин, П.И. Резонов, Л.Б. Валев, А.Я. Манусевич, М.Н. Кузьмин, Н. Богдановская, Т.П. Блинова, М.А. Бирман, (сидят) Г.М. Славин, Н.А. Шленова, В.С. Парсаданова, М.М. Сумарокова, Г.П. Мурашко. Начало 1960-х годов.

НА ПЕРВОМАЙСКОЙ ДЕМОНСТРАЦИИ.
С сотрудницами Института Е.Д. Воробьевой, Э.И. Зелениной, Е.В. Чешко и Е.И. Деминой. 1961 г.

ЗАДУШЕВНАЯ БЕСЕДА.
С.Б. Бернштейн и Л.Б. Валев. 1971 г.

НА ЗАСЕДАНИИ УЧЕНОГО СОВЕТА ИНСТИТУТА СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ.
1974 г.

В.В. Марьина*

ЛЮБОМИР БОРИСОВИЧ ВАЛЕВ: ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ НА ФОНЕ ИСТОРИИ ИНСТИТУТА И ВРЕМЕНИ

Осенью 1950 года я была зачислена в аспирантуру Института славяноведения АН СССР. Любомир Борисович к тому времени уже несколько лет являлся его сотрудником, написал и защитил кандидатскую диссертацию по истории формирования Отечественного фронта в Болгарии в годы Второй мировой войны. В 1950 году вышла книга Л.Б. Валева: «Из истории Отечественного фронта Болгарии (июль 1942 г. – сентябрь 1944 г.)». Исследование, по сути, написанное по горячим следам событий, явилось – это я поняла позже, когда сама стала заниматься историей Второй мировой войны, – настоящим подвигом ученого, лишенного возможности опираться на широкую источниковую базу. Любомиру Борисовичу, очевидно, помогло то, что во время войны он, болгарин по национальности, являлся сотрудником (в качестве диктора и редактора) действовавшей на территории СССР радиостанции болгарского движения Сопротивления «Христо Ботев». Когда я попала в Институт, то, конечно, узнала обо всем этом, но по молодости лет мало задумывалась над тем, насколько сложно писать такие работы и сколь велика возможность допустить неточность в фактах, формулировках и выводах. Как бы то ни было, но Любомир Борисович был тогда для меня мэтром, магистром, в общем, человеком, которому следует подражать. Однако мое общение с ним в ту пору оставалось «чисто шапочным»: мы занимались разными странами, он – Болгарией, я – Чехо-

* Марьина Валентина Владимировна — доктор исторических наук, главный научный сотрудник-консультант Института славяноведения РАН.

словакией. Мое время тогда было полностью поглощено сначала сдачей кандидатских экзаменов, потом сбором материала по диссертации, которая была посвящена истории Словакии в первое пятилетие (1918–1923 гг.) после ее вхождения в Чехословацкое государство. К тому же в октябре 1952 г. у меня родилась дочь, и я примерно год не могла активно работать над диссертацией. Позже я узнала, что у Любомира Борисовича в том же 1952 г., только на полгода раньше моей, появилась дочь (ныне старший научный сотрудник Института Елена Любомировна Валева). Когда я стала сотрудником Института, у нас с Любомиром Борисовичем появилась и общая, помимо науки, тема для разговоров: развитие и воспитание детей и молодежи. В своем отношении к жизни, как представляется, Любомир Борисович не был ни консерватором, ни пуританином, но думается, ему, воспитанному в строгих правилах (он вырос в семье болгарских коммунистов), пережившему войну с ее тяготами и трудностями, чужды были всякие излишества и выход за пределы того, что тогда считалось «нормой» и «правильным поведением». Помнится, он с непониманием и даже с осуждением говорил о том, что современные молодые люди предпочитают, встречаясь, вести беседы и обсуждать свои проблемы за бутылкой вина.

В марте 1955 г. я защитила кандидатскую диссертацию и была зачислена в штат Института на должность младшего научного сотрудника. За год до этого, в 1954 г., произошло разделение отдела истории Института на два сектора: славянских стран периода капитализма во главе с С.А. Никитиным и новейшей истории славянских стран во главе с Л.Б. Валевым. В этом секторе, который впоследствии неоднократно менял свое название, я и оказалась, проработав под руководством Любомира Борисовича вплоть до его ухода из жизни в 1981 г. К моему великому сожалению, не могу вспомнить, сколько человек и кто именно работал в секторе в момент его создания. Но важно подчеркнуть, что за изучение новейшей истории стран региона взялись молодые люди, только начинавшие постигать трудное ремесло исследователя и шедшие в буквальном смысле по «горячим следам» событий. Следует учитывать чрезвычайную ограниченность источниковой базы, которой они тогда располагали. В начальные годы Института основ-

ной упор делался на индивидуальные исследования конкретных вопросов военной и послевоенной истории зарубежных славянских стран. Среди первых была и уже упомянутая выше работа Л.Б. Валева об Отечественном фронте в Болгарии, кстати, вышедшая затем в Венгрии, ГДР и Чехословакии. Эта работа важна и тем, что положила начало изучению проблематики народных и национальных фронтов, ставшей традиционной для исследователей новейшей истории зарубежных славянских стран. В СССР тогда мало что было известно об их истории вообще. Поэтому перед коллективом Института была поставлена задача ознакомить советского читателя с этой историей с древнейших времен до современности. И уже в середине 1950-х годов вышел в свет двухтомник «История Болгарии» под редакцией тогдашнего директора Института академика П.Н. Третьякова, д.и.н. С.А. Никитина и к.и.н. Л.Б. Валева. Советский читатель получил также двухтомник по истории Польши (до 1939 г.). Как подготовительный этап к изданию коллективных трудов можно рассматривать публикацию сборников статей о строительстве социализма в Болгарии (одним из его редакторов являлся Л.Б. Валев), Польше и Чехословакии.

В это время Институт размещался в старинном дворянском особняке на Кропоткинской улице, 12/2 (ныне Пречистенка), построенном в начале XIX века. Вход в здание с белыми колоннами по фасаду, лепным декором и просторными террасами был с Хрущевского переулка. Широкая каменная лестница вела на второй этаж, где находилось несколько просторных комнат (залов), в которых размещались читальный зал, зал для заседаний и общих собраний (и застолий) коллектива Института, довольно скромный кабинет директора, а также огромный холл. Здесь стояли диваны, на которых в свободное от заседаний время обсуждались разные, подчас далекие от науки, вопросы. Здесь же проводились прекрасные детские елки. На них приглашались дети и внуки сотрудников Института, всегда получавшие подарки из рук Деда Мороза, которого изображал кто-то из сотрудников Института. Коллектив был сравнительно небольшой, все знали друг друга, радовались успехам товарищей и огорчались неудачами. Помню, с какой радостью приветствовали и поздравляли меня коллеги после защиты мною диссертации: я защищалась 7 марта, а 8 марта весь кол-

лектив, собравшись за столом в общем зале заседаний, отмечал Международный женский день. Помимо больших помещений в особняке было множество комнаток и клетушек. В них-то и размещались научные подразделения Института. В одной из таких, насколько мне помнится, темных комнатушек, недалеко от директорского кабинета располагался и сектор Любомира Борисовича. Но мы собирались там только раз или два в неделю для решения каких-то вопросов и обсуждения работ. В 1957 г. было принято решение о передаче особняка, в котором размещался Институт, под музей А.С. Пушкина. Здание отремонтировали, реконструировали, привели в надлежащий вид, и в 1961 г. там был открыт литературный музей А.С. Пушкина, который с успехом работает и до сего времени. А Институту пришлось срочно перебазироваться на новое место, в Трубниковский переулок, дом 30а. Здесь тоже был особняк, но поменьше и похуже. Сколько я помню, Институт постоянно боролся с многочисленными комиссиями, которые требовали его выселения из этого здания, поскольку оно вот-вот де должно рухнуть. Но после того, как мы его, в конце концов, покинули, особняк был отлично отремонтирован и передан какому-то учреждению: уж больно прекрасное место в центре Москвы занимал этот дом.

В «Трубниках» сектор Любомира Борисовича занял две небольшие комнатки, сразу налево от входа в Институт, гардероба и огромного зеркала, радовавшего женскую часть коллектива. В первой комнате, проходной и размером побольше, размещались столы сотрудников сектора. Вторая, поменьше, являлась кабинетом заведующего. Здесь находились его стол – позже в углу и небольшой стол ученого секретаря – и шкафы с секторским «бумажным имуществом». Как проходило переселение и обживание нового места я не знаю, поскольку в 1957 г. родила второго ребенка и примерно на год выбыла из «рабочей колеи». Когда я снова приступила к работе, в секторе полным ходом велась работа над третьим томом истории Чехословакии и двухтомником по истории Югославии, редакторами которого являлись Л.Б. Валев и Г.М. Славин. Обоих ученых, по моим наблюдениям, очень сблизила работа над указанным двухтомником. Кроме того, они были примерно одного возраста: Григорий Моисеевич Славин родился в 1917 г. По-доб-

рому вспоминаю этого человека. Он был участником Великой Отечественной войны, в 1942 г. был ранен, потерял ногу и ходил на костылях. Проходил курс лечения и реабилитации в Свердловске, где, выписавшись из госпиталя, работал некоторое время в газете «Уральский рабочий». Обладая некоторым поэтическим даром, Григорий Моисеевич опубликовал несколько стихотворений на военные темы. К одному из них написал музыку композитор А.И. Хачатурян. Песня «Уралочка» в исполнении известного певца Г. Виноградова зазвучала на всю страну и стала очень популярной. Ее и сейчас, когда вспоминают песни военных лет, некоторые исполнители включают в свой репертуар. Не знаю, имел ли Григорий Моисеевич историческое образование, не знаю и того, почему он занялся историей Югославии. Но в 1957 г. он появился в секторе Любомира Борисовича и вместе с ним занялся подготовкой указанного двухтомника. Они относились друг к другу с большой симпатией и как-то по-особому трогательно-уважительно. Я, с начала 1960-х годов ученый секретарь сектора, это наблюдала во время совместных с ними частых «поездок» на обед в московский Дом ученых на Кропоткинской (Пречистенке), 16. Дело в том, что у Григория Моисеевича как инвалида войны была автомашина со специальным управлением. А Любомир Борисович был членом Дома ученых и имел пропуск, без которого попасть туда было не так-то просто. Но нас пропускали всех троих: меня, как «даму», Любомира Борисовича как владельца пропуска, а Григория Моисеевича как человека на костылях. Обеды были комплексные, но хорошие и с обязательным тогда компотом из сухофруктов на третье. Сохранилось воспоминание: Любомир Борисович пьет компот с хлебом. На мой вопрос, почему? отвечает: эта привычка осталась со времени войны. И я, проведшая все годы войны в Москве, прекрасно понимала его: хлеб (800 грамм рабочим, 500 – служащим, 250 – иждивенцам и 200 – детям в день) выдавали по карточкам, да и то не всегда. Потеря карточек была катастрофой.

Война оставила неизгладимый след не только в жизни, но и в научной деятельности тех, кто ее пережил, в том числе Г.М. Славина и Л.Б. Валева. В конце 1950-х – начале 1960-х годов оба работали над индивидуальными монографиями по военной проблематике. Григорий Моисеевич написал кни-

гу об освободительной борьбе народов Югославии, а в 1964 г. вышла в свет книга Любомира Борисовича «Болгарский народ в борьбе против фашизма (накануне и в начальный период Второй мировой войны)», которую в 1965 г. он защитил как докторскую диссертацию. Это была одна из немногих, а может и единственная тогда книга, посвященная чрезвычайно сложному периоду кануна и начала Второй мировой войны, написанная к тому же на материале одной из славянских стран. Автор, опиравшийся на богатые архивные источники и опубликованные документы, затронул в ней множество самых разнообразных вопросов, увязав их между собой и показав взаимовлияние: состояние болгарской экономики, внутри- и внешнеполитическое положение страны, расстановку политических сил и ее эволюцию, настроения в обществе, проникновение в страну германского капитала и ее военно-политическое подчинение гитлеровской Германии и др. Я была свидетелем такой сцены: в кабинет Л.Б. Валева с его книгой в руках вошел сотрудник Института известный историк-международник Владимир Михайлович Турок-Попов. Перебирая четки, которые он всегда держал в руках, и, глядя смеющимися глазами на Любомира Борисовича, поднявшегося ему навстречу, Владимир Михайлович воскликнул (примерно так): «Этот бандит даже не подозревает, какую прекрасную книгу он написал!» Незадолго до этого (в 1962 г.) сам Турок-Попов опубликовал книгу «Очерки истории Австрии. 1920–1938 гг.», и его похвала многого стоила. Надо заметить, что «бандит» в устах Владимира Михайловича звучало как высшая похвала, этим необычным термином он, человек с большим юмором, называл всех талантливых исследователей, работы которых производили на него впечатление.

Военная проблематика всегда оставалась актуальной для сектора Любомира Борисовича, но наступили другие времена, которые требовали продвижения исследований вверх по хронологической лестнице, их приближения ко дню сегодняшнему. В 1961 г. состоялось Всесоюзное координационное совещание по актуальным проблемам славяноведения. Большую роль в его организации и проведении сыграл тогдашний директор нашего Института Иван Иванович Удальцов. Были определены основные направления в области славяноведения и намечены

для разработки первоочередные проблемы. Среди них – послевоенные революционные преобразования и социалистическое строительство в славянских странах. В связи с этим название сектора, возглавляемого Л.Б. Валевым, изменилось. Он стал называться Сектор зарубежных славянских народов в эпоху строительства социализма. Хронологически охватывался период от начала Второй мировой войны до современности. Стали задумываться коллективные труды по указанной проблематике. И в 1963 г. при деятельном участии И.И. Удальцова были разработаны проспекты двух таких обобщающих трудов: народно-демократические и социалистические революции в зарубежных славянских странах и строительство основ социализма в них. К написанию второго предполагалось привлечь, помимо сотрудников Института, и специалистов из других учреждений (впоследствии это очень осложнило работу). В конце концов, книги были написаны, отредактированы и их макеты отправлены, как тогда говорилось, в «инстанции», т.е. в международный отдел ЦК КПСС, для «одобрения» и разрешения публикации. Но такового не последовало, хотя никаких существенных замечаний не высказывалось. Дело, по всей видимости, было в том, что в этот период в советской исторической науке наметилась некоторая тенденция к уточнению (не пересмотру) существовавших оценок, касавшихся строительства основ социализма в СССР: индустриализации, коллективизации сельского хозяйства, характеристики российского рабочего класса и т.д. Думается, отголоски этих тенденций рецензенты из «инстанций» уловили и в наших работах. Без всяких веских оснований разрешение на их публикацию Институт не получил, что очень огорчило Л.Б. Валева как руководителя сектора, готовившего указанные труды, и человека, приложившего немало сил к тому, чтобы они увидели свет. «Мнение» о нецелесообразности публикации исследований, на которые сектор потратил не менее пяти лет, фактически означало оценку его работы как неудовлетворительной. Но ведь в действительности это было не так, что понимала и дирекция Института. И тогда был придуман хитроумный ход: в отчетах данные работы стали именоваться как «закрытый труд Института».

Но изучение указанной тематики на этом не завершилось, наоборот, был как бы дан импульс к ее разработке в форме

индивидуальных монографий. Тогда, в частности, была подготовлена и книга В.В. Марьиной и Г.П. Мурашко «Путь чехословацкого крестьянства к социализму. 1948–1960 гг. (М., 1972). Она была написана на основании архивных материалов ЧСР, опубликованных немногочисленных документов и вышедшей во второй половине 1960-х годов, то есть в период подготовки «Пражской весны», чехословацкой литературы (она в это время уже в некоторых вопросах начала отходить от советских оценок). Монографию обсудил и одобрил сектор, который рекомендовал ее к печати. Но ее выход в свет проходил не гладко. В издательстве «Наука», опасавшемся как бы чего не вышло, тянули время, отдавали на дополнительное рецензирование, требовали изменить формулировки и уточнить оценки, упрекали в недостаточном использовании «марксистской теории» и т.д. Любомир Борисович очень сочувствовал нам, утешал и ободрял. В конце концов, книга, несколько «подправленная», вышла из печати. Пока мы с Галиной Павловной бегали по коридорам издательства «Наука», доказывая свою правоту, и стучались в двери кабинетов «инстанций» в надежде на поддержку (и, в конце концов, мы ее получили), Г.М. Славин написал очень смешную «балладу» о наших страданиях и перипетиях выхода в свет книги, где, как помнится, говорилось о том, что нам рекомендовалось «простирнуть рукопись в двух водах со стиральным порошком».

В 1970-е годы в рамках двустороннего международного сотрудничества началось издание документов о советско-болгарских, советско-польских, советско-чехословацких отношениях. Работа над этими фундаментальными многотомными публикациями, имевшими большую научную и политическую значимость, шла многие годы. Концепция публикаций была рассчитана в первую очередь на то, чтобы выявить все положительное во взаимоотношениях советского и зарубежных славянских народов. Любомир Борисович отдал много внимания и сил изданию трех томов документов и материалов по истории советско-болгарских отношений с 1917 по 1969 гг., которые вышли в 1976, 1981 и 1987 годах (два последних уже после его ухода из жизни). Но интерес к истории военных лет в творчестве Любомира Борисовича не ослабевал. Например, в 1973 г. в соавторстве с В.В. Марьиной и Г.М. Славиным

он выступил с докладом «Всеславянский комитет и освободительное движение славянских народов в период Второй мировой войны» на VII Международном съезде славистов. В конце 1970-х годов сектор приступил к работе над коллективной монографией «Народные и национальные фронты в антифашистской освободительной борьбе и революциях 40-х годов». Любомир Борисович являлся членом редколлегии монографии и одним из ее авторов. Проблема рассматривалась на материале стран Центральной и Юго-Восточной Европы. Этот регион в 1970-е годы стал объектом научного интереса Института, который в 1968 г. был переименован в Институт славяноведения и балканистики АН СССР. Книга имела проблемно-страноведческую структуру и охватывала как вопросы политической истории, так и становление новых социально-экономических отношений в каждой из стран региона. Перу Любомира Борисовича принадлежала вторая глава первой части книги. В ней рассматривалась борьба коммунистических партий за создание рабочих, широких народных и национальных антифашистских фронтов с конца 1935 г. до середины 1941 г. Завершалась работа над монографией уже после ухода из жизни Любомира Борисовича. Она вышла в 1985 году.

И еще один маленький штрих к портрету человека, с которым я проработала бок о бок более двух десятков лет. Как-то я заметила, что Любомир Борисович бьется над развязыванием узла бечевки, которой было завязано полученное им почтовое отправление. Процесс затягивался. И я спросила: Не лучше ли разрезать бечевку? Любомир Борисович ответил, что предпочитает распутывать узлы, а не резать (рубить) их. Это был очень символичный ответ: он никогда, насколько я помню, не рубил с плеча, не делал сгоряча, а всегда пытался рассмотреть ситуацию со всех сторон, а потом уж принимал решение. Думается, что эта черта характера свойственна терпеливым, настойчивым, вдумчивым, целеустремленным, умеющим ладить с окружающими людям. Может быть, это субъективное впечатление, но таким Любомир Борисович виделся и запомнился мне.

Г.П. Мурашко*

ВСПОМИНАЯ УЧИТЕЛЯ И НАСТАВНИКА...

В 1957 г., отработав после окончания МГУ положенный по распределению срок в двух средних школах (сначала в Белоруссии на станции Громы, а потом в Подмосковье), я пришла в Институт славяноведения АН СССР, с надеждой перевестись из заочной аспирантуры Института на очное обучение. (Заочницей я стала еще в 1954 г. по рекомендации кафедры истории южных и западных славян МГУ). Именно тогда, в сентябре 1957 г., и состоялось знакомство «сельской учительницы» с Любомиром Борисовичем Валевым, возглавлявшим сектор новейшей истории славянских стран. Из нашей первой встречи запомнила только его внимательный взгляд и вопросы о том, в каких архивах и библиотеках Москвы я работала над дипломом, а также где намерена изучать документальные материалы по проблеме рабочего движения в Чехословакии в 20-е годы XX в. Эта тема, как и история компартий, была очень популярна в студенческой среде первых послевоенных лет...

С тех пор прошло уже более 50 лет, из которых первые 28 я проработала «под крылом» Любомира Борисовича. Проходя в Инславе путь от аспирантки до доктора исторических наук, я всегда твердо знала, что в любой сложной ситуации смогу получить от него мудрый совет и поддержку.

Отношения Л.Б. Валева с секторской и институтской молодежью пятидесятых – шестидесятых годов никогда не были формальными или прохладно-вежливыми. Любомир Борисоивич заинтересованно входил в курс дела, если речь шла о науч-

---

* Мурашко Галина Павловна – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН.

ной стороне вопроса, всегда был готов дать совет, проконсультировать начинающего исследователя. А мы, тогда молодые, платили ему искренним уважением и искренней теплотой. В этом отношении весьма показателен один эпизод, прочно вошедший в коллективную институтскую память.

В 1965 г. на заседании Ученого совета Института отмечалось пятидесятилетие Любомира Борисовича. Был заслушан доклад о его научной деятельности, много говорилось и об успехах руководимого им сектора. Совершенно неожиданно директору Ивану Александровичу Хренову, председательствовавшему на заседании Ученого совета, подали из зала записку. Прочитав ее, он несколько обескураженно объявил: «Товарищи, здесь вот мне сообщили, что Любомира Борисовича пришли приветствовать пионеры из соседней школы». Действительно, за дверью слышалось негромкая барабанная дробь и детское верещание. «Давайте послушаем пионеров», – предложил И.А. Хренов. И в зал торжественным маршем вошли три «пионера» в красных галстуках – «юный барабанщик» Леонид Янович Гибианский, ритмично постукивавший палочками по детскому барабанчику, Ритта Петровна Гришина и Галина Павловна Мурашко. Пройдя под барабанный бой к столу президиума, подняв руки в пионерском салюте, вся троица хором отрапортовала:

«За то, что мудр, что любит мир
и не бывает лютым,
мы Вас, товарищ Любомир,
придя сюда, на этот пир,
приветствуем салютом!»

И вот сегодня, вспоминая Любомира Борисовича, думаю, что в этом незатейливом приветствии, автором которого был Г.М. Славин, и была тогда раскрыта вся человеческая сущность нашего руководителя. Он был воистину мудрым лидером нашего научного коллектива, ибо умел объединить и направить в единое русло творческую энергию очень разных как по характеру и возрасту, так и по квалификации сотрудников отдела, нацелить их на решение именно тех проблем, которые открывали перспективы для научного и творческого роста

каждого. При этом нельзя не вспомнить, что на протяжении всех лет его руководства сектором внутри коллектива постоянно сохранялась общая атмосфера доброжелательности, взаимопомощи и поддержки.

Я часто размышляла над этим феноменом много лет спустя, и сегодня могу уверенно сказать, что, возглавляя сектор, Любомир Борисович всегда твердо придерживался нескольких принципиальных правил, которые я бы даже назвала «законами Л.Б. Валева». Для нас, его сотрудников, по значимости они не уступали законам Ньютона. Попытаюсь их сформулировать...

Итак, закон № 1. Сотрудник сектора, создавший свой «научный шедевр» (независимо от того, была ли это статья, раздел диссертации или монографии), должен был обсудить свое произведение на заседании научного коллектива. Именно такие обсуждения, проводимые под руководством Любомира Борисовича, для молодых специалистов, как показывает мой личный опыт участия в них, становились своего рода наглядной формой обучения молодых исследователей навыкам научной работы с различного рода документами: прессой, статистикой, архивными документами. В то же время это были и весьма поучительные практические уроки поиска возможностей обеспечения научной базы для тех из нас, кто вступал в науку в 50–60 гг. XX в. Именно на таких обсуждениях мы узнавали от старших коллег, что в библиотеке Академии Общественных Наук можно получить для изучения прессу отнюдь не только коммунистическую, как в «Ленинке», но и других политических партий и ориентаций, что в ЦГАОРе (единственном в 1950-е годы доступном исследователям архиве, где сохранялись материалы и по новейшей истории) имеются богатые статистические материалы о состоянии экономики стран Центральной и Юго-Восточной Европы в межвоенный период, и т. д.

Поэтому неудивительно, что к обсуждениям работ на секторе мы – аспиранты и младшие научные сотрудники – относились очень серьезно. Это были для меня лично уроки, сравнимые, как теперь говорят, с «мастер-классами». Я уходила после каждого обсуждения с желанием поскорее засесть за работу, выполнить те задачи, которые в своем заключении всегда очень четко формулировал Любомир Борисович.

Закон Валева № 2. Каждый сотрудник был обязан участвовать в коллективных трудах в соответствии со своей специализацией и квалификацией, чтобы повседневно чувствовать свою связь с коллективом и ответственность за порученную ему работу.

Первое поручение, которое я получила, придя в сектор после завершения аспирантуры, от ученого секретаря Нины Алексеевны Шленовой, – включиться в вычитку корректуры коллективного труда «История Чехословакии», выходившего в издательстве «Наука». Работа шла «срочно», все богемисты сектора, а также свободные от срочных заданий младшие научные сотрудники трудились в режиме «аврала» под строгим надзором редактора издательства Н.П. Бобрика. Потом, когда книга уже увидела свет и получила высокую оценку в разных инстанциях, мы все, переведя дух, спели в очередном институтском «капустнике» куплеты от имени Николая Петровича с указаниями «мастерам» считки и вычитки научных работ «на странице опечаток оставлять не больше трех». Сейчас, спустя много лет, я вспоминаю тот азарт и задор, с каким мы, еще только вступавшие на стезю науки, делали эту нудную работу («верстка», «сверка», «чистые листы» и наконец «сигнал»!), лишь бы скорее подержать в руках только что выпущенную книгу.

Закон Валева № 3. Все сложности и коллизии, возникающие в производственной работе того или иного сотрудника, решались только при непосредственном участии руководителя сектора. За те 28 лет, что я проработала в секторе Любомира Борисовича, у меня складывались порой весьма сложные производственные ситуации, выход из которых мог найти только он, с его душевной мудростью, рассудительностью, выдержкой, всегда присущим ему тактом и желанием помочь людям. В качестве примера приведу один эпизод, характеризующий Любомира Борисовича как руководителя и человека.

В начале 1960-х годов в секторе подошли к защите кандидатских диссертаций два разных по научному весу и опыту работы специалиста по истории Чехословакии. Ян Богумирович Шмераль завершал работу по периоду народной демократии в Чехословакии. Я заканчивала свое (несколько затянувшееся после аспирантуры) исследование по рабочему движению в Чехословакии в годы послевоенного экономического кри-

зиса 1921–1923 гг. Ничто, казалось, не предвещало каких-либо осложнений, как вдруг Ян заявил на секторе о своем намерении изменить тему диссертации в связи с тем, что в Чехословакии вышла весьма интересная, неординарная работа историка Ярослава Опата, написанная на ранее не известных документах и дающая совершенно новую трактовку периода 1945–1948 гг. В сложившейся ситуации Ян полагал, что ему следует заняться 20-ми годами XX века, поскольку у него имеются наработки по этому периоду истории компартии Чехословакии, используя которые он с успехом может защитить диссертацию. Естественно, такое намерение Яна меня весьма обеспокоило. Я прекрасно понимала, что мне трудно с ним тягаться как по опыту работы, так и по накопленному материалу и способностям к анализу событий. К тому же расклад сил осложнялся тем, что я только что вышла из декретного отпуска, сдав годовалого сына в ясли. В той ситуации, как я ее понимала, на моей диссертации оставалось только «поставить крест». С этой своей проблемой я в полной панике и отчаянии пришла к Любомиру Борисовичу.

Мудрость и доброжелательность его поразили меня: он взял на себя сложную задачу переговоров с Яном и урегулирования той, как мне казалось практически неразрешимой проблемы. Итог: он предложил Яну защищать диссертацию на основе разработок, проведенных им в ходе написания разделов, опубликованных в уже упомянутом выше томе «Истории Чехословакии». Такое решение привело к тому, что мы с Яном защищались почти одновременно, а он потом на основе своей диссертации создал очень интересную, насыщенную новым фактическим материалом книгу о рождении Чехословацкого государства в 1918 г.

Я свою диссертацию доводить до стадии книги не стала. Основное ее содержание было опубликовано, как необходимое условие защиты, в «Ученых записках Института славяноведения». Кроме того, наступали новые времена...

Закон Валева № 4. Руководя научным коллективом и определяя тематику исследований, прежде всего следует сосредоточить внимание на ее обеспечении источниками и документами и, опираясь на этот научный фундамент, отстаивать свою позицию до победного конца.

Позволю себе привести пример того, как этот важнейший в научной работе принцип был усвоен в нашем, «валевском», секторе. В 1960 г. директором Института стал И.И. Удальцов, человек весьма энергичный, с научными амбициями и безусловными организаторскими способностями. С его приходом началась бурная структурная перестройка Института – создание новых научных подразделений, уточнение проблематики, актуализация тем исследований каждого из сотрудников. Коснулись эти новации и меня, и других младших и старших научных сотрудников, перед которыми дирекция прямо поставила вопрос о необходимости актуализации исследуемых проблем. В частности мне, новоиспеченному кандидату исторических наук, и В.В. Марьиной, которая защитилась существенно раньше меня, но, так же, как и я, находилась в момент реорганизации Института на распутье, И.И Удальцов в личной беседе предложил совместно заняться весьма актуальной темой – социалистической перестройкой сельского хозяйства в Чехословакии. Сектор, руководимый Л.Б. Валевым, должен был по замыслам нового руководства Института приступить к изучению проблем социалистического строительства в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. Старшему научному сотруднику Н.А. Шленовой предстояло заняться историей рабочего класса в Чехословакии после установления в стране диктатуры пролетариата. Она, умудренная опытом, предпочла перейти в формируемый тогда новый Институт истории международного рабочего движения.

Мне с «колокольни» младшего научного сотрудника трудно было судить, в какой мере эти структурные перемены и предложения согласовывались с Любомиром Борисовичем и какова была его позиция. Нас с В.В. Марьиной в предложении директора привлекало, безусловно, то, что под новую тему предполагалась обязательная научная командировка в Чехословакию. Действительно, командировки мы получили: в 1963 г. поехала в Братиславу В.В. Марьина, в 1964 г. и я отправилась в Прагу, где удалось установить прочные рабочие контакты с ведущими историками-аграрниками и экономистами, такими как А. Вацлаву, К. Ех, В. Ганзел, И. Таубер. Материалов во время командировок мы с Валей набрали очень интересных и нужных. В Москве встретили взаимопонимание коллег из

Института отечественной истории, где к этому времени под руководством известного историка-аграрника В.П. Данилова уже работала целая группа исследователей истории коллективизации. С ними мы стали активно сотрудничать, выходя с научными докладами на конференции, проводившиеся в Москве и Таллине, где также активно изучались вопросы истории крестьянства и существовала сильная школа исследователей-аграрников во главе с Э. Лааси. На одной из таких конференций мы познакомились и с Т.А. Покивайловой, работавшей по аграрным проблемам Румынии.

Время шло, работа наша приближалась к завершению. В конце 1965 г. в одной из телевизионных передач В.П. Данилов представил зрителям сигнал книги по истории коллективизации в СССР. Я стала исправно бегать по книжным магазинам, чтобы купить эту работу и отправить коллегам в Прагу. Они, зная работы Виктора Петровича по истории российской деревни, с нетерпением ждали выхода книги. Вдруг, как гром среди ясного неба, в рядах историков-аграрников прошел слух, что набор книги, подготовленной коллективом под руководством В.П. Данилова, уже после выхода сигнального экземпляра был по указанию «сверху» рассыпан в издательстве «Наука»... «по идеологическим соображениям».

Для нас с В.В. Марьиной это был шок! Что делать? Куда бежать? Где искать защиту и поддержку? И.И. Удальцов – инициатор идеи – уже далеко, на дипломатической работе в Праге, в качестве советника посланника. А нам со своей завершенной рукописью предстояло идти в издательство «Наука» к Н.П. Бобрику... Мы понимали, что его вряд ли смогут убедить положительные рецензии на рукопись, полученные в 1966 г. в международном Отделе ЦК КПСС за подписью референтов, курирующих Чехословакию...

Я отправилась с «дипломатическим визитом» к Яну Шмералю посоветоваться, что же все-таки нам делать с рукописью? Работая в Институте международного рабочего движения, он, как мне казалось, располагал большей информацией о ситуации на идеологическом фронте. Как выяснилось, он смотрел на перспективы в сфере идеологии весьма мрачно и бросил как бы мимоходом такую фразу: «Смотрите, девчонки, как бы вам не положить партбилеты на стол из-за вашей рукописи».

Потом, подумав, спросил: «А у Любомудра вы были? Сходите, поговорите...».

Вот в такой, как мне казалось, безвыходной ситуации, после очередного раунда бесплодных переговоров с издательским редактором, мы с В.В. Марьиной предстали перед Любомиром Борисовичем с вопросом: «Что же нам теперь делать?» Рукопись или «зарежут» по заказу издательства рецензенты, или ее, набрав и помучив авторов, рассыплют, как книгу В.П. Данилова. Про замечание Шмераля насчет партбилетов мы промолчали. И наш мудрый руководитель после некоторого молчания произнес фразу, которую я никогда не забуду: «Хорошо бы получить рецензию на рукопись в Праге». Это было сказано, когда уже к концу подходил 1967 год. Но для нас это был реальный четко сформулированный практический совет, который давал шанс на спасение нашего коллективного детища. Отступать и отказываться от публикации мы не собирались. Будем бороться до конца!

Дальше был трудный 1968 год... Но, несмотря ни на что, 28 октября 1969 г. мы с В.В. Марьиной стояли на Главном вокзале Праги, ожидая представителя Института истории ЧСАН, который должен был нас встречать. Однако он не появился, и мы, пройдя пешком через всю Прагу, свалились на голову И.И. Удальцова, подойдя к воротам посольства как раз в тот момент, когда он выезжал на машине. Мне кажется, он онемел, увидев нас. Дальше все было как в кино: в Институте истории КПЧ, который тогда возглавлял Милош Гаек, один из активных коммунистов-реформаторов Праги, собрались чешские историки-аграрники для обсуждения нашей работы. Сейчас я уже не помню, какие конкретные замечания они нам делали, но было единогласно записано в протоколе: книгу нужно обязательно публиковать. Более того, на том же собрании у чешских коллег родилась идея издать перевод нашей рукописи на словацком языке в Братиславе на базе Института истории компартии Словакии. Что, собственно, и было сделано в 1971 году.

В Братиславе книга вышла под названием «Распаханные межи» в полном объеме (22 а.л.) и, что важно, – безо всяких купюр. В Москве она появилась годом позже в сильно урезанном виде (17 а.л.) с громким названием «Путь чехословацкого крестьянства к социализму». При этом весь интересный фактичес-

кий материал об острой классовой борьбе в чехословацкой деревне был снят и заменен прилизанными газетными фразами. За проделанную работу издательский редактор Т. Иванова получила повышение – стала секретарем РК КПСС по идеологии.

Вспоминая это очень трудное для нас с В.В. Марьиной время, я думаю, что если бы не твердая убежденность Любомира Борисовича в необходимости нашей поездки в Прагу для спасения книги, мы бы не выдержали нажима издательских редакторов, беспощадно кромсавших текст, и, возможно, отказались бы от ее издания. Но он дал нам хороший наглядный урок, как нужно до конца защищать и отстаивать свои позиции. В это очень трудное время мы постоянно чувствовали поддержку Л.Б. Валева и всего нашего сектора. Этот урок я запомнила на всю жизнь.

Спустя двадцать лет, когда в России развернулась «архивная революция», когда открылись фонды архивов, ранее недоступные для исследователей, когда с нами уже не было Любомира Борисовича, мы, его ученики, приняли самое активное участие в публикации новых документов. За последние 15 лет, пока продолжался процесс открытия «секретных фондов», мы подготовили и издали три капитальные двухтомные публикации документов из коллекций ведущих российских архивов, а также пять тематических сборников документов, освещающих различные аспекты международной политики и межгосударственных отношений в регионе Центральной и Юго-Восточной Европы после Второй мировой войны. Думается, что эти публикации – свидетельство того, что уроки нашего учителя Л.Б. Валева усвоены нами твердо, и мы, пока можем, будем продолжать столь любимое им дело – открывать новые, неизвестные страницы истории.

Э.Г. Задорожнюк*

ПАМЯТЬ БЛАГОДАРНАЯ

Авторов настоящего сборника, посвященного Любомиру Борисовичу Валеву, отличает различная степень причастности к нему, различная, так сказать, степень «родства» с ним. Это и прямое родство: продолжатель традиций семейства Валевых – Е.Л. Валева, и «родство» косвенное: ученики и аспиранты Любомира Борисовича, а также те, кто и работал в его секторе, и принимал активное участие в коллективных трудах под его непосредственным руководством; это и «родство» дальнее – зарубежные ученые.

Но всех нас объединяет одно – память о Любомире Борисовиче Валеве. Память, как известно, бывает разной – доброй, светлой, вечной. С Любомиром Борисовичем сопрягаются абсолютно все позитивные категории памяти, но из этого ряда хотелось бы особо выделить главную из них – память благодарную.

Благодарная память о Любомире Борисовиче Валеве – так, наверное, можно назвать воспоминания о нем. Это пока еще не совсем освоенный мною жанр, но хотелось бы надеяться, что и эти воспоминания прибавят какие-то новые штрихи, новые детали к его портрету.

Мое знакомство с Любомиром Борисовичем (или, если можно так сказать, приближение к нему) было заочным. Оно относится еще к студенческим годам (1964–1969), к учебе на кафедре истории южных и западных славян Исторического факультета МГУ: бросилась в глаза и поселилась в памяти не

---

* Задорожнюк Элла Григорьевна – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН.

совсем обычная фамилия – Валев – на одной из книг в ФБОН, когда мы, студенты, готовились к очередным то ли зачетам, то ли экзаменам. Продолжилось это заочное знакомство с Любомиром Борисовичем благодаря другому замечательному ученому – Александру Яковлевичу Манусевичу.

А дело было так. В конце третьего курса, наверное, в мае – июне 1967 г., богемистам и полонистам кафедры объявили, что осенью нам – студентам уже четвертого курса – спецкурс по новейшей истории Польши прочтет ученый из Академии наук, доктор исторических наук, сотрудник Института славяноведения. Помню, что слова – Академия наук, Институт славяноведения – произвели не только неизгладимое впечатление, но и возвысили нас, студентов, в наших собственных глазах.

И вот октябрь 1967 года. Улица Герцена, 5, второй этаж старого здания Истфака, кафедра славян, и мы в ожидании обещанного спецкурса.

Небольшое отступление. Нужно обратить внимание на дату. Что такое осень 1967 года? Это – полгода до начала Пражской весны и менее года до ее подавления. Но пока что мы, студенты 4-го курса, ничего этого еще не знаем. Есть только смутное ощущение некоторого веяния либерализации, яркой демонстрацией которой стал, по крайней мере для нас, спецкурс Манусевича. Его лекции поразили и, даже можно сказать, сразили нас. Неизгладимое впечатление производило глубочайшее знание предмета. Надо сказать, что незадолго до этого, в 1965 г., вышла в свет книга «Очерки истории Народной Польши», соавтором и одним из редакторов которой был Александр Яковлевич. И он, видимо, на волне либерализма (чехословацкого, в том числе), говорил не только непосредственно о самих польских сюжетах, а детально, шаг за шагом, раскрывал «кухню» подготовки этого труда. Ему удавалось искусно вплетать в ткань современной польской истории острые дискуссии, которые велись в его Институте в ходе работы над книгой. Темпераментно и артистично Александр Яковлевич рассказывал, какие сюжеты и почему не вошли в издание, какие споры и даже «баталии» приходилось вести с польскими историками во время встреч в Варшаве и т.д. Мы слушали, затаив дыхание, а в умах вертелось одно – вон оно что. Так вот она какая, эта Академия наук, вот она какая – академическая наука!

Александр Яковлевич рассказывал нам и о своем Институте, о его сотрудниках – уже известных ученых. Именно тогда, в числе других, прозвучала и фамилия – Валев. Подумалось – снова этот уже «встречавшийся» мною ранее и успевший стать «знакомым» ученый. А мудрый Александр Яковлевич внушал нам, что не следует ограничиваться учебниками, нужно расширять свой кругозор и активно пропагандировал труды своего Института. Уже позднее, работая над дипломной работой по истории Чехословакии 1945–1948 гг., я, следуя его наставлениям, сравнивала чехословацкие сюжеты с аналогичными периодами в истории других стран, в том числе и Болгарии. И тогда снова и снова встречалась фамилия – Валев: это и вышедший в 1955 году второй том «Истории Болгарии», одним из авторов которого был Любомир Борисович, или, скажем, учебное пособие по историографии для студентов «Историография новой и новейшей истории стран Европы и Америки» (М., 1968), соавтором которого он являлся, а также и другие его труды, и труды коллег по возглавлявшемуся им сектору.

Следующий этап приближения к Любомиру Борисовичу – это уже очное знакомство. В то, что когда-нибудь оно может произойти, верилось с трудом, вернее, не верилось вообще. В частности, еще и потому, что именно А.Я. Манусевич своими блистательными знаниями, своей манерой общения, рассказами об издававшихся трудах возвел академический Институт и работавших в нем ученых на такой пьедестал, что соотносить себя, студентку-дипломницу, с академической средой представлялось просто нереальным. Поэтому полученная рекомендация в очную аспирантуру Института славяноведения АН СССР воспринималась тогда как чудо; наверное, это можно сравнить с чувствами, которые испытывают космонавты перед первым полетом в космос.

Но в меня верила кафедра – в первую очередь, мой научный руководитель Бася Менделевна Руколь, Ирина Михайловна Белявская (мой оппонент на защите дипломной работы, очень высоко ее оценившая), заведующий кафедрой Иван Александрович Воронков. Их уже давно нет на этом свете, но светлую память и о них я храню всегда.

И вот, наконец, Трубниковский переулок, дом 30а, здание Института славяноведения, порог которого я впервые пере-

шагнула летом 1969 года. Вспоминаю экзамены в аспирантуру и связанные с этим волнения; своих первых наставников в Институте – заведующую аспирантурой Анну Ивановну Виноградову, заместителя директора Павла Ивановича Резонова, сотрудников-богемистов Галину Павловну Мурашко, Валентину Владимировну Марьину, много сделавших, чтобы адаптация к новой незнакомой среде прошла быстрее и как можно менее болезненно.

С Любомиром Борисовичем Валевым во время вступительных экзаменов мне увидеться не довелось, но хорошо помню, что экзамен по чешскому языку сдавала в его кабинете, на первом этаже (принимали этот экзамен Людмила Норайровна Будагова и Галина Парфеньевна Нещименко).

И вот первое заседание сектора, в котором прошли аспирантские годы, первая встреча с Любомиром Борисовичем и его сотрудниками. Запомнилось ощущение какого-то чуда и невероятного везения, ведь судьба привела меня именно в тот сектор, которым руководил ученый, уже хорошо знакомый по книгам и рассказам А.Я. Манусевича. Невольно подумалось тогда – а может, прежние ступеньки на пути к знакомству с Л.Б. Валевым не были случайными?

Это чувство везения, а еще – чувство защищенности – не оставляли меня весь период учебы в аспирантуре. Годы, проведенные в секторе Любомира Борисовича, под его крылом, я с полным правом считаю «золотыми годами» моей институтской жизни.

Более того, любой, находившийся рядом с ним, и в первую очередь, молодой сотрудник, мог бы тоже сказать, что и ему повезло. Любомир Борисович, пройдя нелегкий жизненный путь и изучив не только по источникам, но и в ходе практической работы вехи антифашистского освободительного движения в Болгарии, выпустив немало научных трудов и уже будучи маститым ученым, оставался человеком широкой души, готовым помочь каждому. Наверное, и его сектор был, если можно так сказать, самым креативным и одновременно самым душевным в Институте, как раз благодаря его руководству.

В условиях чуткого внимания Любомира Борисовича проходила работа над кандидатской диссертацией. Хорошо помню обсуждение моих первых научных работ, текста диссер-

тации (а тогда было принято обсуждать каждый параграф!), предельно доброжелательный настрой этих обсуждений. И позднее я все больше и больше убеждалась в том, что такая атмосфера в секторе формировалась исключительно благодаря человеческому таланту Любомира Борисовича Валева. В его присутствии иной сценарий обсуждений, иную атмосферу представить себе было просто невозможно. Это отношение, несомненно, придавало уверенность будущим ученым в своих силах, казалось, можно было просто горы свернуть.

Любомир Борисович, несомненно, оставался лидером советской болгаристики вплоть до начала 1980-х годов, до своей безвременной кончины. Но особо хотелось бы подчеркнуть, что его глубочайшие знания по истории Болгарии служили отправным пунктом для более глобального взгляда на историю других стран Центральной и Юго-Восточной Европы, на историю всего региона в целом, на происходившие в его границах сложнейшие процессы.

Именно поэтому неоценимой оказалась его помощь в подготовке и моей работы, посвященной другой стране. Любомиру Борисовичу удавалось внушить не только своим уже известным коллегам-ученым, но и молодым сотрудникам ту мысль, что проблемы любой страны и в любое время нужно рассматривать всесторонне, в сопоставительном плане, привлекая материалы по истории других стран. Эти его уроки и наставления воплотились и в моих дальнейших научных разработках. Анализ проблем истории Чехословакии (а позднее – Чехии и Словакии) в общерегиональном контексте, проведение сравнительно-типологических исследований в рамках региона – это во многом результат и уроков Любомира Борисовича.

В его секторе работали самые разные специалисты, со своими непростыми характерами, амбициями, считавшие именно свою проблематику едва ли не главной. Любомир Борисович мудро видел, кто только заявлял о своем главенстве, а кто его реализовывал в своих трудах и умело регулировал работу сектора, проявляя уважение к каждому сотруднику. Поэтому, например, я никогда не опасалась показать ему тот или иной фрагмент своей диссертации или попросить совет, который всегда был профессиональным и по-человечески участливым. С полной уверенностью могу утверждать, что пребывание

в секторе (1969–1972 гг.) осталось, пожалуй, наиболее сбалансированным в научном и человеческом отношениях временем жизни в Институте в целом. Три года учебы «под крылом» Любомира Борисовича – стартовые в творческой биографии – сыграли важную роль и в личностном становлении, и в творческом развитии.

Но, как хорошо известно, за все в жизни приходится платить. После аспирантского «золотого этапа» начались времена, которые прошли в другом секторе нашего Института и которые, к сожалению, трудно считать этапом творческого развития и научного роста. В частности, тормозилась защита моей кандидатской диссертации, которая была подготовлена еще в секторе Валева. Не могу забыть человеческого участия Любомира Борисовича и в этот сложный жизненный период. Он постоянно интересовался моими делами, убеждал, что в любом случае отчаиваться нельзя, что защита – дело времени и нужно к ней готовиться. Это участие и профессиональная помощь позволили сохранить потенциал исследователя, оказавшийся, к счастью, востребованным на более позднем этапе моей творческой биографии.

Любомир Борисович сыграл ключевую роль и тогда, когда, буквально обивая порог директорского кабинета, пытался добиться моего возвращения в свой сектор. И, наконец-то, уже в самом конце 1970-х годов, это удалось сделать. Начался второй этап моей деятельности в его секторе, который, к сожалению, оказался предельно кратким. Мне не удалось поработать под его руководством в качестве автора секторских научных разработок. Мои функции в секторе Любомира Борисовича ограничились тогда в силу ряда причин научно-техническими обязанностями (связаны они были, главным образом, с подготовкой второго издания коллективного труда «Великий Октябрь и революции 40-х годов в странах Центральной и Юго-Восточной Европы: опыт сравнительного изучения социально-экономических преобразований в революционном процессе». М., 1982. Отв. ред. А.Я. Манусевич).

Но самое главное – появился шанс, и уже можно было строить интересные планы на будущее с надеждой на реализацию невостребованного научного потенциала. Любомир Борисович всячески меня поддерживал, советовал, в каком направле-

нии следует продолжать научную активность. Наиболее ценной и в этот период оказалась его установка на то, что любые страновые проблемы нужно решать на межрегиональном уровне, более того, с учетом общеевропейских и общемировых тенденций. Под его руководством исследовательская работа сектора вышла на качественно новый уровень (имею в виду региональные сравнительно-исторические исследования).

Если мне удалось выйти за рамки сугубо странового подхода, то заслуга Любомира Борисовича в этом несомненна. Уверена, что он расширял горизонты научного видения всех, с кем ему приходилось сотрудничать.

Вспоминая Любомира Борисовича, не хотелось бы ограничиваться его ролью в судьбе только отдельного человека. Следует поразмышлять и о его стиле руководства, о роли морально-нравственного фактора в деятельности научного подразделения. Высокая компетентность в сочетании с искренней человечностью – вот те ключевые слова, которыми можно охарактеризовать мою память о Любомире Борисовиче.

При всей его удивительной внешней мягкости чувствовался внутренний крепкий стержень. Этот стержень прекрасно срабатывал в нужные и весьма непростые моменты, которые всегда, как мы знаем, встречаются в жизни каждого ученого, особенно если ему не чужды такие качества, как справедливость и принципиальность. Этот стержень никогда не позволял сектору скатываться в атмосферу интриг, междоусобиц, сплетен и скандалов.

Неотъемлемые качества Любомира Борисовича – сочетание, казалось бы, несочетаемого – принципиальности с доброжелательностью. Именно в его секторе сформировалось убеждение, что такая атмосфера, такой климат и являются нормативными в академической жизни, в жизни каждого научного коллектива. Не указывать навязчиво кому, когда, как и что делать, не позиционировать себя всезнайкой, а руководствоваться вечным христианским правилом – не желай другому того, чего не желаешь себе.

К сожалению, позднее, в другом научном подразделении (1972–1977 гг.), о чем уже говорилось выше, мне пришлось столкнуться с иной парадигмой, другим – полярным – стилем руководства.

Но, наверное, если бы не было этого отрицательного знания, не было бы и столь яркой памяти о Любомире Борисовиче Валеве как о человеке с большой буквы, уникальном руководителе и крупном ученом. Его стиль руководства, к счастью, сохраняется в нашем Институте и поныне. Этот стиль убедительно демонстрирует свою продуктивность. Подтверждение тому – огромное количество трудов, которые ежегодно выходят из-под пера ученых нашего Института.

В 2016 году исполнилось 35 лет со дня ухода из жизни Любомира Борисовича, но лучшие институтские традиции, в формировании которых он принимал непосредственное участие, живы и дают свои плоды и сегодня. А мы с благодарностью вспоминаем замечательного ученого, мудрого, интеллигентного, доброжелательного человека.

БИБЛИОГРАФИЯ НАУЧНЫХ ТРУДОВ ПРОФЕССОРА Л.Б. ВАЛЕВА

1941 г. Вооруженные силы и военное производство Австралии, Новой Зеландии и Индии // Мировое хозяйство и мировая политика. № 5. С. 92–100.

1942 г. Болгария под пятой германского фашизма (Л. Борисов) // Мировое хозяйство и мировая политика. № 1–2. С. 98–105.

Греция под пятой фашистских оккупантов (Л. Борисов) // Мировое хозяйство и мировая политика, № 10. С. 60–64.

1944 г. Болгария: Справка. М., 28 с. (*Совместно с В. Владимировым и К. Лукановым*).

1946 г. Выборы в Болгарии. (Л. Борисов) // Мировое хозяйство и мировая политика. № 3. С. 58–68.

1948 г. К характеристике социально-политических взглядов Христо Ботева // Вопросы истории. № 11. С. 79–91.

Рец.: Le procès Nicolas D. Petkov. Sofia, 1947, 493 p. // Вопросы истории. № 6. С. 112–115.

1949 г. Рец.: *Ф. Т. Константинов*. Болгария на пути к социализму. М., 1949. 208 с. // Вопросы истории. № 9. С. 122–127.

1950 г. Из истории Отечественного фронта Болгарии (июль 1942 г. – сентябрь 1944 г.). М.; Л., 1950. 118 с. Опубликовано также на венгерском, немецком и чешском языках.

Рец.: *Х. Халачев*. Бунтът в 28 пехотен полк. София, 1949. 231 с. // Вопросы истории. № 2. С. 138–141.

Пятая годовщина освобождения Болгарии // Ученые записки / АН СССР. Институт славяноведения. Т. II. С. 5–18.

Жизнь и деятельность Д. Н. Благоева // Ученые записки / АН СССР. Институт славяноведения. Т. II. С. 69–77.

Социально-политические воззрения Христо Ботева // Ученые записки / АН СССР. Институт славяноведения. Т. II. С. 95–105.

[Обзор] Книги о национально-освободительном движении в Болгарии в период второй мировой войны // Вопросы истории. № 12. С. 134–138.

1951 г. Народно-демократическая Болгария с 9 сентября 1944 г. до конца второй мировой войны // Ученые записки / АН СССР. Институт славяноведения. Т. III. С. 39–103.

[Обзор] Журнал болгарских историков // Вопросы истории. № 1. С. 116–126 (*Совместно с А. Н. Киршевской*). Опубликовано также на болгарском языке.

Из истории Отечественного фронта Болгарии (июль 1942 г. – май 1945 г.). Автореф. дис. ... канд. ист. наук // Краткие сообщения /АН СССР. Институт славяноведения. Вып. 2. С. 41–52.

Болгария в период борьбы за укрепление народно-демократического строя и восстановление народного хозяйства // Ученые записки / АН СССР. Институт славяноведения. Т. IV. С. 5–83.

Славная страница из истории русско-болгарской дружбы. [Рец.: *П. К. Фортунатов*. Война 1877–1878 гг. и освобождение Болгарии. М., 1950. 180 с.] // Славяне. № 8. С. 51–53.

Ботев и нашата младеж // Говори радиостанция «Христо Ботев». София, 1951.Т. 4. С. 377–379.

Христо Смирненски // Говори радиостанция «Христо Ботев». София, 1951. Т. 4. С. 402–403.

1952 г. Външнополитическата равносметка на Великата Отечествена война на Съветския съюз в деня на нейната тригодишнина // Говори радиостанция «Христо Ботев». София, 1952. Т. 7. С. 62–64.

Защо доктор Бюлер посети България? // Говори радиостанция «Христо Ботев». София, 1952. Т. 7. С. 113–114.

Болгаро-советская дружба нерушима. [Рец.: *Д. Благоев, Г. Кирков, Г. Димитров, В. Коларов, В. Червенков*. За неру-

шима българо-съветска дружба. София. 1951.] // Славяне. № 3. С. 59–62.

Дамянов Г. // БСЭ. 2-е изд. Т. 13. С. 331.

Иванов А. // БСЭ. 2-е изд. Т. 17. С. 275–276.

1953 г. Константинопольский мирный договор 1913 г. // БСЭ. 2-е изд. Т. 22. С. 422.

Примечания к кн.: *З. Стоянов*. Записки о болгарских восстаниях. М., 1953. 728 с. С. 722–725.

Ред. и предисловие к кн.: Освобождение Болгарии от турецкого ига: Сб. ст. М., 1953. 324 с. С. 5–10 (*Совместно с С.А. Никитиным и П.Н. Третьяковым*).

1954 г. Лондонская конференция 1912–1913 гг. // БСЭ. Т. 25. С. 396.

Лондонский мирный договор 1913 г. // БСЭ. Т. 25. С. 400.

Лондонская конференция послов 1912 – 1913 гг. // БСЭ. Т. 25. С. 396–397.

Михайлов Х. // БСЭ. Т. 27. С. 609.

«Ново време» // БСЭ. Т. 30. С. 81.

Пятая годовщина со дня подписания договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между СССР и Народной Республикой Болгарией // Краткие сообщения /АН СССР. Институт славяноведения. Вып. 12. С. 3–13.

Национально-освободительная борьба болгарского народа и освобождение Болгарии Советской Армией // Болгарский народ в борьбе за социализм. М. С. 13–64.

Ред.: История Болгарии. Т. I. М. 576 с. (*Совместно с С.А. Никитиным и П.Н. Третьяковым).*

Ред.: Болгарский народ в борьбе за социализм: Сб. ст. М., 1954. 228 с. (*Совместно с М.А. Бирманом*).

1955 г. Национально-освободительная и антифашистская борьба болгарского народа в 1941–1944 гг. // История Болгарии. М. Т. II. С. 264–305.

Народное восстание 9 сентября 1944 г. и освобождение Болгарии Советской Армией // История Болгарии. М. Т. II. С. 341–361.

Народно-демократическая Болгария в период от 9 сентября 1944 г. до конца второй мировой войны // История Болгарии. М. Т. II. С. 362–399.

Болгария в период борьбы за восстановление народного хозяйства и укрепление народно-демократического строя // История Болгарии. М. Т. II. С. 400–449.

Народно-демократическая Болгария в период развернутого строительства фундамента социализма // История Болгарии. М. Т. II. С. 450–527.

[Обзор] Обсуждение «Истории Болгарии» болгарскими историками // Вопросы истории. № 1. С. 188–190. (*Совместно с С.А. Никитиным*).

[Обзор] Журнал болгарских историков в 1954 г. // Вопросы истории. № 4. С. 135–140. (*Совместно с М.А. Бирманом*). Опубликовало также на болгарском языке.

«Отечествен фронт» // БСЭ. Т. 31. С. 386.

Пеева В. // БСЭ. Т. 32. С. 280–281.

Поптомов В. // БСЭ. Т. 34. С. 166.

Радомир // БСЭ. Т. 35. С. 583.

Радославов В. // БСЭ. Т. 35. С. 585.

Раковский Г. С. // БСЭ. Т. 36. С. 3–4.

Ред.: Ученые записки /АН СССР. Ин-т славяноведения. Т. XI.

1956 г. Д.Н. Благоев – пионер научного социализма в Болгарии (К столетию со дня рождения) // Славяне. № 6. С. 24–26.

Димитър Благоев и руското революционно движение през 80-те години на XIX в. // Исторически преглед (София). № 4. С. 50–57.

«Тесняки» // БСЭ. Т. 42. С. 366.

Ред.: Ученые записки /АН СССР. Ин-т славяноведения. Т. XII–XIV.

1957 г. Выдающийся борец за дело коммунизма. (К 75-летию со дня рождения Г.М. Димитрова) // Вопросы истории КПСС. № 1. С. 68–78.

Рец.: *В. Хаджиниколов*. Стопански отношения и връзки между България и Съветския съюз до Девети септември

(1917–1944). София. 1956. 237 с. // Новая и новейшая история. № 5. С. 137–139.

Стамболийский А. // БСЭ. Т. 40. С. 460.

Цанков А. // БСЭ. Т. 46. С. 431.

Чехословацко-болгарский договор 1948 г. // БСЭ. Т. 47. С. 340.

Ред.: *М.А. Бирман*. Революционная ситуация в Болгарии в 1918–1919 гг. М. 390 с.

Ред.: Общественно-политические и культурные связи народов СССР и Югославии: Сб. ст. М. 332 с. (*Совместно с С.А. Никитиным*).

Ред.: Ученые записки /АН СССР. Ин-т славяноведения. Т. XV.

1958 г. Пламенный борец за дело коммунизма // Краткие сообщения /АН СССР. Институт славяноведения. Вып. 24. С. 5–16.

Ред.: Из истории русско-болгарских отношений: Сб. ст. М. 291 с. (*Совместно с В.Н. Кондратьевой и С.А. Никитиным*) .

Ред.: Ученые записки /АН СССР. Ин-т славяноведения. Т. XVI.

1959 г. [Обзор] Новые книги болгарских историков о борьбе народа Болгарии за освобождение от фашистского ига // Вопросы истории. №1. С. 158–166.

Ред.: Ученые записки /АН СССР. Ин-т славяноведения. Т. XVII–XVIII.

1960 г. Из истории Болгарии накануне и в начале второй мировой войны // Ученые записки /АН СССР. Ин-т славяноведения. Т. XX. С. 3–68.

Положение и борьба рабочего класса Болгарии накануне второй мировой войны // Новая и новейшая история. № 5. С. 22–37. Опубликовано также на румынском языке.

Ред.: Ученые записки /АН СССР. Ин-т славяноведения. Т. XIX – XXI.

1961 г. Экономика Болгарии накануне второй мировой войны // Краткие сообщения /АН СССР. Ин-т славяноведения. Вып. 32. С. 12–26.

Путь к социализму. [Рец.: История Болгарской коммунистической партии. М., 1960, 392 с.] // Вопросы истории КПСС. № 1. С. 201–204.

Об изучении проблемы «Совместная борьба трудящихся славянских стран против фашизма в годы второй мировой войны» // Краткие сообщения /АН СССР. Ин-т славяноведения. Вып. 33–34. С. 90–94 (*Совместно с В.С. Парсадановой, Г.М. Славиным и Н.А. Шленовой).*

Ред.: Ученые записки /АН СССР. Ин-т славяноведения. Т. XXII.

1962 г. Экономическое положение и классовая борьба в Болгарии с начала второй мировой войны до включения страны в фашистский блок // Ученые записки / АН СССР. Ин-т славяноведения. Т. XXIV. С. 3–48.

Болгария 1878–1960 гг. (часть статьи «Болгария. Исторический очерк») // СИЭ. Т. 2. Стлб. 521–553. (*Совместно с С.А. Никитиным*).

Благоев Д. // СИЭ. Т. 2. Стлб. 476–478.

Ред.: Ученые записки /АН СССР. Ин-т славяноведения. Т. XXIII–XXV.

1963 г. Болгария и гитлеровская агрессия на Балканах в 1941 году // Ученые записки /АН СССР. Ин-т славяноведения. Т. XXVI. С. 270–294.

Оккупация Болгарии гитлеровскими войсками весной 1944 г. и закабаление страны германскими империалистами // Славяно-германские исследования. М. С. 208–227.

Основные этапы антифашистского движения сопротивления в славянских странах в годы второй мировой войны // История, фольклор, искусство славянских народов: V международный съезд славистов (София, сентябрь 1963). Доклады советской делегации. М. С. 187–217. (*Совместно с Ф.Г. Зуевым, В.И. Клоковым, П.И. Резоновым и Г.М. Славиным).*

Ред.: История Югославии. М. Т. II. 430 с. (*Совместно с Г.М. Славиным и И.И. Удальцовым).*

Ред.: Ученые записки /АН СССР. Ин-т славяноведения. Т. XXVI–XXVII.

1964 г. Болгарский народ в борьбе против фашизма (накануне и в начальный период второй мировой войны). М. 372 с.

«Звено» // СИЭ. Т. 5. Стлб. 645–646.

Рец.: *П.С. Сохань.* Пламенный революционер: Жизнь и революционная деятельность Георгия Димитрова. Киев, 1962. 215 с. // Краткие сообщения/АН СССР. Ин-т славяноведения. Вып. 40. С. 81–84.

Ред.: Ученые записки /АН СССР. Ин-т славяноведения. Т. XXVIII.

1965 г. Историческое двадцатилетие. (К истории развития социалистических стран Центральной и Юго-Восточной Европы) // Советское славяноведение. № 1. С. 9–19. (*Совместно с Я.Б. Шмералем*).

[Обзор] Новые труды болгарских историков об антифашистской борьбе болгарского народа в период второй мировой войны // Советское славяноведение. № 3. С. 88–90.

Расширение фашистского блока для ведения войны против СССР. Сателлиты Германии. (Текст по Болгарии) // Всемирная история. Т. 10. С. 88–89.

Болгария // Всемирная история. Т. 10. С. 277–279.

Освобождение стран Восточной и Юго-Восточной Европы. Первые демократические преобразования. (Текст по Болгарии) // Всемирная история. Т. 10. С. 394–399.

Косев Д. // СИЭ. Т. 7. Стлб. 989–990.

Рец.: Социально-экономическое развитие Болгарии (1944–1964). София, 1964. 259 с. // Советское славяноведение. № 2. С. 67–68.

Ред.: Ученые записки /АН СССР. Ин-т славяноведения. Т. XXIX.

1966 г. Болгария в 1939–1945 гг. // Новейшая история стран Западной Европы и Америки. М. Т. 2. С. 455–467.

Виден учен-славист // Отечествен фронт. 1966. 4. VI.

Книги о борцах за освобождение болгарского народа [Рец.] // Военно-исторический журнал. № 9. С. 99–108.

Ред.: Ученые записки /АН СССР. Ин-т славяноведения. Т. XXX.

1967 г. Конгресс балканистов в Софии // Советское славяноведение. № 1. С. 116–118. (*Совместно с М.А. Бирманом и С.А. Никитиным*).

Новая и новейшая история Болгарии в трудах современных болгарских исследователей (1944–1966) // Советское славяноведение. № 4. С. 99–106.

Памяти К.Д. Дмитрова // Советское славяноведение. № 6. С. 114–115.

История Болгарии глазами прогрессивных французских исследователей. [Рец.: La Bulgarie des origines á nos jours // Les cahiers de l'Histoire, 1966, № 56] // Советское славяноведение. № 6. С. 78–81.

1968 г. Болгарская историография (1945–1964) // Историография новой и новейшей истории стран Европы и Америки. М. С. 392–400.

Сотрудничество СССР со славянскими странами на завершающем этапе второй мировой войны (1944–1945 гг.) // История, культура, фольклор и этнография славянских народов: VI международный съезд славистов (Прага, 1968). Доклады советской делегации. М. С. 3–23 (*Совместно с Ф.Г. Зуевым, А.И. Недорезовым и Г.М. Славиным).*

Начало работы комиссии историков СССР и Болгарии. (Заседание в Софии) // Вестник Академии наук СССР. № 12. С. 96–97 (*Совместно с Р.П. Гришиной*).

1969 г. О состоянии и перспективах изучения в СССР новейшей истории зарубежных славянских стран // Советское славяноведение. № 1. С . 3–12.

Началото на Великата Отечествена война на Съветския съюз и българската демократична общественост // Летопис на дружбата. Т. I. Социалистическата революю-

ция в България и дружбата със Съветския съюз. София. С. 213–234.

Критический обзор журнала «Исторически преглед» [за 1966–1968 гг.] // Вопросы истории. № 3. С. 191–200. *(Совместно с Р.П. Гришиной и С.А. Никитиным).*

Сентябрьское народное вооруженное восстание 1944 г. в Болгарии // СИЭ. Т. 12. Стлб. 476–478.

Ред.: Советское славяноведение. Материалы IV конференции историков-славистов. Минск. 668 с. (В составе редколлегии).

1970 г. Ленинизм и строительство социализма в Народной Республике Болгарии // Советское славяноведение. № 2. С. 45–57.

Ленинските принципи за социалистическото строителство и тяхното осъществяване в Народна република България // Летопис на дружбата. София. Т. 2. В.И. Ленин и историческият път на България. С. 56–77.

[Обзор] Научная сессия в Софии, посвященная 25-летию социалистической революции в Болгарии // Советское славяноведение. № 1. С. 130–131.

[Обзор] Научная сессия, посвященная 25-летию социалистической революции в Болгарии // Вестник Академии наук СССР. № 1. С. 78–80.

Болгария. Исторический очерк. (Период 1878–1970 гг.) // БСЭ. 3-е изд. Т. 3. С. 480–485.

Болгария. Наука и научные учреждения // БСЭ. 3-е изд. Т. 3. С. 490–493. *(Совместно с С.А. Никитиным).*

Болгария. Болгарская коммунистическая партия, Болгарский земледельческий народный союз, Отечественный фронт, профсоюзы и другие общественные организации // БСЭ. 3-е изд. Т. 3. С. 485.

Благоев Д. // БСЭ. 3-е изд. Т. 3. С. 406.

1971 г. Гандев Х. // БСЭ. 3-е изд. Т. 3. С. 106.

Георгиев К. // БСЭ. 3-е изд. Т. 3. С. 318.

Начало Великой Отечественной войны Советского Союза и Болгария // Советское славяноведение. № 3. С. 37–54.

«Нека гори, нека гори!» // Георги Димитров в спомени на журналисти. София. С. 51–53.

Профессор С.А. Никитин // Новая и новейшая история. № 6. С. 199–203. *(Совместно с В.М. Хвостовым, А.Л. Нарочницким, Ю.А. Писаревым и В.Г. Карасевым).*

1972 г. Профессор Сергей Александрович Никитин // Славяне и Россия: К 70-летию со дня рождения С.А. Никитина. М. С. 311. *(Совместно с В.М. Хвостовым, А.Л. Нарочницким, Ю.А. Писаревым и В.Г. Карасевым).*

Новый документальный труд о Георгии Димитрове. [Рец.: Спомени за Георги Димитров: В 2 тома. София, 1971] // Вопросы новейшей истории Болгарии: Научные труды/Кубанский госуниверситет. Краснодар. Вып. 157. С. 113–126. *(Совместно с Д.Г. Песчаным).*

Воспоминания о Георгии Димитрове. (К 90-летию со дня рождения). [Рец.: Спомени за Георги Димитров: В 2 тома, София, 1971] // Советское славяноведение. № 5. С. 72–76. *(Совместно с Д.Г. Песчаным).*

Димитров Г. // БСЭ. 3-е изд. Т. 8. С. 266–267.

Драгойчева Ц. // БСЭ. 3-е изд. Т. 8. С. 474.

«Звено» // БСЭ. 3-е изд. Т. 9. С. 427.

1973 г. Всеславянский комитет и освободительное движение зарубежных славянских народов в период второй мировой войны // История, культура, этнография и фольклор славянских народов: VII международный съезд славистов (Варшава, август 1973). Доклады советской делегации. М. С. 73–91. *(Совместно с В.В. Марьиной и Г.М. Славиным).* Опубликованы также тезисы на английском языке.

Конференция по проблемам болгарской историографии // Советское славяноведение. № 1. С. 107–109.

Вводная статья к кн.: *С. Петров*. БКП в борьбе против монархо-фашизма (1941–1944 гг.). М. С. 5–14.

Научные сессии за рубежом, посвященные 50-летию образования СССР // Советское славяноведение. № 3. С. 135–137. *(Совместно с А.Л. Нарочницким и А. Скшипеком).*

Изследвания по проблемите на най-новата история на България в Съветския съюз // Проблеми на българската историография след втората световна война. София. С. 593–603.

Рец.: *Ц. Драгойчева.* Повеля на дълга. (Спомени и размисли). София. 1972. 599 с. // Новая и новейшая история. № 6. С. 194–195. *(Совместно с М.А. Бирманом и Р.П. Гришиной).*

Косев Д. // БСЭ. 3-е изд. Т. 13. С. 230.

Костов Т. // БСЭ. 3-е изд. Т. 13. С. 274.

Ред.: *А. Наков.* Интернациональная миссия советских войск в Болгарии. М. 104 с.

1974 г. Георгий Димитров и создание Отечественного фронта в Болгарии // Георгий Димитров – выдающийся революционер-ленинец. М. С. 273–284.

Историческая тематика на VII международном съезде славистов // Советское славяноведение. № 4. С. 119–121. *(Совместно с Н.И. Хитровой).*

Отклики Сталинградского сражения на Балканах. М. 17 с. *(Совместно с Г.М. Славиным).* Опубликовано также резюме на французском языке.

30 лет социалистической Болгарии // Вопросы истории. № 9. С. 3–17.

Великата Отечествена война на Съветския съюз и въоръжената борба на българския народ против фашизма // Исторически преглед. № 4–5. С. 26–31.

Фашистская агрессия на Балканах // История второй мировой войны. 1939–1945. Т. 3. Начало войны. Подготовка агрессии против СССР. М. С. 256–274. *(Совместно с В.К. Волковым).*

IV встреча комиссии историков СССР и НРБ // Советское славяноведение. № 6. С. 106–108. Опубликовано также на французском языке.

Рец.: *В. Хаджиниколов*. Георги Димитров и съветската общественост. 1934–1945. София, 1972. 358 с. // Вопросы истории КПСС. № 12. С. 118–120.

Натан Ж. // БСЭ. 3-е изд. Т. 17. С. 313–314.

Никитин С.А. // БСЭ. 3-е изд. Т. 17. С. 614.

Отечественный фронт // БСЭ. 3-е изд. Т. 18. С. 614.

Ред.: История второй мировой войны. М. Т. 3. 503 с. (в составе редколлегии).

1975 г. Победы Красной Армии под Сталинградом и на Орловско-Курской дуге и подъем антифашистской борьбы в Болгарии // Советское славяноведение. № 3. С. 30–37.

Ценная книга об истории Отечественного фронта. [Рец.: *В. Бонев*. О едином, народном и Отечественном фронте в Болгарии. М., 1973, 478 с.] // Из истории балканских стран: Научные труды/Кубанский госуниверситет. Краснодар. Вып. 192. С. 184–191. *(Совместно с Д.Г. Песчаным).*

1976 г. Отклики Сталинградской битвы на Балканах // Балканские исследования. Проблемы истории и культуры. М. С. 160–167. *(Совместно с Г.М. Славиным).*

Ред., составление, комментирование и предисловие: Советско-болгарские отношения и связи: Документы и материалы. М. Т. I. (ноябрь 1917 – сентябрь 1944). 651 с. (В составе редколлегии: отв. ред. главной редакции, отв. ред. редколлегии тома). Опубликовано также на болгарском языке.

V заседание комиссии историков СССР и НРБ // Советское славяноведение. № 6. С. 103–106.

Стратегия и тактика коммунистических партий стран Центральной и Юго-Восточной Европы в борьбе за народные и национальные фронты в период второй мировой войны // Всесоюзная научная конференция: Об-

щие закономерности Великого Октября и революций 40-х годов в странах Центральной и Юго-Восточной Европы (г. Рига, 14–16. XII 1976). Тезисы докладов и выступлений. Вып. 2. М. С. 34–38.

Рец.: *Д.Б. Мельцер.* Советско-болгарские отношения (1917–1935 гг.). Минск. 1975. 220 с. // Советское славяноведение. № 1. С. 100–101.

Рец.:*Д.Г. Песчаный.* Сотрудничество между СССР и Болгарией в области сельского хозяйства (1948–1958 гг.). Ростов н/Д, 1975. 190 с. // Вопросы истории. № 8. С. 142–145.

Сентябрьское народное вооруженное восстание 1944 г. в Болгарии // БСЭ. 3-е изд. Т. 23. С. 269.

Ред.: Антифашистская борьба болгарского народа 1941–1944: Научно-вспомогательный указатель литературы. М. 133 с.

1977 г. Видный деятель болгарского и международного коммунистического и рабочего движения. (К 100-летию со дня рождения Васила Коларова) // Вопросы истории КПСС. № 7. С. 116–119.

100-летие освобождения Болгарии от османского ига // Общественные науки. № 6. С. 180–182.

Второй конгресс Болгарского исторического общества // Новая и новейшая история. № 2. С. 230–232. *(Совместно с Р.П. Гришиной).*

Рец.: *Ц. Драгойчева.* Повеля на дълга. София. Кн. 2. Щурмьт. 1975. 583 с. // Новая и новейшая история. № 1. С. 161–163. *(Совместно с Р.П. Гришиной).*

Рец.: История на антифашистката борба в България 1939–1944: В 2 тома. София. 1976. Т. I. 383 с.; Т. II. 488 с. // Общественные науки. № 5. С. 219–222.

Ред.: Из истории народно-демократических и социалистических революций в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. М. 391 с. *(Совместно с Л.Я. Гибианским, Л.Н. Нежинским и Я.Б. Шмералем).*

1978 г. Всемирно-историческое значение Великой Октябрьской социалистической революции и ее влияние на развитие революционного движения в Болгарии // Новая и новейшая история. № 1. С. 208–209.

Советская историография об Апрельском восстании 1876 г. в Болгарии // Балканские исследования. М. Вып. 3. Освободительное движение на Балканах. С. 39–50.

Кризис буржуазной демократии в западных и южных славянских странах. (Межвоенный период) // История, культура, этнография и фольклор славянских народов. VIII международный съезд славистов (Загреб – Любляна, сентябрь 1978). Доклады советской делегации. М. С. 85–107. *(Совместно с И.И. Костюшко и М.М. Сумароковой).*

Великая Отечественная война Советского Союза как фактор развития борьбы болгарского народа против фашизма // Etudes balkaniques. № 2. P. 33–57.

Великая Отечественная война Советского Союза и борьба болгарского народа против фашизма // Советский Союз и борьба народов Центральной и Юго-Восточной Европы за свободу и независимость. 1941–1945 гг. М. С. 264–317.

Примечания к кн.: *Стоянов З.* Записки о болгарских восстаниях: В 2-х т. 2-е изд. М., 1978. Т. 1 С. 446–453; Т. II. С. 593–595.

Труд по истории Болгарии для французского читателя. (Рец.: *G. Castellan, N. Todorov.* La Bulgarie. Vendome, 1976, 128 p.) // Советское славяноведение. № 3. С. 110–111.

Рец.: *В. Мигев.* Утвърждаване на монархо-фашистката диктатура в България. 1934–1936. София, 1977. 187 с. // Новые книги за рубежом по общественным наукам. № 8. С. 66–70 *(Совместно с И.А. Юрьевой).*

Ред.: Советский Союз и борьба народов Центральной и Юго-Восточной Европы за свободу и независимость. 1941–1945 гг. М. 451 с. *(Совместно с Г.М. Славиным).*

1979 г. Великая Отечественная война Советского Союза и вооруженная борьба болгарского народа против фашизма // Из истории социалистического строительства в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. М. С. 57–63.

Международный съезд славистов // Общественные науки. № 2. С. 164–171. *(Совместно с В. Борщуковым, Л. Калнынь, Г. Литавриным и В. Марьиной).*

Болгария (период Второй мировой войны) // История южных и западных славян. (Курс лекций). М. С. 478–482.

Народная Республика Болгария // История южных и западных славян. (Курс лекций). М. С. 521–536.

Die Offensive der sowjetischen Streitkräfte auf der Balkanhalbinsel und die revolutionäre Krise in Bulgarien (Mai – September 1944) // Militärgeschichte. № 6. S. 653–664.

Народная Республика Болгария // Всемирная история. Т. 12. М. С. 100–107.

Обществено-политически промени в Централна и Югоизточна Европа след Втората световна война // България в света от древността до наши дни. Т. II. София. С. 363–370.

Рец.: VII конгресс Коминтерна и борьба за создание народного фронта в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. М. 1977. 375 с. // Советское славяноведение. № 2. С. 104–107.

Рец.: Советско-болгарские отношения. 1971–1976: Документы и материалы. М., 1977. 584 с. // Новая и новейшая история. № 3. С. 179–182.

Рец.: *Й. Венков*. Революционната ситуация в България през Втората световна война (философско-социологически аспекти). София, 1977. 335 с. // Советское славяноведение. № 4. С. 99–101.

Ред.: История южных и западных славян. (Курс лекций). М. 590 с. (В составе редколлегии).

Ред.: Из истории социалистического строительства в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. М. 371 с. (В составе редколлегии).

1980 г. Концепцията за народния фронт и нейното осъществяване от марксистско-ленинските партии в страните от Централна и Югоизточна Европа в годините на Втората световна война // Великият Октомври и социалистическите революции в Централна и Югоизточна Европа. София. С. 148–152.

Історичний досвід радянсько-болгарського співробітництва // Історичні дослідження. Історія зарубіжних країн. Вип. 6. Київ. С. 7–12.

Ред.: *М.А. Бирман.* Формирование и развитие болгарского пролетариата (1878–1923 гг.). М. 352 с.

1981 г. Ред., составление, комментирование и предисловие: Советско-болгарские отношения и связи: Документы и материалы. Т. II (сентябрь 1944 – декабрь 1958). М. 768 с. (В составе редколлегии: отв. ред. советской части главной редакции).

Третья международная комплексная конференция болгаристов в Софии (сентябрь 1980 г.) // Советское славяноведение. № 2. С. 125–126. *(Совместно с В.И. Злыдневым)*.

Разделы по Болгарии в кн.: Международное рабочее движение. Вопросы истории и теории. Т. V. М. С. 186–190, 352–359, 623–626.

Изучение вопросов истории Болгарии в Советском Союзе // Советское славяноведение. № 5. С. 80–88.

Торжество социалистического строя – великое завоевание болгарского народа // История и культура Болгарии. М. С. 9–25.

Ред.: *Д. Сирков.* Външната политика на България. 1938–1941. София, 1979. 343 с. // Новая и новейшая история. № 2. С. 186–188.

Ред.: *Х. Ойматов.* Классовая борьба в болгарской деревне в годы экономического кризиса 1930–1934 гг. Душанбе. 167 с. *(Совместно с Р.А. Набиевой).*

1982 г. Некоторые аспекты кризиса буржуазной политической системы в зарубежных славянских странах. (Межвоенный период) // Кризис политической системы капитализма в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. М. С. 6–20 *(Совместно с И.И. Костюшко и М.М. Сумароковой).*

Изучение вопросов истории Болгарии в Советском Союзе // Първи международен конгрес по българистика. София, 23 май – 3 юни 1981. Доклади: История и съвременно състояние на българистиката. София. Част I. С. 267–281.

Георгий Димитров. Вводная статья к кн.: Георгий Димитров. Библиографический указатель (Составитель И.А. Юрьева). М. С. 5–22.

1983 г. Изучение вопросов истории Болгарии в Советском Союзе // Советская болгаристика. Итоги и перспективы. Материалы конференции, посвященной 1300-летию Болгарского государства. М. С. 8–16.

Вооруженная борьба болгарского народа против фашизма в 1941–1944 гг. // Освободительная борьба против фашизма. 1939–1945 гг. М. С. 232–251.

Народная Республика Болгария // Всемирная история. М. Т. 13. С. 93–99.

Борьба коммунистических партий стран Центральной и Юго-Восточной Европы за единый рабочий и широкий народный фронт против фашизма и войны в 1936–1939 гг. // Изследвания в чест на професор доктор Христо Гандев (по случай 70-годишнината от рождението му). София. С. 361–383.

1984 г. Биография дружбы. М. (в составе редколлегии).

1985 г. Борьба коммунистических партий стран Центральной и Юго-Восточной Европы за создание народных и национальных фронтов (конец 1935 – середина 1941 г.) // Народные и национальные фронты в антифашистской освободительной борьбе и революциях 40-х годов. М. С. 55–95.

Интернациональные связи и боевое сотрудничество ВКП(б) и БРП в годы Великой Отечественной войны советского народа (1941–1945 гг.) // Интернациональное сотрудничество КПСС и БКП: История и современность. М. С. 79–115.

Ред.: Народные и национальные фронты в антифашистской освободительной борьбе и революциях 40-х годов. М. (в составе редколлегии).

1986 г. Исследования по новой и новейшей истории Болгарии. М. 256 с.

Переводы с болгарского языка

1952 г. *Косев Д.* Новая история Болгарии. Курс лекций. Пер. с болг. Л.Б. Валева, Н.И. Попова и Н.Н. Соколова. М. 522 с.

1957 г. *Димитров Г.* Избранные произведения. Пер. с болг. и сверку перевода провели Л.Б. Валев, Н.Ф. Гусев и А.С. Никольский. М. Т. 1–2. 528 с.; 696 с.

ЛИТЕРАТУРА О Л.Б. ВАЛЕВЕ

Хаджиниколов В. Нови публикации на съветския историк Л.Б. Валев за нашата история // Исторически преглед. 1962. № 1. С. 99–102.

Печилков А. Творчеството в името на науката, на дружбата. Беседа с професор д-р Любомир Валев // Родопски устрем. 1975. 23.VIII.

Павленко В.В. Зустріч з Л.Б. Валевим // Український історичний журнал. 1975. № 8. С. 152–153.

Димитров С. Любомир Валев – равносметка и планове // Векове. 1976. № 5. С. 82–84.

Мигев В. Доктор Любомир Б. Валев на шестдесет години // Исторически преглед. 1976. № 3. С. 149–151.

Чавдарова Л. «Чуваме ви добре...» // Антени. 1976. 23.VII.

Първанова Л. «Никога не съм преставал да се чувствувам българин...» // Септемврийско слово. 1981. 22 VIII.

Валев Любомир Борисович // Историки – слависты СССР. Биобиблиографический словарь-справочник. М., 1981. С. 54–55.

Любомир Борисович Валев (некролог) // Исторически преглед. 1981. № 6. С. 157.

Бирман М.А., Злыднев В.И. Памяти Любомира Борисовича Валева // Советское славяноведение. 1982. № 2. С. 94–95.

Любомир Борисович Валев (некролог) // Новая и новейшая история. 1982. № 2. С. 220.

Валев Любомир Борисович // Историческа българистика в чужбина. 1944–1980. Библиографски справочник. (Съставител Ц. Славчева). София, 1983. С. 82–96.

Любомир Борисович Валев (1915–1981) // Исследования по новой и новейшей истории Болгарии. М., 1986. С. 5–18.

Валев Любомир Борисович, 1915–1981 // Историческа българистика в чужбина. 1980–1985. Библиографски справочник. (Съставител Ц. Славчева). София, 1987. С. 30–35.

Валев Любомир Борисович // Славяноведение в СССР: изучение южных и западных славян. Биобиблиографический словарь. New York, 1993.

Валев Любомир Борисович // Историки России. Кто есть кто в изучении отечественной истории. Биобиблиографический словарь. 2-е изд. М., 2000. С. 78.

Валева Е.Л., Волокитина Т.В. Любомир Борисович Валев (1915–1981) // Новая и новейшая история. 2005. № 5. С. 211–223.

Волокитина Т.В. Мой учитель Любомир Борисович Валев // Как это было... Воспоминания сотрудников Института славяноведения. М., 2007. С. 150–159.

Валев Любомир Борисович // Чуждестранна българистика през XX век. Енциклопедичен справочник. София, 2008. С. 74–76.

Валева Е.Л., Волокитина Т.В. Любомир Борисович Валев (1915–1981) // Портреты историков. Время и судьбы. Том 5. М., 2010. С. 190–206.

Волокитина Т.В., *Валева Е.Л.* У истоков советской исторической болгаристики. К 100-летию Любомира Борисовича Валева (1915–1981) // Славяноведение. 2016. № 1. С. 57–69.

ИССЛЕДОВАНИЯ

Е.Л. Валева*

ИСТОРИЧЕСКАЯ БОЛГАРИСТИКА В РОССИИ: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ

Болгаристика как отрасль славистики зародилась еще в императорской России, пережила сложную судьбу в советские времена и вступила в новый этап своего развития в пределах нового государственного образования – Российской Федерации. Четверть века, прошедшие со времени распада СССР, – это хотя и небольшой, но уже достаточный период для того, чтобы осмыслить нынешнее состояние болгаристики, выявить стоящие перед ней задачи, наметить тенденции.

Свои размышления о судьбе болгаристики в сегодняшней России хочу начать с того, что в 1983 г. в издательстве «Наука» вышла книга «Советская болгаристика. Итоги и перспективы», которая открывалась статьей Л.Б. Валева «Изучение вопросов истории Болгарии в Советском Союзе»[1], где констатировались значительные успехи и достижения в этой области. К тому времени сформировался целый ряд центров советской болгаристики, причем с широким географическим диапазоном – от Москвы, Киева, Минска, Харькова и Львова на западе страны до Краснодара, Свердловска, Орджоникидзе и Одессы на востоке. Имелись кадры болгаристов в Ленинграде, Кишиневе, Донецке, Воронеже, Куйбышеве, Ереване, Ташкенте, в Прибалтике и в ряде других городов и районов. Несколько поколений историков-болгаристов высшей квалификации – докторов и кандидатов наук – поднимают эту отрасль советской исторической науки на новую высоту, отмечалось автором. Болгаристы неизменно широко были представлены на всех периодически созы-

* Валева Елена Любомировна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института славяноведения РАН.

ваемых конференциях историков-славистов СССР. Постепенно сокращалось количество неосвещенных проблем на карте советской исторической болгаристики. Все более активизировалось сотрудничество советских и болгарских ученых.

Разумеется, с точки зрения сегодняшнего дня количественные показатели выглядят впечатляюще, но в то же время понятно, что содержательная часть нередко страдала в сложных условиях политической конъюнктуры. Отметим и тот факт, что около 80% болгаристов занимались «партийной» наукой – историей Болгарской коммунистической партии, Димитровского комсомола, революционного и коммунистического движения и, конечно, советско-болгарскими отношениями. На фоне нынешних возможностей особенно четко вырисовывается драматизм ситуации, в которой оказались многие ученые прошлых поколений. Исследовательская работа, которую они были вынуждены вести с учетом официального «мнения», не давала им возможности полностью выявить свой творческий потенциал, мешала научному и теоретическому осмыслению исторического процесса, свободному выбору интересующей тематики.

Сегодня картина кардинальным образом изменилась. Новая география страны и новый политический режим не могли не отразиться на положении исторической науки в целом и болгаристики, в частности. После распада Советского Союза, разрыва связей между учеными бывших советских республик, а также с болгарскими коллегами, масштабы исследований значительно сократились. В силу ослабления государственной поддержки научных исследований, слабого финансирования науки наблюдается отток кадров. С сожалением приходится констатировать, что традиционные центры изучения болгаристики (в частности, Екатеринбурге, Воронеже) угасают.

В то же время надо отметить неоднозначность и даже противоречивость состояния современной российской болгаристики. Наряду с перечисленными негативными явлениями, с конца 1980-х годов мы наблюдаем несомненное повышение научного уровня работ, что прежде всего обусловлено существенными изменениями в подходах и методологии исследований, а также значительным расширением круга источников в связи с рассекречиванием документов из архивов России

и Болгарии в 90-х годах XX века. В новых условиях российские болгаристы получили возможность обратиться к наиболее дискуссионным и малоисследованным вопросам истории Болгарии (некоторые из которых прежде были табуизированы), переосмыслить многие концепции марксистского периода на принципиально новой источниковой базе, внести значительные коррективы в существовавшие ранее оценки и выводы. Это касается в первую очередь периода Второй мировой войны, трансформации «народно-демократической» Болгарии в социалистическое государство советского образца, всего периода социализма. Новую тематику исследований подсказывала сама жизнь. В изменившихся исторических условиях некоторые болгаристы переключились на современную проблематику, освещающую явления и процессы в болгарском обществе в период системного кризиса социализма и «бархатных революций» в Восточной Европе, а также характеризующую становление и функционирование нового государственного и общественного строя в Болгарии в конце XX – начале XXI вв. Таким образом, сегодня болгаристы России не просто развивают основные тенденции и направления более ранних исследований на основе расширенной источниковедческой базы, но вместе с тем создают труды, освещающие новые подходы и проблемы, которые не изучались их предшественниками.

Так, к числу новаций можно отнести то, что российские ученые получили возможность обратиться к истории Македонии, что было невозможно в советский период. Известно, что чрезмерная политизация македонского вопроса крайне затруднила его изучение в Советском Союзе. Фактически существовал негласный запрет на изучение македонской проблематики в СССР. Открытие прежде недоступных архивных фондов активизировало научную деятельность исследователей. В Институте славяноведения, в университетах Саратова, Самары, Екатеринбурга появились исследователи, разрабатывающие различные темы, так или иначе связанные с историей Македонии XIX – начала XX вв[2]. Историко-дипломатический аспект македонской проблемы как составной части Восточного вопроса конца XIX – начала XX вв. особенно обстоятельно исследован в серии статей О.Н. Исаевой (Саратов)[3]. Современ-

ные российские исследователи, обратившиеся к македонской проблематике, стремятся объективно осмыслить ключевые моменты истории Македонии на основе современного уровня научных знаний. Конечно, далеко не все выдвигаемые авторами вопросы получили окончательное разрешение, но сама их постановка имеет несомненное позитивное значение для дальнейших научных изысканий.

Сегодня важно отметить, что сохранились главные центры по изучению проблем болгаристики в России и подготовке специалистов в этой области: Институт славяноведения РАН и кафедра истории славян на Историческом факультете МГУ им. М.В. Ломоносова.

В Институте славяноведения РАН, созданном еще в 1947 г., работают основные кадры болгаристов, как историков, так и филологов – лингвистов и литературоведов, проходят многочисленные конференции и «круглые столы», в том числе международные, по широкому кругу проблем болгаристики, выходят в свет многочисленные публикации. В издаваемом Институтом журнале «Славяноведение» болгаристическая тематика также отражается регулярно.

Однако если в 1970–1980-е годы в Институте славяноведения поговаривали о «болгарском флюсе», то сейчас он не только совершенно «рассосался», но появились большие периоды болгарской истории, которыми не занимаются вовсе из-за отсутствия специалистов. С уходом старых кадров традиционные темы, которым прежде уделялось много внимания, оказались заброшены – прежде всего это касается болгарского Возрождения, медиевистики. К сожалению, ушедший в 2009 г. из жизни академик Российской и Болгарской академий наук Г.Г. Литаврин не оставил после себя школы. Его учеником можно считать лишь д.и.н. С.А. Иванова, исследователя византийской культуры, изучающего также идеологию и культуру Первого болгарского царства. Оголенным участком стал межвоенный период. Работающие в Институте специалисты по истории Болгарии не в состоянии охватить все периоды, проблемы исследуются точечно (правда, при этом достаточно глубоко и на современном уровне). Имеется много вопросов, требующих нового осмысления, но кадры для этого отсутствуют, налицо некая несбалансированность.

* * *

Поскольку, в связи с вышесказанным, не представляется возможным охарактеризовать болгаристические исследования по направлениям или периодам, покажем, над какой проблематикой работают сегодня болгаристы Института.

Крупнейшим специалистом по истории Болгарии нового и новейшего времени остается, несомненно, д.и.н. Р.П. Гришина, ушедшая из жизни совсем недавно, в 2015 г. Ее исследовательский диапазон был весьма широк. Работы, вышедшие до начала 1990-х годов, посвящены истории рабочего и коммунистического движения в Болгарии, возникновению и развитию болгарского фашизма, других политических сил в межвоенный период, событиям в Болгарии после революции 1944 г. С начала 1990-х годов она исследовала также роль Коминтерна в событиях на Балканах, советскую внешнюю политику в отношении балканских стран, разрабатывала вопросы модернизации на Балканах в конце XIX – первой половине XX вв. Она выступила инициатором масштабного проекта «Модернизация традиционных обществ у славянских народов Центральной и Юго-Восточной Европы. Конец X1X – начало XX вв.». В рамках его реализации на протяжении 2002–2009 гг. под редакцией Гришиной вышло шесть сборников «Человек на Балканах», посвященных различным аспектам балканского феномена модернизации. В 2008 г. увидела свет и индивидуальная монография Р.П. Гришиной «Лики модернизации в Болгарии в конце XIX – начале XX века».

В.н.с. д.и.н. Т.В. Волокитина, начав научную деятельность с работы над традиционной в секторе Л.Б. Валева проблематикой Отечественного фронта и народной демократии (в 1983 г. ею была защищена кандидатская диссертация, посвященная формированию программы правительства ОФ от 17 сентября 1944 г. и ее роли в становлении режима народной демократии в Болгарии), постепенно расширила исследовательский диапазон в сравнительно-историческом ключе. В 1998 г. защитила докторскую диссертацию на тему «Социалистические и социал-демократические партии в политической палитре Восточной Европы, 1944–1948 гг.». В региональном аспекте ею изучаются такие проблемы, как советизация региона Восточной Европы и становление в них режимов советского типа, роль

советского фактора в данном процессе; холодная война; государственно-церковные отношения. В последнее время внимание исследовательницы привлекают вопросы внутриполитической истории Болгарии в 1950-е – 1960-е гг.: общественные настроения, попытки реформирования модели социализма, положение мусульманского населения и пр. Значительное место в научном творчестве Т.В. Волокитиной занимает публикация документов российских и болгарских архивов по истории региона в 40–50-е годы XX в. При ее участии изданы фундаментальные сборники документов «Восточная Европа в документах российских архивов, 1944–1953» (М.; Новосибирск, 1997–1998. Т. 1–2); «Советский фактор в Восточной Европе. 1944–1953. Документы» (М., 1999, 2002. Т. 1–2), «Власть и церковь в Восточной Европе. 1944–1953. Документы российских архивов» (М., 2009. Т. 1–2) . В 2015 г. в Софии вышел том 1 совместного с болгарской стороной двухтомного документального издания «Великие державы и Болгария. 1944–1947 гг.», посвященный заключению Соглашения о перемирии с Болгарией в октябре 1944 г.; завершена подготовка тома 2 (в двух частях) о деятельности Союзной контрольной комиссии в стране. Т.В. Волокитина участвует в этом издании от российской стороны.

В.н.с., д.и.н. В.И. Косик исследует проблемы политической истории Болгарии и международных отношений на Балканах в 70–80-е годы XIX в., в особенности вопросы болгаро-российских политических контактов и связей. С начала 1990-х годов он расширил тематику исследований, занявшись историей российской эмиграции в Болгарии и Югославии после 1917 г., в частности, положения там русской церкви и отношения эмигрантов к фашизму. Автор книг по болгарской тематике: «Русская политика в Болгарии 1879–1894 гг.» (М., 1991), «Время разрыва. Политика России в болгарском вопросе 1886–1894» (М., 1993), «Софии русский уголок» (М., 2008), «Русские краски на балканской палитре» (М., 2010) и др.

Ст.н.с., к.и.н. Е.Л. Валева изучает вопросы болгарской внутренней и внешней политики накануне и в годы Второй мировой войны, взаимоотношения Коминтерна и БКП, движение Сопротивления в Болгарии, болгаро-советские и болгаро-германские отношения накануне и в годы Второй мировой вой-

ны. В коллективной монографии об истории Болгарии в XX в., о которой подробнее будет сказано ниже, Валева выступила и как ответственный редактор книги, и как автор больших разделов «Болгария на перекрестке геополитических интересов великих держав. 1939–1941» и «Болгария в годы Второй мировой войны». С начала 2000-х годов она сосредоточилась на проблемах политического развития Болгарии накануне и после революции 1989 г., системной трансформации в Болгарии в конце XX – начале XXI вв., исследует также вопросы болгарской историографии. Валева является автором разделов по Болгарии во многих коллективных трудах, в том числе «История антикоммунистических революций конца XX в. Центральная и Юго-Восточная Европа» (М., 2007), «Общественные трансформации в странах Центральной и Юго-Восточной Европы (90-е годы XX века – начало XXI столетия)» (М., 2008), «Анатомия конфликтов. Центральная и Юго-Восточная Европа. Документы и материалы последней трети XX в. В 2-х томах» (СПб., 2012–2013); «Инакомыслие в условиях «реального социализма». Поиски новой государственности. Конец 60-х – 80-е годы XX в.» (М., 2014); «Великая Отечественная война. 1944 год: Исследования, документы, комментарии» (М., 2014); «Центральная и Юго-Восточная Европа. Конец XX – начало XXI вв. Аспекты общественно-политического развития» (М.; СПб., 2015).

Ст.н.с., к.и.н. И.Ф. Макарова в 1991 г. защитила в Институте славяноведения РАН кандидатскую диссертацию на тему: «Этническое самосознание болгар в первые века османского владычества. XV – XVI вв.». Она – специалист по истории Болгарии позднего средневековья и нового времени. Сфера основных научных интересов исследовательницы – проблемы ментальности и этнической истории болгар эпохи османского владычества. Макарова является автором двух монографий: «Болгарский народ в XV – XVIII вв.: этнокультурное исследование» (М., 2005) и «Болгары и Танзимат» (М., 2010), а также «болгарских» разделов в коллективных обобщающих трудах: «История Балкан: век восемнадцатый» (М., 2004), «История Балкан. Век девятнадцатый (до Крымской войны)» (М., 2012), «История Балкан: Судьбоносное двадцатилетие (1856–1878 гг.)» (М., 2013).

Исследовательница русско-болгарских связей в XIX в. ст.н.с. М.М. Фролова в 1987 г. защитила кандидатскую диссерта-

цию «История Болгарии в исследованиях русского историка А.Д. Черткова». Автор монографии «Александр Дмитриевич Чертков (1789–1858)» (М., 2007), удостоенной Макариевской премии 3-ей степени. Она является составителем публикации «Русия и българското национално-освободително движение, 1856–1876: Документи и материали». Т. 3 (София, 2002). В круг ее научных интересов входят проблемы русской болгаристики первой половины XIX в., российско-болгарских отношений в XIX в. Ей принадлежит серия статей о Болгарии и болгарском народе, в основу которых легли воспоминания русских офицеров-участников русско-турецкой войны 1828–1829 гг. В настоящее время М.М. Фролова работает над темой «Российская дипломатия и судьбы народов Македонии (1856–1877)».

Отрадно отметить, что недавно коллегия историков-болгаристов Института славяноведения пополнилась сразу тремя молодыми исследователями, выпускниками кафедры истории южных и западных славян Исторического факультета МГУ. Н.С. Гусев работает в Институте с 2013 г. Область его научных интересов – Балканские войны 1912–1913 гг., болгарское общество в этот период, русско-балканские связи в начале XX века. В 2016 г. защитил кандидатскую диссертацию на тему «Болгария и Сербия в русском общественном мнении в период Балканских войн 1912–1913 гг.».

Закончив аспирантуру Истфака МГУ, в том же 2013 г. в Институт пришли А.А. Леонтьева и А.С. Добычина. В настоящее время А.А. Леонтьева завершает работу над кандидатской диссертацией на тему «Процессы этнокультурной интеграции в болгарском обществе конца XVII – XVIII в. по данным документов кадийского суда Софии». Сфера ее научных изысканий – история болгарских земель в составе Османской империи, шариатские суды в балканских провинциях Османской империи. А.С. Добычина занимается болгаро-византийскими отношениями XI – XIII вв., историей Второго Болгарского царства, изучает роль культов святых и исторической памяти в болгарской средневековой истории. Опубликовала ряд работ по проблематике легитимации власти первых правителей независимого Второго Болгарского царства и специфической роли в этих процессах византийского влияния. А.С. Добычина

готовится к защите диссертации «Становление Второго Болгарского царства: власть и ее легитимация (1185–1204 гг.)».

В 1992–2002 гг. в Институте славяноведения работал Г.Д. Шкундин, защитивший в 1989 г. кандидатскую диссертацию, посвященную сепаратному миру с Болгарией в годы Первой мировой войны. Подготовленная им монография «Разделяй и властвуй! Вопрос о сепаратном мире с Болгарией в политике держав Антанты (октябрь 1915 – март 1916 г.)» получила высокую оценку болгарских коллег и была опубликована в Софии. Шкундин исследует узловые проблемы истории балканских народов в первой четверти XX в., а также более углубленно – истории Первой мировой войны. В настоящее время он заведует кафедрой в Международном независимом эколого-политологическом университете (Академия МНЭПУ) в Москве, читает общий курс лекций по балканской истории и спецкурсы, в том числе и по истории Болгарии.

Большинство вышеназванных сотрудников Института славяноведения (а также молдавский болгарист профессор Н.Н. Червенков) выступили соавторами упомянутого выше труда «Болгария в XX веке: Очерки политической истории» (отв. ред. ЕЛ. Валева). Опубликованная в 2003 г. в издательстве «Наука», книга отражает уровень развития современной российской болгаристики. Она вышла в академической серии «XX век в документах и исследованиях» и открыла цикл монографий о политической истории стран Центральной и Юго-Восточной Европы в новейшее время, подготовленных учеными Института славяноведения РАН.

Предыдущий обобщающий труд по истории страны «Краткая история Болгарии. С древнейших времен до наших дней», вышел в Москве в 1987 г. Перемены, произошедшие в 1990-е годы в России и странах Восточной Европы, потребовали переоценки многих исторических процессов. Решающие предпосылки для преодоления политизированных стереотипов и мифологизированных деформаций, свойственных марксистской историографии, были созданы в результате введения в научный оборот ранее недоступных документов из российских и болгарских архивов.

Авторы не ставили цель осветить в равной мере все вопросы. Исходя из собственных предпочтений, они сосредоточи-

ли главное внимание на тех ключевых проблемах, в которые требовалось внести существенные коррективы на основе современной источниковой и историографической базы, а также нового прочтения и переосмысления ранее известных фактов и документов. В центре внимания оказались: состояние болгарской государственности в начале XX в.; участие Болгарии в Балканских и Первой мировой войнах; решение задач национально-государственного объединения; особенности общественно-политического развития Болгарии в межвоенный период и в годы Второй мировой войны; влияние внешних и внутренних факторов на становление и развитие политической системы советского типа; анализ процессов в болгарской политической жизни на рубеже XX и XXI вв.

Несмотря на определенную избирательность подхода к тематике глав (авторы Е.Л. Валева, Т.В. Волокитина, Р.П. Гришина, Ю.Ф. Зудинов, Т.Ф. Маковецкая, Г.Д. Шкундин, Н.Н. Червенков), исследованию удалось придать обобщающий характер, хотя авторы отдают себе отчет в том, что им не удалось осветить равномерно все вопросы и все периоды истории Болгарии. Использование обширного документального материала, его объективная и беспристрастная трактовка позволили по-новому взглянуть на ряд болгарских проблем. Несомненным достоинством труда является его современное звучание. Так, в заключительных очерках «“Реальный социализм” в болгарском варианте: от “сталинизма” к “живковизму”» и «Становление постсоциалистического общественного строя» безвременно ушедший из жизни ст.н.с., к.и.н. Ю.Ф. Зудинов проследил явления и процессы в болгарском обществе в период системного кризиса социализма и «бархатных революций» в Восточной Европе, дал авторскую характеристику становления и функционирования нового государственного и общественного строя в Болгарии на рубеже веков. Масштабная работа по истории Болгарии (32,7 печ. л.) была признана специалистами первым крупным достижением постсоветской болгаристики и получила высокую оценку научной общественности обеих стран.

Огромную роль в подготовке молодых кадров болгаристов традиционно продолжает играть кафедра истории южных и западных славян Исторического факультета МГУ. С 1964 г. на кафедре преподает Почетный профессор МГУ и Почетный

доктор Софийского университета Л.В. Горина. Она читает курсы по историографии и источниковедению истории Болгарии, по южнославянской кирилловской палеографии, спецкурсы, осуществляет научное руководство дипломниками и аспирантами, специализирующимися по истории средневековой Болгарии. К сфере научных интересов Л.В. Гориной относится история и культура средневековой Болгарии, памятники средневековой болгарской книжности в древнерусских рукописях, изучение средневековой Болгарии в русской дореволюционной и болгарской историографии. Ее перу принадлежат монографии «Болгарский хронограф и его судьба на Руси» (София, 2005) и «Марин Дринов – историк и обществен деец» (София, 2006). За вклад в болгаристику проф. Горина награждена высшей наградой БАН – «Почетным знаком Марин Дринов». Кроме того, ей присвоено звание Почетный гражданин г. Софии.

Доц., к.и.н. П.Е. Лукин работает на кафедре с 1993 г. Он читает курсы «История южных и западных славян. Средние века» (для студентов II курса дневного отделения), «История Болгарии. Средние века» (для студентов III курса дневного отделения, специализирующихся по истории Болгарии на кафедре славян). В сферу его научных интересов входят история Балканского пространства и общества, история духовной культуры в ареале Slavia Orthodoxa, история Болгарии и болгар в эпоху Средневековья. В 2005 г. Лукин был награжден Шуваловской премией за монографию «Письмена и православие: Историко-филологическое исследование «Сказания о письменах» Константина Философа Костенецкого» (М., 2001).

С 2006 г. на кафедре преподает к.и.н. О.А. Дубовик. Она читает курс истории Болгарии в новое и новейшее время, историческую географию южных славян, а также осуществляет научное руководство дипломниками, специализирующимися по истории Болгарии. К сфере научных интересов О.А. Дубовик относятся история и культура Болгарии нового времени. Она является автором статей, посвященных развитию болгарской исторической мысли, болгарскому просветительскому движению, проблемам религии и церкви, османского владычества в болгарских сочинениях XVII – XVIII вв.

С сожалением приходится констатировать, что в последние годы заметно сократилось число дипломных работ выпус-

ников-историков МГУ, посвященных проблемам болгаристики. У молодых исследователей ослаб интерес к изучению истории Болгарии. Так, в 2015 г. на кафедре славян по Болгарии специализировались всего 4 студента. Предпочтение отдается бывшим Югославии и Чехословакии. Одной из причин такого положения является то, что нынешние студенты (как и российское общество в целом) мало знают о стране (хотя многие российские граждане отдыхают на болгарских курортах и даже имеют там недвижимость), Болгария недостаточно «раскручена» в российских СМИ, в прессе, на телевидении. Объяснение того, что она малоинтересна в политическом и экономическом плане, видится в следующем: Болгария находится на периферии международной политической жизни, она не является лидером в области экономических преобразований, экономического роста, не охвачена мощными интеграционными процессами, как некоторые страны Центральной и Юго-Восточной Европы. Другая причина непривлекательности Болгарии для студентов кроется в прагматичности молодого поколения – студенты предпочитают изучать те страны, которые могут предложить что-то конкретное (например, польское посольство предлагает студентам-полонистам стажировки в Польшу – и даже такие нехитрые меры оказываются действенными, привлекают молодежь). Тем более, если в перспективе речь идет об интересной и высокооплачиваемой работе.

Остальные российские историки-болгаристы «рассеяны» по разным научным учреждениям и вузам столицы и других городов страны.

Медиевист широкого профиля С.И. Муртузалиев обе свои диссертации посвятил истории Болгарии: кандидатскую «Болгарский народ и османская политика исламизации (вторая половина XV – XVI вв.)» (М., 1986) и докторскую «Изучение истории Болгарии XV – XVI вв. в России (XV в. – конец 1840-х годов)» (М., 1995). Преподавая долгие годы в Дагестанском госуниверситете, он являлся председателем Северо-Кавказского регионального отделения Международной научной ассоциации болгаристов. Муртузалиев выступил в качестве главного редактора и соавтора ряда коллективных трудов, среди которых «Историографические этюды по истории Болга-

рии XV – XVI вв.)» (1991), «История Болгарии XV – XVI столетий в российской историографии первой половины XIX в.)» (1996). В настоящее время он работает в Москве, в Институте всеобщей истории РАН.

Профессор Д.И. Полывянный, проректор по научной работе Ивановского государственного университета, исследует проблемы средневековой болгарской истории: структуру, типологию, политическое и социально-экономическое положение средневекового болгарского города в XIII – XIV вв., демографические проблемы на Балканах в средние века, болгаро-славянские и болгаро-византийские культурные связи и отношения в IX – XV вв. В 2000 г. он защитил докторскую диссертацию «Культурное своеобразие средневековой Болгарии в контексте византийско-славянской общности IX – XV вв.».

Э.Г Вартаньян, профессор кафедры новой, новейшей истории и международных отношений Кубанского госуниверситета, продолжает традиции когда-то многочисленного болгаристического центра в Краснодаре, созданного проф. Д.Г. Песчаным. По ее инициативе научно-образовательный центр «Северокавказское славяноведение» провел пять научно-практических конференций, в частности, в связи со 130-летием Освобождения Болгарии от османского ига и Годом Болгарии в России. Э.Г Вартаньян исследует социально-экономические и научно-организационные аспекты развития сельского хозяйства Болгарии в 1944–1990-е гг. (на эту тему ею защищена докторская диссертация), а в последние годы – разные аспекты болгарской культуры эпохи Средневековья, национального Возрождения, аграрные отношения в Болгарии в XVII–XX вв., вопросы болгарской аграрной науки. Ее усилиями подготовлено новое поколение кубанских болгаристов – Л.А. Уманская (изучает программу освободительной борьбы Г. Раковского), В.В. Бондарева (деятельность болгарского экзархата в конце XIX в.), Ф.В. Суханов (церковно-государственные отношения в Болгарии после Второй мировой войны).

К.и.н. Д.О. Лабаури, преподаватель кафедры новой и новейшей истории исторического факультета Уральского государственного университета (Екатеринбург), защитил в 2007 г. диссертацию на тему «Болгарское национальное движение в Македонии и Фракии в 1894–1908 гг.: идеология, програм-

ма, практика политической борьбы». Она была опубликована в Софии в 2008 г. В сферу научных интересов Лабаури входит история Юго-Восточной Европы в конце XIX – начале XX вв.

Необходимо также отметить, что ряд видных историков-болгаристов эмигрировали из бывшего Советского Союза – профессора Г.И. Чернявский и Д.Б. Мельцер (ныне оба в США), д.и.н. М.А. Бирман (в Израиле), к.и.н. Л.И. Жила (в Македонии). Правда, они не утратили интереса к болгаристике и продолжают активно работать. Так, Г.И. Чернявский исследует болгарскую проблематику на новом уровне, с привлечением ранее недоступных архивных материалов и постановкой и разработкой проблем, находившихся прежде под запретом в странах советского блока. Совместно с Л. Л. Дубовой он опубликовал в издательстве БАН монографию «Опыт беды и выживания» – о судьбе евреев Болгарии в годы Второй мировой войны. В соавторстве с д.и.н. М.Г. Станчевым он опубликовал книги о Георгии Бакалове и о связях Льва Троцкого с Болгарией. Они также выпустили монографию о Крыстю Раковском и сборник документов о его деятельности. В 2015 г. Г.И. Чернявский и Л.Л. Дубова опубликовали в серии «Жизнь замечательных людей» книгу о П.Н. Милюкове, историке, журналисте, политологе, лидере кадетской партии, министре Временного правительства. Монография написана с использованием обширных архивных материалов, основная часть которых обнаружена авторами.

Другой маститый ученый-болгарист, д.и.н. М.А.Бирман, переехав в начале 1990-х годов в Израиль, продолжил сотрудничество с коллегами из Института славяноведения, но главным направлением его исследований стало эмигрантоведение. Фигура П.М. Бицилли, русского историка и литературоведа, профессора Новороссийского и Софийского университетов, заняла особое место в творческих исканиях М.А. Бирмана, установившего тесный контакт с исследователями творчества П.М. Бицилли из России и Болгарии.

Говоря о развитии болгаристики в России, трудно переоценить роль двусторонней Комиссии историков России и Болгарии, созданной еще в 1968 г. На рубеже 1980–1990-х годов в условиях кризиса в СССР и политических перемен в Болгарии Комиссия временно прекратила свою работу. В течение

нескольких лет связи между научными учреждениями и институтами поддерживались в значительной мере благодаря энтузиазму отдельных ученых двух стран, не имели систематического характера и отличались слабой интенсивностью. Но уже в начале 1990-х годов обе стороны высказались за восстановление официальных контактов. Одним из первых шагов стало заключение Договора о прямом научном сотрудничестве между Институтом славяноведения и балканистики РАН и Институтом истории БАН на 1995–1997 гг.[4]. В 1995 г. возобновила свою работу и двусторонняя Комиссия историков. С болгарской стороны Комиссию возглавил профессор Георгий Марков, а Российской частью Комиссии вплоть до своей кончины в 2009 г. руководил академик РАН Г.Г. Литаврин. В настоящее время руководителем Российской части Комиссии является член-корреспондент РАН В.П. Козлов.

За время, прошедшее со времени возобновления работы Комиссии, утвердилась практика работы над двусторонними проектами, рассчитанными на три года и включающимися в План сотрудничества между РАН и БАН. Проекты предусматривали проведение конференций с обсуждением, преимущественно, прежде закрытых тем и последующей публикацией материалов, а также научный обмен специалистами на эквивалентной основе, что позволяло историкам работать в архивах и библиотеках двух стран. В результате было реализовано десять совместных исследовательских проектов, из них 9 – с Институтом истории (ныне Институт исторических исследований) БАН и 1 – с Институтом балканистики с Центром фракологии БАН. Результаты их были отражены в научных публикациях, в том числе и в серии «Российско-болгарские научные дискуссии». В серию вошли сборники статей российских и болгарских историков «Болгария в сфере советских интересов» (София, 1998), «Болгария и Россия в XX веке» (София, 2000), «Человек на Балканах в эпоху кризисов и этнополитических столкновений XX века» (Москва, 2002), «1956 год. Российско-болгарские научные дискуссии» (Москва, 2008), «Болгария и Россия: между признательностью и прагматизмом» (София, 2009), «Россия и Болгария: векторы взаимопонимания. XVIII – XXI вв.» (Москва, 2010), «България, Балканите и Русия. XVIII – XXI век. Българо-руски научни дискусии» (София, 2011). Публикаци-

ям предшествовало проведение представительных конференций в Москве и Софии, особенно в связи с Годом России в Болгарии и 130-летием Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. и Освобождения Болгарии (2008) и Годом Болгарии в России (2009).

В 2012–2014 гг. реализовался новый двусторонний проект – «Болгария и Россия: диалог в историко-культурном пространстве Юго-Восточной Европы XVIII – XXI вв.». В рамках этого проекта в 2012 г. российские ученые приняли участие в научных мероприятиях в Софии, посвященных 100-летию Первой Балканской войны, а в 2013 г. – в международной конференции «135 лет спустя: Болгария – Россия – Евразия». Таким образом, Комиссия по-прежнему играет важную роль в научной интеграции историков России и Болгарии.

За последние 20 лет стало очевидно: болгаристические исследования продолжают вести старые кадры, но появляются и новые имена. Это, конечно, отрадно, но огорчительно то, что этих имен очень мало. Мы наблюдаем отток кадров из болгаристики, в том числе и по чисто материальным соображениям. Сегодня речь идет уже о сохранении того, что мы имеем. Немалую помощь в этом могло бы оказать Посольство Болгарии в Москве, в последнее время практически не проявляющее интереса к развитию болгаристики в России, а также весьма редуцированный Болгарский культурный центр. Известно о трудностях с поступлением новой научной литературы в российские (даже столичные) библиотеки, сайты многих болгарских газет в Интернете стали платными. Огромный ущерб развитию болгаристических исследований в России нанесло закрытие Центра болгаристики при БАН, оказывавшего неоценимую помощь ученым предоставлением литературы и научных командировок. Понятно, что все упирается в финансы, но без государственной поддержки научных исследований в обеих странах задачу решить будет трудно.

Думается, что в привычном, традиционном виде болгаристика в перспективе вряд ли сохранится. Сегодня нужен новый уровень осмысления на стыке наук, необходимы новые теоретико-методологические подходы, приближение истории к социальной проблематике и интердисциплинарной методике исследований. Это предполагает рассмотрение болгаристики

как части социальной истории, изучение социальной структуры общества, особенностей менталитета и уровня политической культуры населения и элит, взаимоотношения власти и общества и многих других вопросов.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] См.: Советская болгаристика. Итоги и перспективы. Материалы конференции, посвященной 1300-летию Болгарского государства. М., 1983. Изучению вопросов истории Болгарии в СССР были посвящены два последних выступления Л.Б. Валева: на Всесоюзной конференции «Советская болгаристика. Итоги и перспективы» (Львов, январь 1981) и на I международном конгрессе по болгаристике (София, май 1981).

[2] *Гришина Р.П.* Формиране на становище по македонския въпрос в болшевишка Москва, 1922–1924: по документи на руските архиви // Македонски преглед. София. 1999. № 4; Македония в 1878–1912 гг. // В «пороховом погребе Европы». М., 2003; *Лабаури О.Д.* Болгарское национальное движение в Македонии и Фракии в 1894–1908 гг.: идеология, программа, практика политической борьбы. София, 2008; *Сквозников А.Н.* Македония в конце XIX – начале XX века – яблоко раздора на Балканах. Самара, 2010.

[3] *Исаева О.Н.* Мюрцштегский опыт «умиротворения» Македонии // Македония. Проблемы истории и культуры. М., 1999; *она же.* Национальное самосознание славянского населения Македонии в начале XX века // Славяноведение. 2002. № 3; *она же.* Македонский ответ на македонский вопрос // Историки-слависты МГУ. Кн. 6. Б.Н. Билунов. М., 2008; *она же.* От войны к войне: проблема Македонии в русско-болгарских отношениях (1878–1913 гг.) // Россия-Болгария: векторы взаимопонимания. XVIII-XXI вв. М., 2010.

[4] См.: О чем поведают архивы... Российско-болгарские отношения и связи. М., 2011. С. 359.

Н.Н. Червенков*

ИСТОРИЧЕСКАЯ БОЛГАРИСТИКА В РЕСПУБЛИКЕ МОЛДОВА

Мне посчастливилось общаться с Л.Б. Валевым, этим глубоким ученым и удивительной красоты и такта человеком, во время моей научной специализации в Институте славяноведения АН СССР, а также во время проведения ряда мероприятий в Кишиневе, в частности, организации 6-го заседания двусторонней Советско-болгарской комиссии историков в 1977 г., посвященного 100-летию Освобождения Болгарии.

Будучи студентом Одесского университета, я уже слышал его имя. В спецкурсе проф. И.В. Ганевича об участии Болгарии во Второй мировой войне работы Валева занимали центральное место. Это с одной стороны. А с другой, его имя встречалось в связи с широким изучением в университете темы «Болгарские политэмигранты в Советском Союзе», которой и я посвятил два студенческих доклада. Предполагалось, что ученый приедет в 1972 г. в Одессу для выступления оппонентом на защите докторской диссертации М.Д. Дыхана, написанной на эту тему. Но по техническим причинам поездка не состоялась.

И неслучайно нынешняя конференция, посвященная Л.Б. Валеву, занимается проблемами исторической болгаристики. Из личного с ним общения знаю о его заинтересованности и беспокойстве о перспективах ее развития. Любомир Борисович считал, что в Кишиневе сложился один из крупных в Советском Союзе центров болгаристики и постоянно оказывал ему внимание и поддержку. По его инициативе и с его участием здесь был проведен ряд научных мероприятий, в руководимом им секторе Института славяноведения проходили учебу и стажировку молодые молдавские специалисты.

---

* Червенков Николай Николаевич – доктор исторических наук, профессор, председатель Научного общества болгаристов в Республике Молдова.

В Молдове существует давняя традиция изучения проблем болгаристики. Это связано прежде всего с такими известными исследователями, как Александр Яцимирский, Полихроний Сырку, Богдан Патричейку Хаждеу, Димитар Агура, Александр Теодоров-Балан, Петър Драганов, Петру Константинеску-Яшь, Ион Нистор, Александру Арборе, Димитар Минчев, Иван Мещерюк, Константин Поглубко и др. Организационное становление исторической болгаристики связано с созданием в 1957 г. в Институте истории АН Молдавской ССР Отдела истории европейских стран, где была сформирована группа, занимающаяся различными проблемами истории болгарского народа. Однако в результате преобразований в Академии наук Молдовы после провозглашения независимости республики это подразделение было закрыто.

В то же время, в годы перестройки насущной задачей стало изучение проблем болгарского населения республики. Поэтому в 1989 г. создается группа болгароведения в составе Отдела этнографии и искусствоведения Академии наук. Через год это научное подразделение, переименованное в Отдел болгаристики, вошло в состав Института национальных меньшинств АНМ. Оно существует и до настоящего времени, правда, под другим названием: Группа этнологии болгар Института культурного наследия АНМ. Его долгое время возглавлял к.и.н. Савелий Новаков, потом д.и.н. Николай Червенков, а сейчас – к.ф.н. Надежда Кара.

Спустя пять лет после создания Отдела, в 1994 г., в Кишиневе было создано Научное общество болгаристов Республики Молдова. В его состав вошли академические и вузовские сотрудники, журналисты, краеведы, студенты и др., занимавшиеся проблемами болгаристики. Объединяя усилия специалистов, Общество ставило перед собой задачу расширить масштабы исследований и их направления. Для издания печатной продукции привлекались спонсоры.

Наряду с этими двумя институциями проблемы исторической болгаристики в республике исследуют в Кишиневском педагогическом университете им. И. Крянгэ, в Высшей Антропологической школе (университете), в Комратском государственном университете и особенно в Тараклийском государственном университете им. Григория Цамблака, созданном

в 2004 г. для обучения болгарской молодежи. Существует интерес к данной тематике и в ряде болгарских национально-культурных организаций.

Со времени создания Отдела болгаристики Института национальных меньшинств АНМ проблематика его исследований была обширна: история, этнография, языкознание и фольклор. Учитывая, что костяк Отдела составили уже сформировавшиеся ученые-болгаристы, в нем сразу же были подготовлены монографические работы, сборники статей. В 1993 г. выходит первый сборник отдела: «Проблемы языка, истории и культуры болгарской диаспоры в Молдове и на Украине». В том же году опубликована монография Ивана Грека «Школа в болгарских и гагаузских поселениях юга Российской империи в первой половине XIX века». Этот труд является первой удачной попыткой специального исследования истории становления и развития школьного дела в болгарских и гагаузских поселениях. В книге собраны документальные сведения об истории школ во всех селах, где проживали болгарские и гагаузские колонисты. Хронологически эту проблему продолжила к.и.н. Екатерина Челак, которая в 1999 г. при финансовой поддержке Научного общества болгаристов издала монографию «Школьное дело и культурно-просветительская жизнь болгарских переселенцев Бессарабии во второй половине XIX в.». Грамотность болгарского населения Бессарабии и Тираспольского уезда во второй половине XIX в. рассматривается в объемной статье И. Жаркуцкого, которая полностью написана на впервые вводимых в научный оборот материалах архивов Молдовы.

Повышенный интерес болгарской общественности республики к своей истории, к Болгарии и своим соплеменникам был отчасти удовлетворен книгой Ивана Грека и Николая Червенкова «Болгары Украины и Молдовы: прошлое и настоящее» (на болгарском языке, София, 1993). Это первая обобщающая работа о болгарской диаспоре в Молдове. Ее с интересом встретили в республике, а также на Украине и в Болгарии, подтверждением чему служат десятки опубликованных положительных отзывов. Книгу полностью перепечатала в нескольких номерах газета «Роден край» (Одесса).

Общество болгаристов направило свои усилия прежде всего на исследование краеведческих тем. Первой ласточкой стали

труды краеведа Георгия Аствацатурова. Из-под его пера вышли два тома истории самого крупного болгарского села в Молдове – Парканы. Под грифом общества была издана и его монография «Бендерская крепость», ставшая основой его кандидатской диссертации. В 2006 г. первая часть книги Г. Аствацатурова – «История села Парканы» – была переиздана под названием «Болгары – 200 лет в Парканах». Этот известный краевед последние десятилетия работает в России, где успешно занимается новыми методами преподавания истории, продолжая проявлять интерес и к краеведческой болгаристике: им опубликовано несколько статей о болгарах Краснодарского края.

Крупной работой краеведческого характера является книга по истории села Кортен Тараклийского района – «Село Кортен. Времена и судьбы» (Кишинев, 2009). Авторы – историк С. Новаков и краевед Н. Гургуров. Особенно интересно документальное приложение в книге: список переселенцев из села Кортен в Бессарабию, списки Ревизских сказок села, Именной раздельный список за 1907 г., имена депортированных кортенцев и т.д., а также богатый фотоиллюстративный материал. Несколько членов общества болгаристов (Н. Червенков, В. Степанов, Д. Никогло) участвовали наряду со специалистами Одесского национального университета в подготовке крупного коллективного труда по истории села Городнее (Чийшия) Одесской области[1]. Научное общество болгаристов содействовало изданию книги И. Грека о болгарском селе Яровое (Гюлмян) Тарутинского района Одесской области. Опираясь на разнообразные архивные материалы, автор тщательно изучил историю села, его хозяйственную, духовную, культурную, социальную жизнь на всех этапах развития. Весьма ценными являются прилагаемые документы, особенно Ревизские сказки колонии Дюльмян за 1835, 1851, 1859 годы.

Оригинальную работу подготовил и опубликовал командированный в Молдову из Болгарии учитель Н. Маринов. Это небольшая книга на болгарском языке «Село Викторовка, Република Молдова (История, бит и култура)» (Кишинев, 2007). Основанная в значительной мере на воспоминаниях жителей села, она, помимо прочего, освещает современное состояние болгарского языка в селе, содержит описание многих народных традиций.

Важным достижением общества является труд краеведа Ивана Паскова о селе Колибабовка[2]. Это первая крупная работа о болгарском селе в Молдове, возникшем в результате внутреннего переселения болгар из сел Твардица и Кортен. К юбилею республиканского центра болгарской культуры – города Тараклия была подготовлена монография «Тараклии – 200 лет»[3].

В настоящее время работа краеведов продолжается. Завершает книгу о своем родном селе Суворово (Шикирли-Китай) Измаилского района, Одесской области Украины Николай Руссев (ряд материалов уже опубликован).

Все перечисленные краеведческие работы отличаются научной новизной, прежде всего опираются на новые источники. В центре внимания авторов вопросы, которые не были ранее предметом внимания исследователей: заселение, участие в политической жизни, коллективизация и депортация, духовная жизнь и т.д.

Параллельно с краеведческими работами продолжились научные исследования обобщающего характера о бессарабских болгарах. Многолетняя работа С. Новакова в Институте межэтнических исследований АНМ увенчалась крупной монографией «Социально-экономическое развитие болгарских и гагаузских сел в южной Бессарабии (1857–1918)»[4]. Эта работа явилась тематическим и хронологическим продолжением монографии И. Мещерюка, который исследовал этот вопрос на ином хронологическом отрезке – до Крымской войны 1853–1856 гг. Привлекая оригинальные архивные материалы, Новаков проанализировало развитие сельского хозяйства, ремесел, торговли и промышленного производства задунайских переселенцев с середины XIX в. до начала XX в. В этой монографии, а также в ряде статей автор представил итоги изучения им историографии проблемы взаимосвязи болгарского и гагаузского населения с немецкими колонистами в Бессарабии.

После известного специалистам сборника документов об устройстве задунайских переселенцев в Бессарабии, изданного еще в советские годы, болгаристы длительное время не обращались к данной тематике. Но в 2012 г. И. Грек опубликовал весьма важный и интересный сборник, освещающий недовольство болгар отторгнутой части Бессарабии политикой румынских властей по отношению к ним[5]. Новое теоретичес-

кое направление этот активно и плодотворно работающий исследователь открывает в своей монографии «Антропонимия «задунайских переселенцев» (последняя треть XVIII – начало XIX вв.)», раскрывая особенности формирования антропонимии задунайских переселенцев на территории Молдавского княжества, а затем Буджака. Исследуются также предпосылки их трансформации под воздействием религиозного фактора, условий османского господства, а затем эмиграции и длительного проживания в иноязычной среде.

В связи с 200-летием присоединения Бессарабии к России вышли работы, отражающие судьбу болгарских переселенцев в этом регионе. Прежде всего следует отметить исследование И. Грека и Н. Руссева[6], являющееся ответом на альтернативную историю, которую сегодня навязывает обществу правящий режим в республике.

Яркая краска в палитре исторических исследователей болгаристов Молдовы, прежде всего краеведов, – изучение и восстановление родословных. Зачинателем этой тематики является краевед из г. Тараклия Петр Кайряк. Первым шагом явилось описание им рода своего земляка Олимпия Панова, деятеля болгарского национально-освободительного движения, участника русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Но помимо этого автор изучал и другие тараклийские родословные, вошедшие в двухтомник «Родословные древа Тараклии»[7]. В нем представлены краткие описания родов, родословные схемы, фотографии встреч однофамильцев. Скрупулезная работа проведена с привлечением Ревизских сказок Тараклии за 1818 1835, 1850 и 1859 годы, которые хранятся в Национальном архиве Республики Молдова, а также списков жителей колонии, составлявшихся при разделах земли. Отдельные итоги исследования П. Кайряка были опубликованы в различных периодических изданиях Молдовы, Украины и Болгарии. Учитывая их научную и общественную значимость, Научное общество болгаристов издало их отдельным сборником[8].

И. Грек является основным автором, составителем и научным редактором книги «Гюльмянцы: родословные корни и семейные истории» (Кишинев, 2007). Это издание, по сути, продолжает сборник «Бесарабските българи за себе си...», вышедший в Софии в 1996 г. и включавший рассказы о родослов-

ных бессарабских болгар (в том числе жителей и выходцев из села Гюльмян).

Дело по изучению родословных жителей болгарских сел продолжил директор историко-краеведческого музея села Кайраклия И. Манолов, издавший работу «Родословные древа Кайраклии» (Кишинев, 2009). В книге описаны и представлены схемы восьмидесяти родов жителей села. Эта работа представляет интерес не только для кайраклийцев Молдовы, но и для их бывших односельчан – ныне жителей села Кайраклия (Нагорное) Одесской области, а также сел Гюневка и Радоловка Запорожской области, предки которых переселились из Кайраклии в начале 60-х гг. XIX в.

Все более пристальное внимание исследователей привлекает история духовной жизни бессарабских болгар. С. Новаков описывает процесс освящения Преображенского собора в Болграде. Он же в соавторстве с краеведом Н. Гургуровым издали книгу об истории церквей молдавского (Св. Вознесения) и болгарского (Св. Николая) сел Кортен[9]. Церковной истории бессарабских болгар посвятили ряд статей Н. Руссев и Н. Червенков[10]. Успешно изучает историю церквей в болгарских колониях Бессарабии молодой исследователь, выпускник Молдавского и Велико-Тырновского университетов И. Думиника, описавший духовную жизнь болгар южной Бессарабии в 1856–1878 гг., строительство церквей в колониях бессарабских болгар в начале XIX в. и пр. Отдельную монографию он посвятил двухсотлетней истории церкви болгаро-гагаузского села Кирсово в Гагаузии[11]. Н. Червенков опубликовал книгу о Петро-Павловской церкви села Чийшия (Городнее) Одесской области.

Важным направлением работы Отдела болгаристики являлись социологические исследования по темам «Проблемы сохранения культурной самобытности болгарской общины в СССР» (1990–1991), «Актуальные социальные проблемы болгарской диаспоры на Украине и в Молдове» (1992), «Бессарабские болгары – традиции и перемены» (1994) и др. Результатом работы явилось издание сборника «Бессарабские болгары о себе» (1996)[12], а также подготовка обобщающих материалов и конкретных рекомендаций, свидетельствующих о востребованности социологических исследований и практической значимости изучения данной тематики.

Научное общество болгаристов первоначально с Кишиневским педагогическим университетом им. И. Крянгэ, а затем и с Тараклийским государственным университетом им. Гр. Цамблака издает серию «Молдавско-болгарские связи». Вышли из печати четыре выпуска, каждый из которых посвящен отдельным проблемам, начиная с античности и кончая современностью. Общество публикует также сборники, посвященные отдельным исследователям (первый был подготовлен к юбилею историка–болгариста К.А. Поглубко[13]). Сборник «История и культура болгар и гагаузов Молдовы и Украины»[14] раскрывает не только научный вклад болгариста И.И. Мещерюка, но и освещает его общественно-политическую деятельность. Книга «България: диаспора и метрополия» издана к 65-летию председателя Научного общества болгаристов и ректора Тараклийского университета им. Гр. Цамблака Н.Н. Червенкова. К 25-летию Отдела болгаристики АНМ и 20-летию Научного общества болгаристов в 2014 г. был издан сборник «Бесарабските българи: история, култура и език». Во всех упомянутых изданиях, отражающих вклад историков в развитии болгаристики в Молдове, рассматриваются важные аспекты истории бессарабских болгар, их связей с метрополией – Болгарией. Многие современные проблемы болгарского населения, в частности, национально-культурное развитие, связи со своей диаспорой, место в социально-экономическом развитии Молдовы и др., раскрыты в публицистических и политологических статьях И. Грека и Н. Червенкова.

Как можно заметить, основная проблематика болгаристов Молдовы связана с проблемами болгарского населения республики. Однако в сфере их внимания по-прежнему остаются различные аспекты истории болгарского народа, связи Болгарии и Молдовы. Подтверждают это научно-популярная работа Н. Червенкова «Васил Левский», статьи о болгарском Возрождении и Просвещении И. Грека, Е. Челак, Н. Червенкова, о развитии политической ситуации в Болгарии (Н.Червенков), публикацией которых автор включился в дискуссию о задачах и целях болгар-участников восстания 1850 г. Н. Червенков придерживается концепции о наличии в этих выступлениях политических требований[15]. По случаю 125-летия русско-турецкой войны 1877–1878 гг. и Освобождения Болгарии от османского владычества болгаристы Республики Молдова про-

вели ряд научных конференций, материалы двух из них были опубликованы.

Одной из особенностей развития болгаристических исследований в Молдове в последние годы является все более активное изучение далекого прошлого Болгарии и болгарского народа. Нельзя не отметить в связи с этим большой вклад Николая Руссева, ректора Высшей антропологической школы, заместителя председателя Научного общества болгаристов. Он является автором раздела, посвященного средневековой Болгарии в коллективной работе о славянах Днестровско-Карпатского региона, их участии в формировании болгарской народности. В соавторстве с коллегами из Болгарии проф. Г. Атанасовым и д-ром В. Йотовым Н. Руссев в ряде статей представил предварительные результаты раскопок крепости Руйно в Силистринском округе[16]. Эти раскопки велись студентами Высшей антропологической школы Кишинева и Тараклийского государственного университета им. Гр. Цамблака. Н. Руссев также являлся руководителем международного проекта «Онглос», который был реализован в 2002 г. на юге Республики Молдова. В частности, при участии коллег из Болгарии в районе озера Кагул проводились археологические исследования средневековых болгарских памятников.

В центрах болгаристических исследований создаются богатые коллекции книг и материалов по болгаристике. Например, в библиотеке Тараклийского университета им. Гр. Цамблака сосредоточились личные архивы и библиотеки известных исследователей – И. Мещерюка, И. Анцупова, И. Грека. Начинают выходить из печати различные справочные издания, в том числе библиографии отдельных ученых. Среди таких работ назовем фундаментальный каталог «Болгары Молдовы и Украины: вторая половина XVIII в.», подготовленный Отделом болгаристики и Научным обществом болгаристов. Он включает более 8 тыс. монографий, сборников, статей и других работ на разных языках[17]. Этот указатель стал настольной книгой для всех тех, кто занимается проблемами истории, этнографии бессарабских болгар, болгаро-молдавскими и болгаро-российскими связями. Впервые опубликовано издание, включающее избранные работы отдельного автора. Это сборник С.З. Новакова[18], в который вошли его работы за несколько десятилетий, опубликованные

в различных периодических изданиях и освещающие различные аспекты жизни болгар Бессарабии: социальные отношения, экономику, просвещение и культуру.

Наряду с монографиями и сборниками, подготовленными в Молдове, болгаристы участвовали в написании коллективных работ совместно с зарубежными коллегами. В фундаментальном труде «Болгария в XX веке. Очерки политической истории»[19], готовившемся в Институте славяноведения РАН, Н. Червенков стал автором раздела о болгарском обществе на грани XIX – XX веков. Он же участвовал в подготовке болгарско-российского документального сборника «Россия и болгарское национально-освободительное движение. 1856–1876»[20].

Впервые в Молдове в 2003 г. была защищена диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук по болгарской проблематике. Это работа Н. Червенкова «Формирование идей болгарской государственности в эпоху национального Возрождения». Автор всесторонне изучил идеи, программы и проекты создания болгарской государственности, разрабатывавшиеся на разных этапах национально-освободительного движения, проанализировал воздействие внешних факторов на развитие болгарской политической мысли, проследил отражение позиций болгарских политических групп в проектах, предлагавшихся великими державами.

В наши дни молдавские болгаристы сосредоточили свои усилия на изучении современных проблем болгар в Молдове и на Украине. Расширивший свой исследовательский диапазон и успешно занимающийся политологическими проблемами И. Грек исследует место Болгарии в геополитическом пространстве и в межнациональных отношениях в республике, анализирует основные их направления[21]. Тенденции национально-культурного развития, события, личности и интеграционные процессы среди болгар Молдовы освещает Н. Червенков. При этом важный ракурс приобретает рассмотрение положения болгар в местах их компактного проживания в республике через призму международных стандартов в области защиты национальных меньшинств.

Широкий отклик среди специалистов и заинтересованной общественности получил сборник документов «На пути к национальной духовности болгар Молдовы» (составители И. Грек, Н. Червенков, И. Шпак и Т. Шикирлийская)[22]. В него

включены периодика, документы государственных и общественных институтов, воспоминания участников болгарского движения в республике. В предисловии к книге, написанном И. Греком, выявлены тенденции болгарского движения в сложные годы становления современного молдавского государства. Многие аспекты нынешнего развития болгарской диаспоры в Молдове прослеживаются также в коллективном сборнике, раскрывающем деятельность болгарских национально-культурных организаций республики[23]. И. Грек определяет место болгар в политической жизни молдавского общества. Например, он впервые привлек внимание к проблеме выживания на современном этапе сельских болгар Молдовы и Украины[24], подробно осветил сложный процесс создания Тараклийского государственного университета[25]. Работе этого особенного болгарского учебного заведения в Молдове посвящены также статьи первого его ректора Н. Червенкова[26] .

Многосторонние аспекты этнокультурного развития болгарского населения, в том числе проблемы этнокультурной идентичности, особенности самоидентификации болгар Молдовы, представления подрастающего поколения республики о типичном болгарине, изучение родной словесности бессарабскими болгарами и т.д., исследованы в ряде публикаций Е. Рацеевой[27]. Детальное развитие и обобщение они получили в кандидатской диссертации автора «Проблема сохранения и развития этнической идентичности подрастающего поколения болгар Республики Молдова на современном этапе», которая была успешно защищена в 2010 г.

Болгаристы республики продолжают исследования по этнологии болгарского населения края. Успешные полевые исследования по сбору материалов о болгарской национальной одежде, болгарских календарных праздниках осуществили сотрудники Отдела болгаристики Института культурного наследия АНМ. Объект изучения Е. Банковой – одежда болгар, в том числе и в сравнении с одеждой других народностей края[28]. А. Кавалов опубликовал работы о календарных праздниках бессарабских болгар, об изучении феномена «кукеры» у болгар и т.д.[29], защитил по этой тематике кандидатскую диссертацию.

Последнее направление, на котором хотелось бы остановиться, – это историография. В продолжающемся издании

«Българите в Северното Причерноморие» помещена статья Н. Червенкова, в которой анализируется развитие молдавской болгаристики в 2001–2005 гг., в частности отражение Освобождения Болгарии в молдавской историографии. В отдельной статье ученый определяет задачи болгаристических исследований в Тараклийском университете. Им же представлен научный портрет известного харьковского болгариста С.И. Сидельникова как исследователя болгарского Возрождения[30]. Н. Руссев освещает совместные молдавско-болгарские исследования археологических памятников Нижнего Подунавья[31]. В статье об археологии болгарского Онглоса ученый предлагает уточненную датировку большинства болгарских памятников региона, аргументированно относя их к IX – X вв.

Особенно успешно в плане историографии работает И. Думиника, издавший десятки статей по различным аспектам истории бессарабских болгар[32]. На эту тему им написана и диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук, а также издана монография[33], посвященная анализу зарубежной научной литературы о бессарабских болгарах. Достижения молдавской болгаристики специально рассматриваются в сборнике, посвященном 25-летию группы этнологии болгар академического Центра этнологии и 20-летию Научного общества болгаристов Республики Молдова[34]. Выходят труды, посвященные отдельным болгаристам[35], где наряду с анализом их вклада в науку освещаются многие аспекты истории бессарабских болгар.

Новое направление в исторической болгаристике Молдовы относится к публикации источников личного происхождения. Его открыл И. Ф. Грек своими мемуарами «Преодолевая себя и обстоятельства. (Воспоминания)» (Кишинев, 2009). Автор раскрывает свое видение состояния и развития болгарского национального движения в Молдове на протяжении последних десятилетий, характеризует отдельные учреждения, организации и личности. Хотя работа не была воспринята однозначно, но она очень важна для показа идейной борьбы в среде болгар Молдовы и Украины.

Трудно переоценить значение регулярно проводимых в республике научных форумов. Ежегодно проходят тематические встречи в болгарском лицее «Васил Левски», посвященные бол-

гарскому апостолу свободы. В 2007 г. силами Тараклийского государственного университета им. Гр. Цамблака, Общеболгарского комитета «Васил Левски» и Научного общества болгаристов была организована научно-практическая конференция «Безсмъртието на Васил Левски» (ее материалы изданы в Кишиневе отдельным сборником в 2008 г.). Научное общество болгаристов является основным организатором конференций «Молдавско-болгарские связи», которые проводятся каждые два года, начиная с 1996 г. Организуются встречи, посвященные отдельным деятелям: «Олимпию Панову – 150 лет», «Юрию Венелину – 200 лет», и т.д. Начиная с 2004 г., Научное общество болгаристов и Тараклийский государственный университет проводят научные встречи на тему: «Тараклийский университет и будущее болгарской диаспоры в Молдове».

Таково, вкратце, состояние исторической болгаристики в Республике Молдова. Приоритетными являются темы, связанные с изучением истории болгар Молдовы, Украины и России. Труды молдавских болгаристов – важная составляющая просветительского и культурного дела, направленного на поддержание болгарского фактора в республике. В результате Молдова все более зримо утверждается как важный центр болгаристики вне болгарской метрополии.

В перспективе намечается расширять тематику исследований, вводить в оборот новые документальные источники, прежде всего, из числа рассекреченных архивных материалов, укреплять сотрудничество и координировать свою деятельность с центрами и коллегами из других стран, занимающимися проблемами болгаристики.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Чийшия: очерки истории и этнографии болгарского села Городнее в Бессарабии. Одесса, 2005.

[2] *Пасков И.* Колибабовка. Болгарское село на севере Буджака. Кишинев, 2011.

[3] *Червенков Н.,Думиника И.* Тараклии – 200 лет. Том I (1813–1940). Кишинев, 2013.

[4] *Новаков С.* Социально-экономическое развитие болгарских и гагаузских сел Южной Бессарабии (1857–1918). Кишинев, 2004.

[5] *Грек И.* Забытые страницы истории Южной Бессарабии (1856–1861). Сборник документов и материалов. Кишинев, 2012.

[6] *Грек И., Руссев Н.* 1812 – поворотный год в истории Буджака и «задунайских переселенцев». Кишинев, 2011.

[7] *Кайряк П.* Родословные древа Тараклии. Кишинев, 1999*; он же*. Родословные древа Тараклии. Кишинев, 2002.

[8] *Кайряк П.* Тараклия и тараклийци. Кишинев, 2014.

[9] *Новаков С., Гургуров Н.* Очерки истории кортенских храмов в Молдове и Болгарии. Кишинев, 2005.

[10] *Руссев Н.* Василий Дмитриевич Агура: жизнь и судьба // Православные храмы в болгарских и гагаузских селениях юга Украины и Молдовы. Вып. 1. Болград, 2005. С. 246–256; *Червенков Н.* Церковь села Чийшия // Православные храмы. С. 154–165; *он же.* Создание церквей в болгарских селениях Бессарабии// Православные храмы. С. 173–187.

[11] *Думиника И.* Храм Успения Божией Матери села Кирсово (Исторические аспекты). Кишинев, 2012.

[12] Бесарабските българи за себе си /Съст. П.-Е. Митев и Н. Червенков/ София, 1996.

[13] България в сърцето ми... Сборник, посветен на 60-годишнината от рождението на Константин Поглубко. София, 1996.

[14] История и культура болгар и гагаузов Молдовы и Украины (Сборник статей к 100-летию со дня рождения И.И. Мещерюка). Кишинев, 1999.

[15] *Червенков Н.* О политических целях восставших болгар в 1850 г. // Синергетика образования. Армавир, 2010. № 2(18). С. 153–155.

[16] См., например: *Атанасов Г., Йотов В., Руссев Н.* Ранносредновековна крепост до с. Руйно, общ. Дулово, Силистренска област // Археологически открития и разкопки през 1999–2000 г. София, 2001. С. 130–131.

[17] *Грек И.* Болгары Молдовы и Украины: вторая половина XVIII в. – 1995 г. (Библиографический указатель литературы) /Съст. И.Ф. Грек, Е.И.Челак, Н.Н.Червенков, И.И. Шпак/ . Кишинев, 2003.

[18] *Новаков С.* Болгарская общность в Молдове и Украине (XIX–XX вв.). Страницы истории и культуры. Кишинев, 2010.

[19] Болгария в XX веке. Очерки политической истории /Отв. ред. Е.Л. Валева/ Москва, 2003.

[20] Русия и българското национално-освободително движение. 1856/1876. Документи и материали. Т. III, май 1867 – декември 1869. София, 2002.

[21] *Грек И.* Болгария и болгары Молдовы и Украины в контексте геополитического процесса в Юго-Восточной Европе на рубеже XX и XXI столетий // Бессарабия и освобождение Болгарии. Кишинев, 2004. С. 109–117.

[22] На пути национальной духовности болгар Молдовы. Документы и материалы (конец 80-х – 90-е гг. XX в.). Кишинев, 2005.

[23] Българите в Република Молдова. Организационна дейност /Съст. И. Забунов/ София, 2011.

[24] Проблемы выживания сельских болгар Украины и Молдовы в XXI в. // Българите в Северното Причерноморие. Изследвания и материали. Том девети. Одеса, 2006. С. 179–195.

[25] *Грек И.* Тараклийский университет: история, проблемы, открытия // Мысль. 2007, № 2. С. 41–50.

[26] *Червенков Н.* Тараклийският държавен университет – нов център на българщината в Молдова // Български хоризонти. 2007 Бр. 6–7. С. 13; *он же.* Тараклийския държавен университет: състояние и перспективи // Българите от Молдова и Украйна – език, литература, история, култура и образование. София, 2009. С. 221–226.

[27] См., например: *Рацеева Е.* Особенности самоидентификации болгар Молдовы и контуры их этнокультурной системы координат // Revista de etnologie şi culturologie. Chişinău, 2008, Vol. 3. P. 300–305.

[28] *Банкова Е.* Общее и особенное в детской одежде болгар и гагаузов // Revista de etnologie si culturologie. 2010. Vol. 5. P. 89–93.

[29] *Кавалов А.* Летните празници и обичаи на българите в Молдова // Българският език в Молдова. Комрат, 2009. № 9. С. 115–130.

[30] *Червенков Н.* С.И.Сидельников – исследователь болгарского Возрождения // Дриновський збірник. Т.II. Харків-Софія, 2008. С. 288–291.

[31] *Руссев Н.* Совместные молдавско-болгарские исследования археологических памятников Нижнего Подунавья (Некоторые итоги и перспективы) // Relaţiile moldo-bulgare: problemele de cercetare. Chişinău, 2007. P. 37–44.

[32] См., например: *Думиника И.* Переселение балканских народов в Бессарабию в первой половине XIX в. в русской и румынской историографии // Analele ştiinţifice ale Uneversităţii de Stat din Moldova. Seria «Lucrări studenţeşti». Chişinău, 2010. P. 66–70.

[33] *Думиника И.* Българските преселници в Бесарабия в края на XVIII – първата половина на XIX век в историографията. Кишинев, 2015.

[34] Бесарабските българи: история, култура и език (25-годишнина на групата «Етнология на българите» в Центъра по етнология на Института за културно наследство АНМ и 20-годишнина на Научното дружество на българистите в Република Молдова). Кишинев, 2014.

[35] България: метрополия и диаспора. Сборник по случай 65-годишнината на д.и.н. Николай Червенков /Съст. И. Думиника. Науч. ред. К. Калчев/ Кишинев, 2013; Revista de etnologie şi culturologie. Vol. XVII. (Номер посвящен памяти исследователей истории и фольклора болгар Молдовы и Украины – Савелия Новакова и Петра Стоянова) / Науч. ред. Н. Кара, Н. Червенков, Ив. Думиника/ Chişinău, 2015.

Э.Г. Вартаньян*

ИСТОРИЧЕСКОЕ СЛАВЯНОВЕДЕНИЕ В КУБАНСКОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ УНИВЕРСИТЕТЕ

Статья посвящена 100-летию со дня рождения известного отечественного болгариста профессора Л.Б. Валева. К сожалению, лично я не была знакома с Любомиром Борисовичем, но знала его труды по исторической болгаристике. О Любомире Борисовиче как крупном ученом и прекрасном человеке много слышала от своего учителя, профессора Д.Г. Песчаного. Диволь Григорьевич, известный историк-болгарист, много рассказывал своим аспирантам об отечественных славистах, внесших большой вклад в развитие исторической науки СССР/России, а также оказавших влияние на его собственную научную деятельность, в частности, о С.А. Никитине, Л.Б. Валеве, И.Н. Частухине, И.В. Козьменко, В.Г. Карасеве. И когда в далеком 1984 г. Д.Г. Песчаный как научный руководитель стоял перед выбором второго официального оппонента по моей кандидатской диссертации, он обратился к Елене Любомировне Валевой, молодому тогда исследователю-болгаристу, кандидату исторических наук. Для меня это было большой честью, т.к. речь шла о дочери Л.Б. Валева, о котором так много рассказывал мне мой учитель. Так я познакомилась с Еленой Любомировной и поддерживаю с ней теплые отношения до настоящего времени.

Становление исторической болгаристики на Кубани прочно связано с именем Д.Г. Песчаного (1928–1998). Возглавив в начале 1970-х гг. кафедру всеобщей (позднее новой и но-

* Вартаньян Эгнара Гайковна – доктор исторических наук, профессор кафедры новой и новейшей истории Кубанского госуниверситета.

вейшей) истории Кубанского государственного университета (КубГУ) и руководив ею более 20 лет, он направил всю свою энергию на развитие этой отрасли славистики в нашем регионе. Научное наследие Д.Г. Песчаного представлено несколькими монографиями, многими десятками статей, в том числе на болгарском языке[1].

Неутомимая деятельность Д.Г. Песчаного способствовала установлению тесных научных связей кафедры новой и новейшей истории КубГУ с кафедрой истории южных и западных славян МГУ, Институтом славяноведения и балканистики АН СССР, Софийским университетом, Институтом истории Болгарской АН, Центром болгаристики БАН. Он стал основоположником и руководителем признанной в СССР/России и за рубежом школы исторической болгаристики на Кубани, организатором международных, всероссийских и региональных научных конференций, инициатором издания сборников славистических статей. Бесспорен вклад Д.Г. Песчаного в подготовку научных кадров, работающих в настоящее время в России и за рубежом.

Исследования по болгаристике на Кубани постепенно углублялись, расширялись хронологические рамки изучаемых проблем. В конце 1970-х гг. в КубГУ большое внимание уделялось такому направлению болгаристики, как советско-болгарское сотрудничество. Особый интерес вызвали в конце 1970-х – 1980-е гг. насыщенные новым конкретным материалом статьи Д.Г. Песчаного по зарождению и развитию прямых научно-производственных связей между предприятиями аграрно-промышленного комплекса СССР и Болгарии.

Научную школу Д.Г. Песчаного прошли многие ныне активно работающие ученые-слависты и болгаристы. Р.М. Ачагу (профессор, заведующий кафедрой зарубежного регионоведения и дипломатии КубГУ, с 1992 по 2012 г. – декан факультета философии, истории, социологии и международных отношений КубГУ) изучал вопросы кооперирования сельского хозяйства Болгарии[2]. Проблемами болгарского национального Возрождения занимался С.В. Павловский (1945–2009), талантливый исследователь, доцент кафедры новой и новейшей истории КубГУ[3]. Сосредоточившись по рекомендации С.А. Никитина на теме «Газета Г. Раковского «Дунавски лебед» как ис-

точник по исследованию болгарского национально-освободительного движения в начале 60-х гг. XIX в.», он подготовил и успешно защитил в 1980 г. кандидатскую диссертацию.

В 1984 г. под руководством Д.Г. Песчаного кандидатскую диссертацию по проблемам советско-болгарского сотрудничества в области аграрной науки и образования защитила преподаватель, ныне доктор исторических наук, профессор кафедры новой и новейшей истории и международных отношений КубГУ Э.Г. Вартаньян. В 1986 г. стала доктором исторических наук Л.Р. Хут, ныне профессор Адыгейского государственного университета, исследовавшая проблематику молодежного движения в Болгарии[4]. Именно Д.Г. Песчаный разглядел в студенте Г.Д. Шкундине будущего талантливого историка, взяв в начале 1980-х гг. под свое научное руководство подготовку студентом дипломной работы по проблеме формирования сельскохозяйственного рабочего класса Болгарии. Практически все кубанские болгаристы в 1970-е–1980-е гг. защищали диссертации в Московском государственном университете им. М.В. Ломоносова, и это не случайно. Развитие кубанской болгаристики проходило в тесном сотрудничестве с учеными одного из ведущих центров исторической славистики – кафедры истории южных и западных славян МГУ, долгие годы руководимой профессором В.Г. Карасевым (1922–1991), а с 1991 г. по настоящее время – профессором Г.Ф. Матвеевым. Так, кафедра истории южных и западных славян МГУ была ведущей организацией по докторской диссертации Э.Г. Вартаньян (2002 г.), кандидатской диссертации аспирантки кафедры новой и новейшей истории КубГУ В.В. Бондаревой (2006 г.), профессор Г.Ф. Матвеев был официальным оппонентом на защите кандидатской диссертации аспиранта указанной кафедры Г.В. Бемм (2015 г.).

Кубанские слависты тесно взаимодействовали и продолжают сотрудничать с учеными Института славяноведения РАН. Одним из официальных оппонентов при защите докторской диссертации Э.Г. Вартаньян в 2002 г. была доктор исторических наук Т.В. Волокитина, а официальным оппонентом на защите кандидатских диссертаций В.В. Бондаревой (2006 г.) и Ф.В. Суханова (2009 г.) – доктор исторических наук В.И. Косик.

Кафедра новой и новейшей истории КубГУ неоднократно выступала в качестве ведущей организации при защите кандидатских и докторских диссертаций отечественных славистов (московских, украинских, белорусских, молдавских), в частности, по подготовленным на кафедре истории южных и западных славян МГУ кандидатским диссертациям Л.И. Жилы в 1989 г. (научный руководитель В.И. Владимирская), В.В. Лобановой в 2013 г. (научный руководитель О.А. Дубовик).

Исследования кубанских болгаристов получали высокую оценку в отзывах на диссертации, авторефераты, монографии, публикации со стороны известных болгарских ученых (академиков Веселина Хаджиниколова, Мито Исусова, докторов и кандидатов наук Владимира Мигева, Веселы Чичовской, Бориса Матеева, Златко Златева, Ангела Накова, Стойко Колева, Агопа Гарабедяна, Зои Ивановой, Александра Лунина, Митко Вечева, Сашки Милановой, Илияны Марчевой, Светлозара Елдарова и др.).

Софийский Центр болгаристики долгие годы сотрудничал с кафедрой новой и новейшей истории КубГУ, приглашал преподавателей и аспирантов на стажировки, конференции, присылал новейшую научную литературу и периодику. Почти все кубанские болгаристы побывали на краткосрочных и долгосрочных стажировках в Институте истории БАН, Софийском университете, работали в болгарских центральных и окружных архивах, библиотеках, участвовали в международных, республиканских, региональных конференциях, Школах молодых историков, семинарах, проводимых в разных городах Болгарии. Статьи о Д.Г. Песчаном, Р.М. Ачагу, С.В. Павловском, Э.Г. Вартаньян, Л.Р. Хут поместили издаваемые в БАН библиографические справочники «Историческая болгаристика за рубежом» (София, 1987), «Чуждестранна българистика през XX век: Енциклопедичен справочник» (София, 2009).

Кубанские историки-слависты откликались на все значимые события болгарской истории изданием сборников статей, проведением научных конференций. В марте 1988 г. на базе Краснодарского технологического университета по инициативе Д.Г. Песчаного была проведена международная конференция с участием болгарских ученых Б. Матеева, А. Накова, З. Златева, С. Божковой и др., посвященная 110-летию Осво-

бождения Болгарии от османского ига. Болгаристы КубГУ проводили научные конференции, посвященные юбилейным датам Освобождения Болгарии, договорам о дружбе и сотрудничестве между СССР и НРБ, Дням славянской письменности и др. Краснодарские болгаристы стали бессменными участниками всесоюзных научных славистических конференций, проводившихся в СССР с середины 1960-х до начала 1990-х гг., а Д.Г. Песчаный участвовал в международных конгрессах по болгаристике в Софии.

Связи между болгаристами Кубани и Болгарии выражались также и в приглашении ученых для чтения лекций. Так, в 1980 г. лекции на историческом факультете КубГУ читал профессор Великотырновского университета НРБ Петр Горанов. Историки-болгаристы Кубани имели возможность публиковать статьи в журнале Института истории БАН «Исторически преглед», в многотомном издании «Летопись дружбы» (выходил в Софии под редакцией академика В. Хаджиниколова с 1969 по 1988 гг.) и других изданиях.

Широко внедрялась историческая болгаристика в учебный процесс вузов Кубани. Только на кафедре новой и новейшей истории КубГУ, начиная с 1980-х гг., защищено около ста дипломных работ, посвященных болгарскому национально-освободительному движению, культурному развитию страны, русско/советско-болгарским отношениям, проблемам болгарского национального Возрождения, деятельности и творчеству Марина Дринова, Христо Ботева, Любена Каравелова, Ивана Вазова и т.д. Для студентов Кубанского государственного университета на протяжении многих лет читаются спецкурсы по узловым проблемам болгарской истории, болгарскому национальному Возрождению, культуре зарубежных славянских народов, проводятся спецсеминары, издается учебная литература.

В 1990-е гг. двусторонние связи болгарских и кубанских коллег начали сокращаться. Причиной тому были, во-первых, взаимное отторжение славянских стран, явившееся следствием отхода от их политико-идеологической и экономической привязки в рамках «социалистического лагеря», особенно в условиях усиления общеевропейской интеграции; во-вторых, слабое финансирование научных и образовательных учреждений, утрата традиционных каналов связи научной интелли-

генцией. Контакты кубанских и болгарских коллег по линии Центра болгаристики, как и другие налаженные ранее формы сотрудничества (книгообмен, поездки на стажировки, конференции и пр.) прекратились из-за финансовых трудностей, переживаемых Болгарской и Российской Академиями наук.

Кубанская историческая славистика в 1990-е гг. переживала сложный период поисков новых ориентиров: некоторые болгаристы обратились к научным проблемам, выходившим за рамки болгаристики. Так, Л.Р. Хут занялась теоретико-методологическими проблемами истории нового времени, С.В. Павловский – геополитикой, Ачагу Р.М. – проблемами безопасности. Тяжело переживал эти времена патриарх кубанской болгаристики Д.Г. Песчаный. И тогда именно по его настоятельной рекомендации Э.Г. Вартаньян решила продолжить разработку темы научного исследования, предложенную ей в Институте истории БАН академиком В. Хаджиниколовым еще в конце 1980-х гг. В 1999 г. Э.Г. Вартаньян поступила в докторантуру КубГУ, в начале 2002 г. издала монографию «Аграрная наука Болгарии: история и современность (1878–2000 гг.)», в октябре 2002 г. защитила докторскую диссертацию на тему: «Развитие сельского хозяйства Болгарии (1944–1990-е гг.): социально-экономические и научно-организационные аспекты» и продолжила исследование проблем аграрного реформирования Болгарии, стран Восточной и Юго-Восточной Европы в постсоциалистический период, перспектив их интеграции в ЕС[5].

В начале XXI в. стали постепенно возрождаться связи между кубанскими и болгарскими учеными. В 2001 г. Э.Г. Вартаньян находилась в Болгарии на двухмесячной стажировке в Софийском университете и Институте истории БАН, общалась с коллегами из Института балканистики БАН, Национального центра по аграрным исследованиям, Института экономики БАН. В 2002 г. в журнале факультета истории КубГУ она опубликовала рецензию на монографию старшего научного сотрудника Института истории БАН В. Мигева «Проблеми на аграрното развитие на България (1944–1960 гг.)», изданную в Софии в 1998 г., а в Вестнике Московского открытого гуманитарного университета за 2004–2005 гг. в рубрике «История» был опубликован ряд статей по болгаристике (С.В. Павловс-

кого, Э.Г. Вартаньян, болгариста из Североосетинского государственного университета им. К. Хетагурова г. Владикавказа, профессора В.А. Круглова, старшего научного сотрудника Института истории БАН С. Милановой)[6]. Кубанские болгаристы откликнулись на выход в Москве в 2003 г. фундаментального труда ученых Института славяноведения РАН «Болгария в XX веке. Очерки политической истории», рассматривающего наиболее дискуссионные и малоисследованные проблемы истории Болгарии XX в. и освещающего на принципиально новой источниковой базе известные события прошлого[7].

В конце 1990-х гг. возродился интерес аспирантов кафедры новой и новейшей истории КубГУ к славистической тематике. Так, аспирантка В.В. Бондарева занялась проблемой деятельности болгарского экзархата в 1878–1897 гг. (защита диссертации состоялась в 2006 г.), Я.Н. Войтова в 2007 г. защитила кандидатскую диссертацию по македонскому вопросу в политике Коминтерна в 1919–1924 гг., В.Н. Алексеев изучал интеграционные процессы в славянских странах Восточной Европы на примере Болгарии (защита состоялась в 2009 г.), Ф.В. Суханов – взаимоотношения церкви и государства в Болгарии в 1940-е – 1970-е гг. (защита – 2009 г.), Уманская А.А. в 2009 г. защитила кандидатскую диссертацию об отражении идеи Балканского союза в деятельности Г.С. Раковского, С.В. Калашникова исследовала основные этапы исторического развития крымских болгар (защита – 2012 г.); объект внимания А.Д. Мцхвариашвили (А.Д. Дружининой) – записки графа Н.П. Игнатьева (защита – 2013 г.), Г.В. Бемм занимался исследованием советско-польских отношений в контексте европейский безопасности накануне Второй мировой войны (защита – 2015 г.) и т.д.

В 2005 г. в филиале Краснодарского краевого института дополнительного профессионального педагогического образования в г. Армавире (Краснодарский край) была создана Кирилло-Мефодиевская Ассоциация, которая проводила ежегодные международные конференции с публикацией материалов, издавала журнал «Синергетика образования». Просуществовав пять лет она, к сожалению, прекратила свою деятельность по независящим от организаторов обстоятельствам.

Развитие исторической славистики в КубГУ и на Кубани в целом вызвало потребность в создании координирующе-

го центра исследований, который бы организовывал научные конференции, издавал сборники трудов по славистической тематике, помогал аспирантам, соискателям в их научных изысканиях, формировал дискуссионное поле для молодых исследователей. В 2006 г. по инициативе Э.Г. Вартаньян и О.В. Матвеева (сопредседатели Центра) на факультете истории, социологии и международных отношений КубГУ был создан Центр славянских исследований (ЦСИ). Его цель – изучение исторического прошлого и духовного наследия славянства, проведение ежегодных научных славистических конференций, развитие связей с различными научными организациями и вузовскими центрами России и зарубежных славянских государств, совместное решение актуальных научно-исследовательских задач, участие в общих со славянскими культурными центрами мероприятиях и др. Под эгидой Центра издается ежегодный сборник «Мир славян Северного Кавказа» (научный редактор О.В. Матвеев). В 2007 г. был издан сборник «Дорогой истории», посвященный Д.Г. Песчаному[8].

Центр славянских исследований КубГУ за 10 лет своего существования провел девять международных научно-практических конференций, посвященных актуальным проблемам истории и культуры славянских народов: 1) «Освобождение Болгарии и славянский мир», посвященная 130-летию освобождения Болгарии от османского ига (Краснодар, 2008 г.); 2) «Славянский мир, Запад, Восток»: памяти профессора Д.Г. Песчаного (Краснодар, 2008 г.); 3) «Год Болгарии в России: проблемы истории и культуры славянских народов» (Краснодар, 2009); 4) «Проблемы новистики и исторического славяноведения»: памяти С.В. Павловского (Краснодар, 2010); 5) «Национальная идентичность и национализм у славян и их соседей: проблемы прошлого и настоящего» (Краснодар, 2011 г.).; 6) «Конфессиональные факторы в истории и культуре славянских народов и их соседей» (Краснодар, 2012 г.); 7) «Вопросы национальной историографии и народных исторических представлений славян и их соседей (к 1150-летию славянской письменности и культуры)» (Краснодар, 2013); 8) «Россия, славянский мир и их соседи: проблемы политических и культурных связей: к 360-летию Переяславской рады» (Краснодар, 2014 г.); 9) «Год Польши в России: вопросы исто-

рико-культурных взаимосвязей славянских народов и их соседей» (Краснодар, 2015 г.). К открытию конференций издаются сборники материалов.

В научных конференциях, проводимых Центром славянских исследований КубГУ, участвуют коллеги из ведущих исследовательских центров нашей страны и зарубежья. В частности, в международных конференциях Центра в разные годы участвовали Т.В. Волокитина, В.И. Косик, Л.П. Лаптева, ставропольские ученые И.В. Крючков, А.Н.Птицын, владикавказский историк В.А. Круглов, аспиранты МГУ Н.С. Гусев, А.Е. Кузьмичева, А.А. Леонтьева, из Украины Я.В. Комар, из Адыгеи Л.Р. Хут, В.С. Пукиш и многие другие, болгарские коллеги – В. Мигев, И. Марчева, С. Миланова, Е. Хаджиниколова, Т. Готовска-Хенце, В. Божинов, Р. Тодорова, Р. Пырванова и др.

О плодотворных научных связях свидетельствует участие кубанских историков в солидных сборниках Института исторических исследований БАН, посвященных профессорам Зине Марковой (2010 г.), Огняне Маждраковой-Чавдаровой (2012 г.), «Балканы и Россия. XVIII – XXI век» (2011 г.), а также приглашение на международные конференции, посвященные 130-летию Освобождения Болгарии в 2008 г. (материалы опубликованы в 2009 г. в сборнике «Болгария и Россия – между признательностью и прагматизмом») и 135-летию Освобождения Болгарии в 2013 г. Эти представительные мероприятия были организованы Институтом исторических исследований БАН, Софийским университетом и Форумом Болгария – Россия. Участие автора данной статьи в Третьем международном конгрессе по болгаристике (май 2013 г.) также свидетельствует о продолжающихся связях кубанских и болгарских историков.

В 2012 г. Центр славянских исследований КубГУ был переименован в Научно-образовательный центр (НОЦ) «Северокавказское славяноведение» с целью наибольшего сближения научной и образовательной деятельности и активного вовлечения бакалавров, магистрантов и аспирантов в научно-исследовательскую работу. Интеграция науки и образования в наше время является одной из наиболее актуальных проблем высшей школы.

Каждый год ширится круг друзей НОЦ «Северокавказское славяноведение», представляющих разные государства ближ-

него и дальнего зарубежья. Хочется надеяться, что этот опыт будет использован для восстановления единого научного пространства славянских стран. Совместные разработки расширяют исследовательские горизонты, создают широкий простор для дискуссий, обмена мнений ученых, укрепления связей и расширения сотрудничества славянских народов. Все это придает развитию исследований по исторической славистике на Кубани положительную динамику.

Сегодня в Кубанском государственном университете славяноведение активно присутствует как в учебном процессе, так и в рамках вузовской науки. Возродились славянские секции в проводимых ежегодно в КубГУ научных студенческих конференциях «Неделя науки». Тематика научных разработок разнообразна, географически она охватывает весь славянский ареал.

10 лет назад в одной из статей, посвященных состоянию исторического славяноведения на юге России автор данной статьи писала о том, что высшей формой интеграции славянских народов могло бы быть единое научное и образовательное пространство, осуществляемое через взаимодействие в научно-исследовательской деятельности, в учебной работе вузов, издание совместных сборников, обмен литературой. Важной формой кооперации явилась бы публикация единого славистического журнала или альманаха, ежегодных сборников. Эти проблемы требуют обсуждения, широкого участия специалистов по истории и культуре славянских народов. Конечно, до реализации этих планов сегодня еще далеко, однако силами сотрудников НОЦ «Северокавказское славяноведение» КубГУ некоторые шаги в этом направлении уже делаются.

Основы исторического славяноведения на Кубани были заложены благодаря энтузиазму и усилиям профессора Д.Г. Песчаного. Но, без сомнения, на формирование и развитие болгаристики на юге России благотворно повлияли труды и деятельность авторитетных отечественных ученых, которые для кубанских болгаристов были ориентирами в исследовательской деятельности. Среди них – Любомир Борисович Валев, творчество которого сыграло важную роль в становлении и успешном развитии всего советского и российского славяноведения и, в частности, такой его ветви, как историческая болгаристика.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Песчаный Д.Г.* Русско-болгарские культурные связи в 30–40-х гг. XIX в. // Из истории русско-болгарских отношений. М., 1958; *он же.* Юри Иванович Венелин и национално-културното Възраждане на България // Исторически преглед . София, 1968. № 1; *он же.* Сотрудничество между СССР и Болгарией. Ростов н/Д, 1975; *он же.* Българо-съветско сътрудничество при социалистическото преустройство на селското стопанство в НР България. София, 1977 и др.

[2] *Ачагу Р.М.* Вклад болгарского государства в повышение культурно-технического уровня тружеников села (1958–1970) // България – 1300. Т. 3. София, 1983; *он же.* Укрепване на икономическото състояние на ТКЗС в планинските и полупланинските райони на България в края на 50-те и през 60-те гг. // Исторически преглед. София, 1984. № 6 и др.

[3] *Павловский С.В.* О попытке Г. С. Раковского создать политическую газету в Одессе (1858–1859) // Советское славяноведение. 1979. № 4;. *он же.* Г. Раковский и русский фактор // Летопис на дружбата. Т.10. София, 1988.

[4] *Вартаньян Э.Г.* Съветско-българското сътрудничество в областта на селскостопанска наука (края 50-те – 70-те гг. XX в.) // Летопис на дружбата. Т.10. София, 1988; *она же..* Преки научни и производствени съветско-български връзки в аграрно-промишлената сфера (1950–1980 гг.) // Исторически преглед. София, 1988; *Хут Л.Р.* Българският комсомол в подготовката за масовото кооперираме на селяните (1948–1950) // Исторически преглед. 1988. № 3.

[5] *Вартаньян Э.Г.* Аграрное реформирование в Юго-Восточной Европе // Глобализация и регионализм. М., 2001; *она же.* Агропромышленная сфера России и стран Восточной Европы в 1990-е гг.: перспективы интеграции в ЕС // Западноевропейская цивилизация и Россия: пути взаимодействия. М.; Ставрополь, 2001; *она же.* Некоторые аспекты вхождения аграрного сектора стран Восточной Европы в систему рыночных отношений (1990-е гг.)т//Актуальные проблемы международных отношений. XX в. Краснодар, 2002; *она же.* Агропромышленная сфера стран Восточной Европы в 1990-е гг.: состояние и перспективы //Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Ростов н/Д. 2002. № 2; *она же.* По въпроса за развитие на селскостопанската наука в България (1878–1944) // Исторически преглед. София, 2002. № 5–6; *она же.* Аграрная наука Болгарии: состояние и перспективы // Реформы вчера, сегодня, завтра //Вестник научной информации Института международных экономических и политических исследований РАН. М., 2002 и др.

[6] Голос минувшего // Исторический журнал КубГУ. 2002. № 3–4; *Павловский С.В.* Из истории болгарской демократической журналистики //Вестник МГОУ.2004. № 1(14); *Вартаньян Э.Г.* Россия – Болгария: сотрудничество ученых-аграриев // Вестник МГОУ. 2004. № 1(14); *Круглов В.А.* Координация хозяйственных планов между Болгарией и СССР // Вестник МГОУ. 2004. № 1(14); *Миланова* С. Путь к профессионализму – этапы развития журналистики на Кубани // Вестник МГОУ. 2004. № 1(14).

[7] *Вартаньян Э.Г.* Рецензия на коллективную монографию ученых Института славяноведения РАН «Болгария в XX веке. Очерки политической истории» // Славяноведение. 2005. № 5. С. 104–109.

[8] Дорогой истории. Сборник статей памяти профессора Д.Г. Песчаного. Краснодар, КубГУ, 2007.

Э. Дроснева*

КАЛЕНДАРЬ. РАЗМЫШЛЕНИЯ И НЕДОРАЗУМЕНИЯ

1. Вместо введения. Чем больше я погружаюсь в ремесло историка, тем более осознаю, что Человек и Человечество живут непосредственно во Времени и Пространстве. И все больше я восторгаюсь людьми древности, которые приложили неимоверные усилия, чтобы организовать наиболее надежную из двух этих категорий, то есть Время. Оно более познаваемо по сравнению с гораздо более необъятным Пространством, хотя никто не знает, что же, в сущности, означает эта категория – «Время». Может быть, потому его так любят измерять? И создали древние Календарь, чтобы организовать в соответствии с ним свое житье-бытье и хозяйственную деятельность. Раз ты создал календарь – значит, в высокой степени познал Природу, вне нее человек не живет, что бы там ни говорили. В древности Человек необыкновенно уважал Природу, потому и пришел к изобретению своего календаря. Так называемую Современность, увы, с трудом можно назвать уважающей Природу. Наиболее ярким и кратким доказательством этому служит то, что термин «Экология» появился именно в Современности, а не в Древности.

Я решила посвятить эти размышления отцу своей подруги, Елены Валевой, – профессору, доктору исторических наук Любомиру Борисовичу Валеву, потому что убеждена, что в другое Время он жил бы и в другом Пространстве, возможно, похожим, но иным образом. Знаю о его заслугах перед Болгарией в годы Второй мировой войны и в последующие десятилетия. В силу различных научных интересов мы разошлись в темати-

---

* Дроснева Элка – доктор истории, доцент Исторического факультета Софийского университета им. Кл. Охридского.

ке. Возможно, это прозвучит цинично, тем более, что я имела честь лично, хотя и бегло, знать Любомира Валева, но для меня этот хорошо сложенный мужчина, элегантный, светлый и приветливый человек навсегда, или по крайней мере, пока у меня есть память, останется Отцом моей подруги.

2. Восточно-православный календарь. 2.1. Создан главным образом в VI в. нашей эры, насколько простираются мои скромные познания. Не люблю говорить «от Рождества Христова» из-за астрономических ошибок прекрасного и хорошо образованного Дионисия Малого из Малой Скифии, современной Добруджи, который начал наводить порядок в календарной путанице Римской империи[1]. На меня большое впечатление произвели неизвестные мне другие составители христианского, а позже и православного календаря. Во-первых, благодаря своим глубоким познаниям минувших времен, истории природы и общества. Во-вторых, из-за их умения приспособить исконно восточную традицию к нравам Римской империи. Третья причина, несмотря на тавтологию, заключается в их умении «сочетать» два календаря: Лунный и Солнечный. Четвертая причина кроется в природе христианских идеологем. Пятая связана с их старанием сохранить «языческие» традиции, во многом продиктованные действительностью. Шестая причина довольно специфична: они оставили свой календарь открытым для будущего, а это означало, что каждый последующий народ, принявший Христианство как свое вероисповедание, мог в дальнейшем вписать в него своих национальных святых. Болгарские книжники смогли сделать это еще в IX – X вв.; Болгарская православная церковь продолжает вписывать новых святых и по сей день, как бы мы ни относились к ее решениям. Католическая церковь тоже не отстает в этом начинании.

2.2. Год 1054. Это дата официального разрыва между Восточной и Западной церквями. В реальности он состоялся гораздо раньше, но тогда стал официальным. На мой взгляд, лучше всего это доказывает большая дипломатическая игра Князя Бориса Первого[2]. В 1990-е гг. в Болгарии выдвигались гипотезы, согласно которым Князь, якобы, ошибся: нужно было принять Христианство от Рима. Покойный профессор Георгий Бакалов любил повторять: «Как бы он принял христианство от Рима?! Христианство родилось на Востоке, во времена Князя Бориса

Константинополь был «столицей мира», а Рим – лишь незначительным селом». Мне остается добавить две вещи: а) Князь принял Христианство из *первоисточника.* б) Он также принял *цельную* систему, а не ее фрагменты. Поэтому его дело увенчалось успехом.

23. Болгария, 1916.

23.1. Спустя считанные месяцы после вступления в Первую мировую войну, которую тогда называли «Европейской», а позже «Великой войной», государство Болгария задумалось о переходе на григорианский стиль, по которому отмеряла время почти вся Европа если не с конца XVI в., то с XVII в. Утверждение, что Царство Болгария делало это в угоду своим союзникам, в первую очередь Германии и Австро-Венгрии, кажется мне необдуманным. Как выяснилось, я слишком оптимистично представляла себе, что в стенограммах (Стенографските дневници) Народного собрания или в газете «Държавен вестник» найду список людей, уполномоченных упорядочить новый болгарский календарь. Их там не было; вероятно, их можно найти в архивах, но на это у меня нет времени – во-первых, я догадываюсь, кем были эти уполномоченные, а во-вторых, потому что проблемы лишь усложнятся и породят новые.

23.2. Я признательна этому своему оптимистичному ожиданию. Благодаря ему я проштудировала и «Държавен вестник», и Стенографските дневници за интересующий меня период. Именно в результате этого я прониклась уважением к тому Народному собранию (семнадцатого созыва), имеющему не лучшую репутацию в нашей национальной историографии, тем более в нашем национальном прошлом. Как оказалось, 3–4 недели дискуссий, споров и пререканий концентрировались вокруг двух вопросов. На первый был дан однозначный ответ – наше государство переходит на григорианский стиль. Споры разгорелись вокруг второго: что будет с церковным календарем? Теоретически необходимо было, чтобы Церковь сделала так, как скажет Государство, в данном случае Парламент. Поскольку еще со Средневековья принципом Востока стал «цезаро-папизм». После долгих дебатов Народное собрание постановило: Церковь сама решит, что делать. Это можно расценивать как умывание рук Понтием Пилатом, но можно и как Соломоново, то есть МУДРОЕ решение.

Я воспринимаю его как мудрое, если не сказать – единственно мудрое решение Народного собрания, во всяком случае одно из редких мудрых его решений. И вот почему. В марте 1916 г. объединяющим фактором для болгар было уж точно не Царство Болгария. Объединяющим фактором был Болгарский Экзархат. При всех перипетиях его епархия включала почти все традиционные болгарские этнические земли, находившиеся на территории разных стран, преимущественно восточно-православных, но в основном с юлианским календарем. Царство Болгария не могло заставить их перейти на свой новый светский календарь. Церкви в других странах не должны были переходить на новый стиль вместе или без своего государства. И кто бы разрешил болгарскому меньшинству в этих странах отмечать праздники вместе с Царством Болгария?! Необходимо также добавить идеологический момент, увы, актуальный и по сей день: почему мы, восточно-православные, должны замарать свою религию католическо-протестантскими выдумками?!

Когда в середине 1980-х годов я занялась этой проблематикой, были моменты, когда мне казалось, я что выхожу за рамки дозволенного своими размышлениями и заключениями на тему «Календарь 1916 г.: Государство и Церковь». Тот церковный календарь 1916 г. был актуализирован в Болгарии в 1967–1969 годы. На его актуализацию тогда никто из «простых смертных» не обратил особого внимания. Не из-за размахивания в 1990 г. антикоммунистическим флагом как панацеей, а по той причине, что с этим Календарем жили поколения болгар: от рожденных в 80-е годы XIX в. до рожденных в первые 50–60 лет следующего, XX века. И поди им объясни, что Гергевден (день св. Георгия) всегда был 23 апреля, Коледа (Рождество) – 25 декабря, Димитровден (Дмитриев день) – 26 октября, Архангеловден (День Архангела Михайла) – 8 ноября...

В очередной раз я убедилась в мудрости того парламентского решения в 1990-е годы, когда болгары из Украины говорили мне: «Зачем Болгарская православная церковь сменила Календарь? У нас была связь с Родиной наших дедов. Теперь ее отняли». Мне пришлось долго объяснять, впрочем, напрасно: этих людей не интересовала моя научная позиция. Им было больно из-за уничтоженной, по их мнению, связи с Прародиной.

3. Фатальности/Судьбоносные моменты Календаря после 1916 г.

3.1. Я искала людей, которые устанавливали Календарь, поскольку хотела понять, из-за кого, с какого момента и почему начались суматоха и путаница. Насколько позволяют судить мои познания, есть по крайней мере одно недомыслие – в отсутствии Принципа упорядочивания. Необходимо было либо оставить их с названием дня, либо привести в соответствие с астрономическим временем. Во втором случае актуализация дат XIX века потребовала бы добавления 12 дней, если приводить их по григорианскому стилю. Вместо этого было решено актуализировать их для XX века, для чего добавили 13 дней.

Это сказалось и на нашей семейной жизни. Моя мать, которая любила и уважала свою свекровь больше, чем порой бывает у мамы с дочкой, первой сообразила, что моя бабушка, по сути, родилась 5 февраля 1899 г., а не 18 февраля, как было записано в официальных документах о ее рождения и когда мы ее поздравляли[3]. Мама поняла это еще по другой причине: кроме того, что она во многом разбиралась, второго своего ребенка (мою сестренку) она родила 5 февраля. Но это частная семейная история, вряд ли единственная. Во многих случаях, когда рождались дети, их имя сообразовывали с текущими полевыми работами (посев, жатва, сбор винограда и проч.) или давали имя святого, если они родились в его день (говорили – «Дошло си с името», то есть «Пришел в мир с именем»). Нельзя сказать, что новорожденным не давали имя бабушки, и, особенно, деда (как бы «обновляли» имя), это была устойчивая и, несомненно, более прагматичная традиция. Имя могло даваться и в честь большого христианского праздника – Рождества, Пасхи, Вознесения Господня. Конкретная дата не имела существенного значения до середины XX века – ее можно было уточнить или «придумать» спустя некоторое время, когда нравы и правила «модернизировались».

Более негативным был эффект, оказанный на общественную историю. Изложить все в столь краткой статье невозможно. Но сразу же скажу: ранняя «демократия», многими теперь не без основания называемая «анархией», взялась за «усовершенствование» болгарского календаря праздников, светских и церковных. Впрочем, довольно невежественно. Приведу ряд отрывочных фактов.

2.3. Вероятно, необходимо напомнить *некоторые основные правила Восточно-Православного календаря,* прежде чем приводить упомянутые факты. Эти правила четко соотнесены с Солнечной (одной из звездных) календарных систем. Наши мучения происходят от того, что за два тысячелетия мы привыкли представлять год как двенадцать месяцев в календаре. Изначальный замысел заключался в другой идее – 15 месяцах, на протяжении которых развивались наиболее важные для Христианства события. А 15 – это столько же, сколько индикт*, или половина лунного цикла, то есть половина Царского числа 30. Конечно же, оно царское – тогда, в «древности», Луна воспринималась как Мужчина. И она более удобна для наблюдения[4]. К тому же, у Луны было воинство в виде звезд (это понимание и образ отражены и в болгарском фольклоре), поэтому в итоге лунные календари более древние. Считалось, что царь существует всегда и повсюду, и Луну можно видеть не только ночью, но и днем в силу ее астрономических особенностей. Сколь логичен Новый год в марте, раз даже до сих пор его чтут более грамотные астрологи – приходит Весна, воскресает жизнь, настолько же логичен он в сентябре, поскольку приходит Второй сезон в земледельческих цивилизациях – Зима. Христианство – цивилизационная модель оседлых, то есть земледельческих культур. Культуры скотоводов в большей степени зависят от Луны, в таких культурах во многом и создавался лунный календарь.

Считая годовой цикл двухчастным (лето и зима), люди ищут покровителей у каждого из сезонов. Так христианская весна начинается днем Архангела Гавриила (его чествуют 26 марта), зима приходит в день Архангела Михаила (8 ноября). В Болгарском календаре отражены традиционные языческие, преобразованные в христианские, праздники: день св. Георгия (23 апреля) и день св. Димитрия (26 октября). Оба святых приводят соответственно Лето и Зиму. Доказательств этому утверждению настолько много в различных источниках, что я не считаю нужным их приводить – иначе научный аппарат будет больше основного текста, а это не в моем стиле.

---

* Индикт – период в 15 лет, который использовался в Европе (как в западной, так и в восточной) в Средние века при датировке документов (Прим. пер.).

В восточно-православном календаре существует множество остатков языческого культа Солнца, который сочетается с Христианским, поглотившим иудейские представления и верования, которые сохранили в себе языческие практики, несмотря на накладки и согласования с культом Луны. Например, день осеннего равноденствия (22–23 сентября) – день зачатия Иоанна Крестителя, не самый известный и почитаемый праздник. Возможно из-за начала Сентябрьского Нового года 1 сентября, за которым следует Рождество Богородицы (8 сентября, в Болгарии его еще называют «Малая Богородица»), затем другой большой праздник – Воздвижение Креста Господня, начало сбора винограда (14 сентября, «Кръстовден»). Но ведь, согласно Новому Завету, 25 марта младенец Иоанн был 6 (!) месяцев в утробе матери? Именно тогда же Дева Мария пришла к своей подруге, Праведной Елисавете и сообщила, что носит в своей утробе Нового Бога, то есть Иисуса (Спасителя!). То есть Благую весть она узнала примерно в Весеннее равноденствие, а святое Зачатие празднуется 25 марта. Иоанн Креститель родился примерно в Летнее Солнцестояние; в Болгарии этот праздник, в большей степени под влиянием народной культуры, чем Христианского календаря, приходится на 24 июня, здесь он называется Еньовден, то есть Летний Иванов день (день Ивана Купалы). Позже наступает Рождество Христово (Коледа), ровно через 9 месяцев после Благовещения. Рождество приходится почти на день зимнего солнцестояния, 25 декабря.

Осталось напомнить лишь еще несколько вещей. Два-три дня и даже месяц разницы в древних культурах не имели существенного значения – тогда люди не измеряли время минутами и секундами. Мои коллеги-этнологи в Болгарии давно говорят о «святых-близнецах»[5]. Впрочем, с полным основанием – часть их доказательств знаю даже я, историограф.

В современном Восточно-православном календаре присутствуют также следы представления о трехчастном годовом цикле. Наиболее ярким доказательством этого является почитание такого праздника, как задушница (день поминовения усопших). Первые две задушницы связаны с Пасхой: одна отмечается перед Великим постом, вторая связана с древним языческим праздником (днем ячменной жатвы) и иудейским

праздником (Пятидесятницей), который в Христианстве носит то же название. Он отмечается через 50 дней после Воскресения Христова, но также называется День Святой Троицы. Третья задушница приходится на Архангеловден (Михайлов день). Особенно важно подчеркнуть, что все задушницы отмечаются в субботу. Во-первых, это отсылка к почитанию субботы иудеями, а также «языческое» поклонение перед числом три – все важнейшие христианские праздники трехдневны. Во-вторых, это еще одно указание на подвижность в Восточно-православном календаре: первые две задушницы следуют за подвижным праздником Пасхи, который отсчитывается по лунному календарю и подстраивается к солнечному. Третья задушница «прикреплена» к неподвижному 8 ноября, (Архангеловден), точнее к субботе перед ним. Иными словами, подвижность календаря касается не только месяца, но и недели, и это завещано нам жителями древнего Вавилона, еще в 4000 г. до н. э. зафиксировавшими основные астрономические познания, которыми мы пользуемся и по сей день. Они собраны в календари и зодиаки, которые, хорошо это или плохо, сопровождают нас и поныне.

В некоторых уголках Болгарии отмечают еще и другие задушницы, но по моим наблюдениям они чаще всего ориентированы на Пасхальный цикл. Например, Спасовденска задушница – она также отмечается в субботу, в некоторых местах – непосредственно в самый день Вознесения (который тут называют Спасовден) – всегда в четверг, поскольку это 40-й день после Пасхи, которая всегда празднуется в воскресенье.

3.3. Чудеса и диковины 1990-х гг. в Болгарии. Их так много, что даже если систематизировать их типологически, это займет очень много места. Поэтому я сделала лишь подборку, не претендующую на исчерпанность. Несколько примеров.

3.3.1. Благовещение, Димитровден, Архангеловден (день св. Михаила) и еще несколько праздников с фиксированной датой переместили туда, где они и были на протяжении веков до 1/14 апреля 1916 г.

3.3.2. Гергевден оставили 6 мая, где вообще-то ему совсем не место. Но ведь это же праздник Болгарской армии! Да будет так! Однако день Святого Георгия традиционно праздновался 23 апреля.

3.3.3. Рождество Христово (Коледа) вернулось на ту дату, где и должно быть – на 25 декабря. Совсем не случайно многие мальчики, родившиеся в этот день до смены календаря в 1916 г. получили имя «Христо», поскольку согласно традиции, ребенок приходит в мир с именем: от Христо Ботева (1847 г.р.) и многих его четников и до историка профессора Христо Гандева (1907 г.р.) Рождение под Рождество считалось особым знаком в земледельческом цикле болгар, но это тема другого разговора.

3.4.1. Вполне ожидаемо в 1990-е годы в Болгарии начались злоупотребления, связанные с прошлым и с наукой, которая им занимается, – Историей. Со временем их становилось все больше. Боевой «новодемократ», впрочем, отличный геолог (светлая ему память!), объяснял мне, как «грязные коммунисты» перенесли праздник Софийского университета с 25 ноября, Дня св. Климента Охридского, на 8 декабря. Я не пыталась его переубедить – это было бесполезно, тем более, что он, очевидно, не знал, насколько важна для высшего образования в Болгарии и дата 8 декабря по юлианскому календарю. Мне рассказывали, что он был обижен на БКП, за то, что до общественных перемен его не приняли в партию. Насколько это правда, я не знаю, знаю лишь, что не надо сыпать соль на рану, в каких бы отношениях с человеком ты ни был. Это просто не в моих принципах. Начиная с бурных первых лет так называемого перехода и по сей день Софийский университет празднует и день своего святого покровителя 25 ноября, что, впрочем, разбивает учебный процесс, и студенческий праздник 8 декабря, а также гуляет на рождественско-новогодних каникулах.

3.4.2. Вышеописанный случай мог бы показаться очень личным и во многом частным, если бы не касался изменений в празднике Софийского университета. Описываемые далее случаи я считаю еще более общественно значимыми, поскольку они касаются не только высшего образования. Пару десятилетий назад в моем кабинете появился старик, обеспокоенный нашим календарным беспорядком. Больше всего его тревожил факт, что даты рождения великих болгар XIX века приводятся с прибавкой то в 12, то в 13 дней, даже для одного и того же человека. Он искал специалиста по истории Болгарии. Ну, я сойду и за такого. Для меня разговор этот был интереснейшим, но

сейчас не время об этом вспоминать. Думаю, именно этот старик подтолкнул меня к изучению путаницы в нашем календаре.

3.4.3. Подмена действительности в сочетании с некомпетентностью создали ситуацию, над которой историки могли бы посмеяться, если бы не было так грустно. Занявшись историей, мы ограничиваем себя в естественном человеческом праве на субъективизм – но это совершенно не то же самое, что «личное мнение». Один активный на сегодняшней политической арене Болгарии человек пару лет назад нам объяснял, что коммунисты настолько ненавидели Тырновскую конституцию, что именно в день ее принятия, 16 апреля, устроили взрыв в церкви Святой Недели. Откуда было бедняге знать, что принятие Конституции было 16 апреля 1879 г. по юлианскому стилю, а теракт произошел 16 апреля 1925 г. уже по григорианскому! А Учредительное собрание спешило принять Тырновскую конституцию именно 16 апреля, чтобы поздравить Александра II, Царя-Освободителя, с днем его рождения (17 апреля)! 17 апреля был избран и первый болгарский князь Александр (!) Баттенберг, племянник Царя-Освободителя по женской линии. Впрочем, не все историки оценивают это стремление как подарок.

3.4.4. Также не все, в том числе и историки, понимают, почему Сан-Стефанский договор был подписан только 19 февраля 1878 г., хотя со времени Одринского перемирия 19 января 1878 г. ничего особо важного не произошло и Санкт-Петербургу давно было ясно, какие пункты будут в него включены. Просто в российской столице ждали дня восшествия на престол (19 февраля 1855 г) батюшки-императора. Согласно династической традиции, каждую годовщину восшествия на престол император должен был сделать некое благодеяние. Александр Второй сделал это, отменив крепостное право в России, а спустя некоторое время в тот же день распространив отмену и на польские территории империи[6]. Исследователю нужно только вникнуть в династическое мышление.

3.4.5. С этой датой и этим договором спустя некоторое время началась наша календарная неразбериха, связанная с днем гибели апостола болгарской свободы Васила Левского. Он был повешен 6 февраля 1873 г., по астрономическому времени – 18 февраля, но было зафиксировано 19 февраля. После 1916 г., когда устанавливалось астрономическое время, и после того,

как Сан-Стефанский договор был перенесен сначала на 4 марта, а затем на 3 марта (современный национальный праздник Республики Болгария), разрабатывавшие новый календарь хотели, чтобы дата 19 февраля не была забыта. Еще во второй половине 1940-х гг. историк Александр Бурмов обратил внимание на тот факт, что казнь Левского, по сути, произошла 18 февраля по григорианскому стилю. Его никто не услышал, даже его – одного из столпов исторической науки в Болгарии в то время[7]. Почему? То ли ради названия «День 19 февраля», то ли потому, что уже оформилась традиция поклонения именно 19 февраля, то ли из-за желания не создавать новых проблем с изменениями, поскольку в стране и государстве их и без того достаточно? Десятилетиями день рождения Левского отмечался, если вообще отмечался, 18 июля по григорианскому стилю, то есть 6 июля по юлианскому. Так обе даты, связанные с Левским, отмечались по одному стилю, но к первой, с учетом XIX века прибавлялось 12 дней, а ко второй, с учетом XX века – 13 дней. Не прошло и 70 лет после статьи Бурмова, как утвердилась дата 18 февраля, в том числе и в учебниках по истории для средней школы. Интересно, что современные школьники заучивают дату 18 февраля. Тем не менее, мы чествуем Васила Левского и 18, и 19 февраля, хотя не всем ясно, откуда исходит это разночтение. Почитаем мы и дату 18 июля. Это прекрасно, но было бы печально, если бы всего лишь три дня в году мы отдавали дань уважения этому болгарскому идолу, достойному человеку, который обожаем, но очень сложен для подражания в силу своих категоричных и все еще актуальных принципов, большинство из которых, увы, не реализованы в Болгарии и по сей день.

3.4.6. Еще один «потерпевший» в результате календарных недоразумений – Христо Ботев, еще один идол Болгарии. Поэт-революционер, как его назвал еще Боян Пенев, родился 25 декабря 1847 г., поэтому его назвали Христо. После смены календаря в 1916 г. началась забавная путаница. Дату его рождения перенесли на 6 января, таким образом, годом его рождения стал 1848 год. Из множества негативных последствий этого напомню два. Одно заключается в том, что по крайней мере два десятилетия историки, политики, общественные деятели, любители и «простые смертные» спорили о годе рождения Ботева. Только представьте, сколько умственной энер-

гии было израсходовано впустую, под влиянием идеологии и, в первую очередь, некомпетентности! Второе последствие – ширящееся сегодня утверждение, что Ботев родился 6 января, когда в этот день, до Освобождения, праздновалось Рождество. Его поддерживают даже образованные и мыслящие люди, которые, впрочем, не знают истории болгарского календаря. Одно хорошо – пока что хотя бы не посягают на дату его гибели – 2 июня 1876 г. Многие подозревают, что речь, скорее всего, должна идти о месяце мае. Но 2 июня, как и 19 февраля, на протяжении многих десятилетий превратилось в Болгарии в один из неформальных символов. День 2 июня – зрелищный момент для людей за пределами нашей страны, которые, если не приедут в Болгарию в этот день, не смогут узнать, как мы его празднуем – с воем сирен, остановками поездов, с застывшим автомобильным и пешеходным движением на улицах, с соответствующими песнями по радио и телевидению, в первую очередь, на национальных теле- и радиоканалах. Как поделились со мной люди, пережившие англо-американские бомбардировки Софии во время Второй мировой войны, этот вой сирен для них пахнет порохом.

3.4.7. В 1990-е годы мы пережили и другие «приключения». Так, один никому не известный «демократ» утверждал в общественном пространстве, что это чистый подхалимаж – чтобы рядом со зданием Народного собрания была «Улица 7 ноября», названная в честь дня Октябрьской революции в Российской империи. Видимо, его скромные познания этой датой ограничивались, к тому же он провел параллель с находящимся поблизости памятником Царю-Освободителю. И откуда ему знать, что день 7 ноября, по какому бы то ни было стилю – очень значимая дата в Сербско-болгарской войне и в защиту Объединения в 1885 г.?! Он же или кто-то «родственный» ему по умственно-идеологическому развитию, объяснял нам, насколько безобразно, что в столице есть улица «Три уха» («Три уши»). Пусть тогда уж будет, предлагал он, и улица «Три копыта» или что-нибудь в этом роде. Он продемонстрировал путаную идеологию и полную некомпетентность, а что означает местность «Три уши» в болгарской истории, очевидно, ему не было известно. Да уж, нельзя спасти всех, особенно от них самих. Даже если ты историк.

3.4.8. Еще примеры нелепостей. Опускаю детали пропаганды начала 1990-х годов относительно празднования годовщины Апрельского восстания, начавшегося 20 апреля 1876 г. по юлианскому стилю. По григорианскому стилю, с точки зрения профессионалов, это было 2 мая. Нам сообщалось, что празднование этой годовщины вечером 1 мая – «коммунистический заговор для тайного празднования коммунистического праздника 1 мая». То, что идеологический комментарий шел полным ходом, было ясно. Но ясно также, что много и календарных ошибок. По традиции сутки начинаются вечером предыдущего дня, потому и ныне Церковь начинает первую службу накануне дня, который мы считаем праздником. Светский календарь, осознанно или нет, унаследовал эту традицию. Вторая ошибка не совсем календарная. Знали ли эти люди, что официальное чествование связано с трагедией расстрела мирной демонстрации рабочих в столь любимых ими США? Наверняка не знали. К чему тогда задавать им излишние вопросы о почитании 1 мая согласно многовековой болгарской, а также западноевропейской традиции (день весны, во Франции – день цветения ландыша и т.д.), которые не имеют ничего общего с событиями в Чикаго в 1886 г.?! Спустя годы любителей-псевдодемократов Запад успокоил и теперь 1 мая – официальный праздник в Болгарии.

3.4.9. Еще перлы. В 1990-е гг. началась работа по созданию «макета» болгарского Гражданского календаря. В него было вписано еще два официальных праздника: День Объединения и День независимости. Первый из них запомнился, хотя и не был особо почитаем. К 100-летней годовщине в 1985 г. даже открыли чудесный памятник в Пловдиве. Спекуляции по поводу его вида начались уже тогда (центральная женская фигура казалась копией скончавшейся за четыре года до этого Людмилы Живковой, а ее отец еще находился у власти). Без подобных спекуляций сложно обойтись, и не только в Болгарии. Статуя Святой Софии в центре болгарской столицы имеет, якобы, лицо Алисы Софиянской, красивой супруги тогдашнего кмета Софии Стефана Софиянского. Ее и сейчас многие называют «Алиса». Но я не люблю эту статую по другим причинам.

Подобного рода интерпретации характерны не только для Болгарии и не только для нашего времени. В Ленинграде/

Санкт-Петербурге знают, что в чертах античного бога войны Ареса/Марса на Марсовом поле отчетливо виден лик великого русского полководца Александра Суворова. Когда в 1980-х годах там был установлен памятник Михаилу Ломоносову, вскоре наблюдательные люди заметили, что его лицо – копия образа популярного тогда Михаила Горбачева. До этого распространенная с XVIII в. сплетня утверждала, что Ломоносов – незаконнорожденный сын Петра I, поскольку он был его абсолютной копией. Возможно, это оценка значимости Ломоносова, хотя и своеобразная.

Второй праздник, 22 сентября, по разным причинам был подзабыт. В этот день, и неслучайно, в 1908 г. была провозглашена Независимость Болгарии[8].

Как можно было ожидать, вновь закрутилась наша обычная путаница на тему «Календарь». Министр образования Илчо Димитров настаивал, чтобы праздники отмечались соответственно 18 сентября и 4 октября. Будучи историком, причем специалистом по новой болгарской истории, он имел на это серьезные основания, в том числе и понимание, что если день Освобождения отмечается по григорианскому стилю, 3 марта, логично отмечать и эти два праздника по григорианскому стилю. Учитель в нем хотел, помимо прочего, чтобы праздник отмечался, когда дети уже пойдут в школу (в Болгарии учебный год начинается 15 сентября). Илчо был коммунистом в прямом смысле этого слова, не просто членом партии.

Разгорелась идеологическая битва, и идеология, как часто бывало в прошлом, и, увы, в настоящем, одержала верх над наукой и трезвым рассудком. Во многом поэтому человечество попало в шторм, который нас и поныне сотрясает.

В Болгарии и поныне существует особый праздник, который я насколько уважаю по ряду причин, в той же мере и не приемлю – День народных будителей, 1 ноября. Он был введен «земледельческим» правительством, точнее, по задумке министра просвещения Стояна Омарчевского. Как рассказывали мне знающие люди, выбирали день именин Царицы Йоанны, а более подходящего святого, чем Святой Иоанн Рильский, во время учебного года не чествуется. Августовское празднование дня этого святого не подходило: работы в поле, Ильин день, Преображение Господне, Успение Богородицы, каникулы.

Сейчас день памяти первого болгарского святого отмечается 19 октября, как того требует традиция, а светский праздник, так наз. Будители, остался 1 ноября, как было установлено при Омарчевском.

3.4.10. 6 апреля. В 2001 г. в этот день Симеон Саксен-Кобург-Готский (Сакскобурггота, как его называли в ООН, а затем и в других международных организациях писали это имя согласно желанию его носителя) объявил о создании Национального движения «Симеон Второй» (НДСВ), позже скромно переименованное в «Национальное движение за стабильность и подъем» Болгарии. Ровно через год это НДСВ было создано. Я слышала интерпретации, что именно 6 апреля было выбрано им для начала учредительного съезда движения, поскольку являлось датой его первого обращения к гражданам Республики Болгария. Вот только никто не хотел мне объяснить, почему и указанное обращение было 6 апреля. Мне-то было понятно, я лишь задавала неудобные вопросы.

А истина? Истина заключается в том, что 6 апреля по юлианскому стилю – совершенно не случайная дата не только в болгарской истории, но и в жизни династии Кобургов. После объявления Независимости болгарская дипломатия разыграла невероятно тонкую игру, в результате которой все великие державы признали акт 22 сентября 1908 г. В этой ситуации у Османской империи просто не было выбора. Так, 6 апреля 1909 г. она тоже признала Независимость.

Благодаря этому акту Княжество Болгария превратилось в Царство Болгария, а Князь Фердинанд стал Царем Болгарии! Это к вопросу об усвоении династического мышления, в данном случае внуком. А у внука, да будет он жив и здоров, династическая закалка очень заметна – начиная с имен его детей и заканчивая другими его деяниями, как бы их ни оценивали. Историкам остается лишь прочесть этот способ мышления и поведения.

4. Еще некоторые явления XXI в. Хотелось бы вспомнить различные нужные, но немного странные в плане выбора даты празднования юбилеев и годовщин. Календарная неразбериха продолжается... Выбор дат занимает меня сочетанием идеологического упрямства, невежества и услужливости. Вот несколько примеров.

4.1. Гильдия кинематографистов Болгарии десятилетиями ведет споры о дате рождения болгарского кино. Спор этот, в сущности, касается игрового кино, а не кино вообще. Но тем самым вычитаются годы из нашего прошлого и истории болгарского кино. В этом споре отражаются и всевозможные личные взаимоотношения. Верх одержали люди, считающие этой датой 13 января 1915 г., так объявили в стране и по всему миру. Единственный плюс – целый год мы говорили о родном кино, и лично я узнала много нового. Однако в данном случае интересен аргумент для выбора этой даты. Бай Васил, как называют зачинателя Васила Гендова, который в стольких областях был первым, что ни один мужчина в Болгарии не может этого ему простить – устроил праздник якобы в день своих именин. Хорошо, да вот только Васильев день ни в 1910 г., ни в 1915 г. не приходился на 13 января. Наконец, я поняла, откуда взялась эта вымышленная дата – когда чествовали Гендова в 1948 г., Васильев день действительно был 13/14 января. В историографии это называется подтасовкой фактов, смещением времен и пространств. Я не считаю, что словцо «фальсификация» слишком сильное и грубое для определения такого деяния, обеспечивающего чью-то выгоду. Для некоторых торжествующих так называемых кинокритиков подобные факты попросту не имеют значения, поскольку противоречат изначально избранному и пропагандируемому тезису. И я не знаю, действительно ли «Българан е галант» Васила Гендова создан в 1910 г., знаю лишь, что Васильев день не приходился на 13/14 января ни в 1910, ни в 1915 г. С другой аргументацией я склонна принять скорее 1910 год, но как историк и человек задаюсь вопросом: почему мы «рубим сук» родного прошлого и из-за необоснованных аргументов вычитаем годы из состоявшегося в прошлом? А потом жалуемся, что кто-то другой якобы отнял у нас святое родное прошлое. И так не только с кино.

4.2. Болгарское национальное радио. Все тот вопрос тоже не дает мне покоя в связи с его юбилеем. Проворные люди много лет назад – а глупыми они уж точно не были – заключили, что начало радио было положено 25 января 1935 г., когда Царь Борис III издал Указ о национализации радио. Первая «загвоздка» – что «общественное» в современном понимании этого слова радио в Болгарии стало якобы Общественным. Про-

стите, но с каких пор изначально общественная инициатива, после присвоения государством, снова становится «Общественной»? Радио просто стало государственным, со всеми вытекающими последствиями.

А во вторых, радио в Болгарии имеет гораздо более долгую историю[9]. В этот спор вписывается и наш родимый комплекс «столица-провинция». Факты свидетельствуют, что радио появилось в Болгарии на море благодаря военным. В данном случае оно берет начало в Варне (я родилась даже не там, а в городе Сталин*; в Варне я лишь училась и жила несколько лет). Меня очень смешит это наше представление – на 111 тысячах квадратных километров (вся территория Болгарии) кроме столицы есть провинция, и даже Варна – ее часть, не говоря уже о Пловдиве и других наших городах, в которых, как доказано, человечество живет уже восемь тысяч лет.

43. Еще несколько «шуток и ляпов». Совсем недавно узнала нечто, что меня настолько развеселило, что я даже не могла сердиться. Из серьезной, и не только по моему мнению, болгарской газеты[10] я узнала, что юлианский календарь используется только в Эфиопии. Это первая ложь – как же Армения, Россия, Украина, Сербия, Македония? А болгарские цыгане – считай христиане! – они празднуют свой Новый год, «Банго Васил», 14 января, а не 1 января?! Затем идут еще нелепицы: юлианский календарь был утвержден царицей Савской, почти 3000 лет назад! Согласно Священному Писанию, она жила в X веке до н. э., раз гостила у Соломона, и значит это действительно было тогда. Но как она могла утвердить календарь, который еще не был создан?! А третье – это описание юлианского календаря. Он описан так, что поражает даже мою, довольно богатую, фантазию. В конце концов оказалось, что Царица Савская жила также и в I в. н.э. Никто, даже в Ветхом завете, не жил более 1000 лет.

Вся статья – это компиляция материалов из иностранной печати. Не то чтобы иностранная печать совсем не изумляла меня своими откровенными безумствами, но я чувствую себя ответственной за Болгарию, где я родилась и где, в конце концов, выбрала жить.

---

* Варна с 20 декабря 1949 г. до 20 октября 1956 г. называлась Сталин. – *Прим. пер.*

5. Вместо заключения. Я уже говорила, что не считаю ни нужным, ни возможным описывать все «чудеса и диковины» за последние 100 лет не только в Болгарии, но и во всем мире. Я знаю талантливых образованных людей, которые полагают, что если мы в Болгарии упорядочим календарь – мы, наконец, приведем в порядок и нашу запутанную жизнь. Будучи историком, и прежде всего историографом, я с ними не соглашаюсь, даже если это мои друзья, а может, именно по этой причине. У нас столько нерешенных проблем, что никакой систематизированный календарь не сможет их решить. К тому же остается и Пространство, не так ли? Не говоря уже о его обитателях! У событий человеческой жизни никогда не бывает одной единственной причины, да и наше ремесло не приемлет категорических оценок «да» и «нет». Занявшись наукой Историей, мы добровольно лишаемся привилегий для «простых смертных».

Я скорее соглашусь с нынешним болгарским Патриархом Неофитом. По его мнению, Восточно-православный календарь нуждается в корректировке, но сейчас неподходящее для этого время. Он прав – у Болгарской православной церкви столько проблем, что сам по себе ее исправленный календарь не поможет их решить.

Так же и с Государством Болгария. По календарю Бабинден* приходится на 8 января, где он и должен быть. Акушеры-гинекологи предпочитают 21 января – этот день в 1960-х годах был объявлен их профессиональным праздником. То же и с днем Трифона Зарезана (Трифонов день) – он должен быть 1 февраля, но виноградари и виноделы предпочитают 14 февраля как профессиональный праздник и день обрезания лозы. Этот день для них важнее и с точки зрения традиции XX в., и по климатическим причинам – их не интересует 14 февраля как день Св. Кирилла (брата Мефодия), не говоря уже о некоем Св. Валентине – не потому, что он католик, а по более веским причинам.

Эти и другие профессиональные праздники были введены в Болгарии в 1960-х гг., насколько я помню. Тогда поняли, что

* Бабинден – Бабий день, праздник почитания рожениц и повивальных бабок. – *Прим. пер.*

не смогут уничтожить церковные праздники, тем более народные. И приняли единственно возможное мудрое решение: приспособить, то есть вписать их в новую идеологему. Очень бы хотелось знать, кто были те умные люди, нашедшие такой вариант. Не думаю, что смогу это узнать – я не занимаюсь XX веком и физически не располагаю достаточным временем и силами для этого.

А все-таки хорошо иметь более или менее упорядоченный календарь. И приятно, когда есть кому рассказать о своих переживаниях по этому поводу. Для сборника, посвященного Любомиру Валеву, я сделала это с удовольствием.

Перевод с болгарского А.А.Леонтьевой.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] О календарях существуют тысячи, если не десятки тысяч исследований, не считая спекуляций. Я выбрала только два: *Климишин И.А.* Календарь и хронология. М., 1985; *Дроснева Е.* Животът на традицията // Кризисна ситуация и художествена култура: актуални проекции от миналото и съвременна практика. Материали от IX лятна научна среща. Варна, 23–24 юни 2001 г. София, 2002. С. 124–134.

[2] И по сей день считаю особенно удачным одно старое исследование христианизации болгар: *Гюзелев В.* Княз Борис Първи. България през втората половина на IX век. София, 1969.

[3] Последний Акт относится к нач. 1950-х гг. и хранится у меня. – Личный архив Е. Дросневой. Пол бабушки указан там как мужской (к вопросу о «первоклассной» достоверности официального государственного документа).

[4] В целом о символике чисел см.: *Дроснева Е.* Идеята за единство на света. 1. Числата от едно до седем // В света на човека. Сборник в чест на проф.д.и.н. Иваничка Георгиева. Т. 2. София, 2008. С. 235–253; Идеята за единство на света. 2. Осем, Девет, Судоку // Етнически и културни пространства на Балканите. Ч. 2. Съвременност – етноложки дискурси. Сборник в чест на проф. Цветана Георгиева. София, 2008. С. 146–174 и указанная в этих статьях литература.

[5] *Попов Р.* Светци-близнаци в българския фолклор. София, 1991.

[6] Подробнее см.: *Дроснева Е.* Факти в периферията // Периферията в историята. София, 1996. С. 104–117.

[7] Об Александре Бурмове существуют сборники, юбилейные номера журналов, мы чествуем его уже и в новом тысячелетии. Большинство его трудов переизданы, существует также множество докумен-

тальных публикаций, в которых упоминаются его имя и деятельность, многочисленны воспоминания его друзей, студентов, дипломников, аспирантов, ассистентов. См.: *Чолов П.* Български историци. Био-библиографски справочник. София, 1981 (2 изд. 1999; 3 изд. 2007). Есть также прекрасная монография: *Велева М.* Александър Бурмов. София, 1988. Последние чествования, насколько мне известно, были по случаю 100-летия со дня его рождения. Одно из них проходило в Велико-Тырновском университете им Св. Св. Кирилла и Мефодия, основателем и первым ректором которого он был, а второе – на Историческом факультете Софийского университета им. Св. Климента Охридского. О втором см.: Дроснева Е. „Провокативният Бурмов" // Исторически преглед. 2011, № 3–4. С.183 –202.

[8] Подробнее см.: *Дроснева Е.* 1908: Високосната година на България // Перущица. Гласове от миналото, настоящето и бъдещето. Т. 9–10. Пловдив, 2011. С. 12–57. Во время празднования Независимости на этой конференции в Перуштице мы многое узнали о министре правосудия д-ре Тодоре Крыстеве. Результаты см.: *Стоянова Кр.* Перущинецът д-р Тодор Кръстев и незавимостта на България // Bulgarian, Ottoman and Caucasian Studies. Сб. в чест на проф. Муртазалиев. Москва, 2012. С. 344–353.

[9] Об истории радио см.:*Димитров В.* История на радиото в България. Ч. 1–2. София, 1994.

[10] Етиопия – истинската Африка // Сега, 9 януари 2016 г. С. 33–34.

С.И. Муртузалиев*

БОЛГАРИЯ И БОЛГАРЫ В РОССИЙСКИХ ИСТОЧНИКАХ КОНЦА XVI – XVII вв.

История Болгарии является объектом традиционного внимания российских ученых со времен Средневековья. Но к числу недостаточно разработанных проблем отечественной и зарубежной славистики относится изучение эволюции «болгаристики османского периода» в России[1]. Поэтому исследование истории болгарского народа в составе Османской империи является одной из задач современной науки. Цель данной статьи – изучить сведения и представления о Болгарии и истории болгар, которые содержатся в русских источниках конца XVI – XVII вв.

В Московской Руси XV–XVII вв. общий объем знаний о положении завоеванного болгарского народа в Османской империи был заметно шире того, что дает нам историография этого времени. Можно указать на два центра концентрации этих сведений; первый – церковное руководство и второй – царский двор с Посольским приказом. Только за период с конца XV в. по конец XVII в. из Московии в Османскую империю по разным поводам было направлено около 30 посольств. Но большинство поступавших в эти центры документов (как и устных сведений), вышедших из-под пера прибывавших из Турции монастырских миссий, послов и т.п., предназначалось для служебного пользования[2]. В XVII в. Посольский приказ стал значительным культурным и идеологическим очагом страны, крупнейшим

* Муртузалиев Сергей Ибрагимович – профессор, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра по подготовке «Всемирной истории» ИВИ РАН.

переводческим центром Руси. Кроме сохраняемых в нем архивных материалов, важным источником информации о положении южных славян в Турции являлась его библиотека, насчитывавшая свыше трехсот книг на иностранных языках, в том числе выписки и переводы из «польских и немецких листов», «цесарских и голландских курантов...»[3].

Ознакомление с иноязычной литературой способствовало обогащению русской исторической мысли идеями и достижениями зарубежной историографии. Речь не идет о каком-то простом заимствовании иноземных европейских исторических сочинений. На основе взаимосвязанного поступательного развития русской и общеевропейской культур в Московии во второй половине XVII «бунташного столетия» стали создаваться собственные оригинальные сочинения.

Было бы ошибкой считать, что между двумя вышеуказанными центрами «оседания» информации существовал некий водораздел – правильнее говорить о взаимообмене какой-то частью поступавших сведений. Одним из примеров неизбежного для этих центров частичного или полного (?) дублирования сведений о положении православной церкви и ее паствы в Османской империи может служить сюжет, связанный с пребыванием Константинопольского патриарха Иеремии на Руси с 13 июля 1588 г. по 19 мая 1589 г.[4] Иеремия обещал и впредь снабжать Москву информацией о положении дел в Османской империи и обещание свое сдержал[5]. С патриархом связана и попытка русских властей выступить в роли официальных покровителей православной церкви в Турции – отъезжающему Иеремии царь Федор Иванович вручил грамоту, в которой просил султана Мурада Ш сохранять традиционный статус патриархии[6].

Другими каналами информации о болгарах и их истории, о положении православной церкви в Османской империи, ее институтах являлись рассказы приходивших на Русь балканских эмигрантов, сообщения представителей церковных и монастырских миссий, прибывавших с Балканского полуострова в Москву за так называемыми «милостынями». Сведения поступали и от русских паломников, побывавших на Афоне и в Иерусалиме.

В истории русского паломничества в Святые места на Востоке А.Н. Пыпин выделил несколько этапов, указав, что с середины XV в. в паломничестве совершается перелом: «С тех пор как Москва, по мнению самих русских, и отчасти и по признанию восточного христианства, становится во главе православного мира, не столько русские стремятся к Святым местам, сколько представители восточных церквей... приходят в Москву искать покровительства и милостыни, предлагая взамен свои молитвы», а также и политические услуги[7].

Число балканских эмигрантов заметно возрастает в 90-е гг. XVI в., что в значительной мере связано с начальным этапом кризиса в Османской империи и ростом могущества православной Московской Руси. Среди беженцев были и безвестные болгарские борцы против османского ига[8]. Изучавший материалы архивных фондов Е.П. Наумов выяснил, что в делах о выезде из Турции многие переселенцы записаны как «сербяне» и «гречане». Неопределенность самих этих обозначений позволила ученому предположить, что «эта эмиграция захватывала (по крайней мере отчасти) и болгар, а не только сербов»[9]. Причины бегства на Русь были различны, но нередко эмигранты мотивировали свое переселение желанием избавиться от притеснений со стороны османских властей, избежать насильственного обращения в ислам – такие случаи в показаниях обязательно отмечались, так как вопросу изменения вероисповедания в Москве придавали особое значение[10]. Балканские эмигранты способствовали формированию у различных слоев русского общества определенного объема представлений о положении христиан в Турции и в какой-то мере влияли на внешнюю политику России в XVI – XVII вв.

А.Н. Пыпин отмечал, что в XVI – XVII вв. «подозрительность к чужим землям – и к своим людям – была такова, что путешествия русских за рубеж были совсем невозможны». Правительство пускало за пределы страны «иногда только для торговых, дел», но уезжающие знали, что в случае их невозвращения родственников подвергнут пыткам «накрепко» и «трижды». Думается, в данном случае А.Н. Пыпин сгустил краски, но его оправдывает ссылка на то, что

«так объясняет [положение дел] Котошихин». Помня о том, что Котошихин был в штате Посольского приказа, подобное «объяснение» вполне понятно в отношении «царских людей», но вряд ли эти «строгости» распространялись на всех паломников, на весь торговый и не только торговый люд.

Новые описания хождений («хожений») русских паломников появляются только во второй половине XVI в. Чаще всего это были писания людей, посланных московским правительством на Восток с «официальными паломничествами» – с поручениями по церковным делам и с милостынею[11]. Известно, что отправлявшиеся за пределы Руси часто получали задания особого характера, доставляя верховной власти необходимую информацию.

К путешествиям такого рода относится хождение выполнявшего официальные царские поручения Василия Познякова через Стамбул в Египет и Иерусалим (1558–1561 гг.)[12]. Описание этого паломничества было приписано купцу Трифону Коробейникову[13]. В России оно пользовалось популярностью даже в XIX в. В действительности хождение Коробейникова является литературной переработкой не только путешествия Познякова, но и ряда других подобных памятников[14]. В хождении Коробейникова говорится, что, возвращаясь из своего первого путешествия на Восток (1582–1584 гг.), он проезжал через Болгарию[15], но болгары только упоминаются.

Весьма скудные знания о Болгарии приводятся и в хождении казанского торгового человека Василия Гагары в Иерусалим через Грузию (1634–1637 гг.). В описании паломничества, получившего дополнительную литературную обработку, Гагара пишет, что на Русь он возвращался через Галлиполи («Калиполя») и Варну («Варнию»), а всего «сквозь Болгарскую землю ходу дней десять»[16].

В 1651 году (фактически в 1649 г.)[17] на поклонение в Иерусалим отправился черный диакон Троице-Сергиева монастыря Иона Маленький (1649–1652 гг.). На пути к христианским святыням он переправился («превезохомся») через Дунай «под Силистриею городом Турским... и в том граде Християне живут – Болгары». Здесь он «пре-

быхом 12 дней», но каких-либо сведений о местном населении не приводит, а только сообщает, что «от Силистрии града до Варны града идоша пеши 6 дней... А тот град Варна стоит на край Чернаго моря... и Христиан в ней много Грек...»[18]. О проживании болгар в Варне Иона даже не упоминает.

Хождение Ионы не получило широкого распространения, поскольку в этот же период совершил свое хождение церковный деятель Арсений Суханов (конец XVI – 14. VIII. 1668 г.), который составил более обстоятельное описание своего путешествия на Восток. Популярности хождения в немалой степени способствовала начитанность монаха или, как говорили в старину, «почитание книжное»[19]. Более десяти лет провел он в путешествиях, выполняя задания патриархов Иоасафа, Иосифа, Никона и правительства[20].

Суханов направился в Иерусалим вместе с патриархом Паисием. Путешествие распадается на два этапа: 1649–1650 и 1651–1653 годы. Его литературное наследие этих лет представлено «Прениями с греками о вере», отразившими результат богословского диспута в Терговищах (1–4 этап хождения) и «Проскинитарием» (греч. – поклонник) – подробным описанием второго этапа путешествия. После возвращения в Москву Сухановым была составлена записка «О чинах греческих вкратце» (после 1653–1655 гг.)[21] – публицистический трактат, в котором использован текст «Проскинитария». В Иерусалим монах добирался, минуя болгарские земли, поэтому в «Проскинитарии» сведения о них отсутствуют. Зато два других памятника и их редакции интересны тем, что, например, в «Прениях с греками» болгары упоминаются дважды: первый раз, когда говорится о том, что «сербы и болгары с Москвою чтем одне книги»[22]; второй – когда речь идет об обряде крещения[23].

Принимая во внимание практику одаривания «милостыней» при приеме церковных и монастырских миссий из Османской империи, а также усиление притока балканских эмигрантов на Русь, особого внимания заслуживает свидетельство Суханова («Приложения к Прениям и о чинах греческих вкратце») в отношении греков, иные из которых «лгут на турков, вылигаючи милостыню, будто и чалмы им

турчин велит носить» и т.п. Паломник подчеркивает, что все видел «своими очима, турки их (греков. – *С.М.*) не неволят»[24]. В Москве знали о предвзятом отношении Суханова к православию на Востоке, но, думается, мнение паломника о «греках» не осталось без внимания властей и сыграло свою роль при принятии указов об ужесточении правил приема балканских миссий во второй половине XVII в.

Анализ текстов хождений демонстрирует крайнюю ограниченность информации о болгарах даже в тех случаях, когда Болгария находилась на пути следования паломников, и показывает, что описания хождений использовались как некий шаблон. Ходоки, как правило, ограничивались самым общим упоминанием «болгарских земель» или добавляли сведения о длительности пути от одного города до другого; экскурсы в историю Болгарии отсутствовали. Зафиксированные в хождениях наблюдения паломников столь скудны и кратки, что подобно сполохам зарницы лишь на мгновение напоминали читателям о том, что в Турции есть такая земля и существует народ болгарский. Информацию иного рода, но столь же краткую, россияне получали при знакомстве с хождением Суханова. Констатация ограниченности сведений паломников не должна закрывать для нас другой аспект рассматриваемой проблемы, состоящий в том, что в Московии XVI – XVII вв. о болгарах не забыли, их не путали с сербами и греками, имели некоторые поверхностные географические представления о болгарских землях, о вероисповедании и обрядности болгар. Таким образом, хождения доставляли не только практические данные, но и формировали обыденные представления о Болгарии и ее жителях.

Развитию формы связи посредством приходивших из балканских монастырей миссий за «милостыней» способствовало, по предположению Н.М. Дылевского, Послание московского митрополита Ионы (в 1456 г.) к русскому народу, проникнутое глубокой скорбью по поводу падения Константинополя. В своем послании Иона призывал русских людей щедрою милостыней прийти на помощь единоверным братьям, претерпевающим тяжкие страдания турецкого рабства»[25].

По неполным данным, только в XVI в. Русь посетили не менее 14 таких миссий. В составе одной из подобных делегаций в Троице-Сергиев монастырь прибыли монахи Рильского монастыря Прохор и Митрофан, поведавшие Макарию о неомученике Георгии Новом Софийском. С XVI в. установились культурные и политические связи между великотырновскими монастырями и Русью. В 1590 г. несколько месяцев в Московии находился тырновский митрополит грек Дионисий Ралли, который поднес царю «саблю булатную». Подобные подношения делались духовенством и других церквей. А.И. Рогову это дало основание предположить, что таким образом церковные деятели напоминали русскому царю о возложенной на него миссии по освобождению православного населения Турции. С Дионисием, как и с Иеремией, договорились о передаче Московскому государству информации о положении в балканских владениях османов[26]. В 1603–1604 гг. Дионисий Тырновский вел в Москве тайные переговоры с Борисом Годуновым и, как предполагают, речь шла также о «болгарском деле», то есть участии Руси в борьбе против турок-османов[27].

За период с конца XVI до начала XVIII в. в Путивль и Москву прибыли не менее трех великотырновских миссий[28]. В середине XVII в. в Москву приехал кюстендилский митрополит Михаил Коласийский, который 21 ноября 1651 г. просил принять его и брата Вениамина Николаева на государеву службу – просьба была удовлетворена[29]. В результате подобных контактов русское общество обогащалось новыми знаниями о Болгарии и болгарах, причем следует отметить, что в XVIII – XIX вв. культурные и политические связи болгарских монастырей с Россией расширялись и углублялись[30], и, таким образом, болгарское духовенство все в большем объеме снабжало российскую науку информацией о положении болгар.

Этому способствовал и установленный Борисом Годуновым порядок, предписывавший путивльским воеводам опрашивать всех прибывающих из-за границы: откуда и когда они выехали, через какие земли проезжали и т.д. По прибытии в Москву эти люди должны были явиться в Посоль-

ский приказ и обстоятельно изложить все, что им известно о странах, из которых они пришли и через которые проходили[31].

Приведенный выше краткий перечень (разумеется, неполный – это в нашу задачу не входит) посетивших Московию церковных миссий может создать впечатление о чуть ли не беспрерывном притоке информации, что не соответствует действительному положению вещей.

Прежде всего, необходимо отметить тот факт, что ежегодное возрастание числа просителей потребовало упорядочения благотворительности, которое в первое время имело в виду не столько ограничение ее размеров, сколько предотвращение злоупотреблений[32]. Первые шаги в этом направлении были сделаны в «жалованных грамотах» Ивана Грозного (1533–1584), ограничивавших численный состав людей в миссии. Другой причиной ужесточения порядка приема миссий служило опасение распространения на Руси «латынства» и «лютерства». Поэтому Иван IV, по словам А. Курбского, стремился «затворить» Русское царство «аки во аде твердыни»[33].

На рубеже XVI – XVII вв. происходит дальнейшая «политизация» связей России с балканскими территориями Турции, но активность их снижается из-за обострения обстановки в регионе[34]. В Османской империи все резче проявляются кризисные явления, идет «долгая» война с Австрией (1593–1606 гг.), учащаются попытки сопротивления балканских народов против османского господства и т.д. В России наступает «смутное время» (1604–1613 гг.). Все это крайне осложняло всякие поездки и поток просителей «милостыни» приостановился.

С воцарением на московском престоле Михаила Федоровича Романова (1613 г.) и возвращением из польского плена (1619 г.) его отца, «ревностного хранителя традиций Московского государства»[35], прием миссий в Москве был возобновлен, и прежняя практика получила новые импульсы развития. Однако в «жалованных грамотах» стала регулироваться возможная частота прибытия миссий на Русь. В результате указанных мер сведения из одних и тех же мест (регионов) поступали, во-первых, с опозданием (задержкой) и, во-вторых, не постоянно, а время от времени. В какой-то мере это компенсировалось

сообщениями других миссий из иных монастырей, но их информация касалась уже новых территорий, что, с одной стороны, позволяло представить картину в целом, но, с другой стороны, – это «целое» походило на лоскутное одеяло, отдельные части которого были не всегда равноценны. Так что вряд ли следует абсолютизировать тот поток информации из болгарских земель, который получала Русь.

Помимо указанных контактов, с конца XVI в. (при Борисе Годунове) были установлены прямые связи с Константинопольской патриархией, а также с патриархами Александрийским, Антиохийским и Иерусалимским (в введении последнего находилась «Святая земля») – это упрощало паломничество в Иерусалим и на Афон. В государевых наказах русским послам предписывалось поддерживать тесные контакты с верховными православными иерархами в Турции, сообщавшими не только секретную информацию. Здесь следует сказать о том, что для успешного выполнения миссии необходимо было учесть предыдущие дипломатические поездки в ту же страну, поэтому при подготовке наказов использовался архив Посольского приказа. К концу XVI в. посольские документы по сношению России с Турцией (как и с другими государствами Востока) были выделены в особую подгруппу в разделе «дела азиатские»[36].

Русско-турецкие отношения не раз осложнялись, и потребность в информации резко возрастала. Например, в связи с тем, что с начала 50-х гг. XVII в. русско-турецкие и крымские отношения вступили в новый этап из-за вторжения турецких войск на Украину, которая во главе с Богданом Хмельницким вела освободительную борьбу против Польши за воссоединение с Русью. Присоединение Украины к Москве было оформлено Переяславским актом 1654 г.

Возросшее внимание к Османской империи в памятниках исторической мысли XVII в., как и упомянутое выше выделение в Приказе «дел азиатских», свидетельствуют о том, что внешнеполитические факторы вызвали повышение интереса правительства и общества ко многим проблемам, связанным с восточными делами, с положением христианских народов в Турции. Интерес этот в значительной мере удовлетворялся информацией православного духовенства. Таковы, например, сведения находящегося в Бухаресте бывшего константино-

польского патриарха Дионисия о том, что «сербы и болгары, волохи и мултяне» ждут помощи от России, призывая: «восстанете ибо и не дремлите, и приидите бо еже спасите нас»[37]. В грамотах, привезенных в Москву весной 1688 г. архимандритом Павловского Афонского монастыря Исаией, подробно сообщалось о бесчинствах турок в Болгарии, Греции и Сербии[38].

Понятно, что широким кругам русского общества многое оставалось не известно, но только не призывы южнославянских народов о помощи, которые правящие круги Московской Руси использовали «для обоснования определенных политических позиций и конкретных дипломатических акций»[39] в отношении Турции. В Указе русского правительства о подготовке Крымского похода 1689 г. отмечалось, что задачей его является освобождение православных христиан от «бусурманской неволи»[40]. Болгары упоминаются в условиях мира, выдвинутых П. Возницыным на Карловицком конгрессе 1698–1699 гг. – это была новая попытка русского правительства официально защитить интересы единоверных балканских народов. В параграфе восьмом документа говорилось: «Церквам божиим и монастырем греческую веру имеющим, везде во владении его Салтанова Величества сущим, также и розних народов людем Греком, Сербом, Болгаром, Словаком и иным всем, тоеж веру употребляющим, да будет всякая свобода и волности без всякого отягчения и лишних податей, а новонакладные дани да отымутся от них, и впредь к тому принуждаемы не будут»[41].

С 1699 по 1707 гг. русское правительство получало ценную информацию от митрополита, а впоследствии иерусалимского патриарха Досифея, видевшего в Московской Руси «будущую освободительницу всех православных народов от турецкого ига»[42].

Завершая характеристику основных центров сбора информации, следует заметить, что поступавшие от христианских церковных иерархов в Турции сведения о положении православной паствы выражали, как правило, неприязнь к мусульманским завоевателям, в мрачных тонах изображали положение христиан и сопровождались призывами к освобождению.

Рост интереса различных слоев русского общества к Османской империи, к положению православного населения, а значит и болгар, тесно связан с личными переживаниями за

судьбы родственников, друзей и просто знакомых, которые участвовали в сражениях с турками и их вассалами – крымскими татарами, находились в Османской империи с государственными и иными поручениями или были в плену у турок[43] и т.д. Москва специально выдавала послам определенное количество соболей для выкупа русских людей из неволи[44]. Такие данные о выплатах на «откуп» полоняников (30–40-е гг. XVII в.) зафиксированы в приходно-расходных книгах и записях русских послов в Стамбуле[45]. Сообщения бывших полоняников о том, как их мучили «разными нестерпимыми муками, приводя... в свою... бусурманскую веру поганую»[46], вызывали чувство сострадания к христианским подданным Турции. Таким образом, переживания за судьбы близких людей переплетались с озабоченностью судьбами болгарского и других православных народов в Османской империи.

Помимо этих «эмоциональных» факторов, большую роль играли, разумеется, среди определенной части российского общества (политики, военные, духовенство, торговцы...), и «деловые интересы». Так, что и эта часть населения была заинтересована в притоке свежей информации не только о театре военных действий, но и о правовом и религиозном положении единоверцев в Османской империи для разработки и успешной реализации своих планов. Тем самым и общество, и государство все больше приближалось к осознанию необходимости специального и систематического изучения южного славянства и Турции.

Борьба Московии с крымско-османской агрессией была злободневной темой русских сочинений второй половины XVII в. Идея необходимости объединения усилий всех славянских стран в борьбе против угрозы татаро-турецкого господства «зрела в общественно-политической мысли славянских народов»[47] и получила свое отражение в «Скифской истории» А.И. Лызлова. По мнению В.В. Чистяковой, интерес Лызлова (ок.1655–1697) к истории Турции и Крыма зародился во время его участия в Чигиринском походе 1677 г. В 1682–1683 гг. в Москве он уже работал над будущей книгой, но завершил труд только в 1692 г.[48]

На создание «Скифской истории» – первой русской научно-исследовательской работы о Ближнем Востоке[49]

большое влияние оказали европейские хроники, но использовались и русские. В тексте работы довольно часто указывается трудами каких именно авторов Лызлов пользовался при освещении тех или иных событий, что является одной из сильных сторон его сочинения. Фрагментарное изложение политической истории Болгарии, автор сопровождает ссылками на «Русский хронограф» 1512 г., на «Хронику» Матвея Стрыйковского (1582 г.), на «Хронику всего света» Мартина Бельского (1554 г.) и «Польскую хронику в 30 книгах» Мартина Кромера (Краков, 1611 г.). Автор делает первые шаги по пути сравнения привлеченных источников: русских, украинских, польских[50]. «Скифская история» признана первой в российской историографии попыткой дать полное изложение истории Турции, а также описать основные установления религии мусульман. В традициях своего времени «скифами» Лызлов именует монголов, татар и турок. Освещение политической истории Османской империи автор завершает периодом правления Мехмеда III («Махомета») (1566–1603 гг.).

Главная направленность труда определила ограниченность сюжетов по истории Болгарии, причем основное внимание Лызлова обращено к периоду ее завоевания османами. Ссылаясь на сведения из Хронографа, он пишет, что Амурат (Мурад I) «под власть свою покори» большую часть Фракии, а «такожде и Болгарии множайшею частию со Адрианополем, ... И во Фракии или Болгарии во граде Адрианополе престол обладания своего учини» (С. 182, 183)[51].

Трижды фигурируют болгары и Болгария в рассказе о действиях Баязида I (1389–1403 гг.) на Балканах в 90-х гг. XIV в.: «Баозит же ратова Константинополь яко речеся, и конечно бы тогда взял Константинополь, аще бы не имел спасения от немец и Венгерского кралевства: оттуду же посылаше воинство в Болгарскую и Боссенскую страны, иже прилежаху к Венгерскому кралевству». И мстя за смерть отца Мурада I (1362–1389 гг.), «непрестанно войнами пустошаше их, и князя некоего болгарского убил, и иных под власть свою приведе, и в покое оставляющи дани возложи». Король Сигизмунд Люксембургский, желая предотвратить завоевание Венгрии «и избавити Болгарию от турков,

собрав многое воинство венгров и прочих народов, изыде на султана Баозита». Здесь Лызлов ссылается на Кромера, а далее, но уже со ссылками на Стрыйковского и Бельского, сообщает о битве под Никополем в 1396 г. (С. 185, 186). Описывая завоевания Баязида, автор нигде не упоминает о захвате Тырново.

Говоря о событиях начала XV в., Лызлов упоминает болгарский город как место встречи «греческого царя Мануила» – византийского василевса Мануила II Палеолога (1391–1425 гг.) с «Мусолманом у града Никополя. Идеже сотвориша дружбу между собою». Речь идет о Сулеймане, сыне Баязида I, османском правителе Румелии (1402–1410 гг.). Лызлов указывает, это в Хронографе он пишется как «Мусолман», а у Бельского – «Калапин» (С. 187). Повествуя о действиях Мехмеда I (1413–1421 гг.), Лызлов сообщает, что узнав о планах Сигизмунда в отношении Болгарии и Боснии, султан в «лета 6922-го (1414 г. – *С.М.*) посла немалое воинство воевати Болгарские земли» (С.188), указывая, что эти сведения почерпнуты им из сочинений Бельского и Кромера.

Сигизмунд, проведав о смерти султана Мехмеда I и «о вражде между братей-сынов его», то есть о династических распрях между Мурадом II и младшим его братом Мустафой, «в лета 6936-го (1428 г. – *С.М.*) собрав немалое воинство, иде в Болгарию на турки», но битва не состоялась, так как Сигизмунд «убоявся множества турков», посланных против него Мурадом II (С. 190). Здесь Лызлов помечает, что сведения эти заимствованы у Кромера и Стрыйковского.

Далее Лызлов повествует о Владиславе III Варненчике, который, «понуждаемый» кардиналом папы Римского, начал военные действия против османов, и в результате одной из очередных побед «Болгария прииде в державу венгров» (С. 192). В данном случае Лызлов повторяет ошибочное суждение М. Кромера. Известно, что Болгария (или ее часть) не входила в состав Венгрии и не находилась от нее в вассальной зависимости. Кромер выдавал желаемое за действительное. В 1365–1369 гг. существовала реальная опасность оккупации Болгарии, например, в мае-июне 1365 г. Венгрия временно оккупировала Видинское царство; во время походов крестоносных войск против турок в 1396 и 1444 гг. вен-

герская корона также вынашивала планы подчинения болгар, установления контроля над их страной[52].

Довольно подробно Лызлов говорит о причинах нарушения перемирия с османами, описывает поход Владислава III и битву «в Болгарии у града Варны, иже отдревле назывался Деонисиполь», в которой турки одержали победу в «лета 6952-го (1444 г. – *С.М.*) месяца ноември в 10 день» (С. 194). После победы «зело возгорде Амурат. Посла воинство воевати стран Венгерских... И иде в Болгарию к реке Считнице, и бывши брани побеждени быша венгры от турков...» (С. 195). Здесь Лызлов вновь ссылается на Кромера, а речь, по-видимому, идет о разгроме войска Яна Гуниади в 1445 г.

Болгария и болгары упоминаются при перечислении территорий «обладателства турецкаго» (С. 265, 276), в которых власть султанов держится «двомя способами. Первым, еже отъемлет оружие от всех своих подданных... Вторым, яко вручает вся властелства в руки отступников христианский веры, их же он в дани вземлет от подданных еще в малых летах» (С. 267). Далее Лызлов освещает такие вопросы, как принудительное рекрутирование христианских детей в янычары, их воспитание (С. 267–268) и т.д.

К теме «янычарства» автор возвращается и на других листах своей работы, справедливо увязывая ее с проблемой исламизации христиан. Пристальное внимание автора к этой проблеме отвечало духу времени и вряд ли нуждается в пояснении. Заслуживает внимания анализ причин перехода в ислам: добровольцы – в силу разных мотивов; другие – чтобы избежать наказания за преступление – «избыти тягостей и мучения»; иные – для получения «честей и властелств времянных. И таковых, и овых велми много в Константинополе обретается, и называют их тайными христианы» (С. 168).

Изменение конфессиональной ситуации в Османской империи происходило и за счет смешанных браков, в которых турки принуждали жен принимать ислам (С. 169). Не последнюю роль в подрыве христианской веры и переходу в ислам играли различные запреты и ограничения: «не попущают им на конех ездити», носить оружие, принимать участие в судопроизводстве или в управлении. «Еще не ве-

лят христианом поновляти церквей упадающих, повелевают же разве за великия дары... И тако явно прекращается тамо слава Божия, а затем и вера». Перечисляя другие случаи и мотивы принятия ислама, Лызлов приводит описание обряда перехода в мусульманство – «чин принятия... прелести Махометовой» (С. 169–170).

Но «множайшая же часть христиан бывают махометяны и неволею» (С. 168). В первую очередь к ним относятся христианские дети 10–17-летнего возраста, которых силой забирают у родителей. Термин «девширме» Лызлов не употребляет, но очень точно замечает, что далеко не все новобранцы направлялись в янычарский корпус, «а часть их отдают на послужение во дворы градския, заключенныя в Константинополе и во иных местах», а «благообразных и природных емлют в сарай султанский» (С. 272). Такие христиане «неволею бывают турками», а возник сей «диаволский вымысел» во время правления Мурада II (С. 168–169).

Лызлов указывает на «лож... во историях», сообщающих о силе «янычарского воинства», в которое «ныне допущают» малоазиатских турок, которым разрешили жениться. В результате, пишет Лызлов, янычары «изменилися и стали своевольными» (С. 273) и «склонны к бегству паче, нежели ко брани» (С. 271).

Автор «Скифской истории» затрагивает и такую важную проблему, как борьба южных славян против турецких завоевателей. Прямые указания на участие болгар в этой борьбе в XV – XVI вв. отсутствуют, она как бы отодвинута на второй план.Однако упоминания о посылке «немалого воинства», чтобы «воевати Болгарские земли», рассказы о сражениях, которые происходили на болгарской земле в конце XIV – первой половине XV в., подразумевают участие болгар в сопротивлении османам, в результате чего болгарские земли подвергались очередным разорениям как, к примеру, это было после сражения на берегу реки Марицы в сентябре 1371 г. (битва при Черномене), когда «турки рассыпались по полуострову, яко птицы по воздуху, а прежде цветущее царство Болгарское поразил голод и опустошения, земля оскудела не только людьми, но и плодами земными и скотом» (С. 378).

В своем труде стольник Лызлов развил воззрения Игнатия Римского-Корсакова на историю и насущные задачи внешней политики Московской Руси[53], создал оригинальную историческую концепцию, направленную на сплочение славянских народов под эгидой Руси перед лицом растущей османской опасности, положил начало новому этапу в развитии отечественной историографии, связанному с переходом от простого накопления фактов к научному осмыслению исторических знаний[54].

В «Скифскую историю» был включен сделанный Лызловым (по одним данным в 1678 г., по другим – в 1686 г.) полный перевод книги ксендза Симона Старовольского (издана в Кракове в 1646 г.) «Двор цесаря турецкого...»[55]. Сопоставив содержание рукописи перевода труда С. Старовольского с последними главами второй части «Скифской истории», Н.А.Смирнов пришел к выводу, что Лызлов «полностью использовал рукопись Старовольского для своего сочинения»[56]. Впрочем, Лызлов часто оговаривает свои заимствования, как и в случаях с другими источниками, из которых черпал материал для своей книги.

Впервые «Скифская история» была издана Н.И. Новиковым (1-я часть – в 1776 г. в Петербурге, в 1787 г. в Москве были изданы все четыре части), а до этого она неоднократно переписывалась от руки. История бытования этих рукописных текстов восходит к 90-м гг. XVII в., но они имели хождение и после публикаций Новикова. «Скифская история» явилась важным этапом в становлении российской источниковедческой и исторической мысли, определившей ее развитие в трудах В.Н. Татищева и других историков XVIII в. В XIX в. рукописные тексты передавали по наследству, дарили, покупали, вели из-за них тяжбы. Владельческие надписи на рукописях говорит о том, что «Скифскую историю» читали и во дворце, и в каморке слуги. Написанная в самом конце XVII в. «Скифская история» продолжала интересовать образованное русское общество и в XIX в. Этот неординарный факт, на наш взгляд, объясняется ростом интереса к Востоку и к ситуации на Балканах в связи с возникновением Восточного вопроса.

Завершая, отметим, что связи с Востоком посредством паломничества, в том числе и хаджи мусульман к исламским святыням (но это отдельная тема) давали возможность российским людям ощутить себя частью огромного духовного и культурного пространства мусульманской и христианской цивилизаций[57].

Эволюция представлений о болгарах показывает путь становления российской болгаристики. Даже беглое ознакомление с центрами информации (царский двор с Посольским приказом и патриархия) убеждает в том, что в этих «банках знаний» целенаправленно накапливались знания для дальнейшего прагматического использования. Какая-то часть этих сведений, разумеется, не доходила до русских книжников, побуждаемых религиозными чувствами, сопереживанием и/или научной любознательностью. Эти различия в мотивах сбора информации объясняют и различия в результатах. Представления о болгарской территории, как и историко-культурные знания оставались довольно туманными.

Со второй половины XVII в. спорадические проявления специального интереса к балканским славянам приобрели вполне отчетливый и устойчивый характер, хотя, как отмечал А.С. Мыльников, «произведения еще не утратили синкретизма, свойственного средневековому мышлению». Несмотря на расширение круга сведений о славянах, информация, тем не менее, «не выходила из ряда сведений о зарубежных народах и государствах в целом и, следовательно, не свидетельствовала о наличии особого внимания именно к славянскому миру»[58]. Имелись лишь самые общие, схематичные представления о географии расселения балканских народов на полуострове. Сочинение Лызлова в рассматриваемом нами аспекте можно трактовать как начальную стадию формирования российской научной болгаристики и ориенталистики. «Скифская история», думается, достаточно точно отражала уровень осведомленности официальных кругов и общества в целом о положении «турецких» христиан вообще, но имевшиеся знания не были четко дифференцированы по народной (народностной) принадлежности – учет специфики каждого этноса и желание иметь достоверные знания об особенностях края были востребованы позже, со времени активизации политики России на Балканах в XVIII – XIX вв.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Подробнее см.: *Муртузалиев С.И.* Болгария в тени полумесяца: изучение истории Болгарии и Османской империи в России (XV – первая половина XIX в.). М., 2013.

[2] *Теплов В.* Русские представители в Царьграде (1496–1891). СПб., 1891. С. 70–71.

[3] Дела Тайного приказа. Кн.1. СПб., 1907. С. 348, 349, 360, 362.

[4] *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен. Кн. 4. М., 1960. С. 304; *Борисов Н.С.* Первый патриарх // Церковные деятели средневековой Руси XIII – XVII вв. М., 1988. С. 158–161.

[5] *Каптерев Н.Ф.* Характер отношений России к православному Востоку в XVI и XVII столетиях. Сергиев Посад, 1914. С. 279–282, 309.

[6] *Муравьев А.Н.* Сношения России с Востоком по делам церковным. Ч. 1. СПб., 1858. С. 226.

[7] *Пыпин А.Н.* История русской литературы. Т. 1. СПб., 1911. С. 392–394.

[8] История на България.Т.4. София, 1983. С. 196–200.

[9] *Наумов Е.П.* К истории связей России с южнославянскими народами в первой половине XVII в. // Связи России с народами Балканского полуострова (первая половина XVII в.). М., 1990. С. 97.

[10] *Захарьина Н.С.* Материалы по истории светской эмиграции из Балкан в Россию в первой половине XVII в. в фондах Посольского приказа // Связи России с народами Балканского полуострова. С. 200–201.

[11] *Пыпин А.Н.* История русской литературы. Т. 1. С. 18, 201.

[12] Хождение купца Василия Познякова по святым местам Востока / Под ред. Х.М. Лопарева // Православный палестинский сборник (ППС). СПб., 1887. Вып. 18.

[13] Хождение Трифона Коробейникова / Под ред.Х.М. Лопарева // ППС. СПб., 1888. Вып. 27.

[14] *Белоброва О.А.* Черты жанра хождений в некоторых древнерусских письменных памятниках XVII века // Труды Отдела древнерусской литературы (ТОДРЛ). Л., 1972. Т. 27. С. 264; История отечественного востоковедения до середины XIX века. М., 1990. С. 26–27.

[15] В 1593 г. дьяк Т. Коробейников вместе в М. Огаревым был послан в Константинополь и на Афон. Подробнее об этом см.: *Данцит Б.М.* Ближний Восток в русской литературе (дооктябрьский период). М., 1973. С. 26–28; *Пыпин А.Н.* История русской литературы. Т. 2. СПб. С. 203–208.

[16] Подробнее см.: Путешествие Василия Гагары в 1634 году // Сказания русского народа, собранные И. Сахаровым. СПб., 1849. Т. 2. Кн. 6. С. 109–122; О казанце Василии // *Попов А.Н.* Обзор хронографов русской редакции. М., 1869. Вып. 2. С. 252–256.

[17] Иона Маленький выехал из Москвы 10 июня 1649 г. Вместе с патриархом Иерусалимским Паисием и Арсением Сухановым. Подробнее см.: *Долгов С.О.* Повесть и сказание о похождении во Иерусалим и во Царьград Троицкого Сергиева монастыря черного диакона Ионы по реклому Маленького. 1649–1652 гг. // ППС. СПб., 1895. Вып. 42. (Т. 14. Вып. 3). С. 1–4.

[18] Впервые хождение Ионы Маленького было напечатано в 1836 г.: *Коркунов И.* Путешествие к святым местам, совершенное в XVII столетии иеродиаконом Троицкой Лавры. М., 1836.

[19] *Белокуров С.А.* Арсений Суханов. М., 1894. Ч. 2. С. LXXXI.

[20] Там же.С.183 и др.

[21] Там же. С. 32, 34. По мнению С.А. Белокурова, записка «О чинах греческих вкратце» была написана А. Сухановым после 1665 г., т.е. после возвращения из путешествия на Афон (1653–1655 гг.). В православных монастырях Востока Суханов отобрал и отослал в Москву около 500 рукописей и книг. (*Белокуров С.А.* Арсений Суханов. С. LXXXV).

[22] *Белокуров А.С.* Арсений Суханов. С. 53–54.

[23] Там же. С. 84–85.

[24] Там же. С. 127.

[25] *Дылевский Н.М.* Рыльский монастырь и Россия – Украина в XVI – XVII веках. София, 1974. С. 7, 41–42, 55, 108.

[26] *Рогов А.И.* Культурные связи России с Балканскими странами в первой половине XVII в. // Связи России с народами Балканского полуострова. С. 126; *Каптерев Н.Ф.* Характер отношений России к православному Востоку. С. 279, 309.

[27] Подробнее см.: *Наумов Е.П.* К истории связей России с южнославянскими народами. С. 99–100.

[28] *Муравьев А.Н.* Сношения России с Востоком по делам церковным. Ч. 1. С. 263–264; Ч. 2. СПб, 1869. С. 290; *Христов Хр. Ив.* Културни и политически връзки между манастирите от Великотърновския край и Русия през XVI – XIX в. // Руско-български връзки през вековете. София, 1986. С. 137–139; *Наумов Е.П.* К истории связей России с южнославянскими народами. С. 98–107; *Флоря Б.Н.* Записи из приходно-расходной книги Путивльской воеводской избы за 1627–1628 гг. о русско-балканских связях // Связи России с народами Балканского полуострова. С. 229, 232–235 и др.

[29] *Ангелов Б.* Руско-южнославянски книжовни врьзки. София. 1980. Подробнее о процедуре устройства в России балканских эмигрантов см.: *Захарьина Н.С.* Материалы по истории светской эмиграции из Балкан в Россию. С. 194–204.

[30] *Христов Хр. Ив.* Културни и политически връзки. С. 140–145.

[31] *Каптерев Н.Ф.* Характер отношений России к православному Востоку. С. 275–347.

[32] *Дылевский Н.М.* Рыльский монастырь. С. 8.

[33] Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. Л., 1979. С. 110.

[34] *Наумов Е.П.* К истории связей России с южнославянскими народами. С. 98–99.

[35] *Дылевский Н.М.* Рыльский монастырь. С. 8.

[36] «Око всей великой России»: об истории русской дипломатической службы XVI-XVII вв. (сост. Н.М. Рогожин; отв. ред. Е.В. Чистякова). М., 1989. С. 36–38, 52. Подробнее о политических связях между Россией и высшим греческим духовенством см.: *Флоря Б.Н.* К истории установления политических связей между русским правительством и высшим греческим духовенством (на примере Константинопольской патриархии) // Связи России с народами Балканского полуострова. С. 8–42.

[37] *Каптерев Н.* Приезд в Москву Павловского афонского монастыря архимандрита Исаии в 1688 году // Прибавления к изданию творений святых отцов в русском переводе за 1889 г. Ч. 44. М., 1889. С. 268.

[38] Там же; *Достян И.С.* Борьба сербского народа против турецкого ига. XV – начало XIX в. М., 1958. С. 90.

[39] *Мыльников А.С.* Об истоках становления славяноведения в России (к вопросу об изучении «Предыстории» славистики) // Историографические исследования по славяноведению и балканистике. М., 1984. С. 29.

[40] Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в государственной коллегии иностранных дел. Т. 4. М., 1828. С. 589.

[41] Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными.Т. 9. Спб., 1868. С. 207.

[42] *Данциг Б.М.* Ближний Восток в русской науке и литературе (дооктябрьский период). М., 1973. С. 27–28, 34, 45; *Каптерев Н.Ф.* Характер отношений России к православному Востоку. С. 277–278.

[43] Описание Турецкой империи, составленное русским, бывшим в плену у турок во второй половине XVII в. / Под ред. П.А. Сырку // ППС. СПб., 1890. Вып. 30. П.А. Сырку приписывает авторство «Описания» сыну боярскому Федору Дорохину, который в 1660 г. попал в плен, а в 1674 г. ему удалось выкупиться.

[44] *Муравьев А.Н.* Сношения России с Востоком по делам церковным. Ч. 2. С. 16.

[45] *Заборовский Л.В., Захарына Н.С.* Из документов русских посольств в Османскую империю. Приходно-расходные книги 1630–1631 и 1641–1642 гг. // Связи России с народами Балканского полуострова. – С. 240, 243, 261, 262, 264.

[46] *Муравьев А.Н.* Сношения России с Востоком по делам церковным. С. 342, 344.

[47] *Чистякова Е.В., Богданов А.П.* «Да будет потомкам явлено...»: очерки о русских историках второй половины XVII века и их трудах. М., 1988. С. 57.

[48] *Чистякова Е.В.* Биография А.И. Лызлова // *Лызлов А.И.* Скифская история. М., 1990. С. 355–359.

[49] *Данциг Б.М.* Ближний Восток в русской науке и литературе. С. 40.

[50] *Чистякова Е.В.* Скифская история Лызлова и вопросы востоковедения // Очерки по истории русского востоковедения. № 4. М., 1963. С. 87.

[51] Здесь и далее цитирую памятник по изданию: *Лызлов А.И.* Скифская история. М., 1990. В скобках указываю страницы издания.

[52] Подробнее см.: *Тютюнджиев И.А., Павлов П.Х.* Българската държава и османската експанзия (1369–1422). В. Тырново, 1992. С. 29–37; *Цветкова Б.* Паметна битка на народите: европейският юго-изток и османското завоевание – края на XIV и първата половина на XV в. Варна, 1979.

[53] *Оглобин Г.* Дело об «Истории скифской» // Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете (ЧОИДР). 1904. Ч. 3. Смесь. С. 11 и сл.

[54] *Чистякова Е.В., Богданов А.П.* «Да будет потомкам явлено...». С. 9, 100.

[55] Научное издание сочинения С. Старовольского см.: Двор цесаря турецкаго и жителство его в Константинограде // *Лызлов А.И.* Скифская история. С. 280–342. В 1649 г. дьяк Г. Кунаков привез в Россию второе издание труда С. Старовольского, а всего во второй половине XVII в. появилось 8 русских переводов книги ксендза. (См.: *Богданов А.П.* Источники «Скифской истории» // *Лызлов А.И.* Скифская история. С. 444.

[56] См.: *Смирнов Н.А.* Россия и Турция в XVI – XVII вв. Т. 1. М., 1946. С. 37–38, 46–47, 93, 105.

[57] *Литвинов В.П.* Россия и Восток: связующие нити паломничества // Россия и Восток: взаимодействие стран и народов. Труды X Всероссийского съезда востоковедов, посвященного 125-летию со дня рождения выдающегося востоковеда Ахмет-Заки Валиди Тогана. Кн.1. Уфа, 2015. С. 185.

[58] Славяноведение в дореволюционной России. М., 1988. С. 911.

И.Ф. Макарова*

МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В БОЛГАРСКИХ ЗЕМЛЯХ ОСМАНСКОЙ ИМПЕРИИ В XV – XVII вв.**

Завоевав Балканский полуостров и создав мощную теократическую империю, османы искусственно воссоединили в рамках нового государства всех болгар, издавна проживавших на территории Мизии, Фракии, Добруджи и Македонии (в XV – XIX вв. этот регион Османской империи современники обычно называли Восточной Румелией). Однако вместе с прежними политическими границами ушла в прошлое и традиционная для него модель межнационального взаимодействия. Этнический принцип стратификации населения новые власти игнорировали полностью. Однако, поставленные перед необходимостью структурного оформления конфессионально гетерогенного общества, они пошли на создание для иноверцев особой системы конфессионально-юридической и церковно-административной автономии – системы миллетов[1]. Греко-православный, армяно-григорианский и иудейский миллеты оформились в основных чертах уже в XV – XVI вв. Внутри них и протекала практически без вмешательства османских властей значительная часть не только духовной, но и этнокультурной жизни иноверных подданных султана, в том числе болгар.

Данная работа посвящена исследованию особенностей межнациональных отношений в провинциях с болгарским населением – Мизии, Фракии и Македонии, в период наивысшего могущества Османской империи (XV – XVII вв.), отмеченного относительной стабильностью основных социально-полити-

---

* Макарова Ирина Феликсовна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института славяноведения РАН.

** Подробно см.: Макарова И.Ф. Болгарский народ в XV – XVIII вв.: Этнокультурное исследование. М., 2005.

ческих структур. С этой целью в статье предполагается проанализировать специфику этнического взаимодействия болгар с сербами, греками, турками и помаками (болгарами-магометанами), т.е. с теми народностями и группами населения, общение с которыми имело массовый характер. Особое внимание при этом будет уделено влиянию новых условий на сознание и этнокультурный облик самого болгарского народа.

Последствия функционирования системы конфессионально-юридической и церковно-административной автономии для православного населения Восточной Румелии были неоднозначны. Защищая христиан от прямого вмешательства османских властей в сферу духовной и культурной жизни, она одновременно способствовала постепенному сближению народов, объединенных рамками общей религии. В этом отношении особо сложная ситуация складывалась в районах массового соприкосновения болгар с сербским этническим массивом, т.е. на западе Мизии и Македонии.

Современные исследования показывают, что к моменту превращения болгар и сербов в подданных Османской империи, оба народа обладали четко выраженным сознанием своей этнической обособленности[2]. При этом собственно этнический компонент обладал в общей структуре их самосознания, по-видимому, столь сильными позициями, что в условиях исчезновения внешних политических границ фактически начал брать на себя этнозащитные функции. По наблюдениям иностранных путешественников, это проявлялось, в частности, в культивировании населением пограничных зон этнодифференцирующих признаков. Особенно эта тенденция была заметна в районе, расположенном между Белградом и Софией. Именно здесь иностранцы, пересекая Балканы по традиционному пути Вена-Белград-София-Адрианополь-Стамбул, на удивление единодушно фиксировали официально несуществующую сербско-болгарскую этническую границу. В этом качестве ими стабильно указывалась река Нишава и город Ниш[3]. Одновременно именно этот район западной Мизии стал для любознательных путешественников наиболее интересным и в плане этнографических наблюдений. Красочные описания сербских и болгарских национальных костюмов, народных традиций и обычаев были записаны здесь многими иностран-

цами. В качестве наиболее подробных следует отметить путевые дневники немецких дипломатов Х. Дерншвама, Ст. Герлаха, австрийского Я. Битцека, (середина-конец XVI в.)[4].

Если в сфере собственно этнического взаимодействия реакция жителей болгаро-сербского пограничья была несколько напряженной, то в области духовной культуры дело обстояло иначе. Специалисты отмечают широкое распространение в болгарских землях сербских рукописей, книжного извода, а также произведений устного народного творчества. Одним из многочисленных примеров может служить так называемая Габаревская летопись, содержащая описание истории Сербии IX – XV вв. В частности, один из ее списков был помещен в XVI в. в рукописный сборник, который, если судить по почерку, обилию болгаризмов и припискам, был составлен именно в болгарских землях и пользовался здесь большой популярностью[5]. Масштабы распространения в среде болгар сербского и ресавского изводов были, по наблюдениям специалистов, уже к середине XVI в. весьма значительны: Враца, Етрополь, Никополь – на востоке и вся Македония на юго-западе[6]. Ресавским изводом болгарские книжники свободно пользовались не только при переписывании различных кодексов, но также при составлении новых сборников и создании оригинальных произведений. Примером тому могут служить жития софийских неомучеников (первая половина – середина XVI в.).

В области устного народного творчества болгаро-сербское взаимодействие имело своим результатом создание в районе Македонии, Старой Сербии и западной Мизии особой фольклорной зоны, которую некоторые исследователи не считают возможным членить по этническому признаку[7]. Не вдаваясь в подробности этой сложной проблемы, необходимо отметить, что согласно наблюдениям русского ученого П. Сырку, местное болгарское население довольно свободно заимствовало в османскую эпоху сюжеты и другие элементы сербского фольклора[8].

По мнению этнологов, процесс этнического взаимодействия неизбежно сопровождается формированием в обществе определенных этнопсихологических стереотипов, которые не только суммируют характерные черты контактирующих этносов, но и выражают ценностное отношение к ним. Закреп-

ление же в общественном сознании негативного стереотипа соседа может считаться достаточно достоверным свидетельством наличия конфликтной межэтнической ситуации в конкретную историческую эпоху[9].

Если попытаться оценить характер болгаро-сербских отношений исходя именно из этих установок, можно смело констатировать отсутствие взаимной неприязни. Во всяком случае, материала, необходимого для реконструкции негативного стереотипа в современных эпохе письменных источниках обнаружить не удалось. С точки же зрения общей характеристики восприятия наиболее информативным можно считать «Житие Стефана Лазаревича», написанное на территории Сербии болгарским книжником-эмигрантом Константином Костенечским в первой трети XV в. Анализ показывает, что собственно этническое содержание термина «серб» в тексте прослеживается абсолютно четко[10]. Для автора нынешние сербы – это потомки древних даков, представители «рода замечательного во всех отношениях» (мужественны, богопослушны и т.д.)[11]. Принадлежность сербов к православию является для автора обязательным атрибутом стереотипа восприятия. На это указывают, в частности, многочисленные похвалы местному благочестию. Категории подданства («сербам деспот», «сербский скипетр» и др.) также широко присутствуют на страницах «Жития». Однако трактуются они автором несколько своеобразно. Для Костенечского понятие «Сербия» не ограничивается территорией, контролируемой в данный момент деспотом Стефаном (1389–1427), а распространяется на всю землю «от древле нарекоша се сръбскаа»[12], т.е. является категорией скорее родового, чем политического содержания. Подобные оценки можно распространить и на представления современника Костенечского книжника Григория Цамблака (также эмигранта), который в «Рассказе о перенесении мощей Параскевы» склонен говорить о некой единой богоугодной Сербской земле.

Данные наблюдения дают некоторые основания для предположения, что в случае наличия единоверческого, но иноэтничного окружения в сознании различных социальных слоев наблюдается развитие сходных тенденций. В новых условиях и крестьяне, и представители болгарской культурной элиты демонстрировали готовность воспринимать сербов, в первую

очередь, именно в качестве членов иного этноса. Рядовое население пограничья реагировало на контакт культивированием внешних приемов этноразграничительной практики, а книжники-эмигранты демонстрировали повышенный интерес к этнической проблематике.

Характерно, что в отношении болгаро-греческого этнического контакта аналогичной реакции в источниках обнаружить не удалось. Интенсивность общения между болгарами и греками была не меньшей (особенно на границе так называемой Адрианопольской и Пловдивской Фракии). Однако в данном случае иностранцы не фиксировали у населения всплеска этнографической активности даже на границе непосредственного соприкосновения двух этнических массивов в районе реки Марица. Да и саму условную этническую границу они определяли не по комплексу этнографических признаков, а просто по смене разговорного языка. Вот, например, какая запись сделана по этому поводу в дневнике Х. Дерншвама: «За Адрианополем начинается Болгария. Во всех селах говорят по-болгарски»[13]. По всей видимости, внешние различия, закрепленные в первую очередь в языке, были настолько ярко выражены, что не создавали ни у населения, ни у сторонних наблюдателей проблемы этнической идентификации.

К одной из форм этнического контакта в рассматриваемую эпоху можно отнести также проблему отношений греческого духовенства с болгарской паствой. К сожалению, в исторической литературе эта тема излишне политизирована. Разгоревшийся в середине XIX в. болгаро-греческий церковный конфликт наложил неизгладимый отпечаток на всю славяноязычную историографию. Утверждение, что греческие иерархи всегда (в том числе в XV – XVII вв.) воспринимались болгарами в качестве «чужаков», что между ними и паствой стоял непреодолимый языковый и культурный барьер, постепенно превратилось в стандартное клише.

Не вдаваясь в подробности этой сложной темы, имеет смысл остановиться лишь на некоторых аспектах, непосредственно относящихся к изучаемому вопросу. Прежде всего, важно подчеркнуть, что без решения языковой проблемы само функционирование Константинопольской патриархии в экстерриториальных рамках многоязычного греко-православ-

ного миллета было абсолютно невозможно. И, судя по свидетельствам современников, именно этой проблемы в данный период не существовало. Так, например, Ст. Герлах, посетивший в 70-е гг. XVI в. не только Балканы, но также Анатолию, Сирию и Египет, отмечал, что церковные проповеди везде читались на языке местных христиан[14]. А после пребывания в Софии записал в своем дневнике, что здесь на славянском языке не только читались проповеди, но и служилась литургия[15]. Косвенным образом на распространенность именно такого подхода указывает и большое количество славянских богослужебных книг, сохранившихся от рассматриваемой эпохи на территории Восточной Румелии[16], что вряд ли было бы возможно без санкции и прямого покровительства со стороны греческих иерархов.

Необходимо также напомнить, что в условиях стабилизации османского режима, когда сам факт существования болгарского народа игнорировался и в османской, и в международной официальной документации, титулатура высшего греческого клира продолжала оставаться едва ли не единственной официальной формой признания болгар в качестве особой этнической общности. Следуя древней византийской традиции, греческие иерархи продолжали и в османский период включать в официальную титулатуру болгарский этноним. Например, тырновский грек-митрополит носил титул экзарха «всех болгар». Причем эта формула равным образом употреблялась и в греческом, и славянском варианте. Охридские патриархи употребляя древнюю формулу – «архиепископ на Първа Юстиниана, на всички българи, сърби и прочее»[17]. Битольский митрополит среди прочего указывал, что он «екзарх на цяла българска Македония»; костурский, что он «екзарх на всичка стара България»[18].

К сожалению, современные рассматриваемой эпохе документы содержат очень мало сведений об отношении самих болгар к греческому клиру. Об этом можно судить главным образом косвенно. Например, тот факт, что подготовкой Тырновского восстания 1598 г., провозгласившего возведение на престол болгарского царя Шишмана III, занимался целый ряд греческих иерархов (пловдивский, шуменский, руштукский, ловчанский владыка) во главе с представителем греческой

династии Палеологов и Кантакузинов тырновским митрополитом Дионисием Ралли, вряд ли может свидетельствовать о существовании жесткой межэтнической конфронтации. Аналогичным образом складывалась ситуация и в XVII в. при подготовке Тырновского восстания 1686 г., в котором также были задействованы высокопоставленные церковные деятели греческого происхождения.

Однако многовековая военная вражда Болгарского царства с Византией все же не могла пройти бесследно для народной ментальности. Несмотря на изменившуюся историческую ситуацию, некоторые ее отголоски, по-видимому, сохранялись. Хотя иностранцы, посещавшие Восточную Румелию проездом, никакой напряженности в отношениях не отмечали, однако Паоло Джоржич (дубровницкий купец и один из непосредственных организаторов Тырновского восстания 1598 г.) имел на этот счет иное мнение. Характеризуя внутреннюю ситуацию в болгарских землях, он писал в 1595 г. в тайном донесении трансильванскому князю Сигизмунду Баторию, что при выработке антиосманской стратегии необходимо иметь в виду, что болгары «враги турок», но «вовсе не друзья греков»[19].

Что касается стереотипа восприятия, то, к сожалению, не представляется возможным уточнить, в чем именно выражался в XV – XVII вв. его негативный оттенок. В современных эпохе источниках данных такого рода обнаружить не удалось. И хотя необходимый материал можно было бы позаимствовать из болгарского фольклора, однако даже самые ранние его записи относятся в основном к той эпохе, когда взаимоотношения двух народов вступили в принципиально иную фазу. Стереотип же, который можно реконструировать на основе современных рассматриваемой эпохе письменных источниках, является выражением отношения не широких народных масс, а очень узкого слоя культурной элиты – книжников. Причем, для их восприятия характерно, с одной стороны, явное влияние доосманских литературных клише, а с другой, следы диктата современных эпохе церковных установок.

Проведенный анализ сочинений Цамблака и Костенечского показывает, что представления обоих авторов о наиболее типичных чертах греков базируются, прежде всего, на конфессиональном противопоставлении греков-христиан и гре-

ков-язычников. Конкретным выражением данной позиции выступает параллельное использование авторами этнонима «эллины» и этникона «греки» с разным смысловым содержанием. В тех случаях, когда речь идет о противоборстве христиан с язычниками или о событиях греческой истории дохристианского периода, оба автора последовательно и без исключений используют этноним «эллины». Для обозначения христиан он не употребляется и носит в целом оценочный характер, приближаясь по значению к негативному конфессиониму, синонимичному понятию «язычники». Использование этникона «греки» теми же авторами не столь однозначно. В целом его употребление отражает наличие представлений трех таксономических уровней: осознание греков как представителей этноса, носителей государственности и приверженцев православия. Но при этом в обоих случаях принадлежность современных греков к православию является обязательным атрибутом стереотипа их восприятия, определяющим эмоциональный фон повествования. Традиция смыслового разделения рассматриваемых терминов прослеживается и в сочинениях XVI в. («Житие и Служба Георгию Новому» священника Пейо и «Житие и Служба Николаю Софийскому» Матвея Грамматика). В этих произведениях этноним «эллины» также используется исключительно по отношению к язычникам, а этникон «греки» подразумевает обязательную принадлежность к христианству. При этом особо важно отметить, что не у одного из вышеупомянутых авторов современные греки-христиане никаких негативных эмоций не вызывали. Что касается эллинов-язычников, то их главными пороками в книжной среде традиционно считались идолопоклонство, «безумное мудрование» и гордыня.

Кардинально иной была позиция книжников по отношению к иноверцам-мусульманам. Для нее был типичен узко конфессиональный, негативный подход. Стереотип восприятия турок имел в болгарской среде стабильную и ярко выраженную негативную окраску. Особенно показательной была позиция книжников. Буквально все они (Евфимий Тырновский, Иоасаф Бдинский, Григорий Цамблак, Константин Костенечский, Матвей Грамматик, священник Пейо, составители сборников XVII в., оставившие на полях записи о современных им событиях) много и эмоционально говорят о магометанах. Причем,

проведенный анализ дает основание утверждать, что представления собственно этнического или этнополитического характера в данном случае фактически уступили место более сложным понятиям, включающим в себя обязательный конфессиональный компонент.

Уничижительные конфессионимы – «агаряне» и «исмаилиты» (производные от имени наложницы Авраама Агари или сына ее Измаила) сопутствуют в текстах всем понятиям, так или иначе связанным с мусульманами. Это касается как обозначения новой османской государственности («агаренский/исмаилитский царь», «страны исмаилитские», «пределы исмаилитские» и т.д.), так и собственно этнических категорий («агаренский/исмаилитский род», «исмаилитский язык», «исмаилитский езык» – в значении народ). Использование же турецкого этнонима («турок/турчин») для книжников XV – XVII вв. не характерно. Его употребление носит разовый характер и по смыслу полностью совпадает с названными конфессионимами. На подчеркивание религиозного антагонизма нацелены и используемые в текстах эпитеты – безбожные, нечестивые, неверные, бесчинные, языческие, неправедные, беззаконные, богомерзкие, проклятые, богопротивные, безумные и т.д.

Необходимо, впрочем, отметить, что узко конфессиональная направленность книжного стереотипа довольно точно отражала жизненные реалии рассматриваемого периода. Дело в том, что вплоть до середины XIX в. сами османы фактически не пользовались на Балканах турецким этнонимом[20]. Турками себя называли здесь исключительно турецкие крестьяне и кочевники из числа тюркских колонистов, тогда как все остальные предпочитали термин мусульмане. По этому поводу в 50-х гг. XVI в. один из наиболее внимательных путешественников того времени Х. Дерншвам особо отмечал, что «когда кто-либо назовет турка турком, его бьют или ругают. Турки хотят, чтобы их называли мусульманами, что значит верующие. Такие мусульмане считают, что настоящие турки живут в Азии»[21].

Ужесточению конфессионализации сознания способствовала и позиция Константинопольской патриархии. Вынужденная противостоять напору исламской агрессии, церковь была озабочена задачей консолидации своей разноплеменной пас-

твы. Один из путей решения этой задачи ей виделся в подавлении у паствы чувства этнической принадлежности и насаждении установок общехристианского характера. С этой целью и была развернута в XVI в. деятельность по созданию и популяризации новых церковных культов, прославляющих современных мучеников, погибших за веру от рук магометан. Характерной их особенностью стала откровенная космополитическая тональность и тщательное избегание в тексте каких-либо этнических привязок. В отличие от аналогичных произведений доосманской эпохи национальная принадлежность героев как бы вообще перестала существовать. Вне зависимости от места событий, будь это Константинополь, Янина или София, мученический венец за православную веру принимали не греки или болгары, а просто христиане.

Подавляющее большинство сочинений такого рода было посвящено неомученикам-грекам, но среди них встречаются и болгары – Георгий Новый и Николай Софийский, казненные в 1515 и 1550 гг. Анализ текстов показывает, что авторы этих мартирий – священник Пейо и Матвей Грамматик сумели продемонстрировать яркие образцы актуальной внеэтнической идеологии. В частности, оба книжника полностью отказались от употребления болгарского этнонима, последовательно заменяя его конфессионимом («христиане», «христианский род», «православных сословие» и т.д.). Данная тенденция была характерна в XVI – XVII вв. и для составителей рукописных сборников. Термин «болгары» употреблялся в них очень редко, а все население болгарских земель наименовалось не иначе как «христиане».

Оценивая последствия воздействия церковной пропаганды на самосознание паствы, специалисты склонны воспринимать их как весьма результативные. По наблюдениям историков, к XVIII в. осознание своей принадлежности к общехристианской религиозной общности стало занимать едва ли не главенствующее место в общей структуре самосознания болгар[22]. Одним из наглядных проявлений данной тенденции явилось, в частности, широкое распространение в болгарских землях культов общеправославных святых в ущерб местным[23]. А записи в афонских монастырях и скитах, регистрировавшие дарителей, показывают, что паломники из болгарских земель

щедро одаривали все обители и скиты, не выделяя особо болгарские или славянские[24].

Закономерным следствием глубокой конфессионализации массового сознания стало появление в быту новой практики, связанной с отторжением этносом тех своих членов, которые переставали соответствовать единому религиозному стандарту. В «Житии Николая Софийского» Матвеем Грамматиком довольно подробно описана бытовая ситуация, сопутствовавшая невольному переходу главного героя в ислам (в бессознательном пьяном состоянии)[25]. На последовавший за этим актом общественный остракизм со стороны родственников и всех близких не способна была повлиять даже тайная приверженность будущего мученика христианству (лишенный возможности посещать церковь, он продолжал молиться дома перед иконой Иисуса Христа)[26]. По всей видимости, факт формальной смены религии имел в тот период фатальное значение и не мог быть смягчен никакими компромиссными вариантами.

На вопрос о влиянии акта вероотступничества на сознание новообращенных однозначный ответ дать трудно. Сохранившиеся источники содержат на этот счет весьма скудные сведения. Есть основания полагать, что в первом поколении так называемые новые мусульмане продолжали сохранять четкое сознание своей этнической принадлежности, однако данное обстоятельство уже не имело решающего значения. Например, в 1433 г. француз Б. де ла Брокьер имел возможность несколько раз беседовать с мусульманами болгарского происхождения. Один из них был освобожденный раб, возвращавшийся после паломничества в Мекку, другой – бейлербей (правитель) Адрианополя. Оба они не только помнили, но и не считали нужным скрывать свое происхождение, но при этом были ревностными мусульманами и желали, чтобы именно в этом качестве окружающие их и воспринимали[27]. Сходным образом характеризует самосознание многочисленных османских сановников, недавних христиан, и чешский дворянин Вратислав, вынужденный провести в конце XVI в. долгие годы в османском плену[28]. В данной связи можно отметить, что уже сам факт доступности для чужеземца информации подобного рода лишний раз демонстрирует ее неактуальность для современников. Не имела значения и приверженность многих новообращенных некоторым

внешним признакам этнической принадлежности (даже такой знаковой, как язык). Например, в середине XVI в. иностранцев очень удивляло, что янычарская гвардия (сплошь состоявшая именно из потурченцев) пользовалась в своем внутрикорпоративном общении не турецким, а славянским языком[29]. Сохранились также свидетельства, что в период везирства Мехмеда Соколовича (1555–1579) (серба по происхождению) славянский был едва ли не основным языком имперской канцелярии[30].

Результаты перехода в ислам в различных территориальных областях были не одинаковыми. Там, где мусульмане составляли значительную или преобладающую часть населения (в городах и долинах крупных рек), вероотступничество обычно приводило к быстрой и полной ассимиляции, включая утрату новообращенными языка и этнокультурного облика. В отдаленных, прежде всего, горных районах, где этнические тюрки были редкостью, перешедшее в мусульманство болгарское население имело возможность сохранять свой бытовой уклад, язык, традиции. Так в районе Родоп, Пирина и Малашевских гор возникли поселения помаков – болгар, осознающих свою этническую сущность, но исповедующих ислам.

Этнографический материал из Родоп, где начало проникновения ислама относится к XV – XVI вв., а массовые насильственные акции к середине XVII в., свидетельствует, что помаки продолжали на протяжении веков сохранять верность традиционному жизненному укладу и многим христианским обычаям. Однако сохранение основных внешних признаков этнической принадлежности не могло, по всей видимости, действенным образом препятствовать постепенной переориентации самосознания. Фольклористами отмечено, что песни и сказания помаков существенно отличаются от аналогичных произведений, распространенных в среде их христианских соотечественников. Например, специальный анализ, проведенный Ст. Стойковой, показывает, что у родопских болгар-магометан утрачены сказания, содержавшие историческую информацию, особенно связанную с борьбой против турок, а также песни героического плана, пропагандирующие установки антиосманского характера. Тем же, которые сохранились, присуща полная утрата политической заостренности[31]. Эта специфика местного менталитета является, возможно, кос-

венным подтверждением тезиса о неизбежности процессов эрозии самосознания вероотступников в условиях теократической модели организации общества.

Рассматривая вопросы, касающиеся взаимодействия болгар с мусульманской средой, необходимо особо остановиться на проблеме культурной экспансии ислама, поскольку именно эта форма экспансии имела особые шансы на успех. Осуществляясь в ходе непосредственного контакта культур, она не затрагивала напрямую идеологизированного сознания населения, а потому не встречала и осознанного сопротивления. Между тем две контактирующих культуры – православная и исламская, изначально находились в неравноправном положении. Исламская – занимала позиции элитарной, т.к. являлась культурой завоевателей, на удовлетворение нужд которых были ориентированы лучшие образцы местного рынка. Поэтому ремесленники (в том числе и православные), вынужденные считаться со вкусами заказчиков, постепенно вынуждены были осваивать приемы исламской ремесленной культуры. Близкому знакомству с художественными эталонами магометан способствовало также развернутое завоевателями масштабное монументальное строительство, невозможное без привлечения местных мастеров и рабочей силы.

Раньше всего влияние ислама проявилось в изменении внешнего облика балканских городов. Современники отмечают, что уже к концу XV в. города Восточной Румелии начали приобретать явственный ориентальный облик. И дело было не только в появлении многочисленных мечетей и медресе. На путешественников большое впечатление производило изменение характера именно рядовой застройки. Особенно это наблюдение относилось к внешнему виду наиболее крупных болгарских городов – Софии и Пловдива. В частности, по мнению немецких дипломатов Х. Дерншвама, Ст. Герлаха, Я. Фон Хаймендорфа и др. уже в середине-второй половине XVI в. эти города являли собой достаточно яркий образец магометанской застройки[32]. Например, дома по турецкому обычаю заказчики начали поворачивать окнами во двор, огороженный высоким забором, а лавки ремесленников смотрели на улицу. Более того, сравнительные исследования специалистов-историков архитектуры показывают, что в XVI – XVII вв. массовое жилище бол-

гар уже мало отличалось от мусульманского, за исключением, разве что, отсутствия ритуальной комнаты для омовения[33].

Ориентация местных ремесленников на вкус богатых заказчиков приводила к тому, что в XVI и особенно в XVII в. наблюдается проникновение элементов восточного стиля и во внутреннее убранство православного городского дома. По мнению историка болгарской культуры А. Протича, этот процесс в большей или меньшей степени затронул все предметы интерьера, но в первую очередь повлиял на оформление помещений с общественными функциями – кухню и гостиную[34]. Особенно широкие размеры приняло проникновение турецкой деревянной резьбы, которая с течением времени стала восприниматься как традиционный декоративный элемент болгарского дома[35]. В украшениях ремесленных изделий – металлической утвари и керамики, также доминировало влияние восточного искусства[36].

Иностранцы отмечают и достаточно активное заимствование городским населением некоторых элементов турецкого костюма, подчас вплоть до его полного копирования. Например, немецкий дипломат М. Безолт высказался в 1584 г. по этому поводу вполне однозначно, записав в своем дневнике, что в городе «болгарские мужчины одеваются почти одинаково с турками»[37]. Это сообщение подтверждается также наблюдениями посланника венецианской республики К. Зена и немецкого купца М. Грюневега[38]. Особо большой популярностью пользовались у местных христиан турецкие чалмы, прежде всего пестрые и сине-зеленой окраски[39]. Параллельно в сельской местности жители продолжали сохранять приверженность традиционному национальному костюму. Например, в XVII в. француз П. Кузинер отмечал, что если в городах представители всех христианских народов смешаны и по одежде, и по религии, то в селах они живут раздельно, и там одежда болгар сильно отличается, к примеру, от греческой[40].

С течением времени культурная экспансия ислама начала приобретать в среде болгар всё больший размах, проникая, в том числе, в книжную лексику и оформление рукописных сборников. Выполненный специалистами анализ лексического состава болгарских книжных памятников XV-XVII вв. показывает, что можно говорить об активном проникновении

турцизмов в те сборники, составители которых пользовались бытовой лексикой (Физиологи, Громовники, Коледники, апокрифы)[41]. Данная тенденция прослеживается также в оригинальных болгарских житиях середины XVI в. и многочисленных приписках современников к рукописным сборникам. Что касается их внешнего оформления, исследование искусствоведа А. Джуровой показало, что с середины XV в. в рукописях наблюдается появление элементов восточного орнамента нового типа[42]. В этом отношении особенно показательны рукописи Рильского монастыря. Например, заставки к сборникам Владислава Грамматика 1469 г., 1473 г. и 1479 г. содержат плетения, характерные для исламского прикладного искусства того времени. Однако данное обстоятельство не мешало их превращению в образец для подражания. Скорее всего, оформители воспринимали восточный орнамент с чисто формальных позиций абстрактного искусства. Иначе невозможно объяснить соседство исламских плетений в оформлении и жестких антиисламских выпадов в тексте (как это имело место, например, в сборнике 1479 г. того же Владислава Грамматика).

В XVI в. восточные мотивы проникают и в книжную миниатюру. Ярким примером могут служить рукописи Софийской книжной школы, особенно сборники, связанные с деятельностью Иоанна Кратовского и его учеников (Евангелие 1567 г., 1597 г. и др.). В них мусульманские влияния прослеживаются уже не только в рисунке орнамента и типе книжных заставок, но и в архитектонике ландшафта, присутствующего в миниатюрах, а также в восточных типажах самих евангелистов[43].

Сильное влияние Востока искусствоведы отмечают в изделиях церковного прикладного искусства. Особенно оно заметно в характере резьбы по дереву и приемах украшения церковной утвари. Одним из наиболее ярких образцов такого рода можно назвать растительный орнамент резного иконостаса 1599 г. церкви св. Стефана в Несебре. По мнению И. Георговой, он имеет поразительное сходство с рисунком султанской одежды, приписываемой Баязиду II (1481–1512)[44].

Консервативное искусство иконы оказалось менее подвержено воздействию исламского искусства, оставаясь в целом в традиционных рамках православной иконописи. Однако с рубежа XVI – XVII вв. начинается проникновение восточных

форм и в этот канонический жанр[45]. Одним из подобных примеров может служить болгарская икона св. Димитрия (первая половина XVII в.). По мнению искусствоведов, для ее живописи характерен не только типично восточный орнамент и колорит, но и ориентальный облик самого святого (кроме восточной внешности иконописец наделил его также кривой турецкой саблей и богатым персидским седлом).

Хотя в целом, по мнению подавляющего большинства исследователей, болгарская культура претерпевала в рассматриваемый период в основном изменения, связанные с естественным процессом демократического опрощения, однако приведенный материал показывает, что постоянный контакт с исламом не прошел для нее бесследно. Сами современники не придавали, по-видимому, особого значения фактам заимствования некоторых приемов, образцов и других элементов художественной и бытовой культуры мусульман. Однако в условиях многовекового сосуществования двух культур склонность к бытовому и художественному плюрализму таила опасность возникновения процессов скрытой ассимиляции. Общественное сознание болгар, ориентированное православным духовенством на идеологическое противостояние агрессии ислама, к отражению бытовой экспансии мусульманской культуры оказалось, по всей видимости, не готово. Между тем именно путь бытовой экспансии был, возможно, наиболее коротким и эффективным для плавного врастания болгар в культурный ареал исламской модели цивилизации.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Подробно о системе миллетов см.: Christians and Jews in the Ottoman Empire. The Functioning of a Plural Society. Ed. by B. Braude, B. Lewis. V. 1–2. New York, 1982; *Kamel S. Abu Jaber*. The Millet System in the Nineteenth Century. Ottoman Empire // The Muslim World. 1967. V. 62. №3; *Karpat K.* An Inquiry into the Social Foundations of Nationalism in the Ottoman State: from Social Estates to Classes, from Millet to Nations. Princeton, 1973.

[2] Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху зрелого феодализма. М., 1989. С. 36–39; 94–116.

[3] Немски и австрийски пътеписи за Балканите. XV – XVI в. Съст. М. Йонов. София, 1976. С. 163, 233, 235, 350, 374.

[4] Там же. С. 231–236, 263, 374.

[5] *Ангелов Б.* Летописни съчинения в старобългарска литература // Старобългарска литература. София, 1983. Т. 14. С. 74.

[6] *Сырку П.А.* Очерки из истории литературных сношений болгар и сербов в XIV и XVII вв. Житие святого Николая Нового Софийского по единственной рукописи XVI в. СПб., 1901. С. CCXXVII.

[7] *Романска Ц.* Въпроси на българското народно творчество. София, 1976. С. 37.

[8] *Сырку П.А.* Очерки. С. CCLXII.

[9] *Бромлей Ю.В.* Очерки теории этноса. М., 1983. С. 181.

[10] Подробно здесь и далее об особенностях этнического самосознания болгарских книжников: Евфимия Тырновского, Иоасафа Бдинского, Григория Цамблака и Константина Костенечского см.: *Макарова И.Ф.* Этническая проблематика в произведениях болгарского патриарха Евфимия // Советское славяноведение. 1990. № 1; *Макарова И.Ф.* Этнические представления болгарских книжников эпохи турецкого завоевания // Советская этнография. 1990. № 2.

[11] Събрани съчинения на Константин Костенечски. Изследване и текст Куев К., Петков Г. София, 1986. С. 366.

[12] Там же. С. 393.

[13] *Дерншвам Х.* Дневникът на Ханс Дерншвам за пътуване му до Цариград през 1553–1555. София, 1970. С. 260.

[14] *Герлах Ст.* Дневник за едно пътуване до Османската порта в Цариград. София, 1976. С. 74.

[15] Там же. С. 264.

[16] См., например, обширные каталоги славянских рукописей: *Спространов Е.* Опис на ръкописите в библиотеката при Рилския манастир. София,1902; *Спространов Е.* Опис на ръкописите в библиотеката при св. Синод на българската църква. София,1900; *Цонев Б.* Опис на ръкописи и старопечатни книги на Народната библиотека в София. София, 1910. Т. 1; *Цонев Б.* Опис на славянските ръкописи в Софийската народна библиотека. Т. 2. София, 1923; *Цонев Б.* Славянски ръкописи и старопечатни книги на Народната библиотека в Пловдив. София, 1920.

[17] *Иванов Й.* Български старини из Македония (от IX в. до Освобождението – 1878). София, 1970. С. 45.

[18] *Иванов Й.* Българите в Македония. Издирвания и документи за тяхното потекло, език и народност. София, 1986. С. 83.

[19] *Макушев В.* Болгария под турецким владычеством преимущественно в XV – XVI вв. // Журнал Министерства народного просвещения. 1876. Ч .163. № 10. С. 317.

[20] *Еремеев Д.Е.* Этногенез турок (происхождение и основные этапы этнической истории). М., 1971. С. 134.

[21] *Дерншвам Х.* Дневник на Ханс Дерншвам. С. 92.

[22] *Иванова Э.А.* Этническое самосознание болгар на этапе перехода от народности к нации // Советская этнография. 1987. № 2. С. 60.

[23] *Георгиева Ц.* Етноинтегрираща функция на културе на българските светци в периода на османского владичество // Българска етнография. 1984. № 1. С. 9.

[24] *Радкова Р.* Националното самосъзнание на българите през XVIII и началото на XIX в. // Българската нация през Възраждането.. София, 1980. С. 194.

[25] *Сырку П.А.* Очерки. С. 82.

[26] Там же. С. 84.

[27] Френски пътеписи. С. 51–52.

[28] *Вратислав В.* Приключения чешского дворянина Вратислава в Константинополе в тяжкой неволе у турок с австрийским посольством в 1591 г. М., 1904. С. 58, 94, 97 и др.

[29] *Тихомиров М.Н.* Исторические связи России со славянскими странами и Византией. М., 1969. С. 147.

[30] *Самаршић Р.* Мехмед Соколович. Београд, 1975. С. 21–27.

[31] *Стойкова С.* Песенният и прозаичният фолклор на родопските българи-мохамедани // Народностна и битова общност на родопски българи. София, 1969. С. 215–216.

[32] Немски и австрийски пътеписи. С. 261, 265, 273, 378, 492.

[33] *Кожухаров Г.* Българската къща през пет столетия. Края на XIV – края на XIX в. София, 1967. С. 217.

[34] *Протич А.* Денационализиране и възраждане на нашето изкуство от 1393 до 1879 г. // България. 1000 години. 927–1927. София, 1930. Т. 1. С. 401.

[35] Там же. С. 399–400.

[36] *Станчева М.* Художествени качества на българската керамика от епоха XV – XVII в. // Традиции и нови черти в българското изкуство. София, 1976. С. 88–96.

[37] Немски и австрийски пътеписи. С. 440.

[38] Там же. С. 413–414.

[39] Френски пътеписи. С. 105.

[40] Там же. С. 159.

[41] *Лекова Т.* Сборниците със смесено съдържание от XV – XVII като отражение на българския светоглед от първите столетия на османското робство // Старобългаристика. 1987. № 4. С. 75.

[42] *Джурова А.* Ислямски влияния върху украсата на българските ръкописи XV – XVII в. // Проблеми на изкуство. 1980. № 3. С.32–33.

[43] Там же. С. 32.

[44] *Георгова И.* Пластически проблеми на орнаментиката в ранните български иконостаси // Изкуство. 1984. № 9. С. 35.

[45] *Паскалева-Кабадашева К.* Ислямски влияния върху българското изкуство през XV – XVIII в. // Проблеми на изкуство. 1980. № 3. С. 27.

А.А. Леонтьева*

НОРМЫ НАСЛЕДСТВЕННОГО ПРАВА В ШАРИАТЕ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ПРИМЕНЕНИЯ В КАДИЙСКИХ СУДАХ СОФИИ В XVIII – НАЧАЛЕ XIX вв.**

Приняв ислам, османы переняли исламское право (законы шариата), но, как указывается в историографии, «повинуясь велению времени, упорядочивали и дополняли его: при этом они руководствовались широкими полномочиями, предоставляемыми исламским правом правителю государства для введения порядков и законов по своему усмотрению»[1]. Правовая система Османской империи опиралась как на исламское, так и на обычное право, основывающееся на писаном законе и воле властей. Сосуществование религиозного и обычного права в Османской империи исследователи объясняют тем, что завоевание османами византийских, сербских и болгарских земель, в которых юридические традиции полностью отличались от мусульманских, вынудило султанов идти на уступки, перенимая некоторые элементы у правовых систем завоеванных народов[2].

Процесс складывания системы обычного права был очень длительным и постепенным – общие, единые для всей страны законы не вырабатывались (особенно в сфере налогового и земельного законодательства), а формулировались в соответствии с условиями каждого региона, и со временем включались в единый свод законов – *кануннаме**** Официальные кануннаме были созданы во времена правления Мехмеда II Фатиха (1444–

---

* Леонтьева Анна Андреевна – младший научный сотрудник Института славяноведения РАН.

** Статья написана при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда, проект № 15-31-01003а1.

*** Кануннаме – свод султанских законодательных установлений.

1446 гг.; 1451–1481 гг.), Баязида II (1481–1512 гг.), Селима I Явуза (1512–1520 гг.) и Сулеймана I Кануни (1520–1566 гг.). Целью сведения воедино законов было желание предотвратить своеволие военно-управленческих элит при назначении наказаний, введении налогов, наложении денежных штрафов. В помете на полях одного из дошедших до наших дней оригинальных текстов кануннаме говорится, что задача его состоит в том, чтобы оградить народ от произвола управителей. В основе своей османское государство опиралось на исламское право; обычное же право, появившись значительно позже, обеспечивало разумное упорядочивание, осуществлявшееся таким образом, чтобы не вступать в конфликт с шариатским правом, не допустить противоречий и двойных стандартов в правовой жизни государства. Возникновение обычного права не было связано с необходимостью что-либо изменить или упразднить в шариатском праве. Напротив, речь шла о конкретизации правил и установлений в рамках шариатского права или в тех сферах, которых оно не касалось. Что касается сосуществования шариата и обычного права, в целом, в каждой области права в Османской империи наблюдались принципы как исламского, так и обычного права. В шариате сфера частного (гражданского) права была отработана до мелочей, чего нельзя сказать о праве публичном[3].

Российский османист М.С. Мейер отмечает, что в конце XVII – XVIII вв. при постепенном ослаблении центральной власти заметно усиливалась роль ислама как важного фактора сохранения единства османского общества. Характерной чертой этого периода стало также постепенное возрастание роли шариата. «В XVII – XVIII вв., – подчеркивает исследователь, – османские правители все реже вспоминают о системе светского законодательства (кануннаме), созданной их предшественниками, и все чаще обращаются к положениям шариата, рассматривая его как единственную основу государственного права»[4].

В статьях частного права, касающихся личности, семьи, вопросов наследства, имущества, торговли, нормы шариата господствовали изначально. Со временем по мере необходимости в эту сферу вносились некоторые дополнения в соответствии с обычным правом. Что касается публичного права, то в организации государственной власти, в административ-

ном, налоговом, уголовном кодексах, шариат и обычное право выступают вместе, однако доля обычного права здесь существенно больше, чем в области гражданского права[5].

Инстанцией, решавшей любые правовые конфликты, в Османской империи являлся шариатский суд под руководством кадия – судьи. Как отмечают исследователи, на ранних этапах османской экспансии кадии принадлежали к первым лицам гражданской администрации на новых землях, что, безусловно, свидетельствовало об их политической значимости в провинции, служило подтверждением законности владения этими территориями. Известны случаи, когда кадии назначались еще до окончательного завоевания той или иной новой провинции. В исламском мире функции кадиев были связаны с применением шариата и мусульманского права. В Османской империи в силу синкретизма светской и духовной власти полномочия кадиев по сравнению с другими мусульманскими странами во многом выходили за рамки классической компетенции этого института. Османские кадии имели широкий круг обязанностей в области светского права и гражданской администрации, что делало кадийский суд одним из основных органов проведения политики султана в провинции. Полномочия кадиев распространялись на рассмотрение как гражданских, так и уголовных дел, помимо судебных, в их обязанности входили также регистрации сделок, урегулирование спорных ситуаций. Решения кадии принимали в соответствии с шариатским правом и кануном, следовательно,они должны были быть знатоками как шариата, так и обычного права[6].

Кадии назначались на ограниченный срок – в XVI в. он равнялся трем годам, позже двум, а в конце XVII в. составлял один год. В небольших городах срок службы кадиев изначально составлял два года, позже уменьшился до 20 месяцев. Это объяснялось тем, что длительная работа на одном месте лишала их возможности заниматься преподавательской деятельностью и отвлекала от академических занятий. Кроме того, считалось, что установление тесных связей с местным населением могло помешать судьям быть беспристрастными в судебных процессах. По окончании срока службы в одном из *каза (кадилыке*)*

* Кадилык – подвластный кади административно-судебный округ, часть санджака.

кадий отправлялся в Стамбул, где ждал следующего назначения. Кризисные явления XVIII в. в османском обществе не могли не затронуть и этот институт. Источники этого периода говорят о росте коррумпированности среди судей и наибов[7].

Раздел наследства умерших в соответствии с нормами шариата являлся одной из важных обязанностей кадия. От его имени этим занимался его помощник – *кассам.* При разделе наследства устанавливался обязательный сбор в пользу кадиев в виде определенного процента, что составляло существенную долю их доходов. Раздел наследства государственных служащих находился в компетенции *казаскеров*, что порой могло привести к спорам между кадиями и казаскерами за право раздела того или иного наследства. Известны случаи, когда кадии объезжали подвластные им каза и, рассчитывая получить свою долю, осуществляли раздел наследства даже тех умерших, чьи родственники не собирались обращаться к ним по этому поводу. Подобные нарушения исследователи объясняют ограничениями сроков службы кадиев на определенной территории, что порой толкало их на серьезные злоупотребления во время службы[8].

Что касается дел, затрагивающих немусульман, то их рассмотрение изначально также в основном входило в обязанности кадия. В судах при соответствующих консульствах рассматривались дела, связанные с немусульманами-иностранцами; уголовные дела, фигурантами которых становились немусульманские религиозные деятели, передавались из местных судов в *диван-и хумаюн**. Со временем полномочия рассмотрения ряда дел, связанных с немусульманами, были переданы соответствующим общинам[9].

Христиане, как писал В. Бартольд, в Османской империи, как и в Арабском халифате, «составляли государство в государстве»[10]. Правовое положение христиан было определено рамками системы миллетов, предусматривавших, в том числе, юридическую автономию традиционных религиозных структур. Во главе православного миллета стоял константинопольский патриарх. В этом качестве он выполнял роль не только главы церкви, но и «являлся высшим юридическим лицом всей православной общины, ее представителем и посредни-

* Диван-и хумаюн – верховный совещательный совет при султане.

ком перед султаном»[11]. Как отмечает И.Ф. Макарова, в восприятии османских властей неким аналогом судьи шариатского суда в христианских общинах был приходской священник, являвшийся главой общины и представителем ее интересов перед лицом местных властей. Подобно кади, в обязанности священника входило заверение завещаний, торговых сделок и договоров. Таким образом, священники оказывались для христиан низшей судебной инстанцией, что сводило к минимуму вмешательство османских властей во внутренние дела и в повседневную жизнь христианских общин. Судопроизводство внутри общины также находилось в руках местного священника. Вопросы в области семейного, договорного и наследственного права он решал в основном без вмешательства османской администрации на основе положений канонического церковного и традиционного обычного права[12]. В то же время, по мнению американского османиста Р. Дженнингса, вопреки распространенному представлению о том, что система миллетов предполагала существование отдельных судов для немусульман и случаи их обращения в кадийские суды были крайне редкими, это не соответствовало действительности. Документы кадийского суда города Кайсери свидетельствуют, что немусульмане (в данном случае греки, армяне и евреи), составлявшие 22% населения, были участниками 25% судебных процессов шариатского суда[13].

Протоколы распределения наследств представляют собой ценный источник для исследования различных аспектов этнокультурной интеграции славянского населения в болгарских землях. В частности, сведения протоколов кадийского суда Софии позволяют проанализировать применение норм наследственного права на практике и проследить степень вовлеченности местного христианского населения в исламское правовое поле.

При подготовке статьи использованы опубликованные наследственные протоколы Софии за 1731–1833 гг.[14] Эта выборка, включающая 100 документов, представляется достаточно репрезентативной для анализа применения норм шариата при распределении наследства и участия немусульманского населения в рассмотрении дел в соответствии с мусульманским правом.

Наследственное право является одним из наиболее сложных и запутанных институтов мусульманского права. Согласно шариату, существует пять категорий прав на наследство умершего человека, причем «каждая из этих категорий одна может поглотить все находящееся в распоряжении имущество, исключая все остальные категории, за ней следующие»[15]. По установленному порядку удовлетворения прав этих категорий, прежде всего, удовлетворяется «право заимодавцев, имеющих право на уплату предпочтительно перед другими, т.е. имеющих в руках залоги в обеспечение их долга». Следующей по необходимости выплат категорией является «право покойного, которое состоит в исполнении относительно его последних обязанностей – похорон, подготовки или совершения обрядовых служб, все это – прилично и согласно общественному положению усопшего, без предосудительной скаредности и без чрезмерной расточительности»[16]. В наследственных протоколах расходы на погребение и обряды, как правило, упоминаются в начале пункта об обязательных вычетах, и лишь затем в данном пункте следует перечисление долгов усопшего. Возможно, это объясняется тем, что расходы на погребение, как и плата за услуги раздела наследства, опись и регистрацию, действительно присутствуют в каждом деле, а вычеты долгов упоминаются в протоколе далеко не всегда.

Следующей после «права покойного» категорией, требования которой должны быть удовлетворены, являются кредиторы: «право кредиторов, как обязавших чем-либо покойного, так и имеющих получить с него вознаграждение за что-либо ими для него сделанное; при этом принимаются в соображение первенство обстоятельств, а именно – долги, сделанные покойным еще в здоровом состоянии, имеют первенство над совершенными уже во время последней болезни; долги, засвидетельствованные мусульманами, имеют преимущество над долгами, основанными только на свидетельстве неверующих»[17]. В случае, если у умершего есть наследники и сумма его долгов не превышает наследство, перечень необходимых выплат помещается в раздел обязательных вычетов. Если сумма долгов превышает наследство, а такие случаи встречаются достаточно часто, то распределение наследства между кредиторами завершает протокол.

Затем по порядку распределения наследства следует «право участников в завещании», причем подчеркивается, что распоряжения по духовному завещанию не могут превосходить трети всего оставшегося имущества, не разрешается делать завещание в пользу наследника, в какой бы то ни было форме. Это ограничение, как поясняет И. Нофаль, основано на *хадисе** «нет завещания и признания для наследника», т.е. ни завещание, ни признание не приносят наследнику пользы[18].

В наследственных описях Софии завещание упоминается крайне редко, и наследники в нем действительно не упоминаются. В качестве примера упоминания завещания рассмотрим протокол о наследстве кожевенника Элхадж Али (1813 г.). Согласно документу, из полученной в результате описи имущества суммы вычитается, наравне с выплатой долга по займу супруге, выплатой долга дочери – стоимости купленных у нее умершим отцом зеркала, сундука и ковра, в соответствии с завещанием должна быть произведена также выплата «немусульманской девочке, работавшей у него служанкой – 50 курушей и 1/3 зарплаты, которую она получала, т.е. 15 курушей. Всего – 65 курушей»[19]. Кроме того, Элхадж Али завещал 50 курушей махале Хаджи Хамза на ремонт булыжной мостовой. Также известны случаи упоминания в завещании рабынь – например, Ахмед-ага – *заптие*** села Бояна (1762 г.)[20] завещал рабыне 30 тыс. акче. Правила составления завещания не ограничивают круг лиц, которых можно в нем упомянуть: завещать можно рабу, немусульманину, еще не родившимся людям («детям, которые родятся от такого-то»). Лишены права завещать свое имущество лишь рабы и несостоятельные должники[21].

После проведения всех необходимых вычетов из стоимости имущества приводится оставшаяся после этих операций сумма, и в протоколе фиксируется ее распределение между наследниками. При распределении наследства, как правило,

* Хадис – предание о словах и действиях пророка Мухаммада, затрагивающее разнообразные религиозно-правовые стороны жизни мусульманской общины; изречение, одобрение, образ или действие пророка Мухаммада, в совокупности составляющие Сунну, одну из основ шариата, являющуюся авторитетной для всех мусульман. Хадисы передавались сподвижниками пророка.

** Заптие – стражник, жандарм.

наследники перечисляются в строгом порядке – первым всегда называются супруг (супруга), далее – мать, отец (если они присутствуют в числе наследников), затем дети умершего. На последнем месте обычно представлены двоюродные братья и прочие непрямые родственники, которые могут быть в числе наследников.

Порядок перечисления наследников также обусловлен нормами шариата. В соответствии с ними наследники делятся на две категории. Первой из них являются *фарадиты* – «обоего пола родственники покойного, которым текст Корана или только устное предание назначает известную, определенную дробную часть всего наследства»[22]. К категории фарадитов относится двенадцать лиц: отец, дед с отцовской стороны, муж и единоутробный брат, а также жена, дочь, внучка по сыну, родная сестра, единокровная сестра, единоутробная сестра, мать и бабка с обеих сторон»[23].

Второй категорией наследников являются *асабиты* – родственники мужского пола и по мужской линии, получающие имущество, оставшееся после удовлетворения правфарадитов.

Система определения степени наследства представляется очень сложной и запутанной. Не вдаваясь в подробности, хотелось бы отметить лишь зафиксированные шариатом доли наследства, определенные каждому из наследников, так, как изложил это в своем труде И. Нофаль.

Жена, в том случае, если она является единственной наследницей, («при отсутствии немедленного потомства у покойного и потомства сына его»), имеет право претендовать на 1/4 часть наследства. В случае если помимо жены есть еще наследники – ее часть уменьшается до 1/8 части. Как отмечает Нафаль, если жен несколько (до четырех), то они вместе получают 1/4 или 1/8 часть и далее делят ее между собой поровну. В изученных нами 100 наследственных протоколах упоминание нескольких жен у умершего не встретилось ни разу.

Муж занимает такое же положение, что и жена, но получает ровно в два раза больше, чем она.

Доли отца и деда, в зависимости от соотношения степеней родства других наследников, могут быть различны, но, как правило, они могут претендовать на 1/6 часть. Мать умершего также имеет право на 1/6 наследства в случае, если в числе

наследников присутствуют также братья и сестры умершего. Если таковых нет, мать может получить максимально 1/3 наследства. В случае, если в число наследников входит супруга покойного (в наследственных описях Софии подобные случаи встречаются неоднократно), она также получает 1/3 часть.

Бабушка, как с отцовской, так и с материнской стороны, имеет право на 1/6 часть. В наследственных описях нам встретился лишь один протокол с упоминанием бабушки усопшего – о наследстве грека Анастаса (1808 г.)[24]. Оказавшись в списке наследников вместе с двумя двоюродными братьями (по линии отца) ее умершего внука, «мать его матери» Еленка получила 10 383 акче из общей суммы в 62 301 акче, т.е. точно 1/6.

Дочь, в том случае, если она единственная, получает 1/2 часть, но если дочерей несколько, то каждой полагается по 2/3 наследства (это кажется странным, поскольку указанная доля больше чем 1/2, положенная единственной дочери). Вместе с тем остается неясным способ раздела имущества, поскольку чисто математически $^2/_3 + {}^2/_3 = 1^1/_3$. Однако в «Курсе мусульманского права» И. Нофаля указывается именно такая доля, предназначающаяся каждой из нескольких дочерей[25]. В случае, если среди наследников имеются сыновья, приходящиеся дочерям братьями одной степени родства (единоутробный, единокровный), дочери переходят в категорию асабитов и получают 1/2 от доли наследства сыновей.

Положение сестер, как родных, так и единоутробных и единокровных, в большой степени зависит от состава наследников, поскольку они могут быть как фарадитами, так и асабитами разной степени.

И. Нофаль подробно рассматривает всевозможные «комбинации» состава наследников-фарадитов, приводя конкретные примеры. Вот один из них, достаточно часто встречающийся в наследственных описях Софии. Наследство необходимо разделить между матерью и дочерью умершего. Дочь, если она одна, претендует на половину наследства, т.е. на 3/6; мать, если в числе наследников присутствуют дети умершего, получает 1/6. Общая доля наследства равняется 4/6. Оставшиеся 2/6 наследства должны быть отданы двум этим наследницам в частях, пропорциональных их долям. Для этого 2/6 делится на две части, относящиеся между собой как 3:1. В качестве более

простого способа решения этой задачи Нофаль также предлагает разделить все наследство на сумму числителей; частное от этого деления, умножаемое последовательно на числитель дроби, выражающей фарадитскую долю каждого наследника, будет изображать полную долю этого наследника, состоящую из первоначальной, законом определенной доли, и из добавочной[26].

«Наследуя друг другу, супруги не пользуются дополнительной отдачей: так, если супруг встречается с другими фарадитами, то сначала из наследства выделяют его часть; затем приступают к разделу остального между другими фарадитами, применяя, если будет нужно, изложенные выше правила о дополнительной отдаче только к этим последним»[27].

В противоположном случае, если сумма дробных долей превышает целое, то каждая из этих частей бывает пропорционально уменьшена по способу вычисления, называемому во французском праве réduction au marc le franc (соразмерное уменьшение). Способ этот заключается в том, что числители данных дробей складываются и полученная сумма записывается в виде общего знаменателя[28].

Вторую категорию наследников, согласно нормам шариата, составляли асабиты. Выделяется три группы асабитов. Первая – «асабиты природные», или при дословном переводе с арабского «асабиты сами по себе». Эта группа включает в себя «всех родственников мужеского пола, связанных с покойным таким родством, в котором мужеский пол составляет главную или достаточную причину для наследования»[29]. Эта группа, в свою очередь, состоит из пяти категорий – нисходящая от покойного мужская линия до бесконечности, восходящая мужская линия до бесконечности, нисходящая мужская линия от отца покойного до бесконечности, нисходящие мужские линии от деда и от прадеда покойного также до бесконечности. Как подчеркивает И. Нофаль, хотя линии могут быть продолжены до бесконечности, «закон молчит о правах сродников далее 5-й степени, что позволяет думать, что наследование останавливается на этой степени»[30]. Первенство наследования этой категории определяется в том порядке, в котором они приведены выше, и при соблюдении ряда правил. Например, лицо, стоящее последним в одной из линии, имеет преимущес-

тво перед первым лицом следующей линии и устраняет его из списка наследников, асабит ближайший устраняет более отдаленного, «близость асабитов определяется последовательно тремя причинами: линией, степенью и силою родства. (...) линия имеет преимущество над степенью, степень над силой. Сила есть последняя причина, вводимая [в том случае], когда соищущие наследники состоят в одной линии в равной степени. При равенстве линии, степени и силы, раздел производится по числу наследников и поровну; причем не нарушается преимущество мужеского пола над женским, состоящее в том, что мужчина получает двойную долю против женщины всякий раз, когда последняя бывает перенесена в разряд асабиток»[31].

Женщины могут быть отнесены к группе «асабитов по уподоблению», к которой относятся дочери умершего, встретившиеся в списке наследников с его сыновьями, «внучки при внуках одной степени или какой-нибудь нижайшей степени, как бы она ни была далека от их общего родителя», сестры родные и единокровные (единоутробные братья и сестры никогда не могут быть асабитами), когда они соищут с братьями родными или единокровными». Во всех случаях «асабизма по уподоблению» мужчины имеют право на двойную женскую долю[32].

В наследственных описях Софии наиболее ярким примером наличия асабитов в числе наследников являются несколько протоколов, где в качестве наследников фигурируют двоюродные братья по линии отца, а также племянники.

Например, в протоколе 1779 г. о наследстве немусульманина Крыстю[33], умершего, «не оставив законных наследников», после описи имущества, проведенной при участии субаши Абдуллаха, полномочного представителя эмина государственной казны, полученная сумма была разделена между четырьмя христианами – Мирко, Стойко, Петре и Млачо, которые являлись «сыновьями дяди по линии отца», то есть приходились покойному двоюродными братьями. Все они получили по 1520 акче.

Бывали случаи, когда вдова на момент рассмотрения наследства ее умершего супруга была беременна. В подобных ситуациях в списке наследников на равных с остальными фигурирует «плод в утробе матери». По итогам раздела наследства он получает долю, причитающуюся сыну. Включение «плода

в утробе матери» в состав наследников объясняется правилом, по которому на момент открытия наследства наследник должен быть либо в живых, либо зачатым, при этом по мусульманским традициям ребенок считается родившимся живым, «если более половины его тела вышло из утробы матери»[34]. Пример – протокол о наследстве кузнеца Дервиша Али (1739 г.)[35]. В качестве его наследников обозначены супруга Хеввахатун, малолетний сын Ахмед, совершеннолетняя дочь Зейнеб и «дитя в утробе упомянутой супруги». В результате распределения наследства в 26 276 акче супруга получила 3284 акче (1/8), малолетнему сыну и не родившемуся еще ребенку отдано по 9196 акче, а доля дочери составила 4598 акче (1/2 от доли брата). Более-менее часто подобные случаи упоминаются в протоколах о разделе наследства христиан. Например, «плод в утробе матери» упомянут в списке наследников мастера по изготовлению ключей христианина Младжо (1761 г): не родившийся еще ребенок получил самую большую долю наследства, поскольку кроме него в списке наследников упомянуты были лишь супруга умершего и две совершеннолетние дочери. Наследство в 21 450 акче было распределено следующим образом: супруга умершего Божана получила 2681 акче (1/8 наследства), совершеннолетним дочерям Стоянке и Петре было отдано по 4692 акче, а «плод в утробе», априори воспринимающийся как сын, получил 9384 акче (т.е. в два раза больше своих сестер)[36]. Болгарский исследователь Страшимир Димитров опубликовал резюме протокола 1740 г., в котором указано, что при распределении наследства «плоду в утробе матери» была предназначена сумма, полагающаяся сыну, однако родилась дочь. В связи с этим после ее рождения был проведен перерасчет распределения наследства между детьми и супругой умершего Хасана[37].

Согласно нормам мусульманского права, существует ряд препятствий наследованию. Одним из них является различие веры между наследником и наследодателем, когда один из них является мусульманином, а другой нет. Так сын-христианин или иудей не может наследовать отцу-мусульманину, равно как и сын, принявший ислам, не наследует отцу, исповедующему иную религию[38]. Это объясняется тем, что мусульманские законы фиксируют только две религии: правую, ислам, и ложную,

к которой относятся все прочие религии[39]. Сменив религию (в нашем случае речь идет о переходе в ислам), человек порывает с прежними связями, получает новое имя, из которого уходит упоминание его отца-немусульманина и начинает новую жизнь в лоне «истинной веры».

В то же время в документах кадийских судов встречается немало случаев, противоречащих этому правилу: люди различных религий наследуют друг другу. В силу специфики нашего источника речь идет о перешедших в ислам, получивших наследство от своих христианских родственников. Например, к 1684 г. относится протокол о судебной тяжбе между «удостоившимся чести принять ислам» Омером и его дядей по имени Никола, братом его покойного отца Банко. Племянник утверждает, что Никола удержал долю наследства, причитающуюся ему от отца, в связи с чем инициировал тяжбу, в результате которой дядя выплатил ему стоимость его наследства[40]. Косвенное упоминание о наследовании перешедшей в ислам дочери части дома ее покойного отца наравне с родной сестрой-христианкой присутствует в протоколе 1701 г., где речь идет о продаже сестрами этого дома, находившегося в их общей собственности.

Помимо законов шариата в некоторых случаях при распределении наследства кадии опирались на нормы обычного права. Например, дела, в которых зафиксировано распределение наследства лиц, не оставивших прямых наследников, а также наследства пропавших без вести. В разделе 3, главы 2 Канун-наме Сулеймана Кануни (1520–1566) «О государственной казне и имуществе отсутствующих и пропавших лиц» говорится, что в том случае, если у умершего нет наследников, имущество может быть передано в государственную казну (бейтюлмал) после того, как будет зарегистрировано кадием «в положении, в котором находится» и передано на хранение *бейтюлмаджи**. Но наследство, «чей наследник известен или место жительства его в стране известно, не передается бейтюлмаджи»[41]. Если это наследство находится у опекуна, то оно может находиться

* Бейтюлмаджи – должностное лицо, собирающее наследство, относящееся по закону к государственной казне как наследство без законных наследников.

там шесть месяцев, и если за это время наследник не объявится, то наследство будет передано бейтюлмаджи. В случае, если наследник объявится после передачи, он сможет получить наследство от бейтюлмаджи[42].

Применение этого пункта закона отражено в протоколе о наследстве торговца из Искендерие Элхадж Касыма (1814 г.)[43]. Согласно вступительной статье протокола, этот человек родом из Искендерие, вилайета Арнавутлук занимался торговлей сукном в Софии. Поскольку наследники его неизвестны, его имущество после смерти «было описано, распродано на торгах» и должно было быть передано в государственную казну. Однако в конце документа приписано, что в суд явился представитель наследников умершего, и оставшаяся после обязательных вычетов сумма наследства была передана родственникам покойного.

В наследственных описях достаточно часто встречаются случаи, когда один из наследников «отсутствует в городе». Если местонахождение отсутствующего в Софии известно, это также фиксируется в протоколе. Так, в деле 1833 г. о разделе наследства Фыстык Ахмеда-аги в перечне наследников упомянуты «совершеннолетние сыновья Абделрахман, поселившийся в столице, и Мехмед, исчезнувший из города»[44]. При этом нет упоминаний о том, что наследственная доля отсутствующих будет передана кому-либо на хранение. В протоколе от 1757 г. о распределении наследства христианки Гюрги наследниками значатся две ее сестры – Крыстана и Цвета, которая отсутствует в городе. В связи с этим во вступительной части протокола подчеркивается, что раздел наследства произведен шариатским судом «с участием упомянутой сестры Крыстаны, назначенной и обязанной согласно шариатским правилам вести дела упомянутой отсутствующей сестры»[45]. Подобный случай встретился также в сиджилах Добруджи: один из наследников – сын скончавшейся в 1740 г. Фатимы портной Абди пропал на войне с Ираном, и судьба его неизвестна. В связи с этим доля его наследства общей стоимостью по описи 3011 акче, в том числе дом, передана «со списком с печатью» на сохранение мастеру Карамалак Муртизе[46].

Случаи распределения наследства бежавших или пропавших без вести людей также зафиксированы в данной статье

Кануннаме Сулеймана Кануни. Там сказано, что «имущество исчезнувшего, как и имущество пропавшего, передается в государственную казну, так же, как имущество умершего, не оставившего наследников»[47]. В наследственных описях Софии встретилось несколько случаев рассмотрения вопросов наследства пропавших людей. В 1776 г. был составлен протокол с описью товаров в лавке исчезнувшего без вести христианина[48]. Во вступительной части протокола объясняется, что житель квартала Языджи-заде немусульманин баджи Георгий давно исчез, и лавка, которую он арендовал, заперта. В связи с этим «собственник лавки – немусульманин Коста явился в шариатский суд и подал просьбу, чтобы лавка, остающаяся запертой и полной товарами, была открыта посредством шариатского суда»[49], а ему (Косте) были выплачены долги по аренде, после того как судом будут оценены вещи, находящиеся там и являющиеся собственностью пропавшего.

Еще один случай описи имущества отсутствующего в Софии человека, отражен в протоколе 1833 г. об имуществе сапожника Манола, бежавшего «в чужую страну». Для погашения его многочисленных долгов «необходимо было распродать все оставшиеся после него товары и вещи»[50]. После распродажи на торгах имущества, представленного в основном готовым товаром и инструментами сапожника, полученная сумма в 356 курушей и 36 пара была передана писарю Сеиду Абдулах Эфенди, «назначенному ее сохранять»[51].

В особых случаях кадию того или иного каза могли передать полномочия заниматься регистрацией и распределением наследств непостоянных жителей его каза. Например, военных, находящихся в это время в данной местности. Так, в предписании кадиаскера Румелии кадию казы Хаджиоглу-Пазарджик (Добрич) от 30 мая 1786 г. говорилось: «Поручаю тебе позаботиться о разделении наследств военных в подотчетном тебе каза Хаджиоглу-Пазарджик – позаботься об описании и оценке оставшегося от военных лиц наследства, его разделении и распределении согласно предписаниям и закону между наследниками»[52]. Это предписание было сделано незадолго до русско-турецкой войны 1787–1791 гг., когда в районе Добруджи и Хаджиоглу-Пазарджик были расквартированы янычарские войска.

Подводя итог рассмотрению норм наследного права в Османской империи и их применения на практике, попытаемся ответить на вопрос, что заставляло христиан, имеющих возможность рассматривать дела о наследовании внутри своей общины, обращаться за решением этого, казалось бы, внутрисемейного вопроса в кадийский суд. Вероятнее всего – четко прописанные нормы закона и уверенность в том, что доли будут распределены в соответствии с этими нормами. Нормы исламского права в значительной степени гарантировали защищенность вдов и оставшихся сиротами детей. Кроме того, в некоторых случаях христиане могли извлечь определенную выгоду. Например, отношение к нерожденному еще ребенку как к полноправному наследнику и выделение ему априори доли, предназначающейся сыну, не свойственные христианской традиции, давали возможность его матери в качестве наставницы своего ребенка получить дополнительную долю наследства. Представляется, что существенную роль могло играть восприятие кадийских судов как официального органа государственной администрации, что объясняло высокую степень доверия к документам, заверяющим результаты распределения наследства при завершении процесса в суде.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] История османского государства, общества и цивилизации: в двух томах (Под ред. Э. Ихсаноглу). Т. 1. М., 2006. С. 324.

[2] *Белдичану Н.* Организация на Османската империя (XIV – XV в.) // История на Османската империя (Под ред. Р. Мантран). София, 1999. С. 129–149.

[3] История османского государства. С. 330–335.

[4] *Мейер М.* С. Реформы в Османской империи и улемы (первая половина XVIII в.) // Ислам в странах Ближнего и Среднего Востока. М., 1982. С. 60.

[5] История Османского государства. С. 335.

[6] Подробнее о становлении и эволюции института кадийских судов см.:*Градева Р.*Налагането на кадийската институция на Балканите и мястото й в провинциалната администрация (XIV – нач. на XVI в.) // Балканистика. Т. 3 София, 1989. С. 35–52; *она же*. За правни компетенции на кадийския съд през XVII в. // Исторически преглед. 1993. № 2. С. 98–119; *Inalcik H.* Ottoman Policy and administration in Ciprus

after the Conquest // The Ottoman Empire: conquest, organization and economy. London, 1978; История османского государства. С. 338.

[7] См., например: *Елхадж Ахмед Али паша*. Османски политически трактат. София, 1972. С. 34–35. Подробнее о кризисе османской политической системы в трактатах государственных деятелей империи см.: *Фадеева И.Л.* Концепция власти на Ближнем Востоке. М., 2001. С. 136–149.

[8] История османского государства. С. 337–342.

[9] Там же. С. 339.

[10] *Бартольд В.* Турция, ислам и христианство //*Бартольд В.* Ислам. Культура мусульманства. Мусульманский мир. М., 2012. С. 316.

[11] *Макарова И.Ф.* Болгарский народ в XV – XVIII вв. М., 2005. С. 25.

[12] Там же.С. 27–29.

[13] *Jennings R.* Loans and credit in early 17th century: Ottoman judicial records the sharia court of Anatolian Kayseri //Journal of the Economic and Social History of the Orient. Vol. XVI, parts II–III. Leiden, 1978. P. 181.

[14] Турски извори за българската история. Т.6 (далее – ТИБИ). София, 1977.

[15] *Нофаль И.* Курс мусульманского права, читанный в 1884–1885 гг. в учебном отделении восточных языков при Азиатском департаменте. Вып. 1. О собственности. СПб., 1886. С. 192. Подробный обзор норм мусульманского права см. также: *Гълъбов Г.* Мюсюлманско право. Кратък обзор върху историята и догмите на исляма. София, 1924; *Шарль Р.* Мусульманское право. М., 1959; *Сюкияйнен Л.Р.* Мусульманское право. Вопросы теории и практики. М., 1986.

[16] *Нофаль И.* Курс мусульманского права. С. 192.

[17] Там же.

[18] Там же. С. 193.

[19] Там же. С. 165.

[20] Там же. С. 87–93.

[21] *Шарль Р.* Мусульманское право. М., 1959. С. 113.

[22] *Нофаль И.* Курс мусульманского права. С. 194.

[23] Там же. С. 195.

[24] ТИБИ. С. 144–147.

[25] *Нофаль И.* Курс мусульманского права. С. 199.

[26] Там же. С. 203.

[27] Там же. С. 204.

[28] Там же.

[29] Там же. С. 205.

[30] Там же. С. 206.

[31] Там же. С. 207.

[32] Там же. С. 209.

[33] ТИБИ. С. 116–117.

[34] *Р. Шарль.* Мусульманское право. С. 105.

[35] ТИБИ. С. 46–47.

[36] Там же. С. 76–77.

[37] Османски извори за историята на Добруджа и Северно-източна България. София, 1981. С. 134.

[38] *Нофаль И.* Курс мусульманского права. С. 215.

[39] *Гиргас В.* Права христиан на Востоке по мусульманским законам. СПб., 1865. С. 48.

[40] Османски извори за ислямизационни процеси на Балканите XVI – XIX в. София, 1990. С. 271–272.

[41] Извори за историята на българското право. Т. 1. Турски извори за историята на правото в българските земи (далее – Турски извори за историята на правото). София, 1961. С. 35.

[42] Там же.

[43] ТИБИ. С. 176–179.

[44] Там же. С. 222.

[45] Там же. С. 72.

[46] Османски извори за историята на Добруджа. С. 136.

[47] Турски извори за историята на правото. С. 35.

[48] ТИБИ. С. 107–108.

[49] Там же. С. 107.

[50] Там же. С. 222.

[51] Там же.

[52] Османски извори за историята на Добруджа. С. 174.

Л.В. Горина*

СОФИЯ В ЖИЗНИ ПРОФЕССОРА МАРИНА ДРИНОВА

Известно, что профессор Марин Дринов первым выдвинул идею о Софии как столице освобожденной от османской власти Болгарии и настойчиво проводил ее в жизнь. Еще в ноябре 1875 г. в беседе с чешским ученым Константином Иречеком о перспективах освобождения болгарского народа профессор Дринов подчеркивал, что будущей столицей свободного болгарского государства должна стать София, так как она находится в центре болгарских земель[1]. Дринов писал К. Иречеку 1 мая 1878 г.: «Наша София постепенно украшается и готовится стать столицей. Большая часть народа желает этого, и интеллигенция того же мнения»[2].

Начавшаяся русско-турецкая война 1877–1878 гг. прямо коснулась Дринова. 3 апреля 1877 г. с разрешения главнокомандующего действующей армии он поступил в распоряжение руководителя гражданской канцелярии князя В.А. Черкасского, а после освобождения Софии русскими войсками 23 декабря 1877 г. Дринов был назначен вице-губернатором Софийской области. И в эту пору он активно продолжал защищать свою идею о столичном статусе Софии. Предложение Дринова было поддержано главой Русского Гражданского управления А.М. Дондуковым-Корсаковым, и позднее, на Учредительном народном собрании в Тырново в марте 1879 г., София была официально провозглашена болгарской столицей.

Идея проф. Дринова о Софии как столице Болгарии имела солидный научный фундамент. Обратимся к его трудам по ис-

---

* Горина Людмила Васильевна – доктор исторических наук, профессор Исторического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.

тории Болгарии и в целом Балканского полуострова. «Софийскую тему» находим уже в первых исследованиях недавнего выпускника Императорского Московского университета. Так, в одной из своих первых монографий, увидевшей свет в 1869 г. в Вене (речь идет о книге «Поглед върху происхождането на българския народ и началото на българската история»), начинающий ученый рассматривал сложнейшую этнополитическую ситуацию на Балканах в первые века новой эры. Именно в рамках этой темы им было выявлено, что провинция Дакия делилась на две области с главными городами Ратинария в Придунайской части и Сардика (Средец, София) в Южной[3].

Среди основных выводов Дринова, к которым он приходит в еще одном своем раннем труде, а именно «Исторически преглед на българската църква от самото й начало и до днес», находим заключение о непрерывности процесса духовного развития болгар вопреки тяжелым временам иноземного господства. Так, «Болгария после ее политического падения (в 1018 г.) около 150 лет находилась под властью Византии и все это время ни разу не потеряла своей церковной самостоятельности»[4]. В числе самостоятельных болгарских епархий того времени Дринов отмечает Триадицкую (Средецкую или Софийскую)[5].

В своем магистерском сочинении (1872 г.) «Заселение Балканского полуострова славянами» ученый анализирует сведения источников о древнейшем этнографическом состоянии Балкан, в частности, о происхождении племенных названий балканских жителей. Согласно Дринову, славяне, зачастую осваивая римские и греческие названия, переосмысливали их, придавали терминам славянское звучание: «Так, например, Сардика, название города, лежавшего в земле сардов, и от них, вероятно, получившего свое имя, у славян явилось в виде Средец, как бы Середец»[6].

О перемещении болгарского церковного центра после захвата Болгарии в 1018 г. византийским императором Василием II ученый пишет в статье о грамотах Василия II болгарской архиепископии. И здесь мы читаем: «Во времена царя Петра Силистренская епархия была украшена архиепископским достоинством, а затем архиепископы перемещались с места на место – один прибыл в Триадицу (Софию), другой – в Воден и Меглен»[7].

В 1874 г. ученый публикует работу «Начало Самуиловой державы». Целью этого труда был, по определению автора, «разбор искажений истории государства Самуила, а также эпохи царствования Петра». В связи с этим он обращает внимание на то, что «во времена императора Цимисхия болгарским церковным центром становится София, куда из Силистры переместился патриарший престол»[8].

Согласно источникам, по мнению Дринова, София находилась на территории, непокоренной Цимисхием. «Василий II повел свои войска через Одрин и Пловдив, откуда отправился осаждать Софию. Осаждал ее около 20 дней, но не мог ничего сделать и вынужден был отойти к Пловдиву»[9].

К вопросу о болгарском патриаршем престоле историк возвращается в докторской диссертации, защищенной в Московском университете в 1875 г. Тема труда – «Южные славяне и Византия в X в.». Дринов вновь и вновь подчеркивает, что патриарший престол Болгарии во времена завоеваний Цимисхия утверждается в Западной Болгарии – в София. Опираясь на достоверный источник – «Грамоты византийского императора Василия II», Дринов делает вывод: «Доростольский патриарх после насильственного низвержения его Цимисхием искал убежище в Западной Болгарии, где и воздвиг себе новый престол в Софии. О крепости и силе Софии того периода свидетельствуют и иные источники. Их находим в сочинениях русского историка А.Ф. Гильфердинга и хорватского историка Ф. Рачки[10].

К истории Софии как важного духовного центра Болгарии Дринов обращался и впоследствии. Будучи не только историком, но и славистом в самом широком смысле этого определения, он в своем научном поиске места и значения Софии в духовной жизни средневековой Болгарии изучал комплексные славистические сюжеты.

Занимая после Освобождения Болгарии важные административные посты, ученый получил уникальную возможность соединить два направления своей деятельности – «творческую и практическую». Это была улыбка фортуны: результаты научных поисков, в частности, вывод о важной роли Софии как духовного центра Болгарии в сложные периоды ее развития, стали основой в деятельности профессора Дринова как вице-

губернатора любимой им Софии. Именно в развитии духовной предназначенности болгарской столицы видел ученый свою миссию, именно в этом направлении развернулась его деятельность, активно поддержанная губернатором – русским общественным деятелем П.В. Алабиным, с которым установились не только деловые, но и дружеские отношения. Несомненно, в «курс дела» высокого русского чиновника вводил именно Дринов, блестяще владевший всеми необходимыми знаниями, что было крайне важно в сложившейся ситуации. Весьма точно эту ситуацию понял русский славист И. Первольф, писавший в письме Дринову: «Поздравляю от души именно Вас, как одного из самых лучших сыновей земли Симеоновцев и Асеневцев, на которых пала участь работать прекрасно в освобожденной Болгарии»[11]. В краткие сроки – всего около полугода – Дринову и Алабину удалось очень многое: восстанавливались и оснащались необходимой церковной утварью разрушенные войной храмы, были организованы курсы русского языка, приглашены для работы в Болгарии врачи-болгары, проживавшие в России, и, наконец, благодаря совместным усилиям Дринова и Алабина, в Софии была открыта народная библиотека. Официальное решение об открытии библиотеки было принято 28 ноября 1878 г., а 5 июня 1879 г. решением Российского комиссара князя А.М. Дондукова-Корсакова она была объявлена государственным учреждением и получила название Болгарская народная библиотека. Было образовано Общество для поддержания библиотеки, которую, как и читальню, предполагалось содержать за счет добровольных взносов. Члены Общества имели право брать книги на дом.

Еще одной «духовной» акцией профессора Дринова, связанной с болгарской столицей, стал перенос штаб-квартиры Болгарского книжного дружества (общества) – БКД – из Браилы в Софию.

Заняв в мае 1878 г. высокую должность министра просвещения и духовных дел и пребывая в Пловдиве, профессор Дринов не оставил своими попечениями любимую Софию. 28 ноября 1878 г. руководство БКД обратилось к своему председателю с официальным письмом, извещавшим о решении чрезвычайного собрания Общества переместить «на драго сърце» («с большим удовольствием») его местопребывание в Софию[12].

В Софию отправились также Архив и библиотека Болгарской Академии наук. Переезд Общества занял почти четыре года, в течение которых произошли важные изменения в личной судьбе Дринова: в августе 1879 г. он вернулся в Харьков, приступив к своим профессорским обязанностям. Но и находясь вдали от родины, он активно занимался делами Общества. Получив необходимое служебное помещение, оно активно заработало в Софии весной 1882 г. Профессор Дринов руководил его работой вплоть до 10 мая 1898 г.

Но вернемся к «софийской теме» в научном творчестве ученого. В 1894 г. он пишет статью «Почему и с какого времени нынешняя болгарская столица названа Софией?»[13]. Ученый обращается к источнику, еще не введенному в научный оборот и обнаруженному им в 1869 г. в итальянских архивах. Это письмо, написанное в Софии в 1659 г. итальянцем Джованни Киаромани, которое тот послал своему знакомому. Часть письма прямо относится к истории болгарской столицы. Важно, что Дринов приводит в своей статье как итальянский текст, так и болгарский его перевод. В источнике, обнаруженном Дриновым, читаем: «София – главный город Болгарии, достаточно большой, многонаселенный турками, греками, армянами, рагужанами, евреями, но не имеющий стен. Город давно так называется, по имени церкви, которая ... именуется Святая София»[14]. «Изложенное здесь известие об имени города София, – продолжает ученый, – хотя и происходит из достаточно позднего времени, содержит в себе несомненно историческую истину, которую, очевидно, софиянцы хорошо знали и помнили в 1659 г.». Об этом сообщали ранее путешественники XVI в., а именно: венецианец Рамберти в 1634 г. и далматинец Вранчич в 1553 г. Михаил Дука говорит о Софии примерно в 1543 г. В грамоте, дарованной царем Иоанном Шишманом Витошскому монастырю св. Богородицы, говорится: «В граде царства ми Софии». Логичен вопрос ученого – или свое имя город получил непосредственно по названию церкви, или оно взято от названия митрополии? Возможно, имя София стало употребляться местным населением ещё в XIII в.[15].

В 1901 г. профессор Дринов вновь обращается к истории Софии в обстоятельной рецензии на труд П.А. Сырку «Очерки из истории взаимных отношений болгар и сербов в XIV –

XVII веках»[16]. По сути, этой работой ученый подвел итог изучения им «софийской темы». Дринов подробно знакомит читателя с весьма сложным по структуре сочинением Сырку: «Означенная книга, – пишет он, – состоит из двух частей: а) обширного Введения и б) из текстов службы и пространного Жития св. Николая Софийского, а также похвалы ему и другим софийским мученикам. Названные тексты уместились на 160-ти страницах книги; что же касается Введения, то оно ... поражает своим внешним объемом, занимая 348 страниц. Именно во Введении находим характеристики болгарских книжников Константина Костенечского и Владислава Грамматика». Дринов подчеркивает, что достоинством труда Сырку является обширное цитирование множества памятников рукописных собраний. Ученый разделяет заключение автора о главных центрах просвещения в Болгарии XV – XVII вв., каковыми являлись Рильский монастырь, города София и Кратово. В частности, он пишет: «Сказанное тут о Софии можно было бы подтвердить и свидетельством ученого немецкого богослова Ст. Герлаха, который путешествовал по Балканскому полуострову и жил там между 1575 и 1578 гг. В своем дневнике Герлах два раза указывает, что в Софии существовали две славянские школы, в которых получала свое образование большая часть священников Софийской епархии»[17]. По мнению Дринова, Сырку удалось тщательно проанализировать Софийский кодекс, содержащий Житие новомученика Николая Софийского, в котором, отмечает он, «имеются драгоценные свидетельства внутренней жизни Софии – одного из самых больших болгарских городов XVI в.». Завершая свой отзыв предложением наградить труд Сырку одной из главных ежегодных академических премий – имени президента Российской академии наук графа Д.А. Толстого, Дринов подчеркнул, что «открытием, изданием и объяснением этих важных и по языку, и по содержанию памятников профессор Сырку оказал существенную услугу истории южно-славянской письменности XVI-го века»[18]. Еще раз подчеркнем, что это был последний научный труд профессора Марина Дринова. Он и завершил «софийское направление» сочинений историка, начало которому было положено в его далекой юности.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] См.: *Тодоров Г.* Обществено-политическата дейност на проф. М. Дринов по време на освобождението на България от турско иго // Изследвания в чест на Марин С. Дринов. София, 1960. С. 65.

[2] Там же.

[3] *Дринов М.* Поглед върху происхождането на българския народ и началото на българската история. Виена,1869. С. 49.

[4] *Дринов М.* Исторически преглед на българската църква от самото й начало и до днес // Съчинения на М.С. Дринов. Т. II. София, 1911. С. 56 и сл.

[5] Там же.

[6] *Дринов М.* Заселение Балканского полуострова славянами // Избрани съчинения. Т. I. София, 1971. С. 213 и сл.

[7] *Дринов М.* Три грамоти, дадени от император Василий II на български охридски архиепископ Иоан около 1020 година // Избрани съчинения. Т. I. С. 369.

[8] *Дринов М.* Началото на Самуиловата държава // Избрани съчинения. Т. I. С. 428.

[9] Там же.

[10] *Дринов М.* Южные славяне и Византия в X веке // Избрани съчинения. Т. I. С. 505 и сл.

[11] Български исторически архив. Ф. III. А.е. 236. Л. 1–2. (Писмо от И. Перволф от 8 юли 1878 г.).

[12] Документа за историята на Българското Книжовно Дружество. София, 1966. Т. II. С. 15.

[13] *Дринов М.* По що и от кога сегашната Българска столица е наречена София? // Трудове на М.С. Дринов. София, 1909. С. 644. Недавно к этой статье обратился болгарский славист Н. Николов. (*Николов Н.* Марин Дринов и неговата концепция за името на град София (по случай 175 години от рождението му // Материалы международной научной конференции «Славянские языки и литература в синхронии и диахронии» (26–28 ноября 2013 года). М., 2013. С. 263-265).

[14] Там же.

[15] Там же.

[16] *Дринов М.* П.А. Сырку. Очерки из истории взаимных отношений болгар и сербов в XIV – XVII веках. Житие св. Николая Софийского по единственной рукописи XVI в. СПб., 1901 // Съчинения на М.С. Дринов. Т. II. София, 1915.

[17] Там же. С. 457.

[18] Там же. С. 459.

М.М. Фролова*

В ПОИСКАХ ПОВСТАНЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА: ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ РОССИЙСКОГО КОНСУЛА М.А. ХИТРОВО В БИТОЛЕ (1861–1862 гг.)

Крымская война не оправдала чаяний христианских народов Балканского полуострова на освобождение от владычества Османской империи. С конца 1850-х годов в Министерство иностранных дел России стали поступать сведения о недовольстве и волнениях населения и готовящихся восстаниях. Российское правительство, занятое внутренними реформами в стране, не желало выступлений христиан, но, тем не менее, учитывало подобную возможность и стремилось быть в курсе событий.

Политика России на Балканах после Крымской войны, нацеленная на восстановление престижа страны на Востоке и влияния на христианские народы Османской империи, потребовала расширения консульской сети в Европейской Турции. Российские представительства, в первую очередь, должны были появиться в тех городах, где уже действовали консульства других государств, прежде всего, Франции, Англии и Австрии, и где проявлялся наибольший накал противоречий. Так, например, решение об открытии консульства в Битоле в 1861 г. было принято после известия о том, что в этом городе великим визирем Мехмедом Кипризли-пашой (Кюпрюлю-пашой) (1854, 1859–1861) во время его четырехмесячной инспекционной поездки по Балканам в 1860 г. было раскрыто образованное христианами тайное заговорщическое общество под названием «Казино». В МИД России было высказано предположение, что «нити замышляемых южными славянами дви-

* Фролова Марина Михайловна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института славяноведения РАН.

жений сходятся, быть может, в Битоле»[1], и это решило вопрос. Управляющим новым императорским российским консульством был назначен Михаил Александрович Хитрово (1837–1896), чиновник Азиатского департамента, по образованию военный, выпускник привилегированной Школы гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров в Петербурге.

В архивных фондах «Российское консульство в Битоле» и «Посольство в Константинополе» (Архив внешней политики Российской империи), к сожалению, не сохранились инструкции, которые, как это было заведено в практике Азиатского департамента, давались дипломатическому представителю перед его отбытием к месту службы. Но донесения Хитрово за 1861–1862 гг. свидетельствуют о том, что в его задачи входило выявление руководителей готовившихся восстаний в крае, наблюдаемом консульством, и, вероятно, вступление с ними в контакт.

Хитрово прибыл в Битолу в марте 1861 г., в разгар нового, поддержанного Черногорией восстания в Герцеговине во главе с Лукой Вукаловичем.

В Битоле, где находилась Главная квартира Военного командования Румелии, особенно чувствовались приготовления турок к выступлению против восставших христиан. «Битола представляет вид совершенно военного лагеря; всю ночь напролет по случаю рамазана гремит весьма хорошая военная музыка, на улицах встречаем одних солдат, общество почти исключительно состоит из офицеров, в числе которых весьма много европейцев, большей частью поляков, русских и венгерцев»[2], – сообщал Хитрово в МИД в одном из первых донесений.

Хитрово безотлагательно занялся сбором информации о возможных инсургентах в крае. В донесении от 23 марта (4 апреля) 1861 г., сообщалось, что по поступившим сведениям в Антивари высадились 250 гарибальдийцев, которые успели перебраться в Черногорию, и что турки опоздали им «воспрепятствовать»[3]. Но в Битоле и ее окрестностях, как следовало из донесения от 9 (21) апреля 1861 г., обстановка была мирная. «Я старался разузнать, – писал дипломат, – нет ли в здешней местности каких-либо приготовлений в народе, нет ли здесь сербских или греческих эмиссаров, но до сих пор все мои попытки на этом пути остаются без успеха, и, как кажется, сюда

ничего еще не проникло. Скорее можно ожидать чего-нибудь в Фессалии и Эпире, где, по-видимому, издавна что-то готовится под тайным греческим покровительством»[4]. В подтверждение своих предположений Хитрово сообщил об обнаружении турками нескольких тайных складов пороха, который хранился довольно хитроумным образом: порох засыпался в просмоленные бочонки, которые размещались в море вдоль берега. Места нахождения обозначались небольшими буями. Однако владельцев этих складов разыскать не удалось.

Представителей турецкой администрации Битолы, «раздражая их подозрительность», беспокоили известия о событиях в Герцеговине и на черногорской границе. Кроме того, они опасались восстания в Фессалии и Эпире. Военные власти старались хранить в тайне все свои распоряжения на этот счет. Однако кое-какая информация все же просочилась: стало, в частности, известно, что получены «беспокойные вести» с греческой границы, поскольку из Ларисы были запрошены подкрепления. Хитрово отмечал, что в Битоле делались значительные военные приготовления; в город ежедневно прибывали батальоны редифов* и отсюда отправлялись «по разным назначениям».

Спустя месяц после прибытия в Битолу Хитрово окончательно убедился, что «со стороны здешних христиан, удаленных от всякого внешнего влияния, не заметно никаких приготовлений. Богатые городские чорбаджи, даже из болгар, живут в своих неприступных как крепость домах, мало заботясь о сельском народонаселении, и думают единственно о спасении своих капиталов среди общего финансового кризиса»[5]. Хитрово констатировал (в донесении от 25 мая (6 июня) 1861 г.): «Христианское народонаселение с давних пор привыкло к двойному игу турецкого самоволия и фанариотского корыстолюбия и далеко не приготовлено еще ни к какому движению»[6].

Русский консул не мог не заинтересоваться тайным обществом «Казино». Оказалось, что битольское «Казино», основанное в 1852 г., являлось подобием «читалищ», своеобразных клубов, где его члены читали и обсуждали книги, периодику, предпочитая проводить досуг не в кофейнях, а расширяя куль-

* Редифы – в Османской империи переведенные в резерв по окончании службы в регулярной армии военнослужащие.

турный кругозор. Такие просветительские учреждения появились сначала в Загребе (1835), Нови Саде (1845) и Белграде (1846), а затем широко распространились в болгарских землях – Свиштове, Шумене (1856) и других городах. По воспоминаниям В. Манчева, преподававшего болгарский язык в битольской школе миссионеров-лазаристов, клуб «Казино» в 1859 г. выписывал до 80 греческих газет, одну французскую и ни одной турецкой или болгарской[7]. Французский консул Грэмбло свидетельствовал, что в «Казино» поступали газеты из Афин, с Ионических островов, из Смирны и Стамбула, присылались бельгийская «Независимость» («L'Independence») и «Восточно-немецкая почта» «Ost-deutsche Post»[8]. Возглавлял этот клуб Милтиадес Ливерато, выходец с Ионических островов, подданный Великобритании. Членами «Казино» были молодые люди, которые получили образование в Афинах. Они проповедовали идеи эллинизма, а их «революционную романтику» подпитывало присутствие в Битоле поляков и венгров – бывших участников восстаний 1830–1831 и 1848 гг., которые служили в казачьих полках Садык-паши* (последние в то время были расквартированы в городе). Члены «Казино», например, шумно отметили день независимости Греции 25 марта (6 апреля), что было весьма настороженно воспринято турецкими властями.

За несколько месяцев до приезда великого визиря в Битолу член «Казино» некий Таско(или Ташко), защищая молодую христианку от мусульманина, убил нападавшего его же собственным ножом. Таско был ранен и заключен в тюрьму. По одной версии, члены клуба подали Кипризли-паше прошение об облегчении участи Таско, причем прошение было написано на греческом языке, который хорошо знал садразам**, поскольку был родом с Кипра. Однако разгневанный Кипризли-паша отдал приказ об аресте 9 членов «Казино», по преимуществу учи-

* Мехмед Садык-паша – М.С. Чайковский (1804–1886) – польский эмигрант, участник польского восстания 1830–1831 гг., принявший ислам, авторитетный чиновник Оттоманской Порты, начальник сформированного им казачьего полка, известного как «казакалай», в 1856 г. назначен начальником султанской кавалерии (беглербеем) в Румелии.

** Садразам (араб. садр-и-азам) – глава правительства (великий визирь) в Османской империи.

телей и торговцев, а Таско был публично казнен в его присутствии[9].

Хитрово писал, что деятельность «Казино» «ограничивалась одним ропотом, а влияние... на население было слишком ничтожно, чтобы вселять серьезные опасения». Их идеи, идеи эллинизма, «занесенные из Греции», встретили «сочувствие лишь со стороны многих молодых людей, преимущественно влахов и греков, принадлежавших к богатому сословию». Народу они были чужды. Посещение великого визиря, закрытие «Казино», которое сопровождалось столь печальными последствиями, «убили в самом основании зародыши свободных стремлений»[10], – подчеркивал консул.

Между тем в провинциях, принадлежащих к Битольскому (Румелийскому) эялету, как указывал Хитрово, проживали «народности гораздо более созревшие», нежели население Битолы. К западу от города и на юге, на границе Фессалии, был «сильно развит греческий элемент». Этот регион, в котором население в большинстве своем состояло из влахов и албанцев-христиан, был, по оценке консула, «обработан греческими эмиссарами»[11]. К востоку и северу от Битолы жили преимущественно славяне. Центром «болгарского элемента» являлся город Велес (Кюпрюлю). По доходившим до Хитрово известиям, здесь выражались «те же надежды и стремления», какие наблюдались «в других местностях собственно Болгарии». «Гораздо сильнейший отголосок, чем в Битоле», получил, например, болгарский церковный вопрос[12]. Богатые люди, которых было много в Велесе, «вдали от непосредственных общений с турками, привыкли более свободно думать и находиться в более близких отношениях к народу, чем в других местностях»[13]. В отличие от Битолы, где христиане были «слишком раздроблены на партии», где было «слишком много различных противоположных влияний», где «контроль турецких властей слишком близок и непосредственен» и где «трудно ожидать что-нибудь», «Велес... может действительно сделаться средоточием славянского движения, когда рано или поздно это движение обнаружится»[14], – полагал Хитрово. Желая убедиться в достоверности получаемых им сведений и сетуя на их неполноту, он просил разрешения у своего начальства – директора Азиатского департамента МИД Е.П. Ковалевского (1856–1861)

и посланника России в Константинополе князя А.Б. Лобанова-Ростовского (1859–1863) – совершить поездки во Флорину, Охрид, Дебр, Скопье и, в особенности, в Велес.

Отлучиться надолго из Битолы Хитрово разрешили лишь после приезда 12 (24) июня 1861 г. Л.В. Березина, назначенного секретарем и драгоманом (переводчиком) консульства. Но реализовать свое намерение в 1861 г. Хитрово смог лишь наполовину: ему удалось изучить только южное направление Битольского эялета. 19 (31) июля дипломат отправился в Сачисту и Кожаны. В Сельфичи (Сервии) он встретился с А.С. Иониным, российским консулом в Янине, и вместе они побывали в некоторых селах Эпира и Фессалии. 1 (13) августа Хитрово возвратился в Битолу, а 10 (22) октября направился в Салоники, где была назначена его очередная встреча с Иониным. За передвижениями русских дипломатов зорко следили их европейские коллеги. Особое беспокойство проявляло греческое правительство, которое предписало своему вице-консулу в Битоле Валиано немедленно выехать в Сачисту и Кожаны, а также на границу с Эпиром и Фессалией, чтобы «привлечь вновь в лоно грецицизма тамошнее население, которое в результате умелых увещеваний русских консулов Хитрово и Ионина начало проявлять склонность к панславизму»[15]. Новый австрийский вице-консул в Битоле Л. Заксл, бывший драгоман, сменивший Соретича на этом посту, полагал, что опасения греческих властей безосновательны, так как Эпир и Фессалия «мечтали» об объединении с Грецией, в то время как Россия являлась мечтой для Болгарии[16].

Итог изучения обстановки в Битольском эялете в 1861 г. был изложен в секретном донесении Хитрово в Петербург: «христиане здешние, к несчастью, далеко отстоят от христиан других частей Болгарии; и те чувства, которые там пробудились в последнее время, здесь еще спят глубоким сном». Прежнее предположение о том, что Битола являлась центром готовившихся выступлений южных славян, не оправдалось. Но Хитрово полагал, что учреждение российского консульства в Битоле принесло несомненную пользу: «Здешние христиане убедились, по крайней мере, в том сочувствии, на которое они всегда вправе рассчитывать с нашей стороны, и я старался сделать все, чтобы поддержать в них это убеждение»[17].

Возобновление в феврале 1862 г. борьбы герцеговинцев и черногорцев против турок привело к усилению в Стамбуле воинственных настроений. В Битоле ширились слухи, что Сербия и Черногория готовы оказать помощь Луке Вукаловичу и открыто выступить против османов, что в Антивари высадится Гарибальди, что прибудет двадцатитысячное египетское войско... Все ждали весну. Правдоподобие всем этим слухам придавали непрестанные заседания в военном меджлисе Битолы, содержание которых держалось в тайне. Сообщая о неспокойной обстановке в городе (7 (19) февраля 1862 г.), Хитрово, в свою очередь, допускал возможность восстания местных христиан и просил у начальства «положительных инструкций»: «В случае каких-либо беспорядков вследствие обращения к нам той или другой стороны, по силе обстоятельств, мы можем быть выведены из роли равнодушных зрителей. На этот конец инструкции были бы нам необходимы для того, чтобы придать единство действиям различных консульств»[18]. Австрийский вице-консул Заксл, хотя и не столь оперативно, как Хитрово, также доносил консулу в Салониках барону фон Бауму 10 (22) февраля 1862 г. о том, что «в Битолу поступили самые странные новости, что и Сербия в союзе с Черногорией вознамерилась напасть на Порту, что при Шкодре турецкие войска потерпели поражение от черногорцев, что и другие подданные турок замышляют восстание»[19].

Турецкие власти также не дремали. Румелийский эялет наводнили шпионы и провокаторы с задачей, выдавая себя за греческих эмиссаров, тайно возбуждать христиан, чтобы затем немедленно обезвреживать бунтовщиков. Зловещей в этом плане была роль пелагонийского митрополита Венедикта. В Битоле, как сообщал Хитрово, не было особенного антагонизма между болгарами и греками, вражда проявлялась лишь между сторонниками митрополита и его противниками. При этом митрополит Венедикт и его окружение не гнушались никакими средствами, чтобы избавляться от своих врагов. Так, они начали раздувать историю, связанную с членами «Казино», пугая ею турецкие власти и заставляя их действовать «с несправедливой строгостью против людей совершенно невинных»[20].

Показательно в этом отношении дело священника папы (попа) Константина или Косты из болгарского села Буф, рас-

положенного в горах, в 4 часах езды от Битолы. Упоминания о нем крайне редко встречаются в исторической литературе, а между тем его драматическая эпопея весьма показательна.

Началась она, когда жители села Буф вместе со своим священником начали строить на месте разрушенного монастыря новый храм. Так как средств у крестьян было недостаточно, то поп Коста для сбора денег отправился в Сербию. Хитрово дал ему рекомендательное письмо к российскому генеральному консулу в Белграде А.Е. Влангали. Буфский священник был тепло принят также и сербским митрополитом Михаилом, прожил у него несколько дней. Впечатления от поездки стали для простого и необразованного священника таким потрясением, что по возвращении домой он «казался совсем экзальтированным», а своими красочными рассказами о виденном привлек к себе внимание турок. К тому же священник отправился в Сербию без специального разрешения митрополита, за которое требовалось уплатить тому 1 тыс. пиастров. Против попа Константина в начале апреля 1862 г. власти возбудили дело, обвинив его по доносу Темелько, сына коджабаши (старосты) села Буф, пойманного с оружием в руках, в руководстве шайкой разбойников. Священнику было приказано прийти в Битолу. Однако он укрылся в горах, что дало возможность властям возвести на него многие обвинения, в частности, приписывая ему бесчинства многочисленных разбойничьих шаек. При этом турок нисколько не смущало то обстоятельство, что поп Коста при этом одновременно оказывался в 20 различных местах... Односельчане тайно доставляли ему еду. Из своего убежища он писал Хитрово, просил оказать помощь. Хитрово послал к митрополиту Венедикту секретаря Л.В. Березина, однако выяснилось, что иерарх был настроен против священника. Турки заключили его отца и братьев в битольскую тюрьму, при этом распустив слух, который дошел до беглеца, что его родные могут поплатиться жизнью, если он не сдастся властям. 18 апреля поп Константин явился с повинной, и его немедленно заковали в цепи и бросили в тюрьму. Хитрово опасался, что из-за плохого отношения митрополита это дело будет иметь для Косты самые печальные последствия, тем более что турки всегда были готовы возводить на христиан «всякие клеветы»[21]. И эти неутешительные прогнозы вскоре подтвердились.

Допрашивали буфского священника бин-баши* полиции Абедин-бей, член кебири-меджлиса** Лиман-бей и митрополит Венедикт. Проходили допросы в обстановке секретности, но Хитрово удалось узнать, что на допросе поп Коста сознался, что в молодости действительно водил знакомство с шайкой разбойников и что ему было известно о нападении с целью грабежа в 1861 г. на дом одного богача в с. Карамани. Необычную расторопность турецких властей в розыске буфского священника, а также особую секретность его допросов Хитрово объяснял политическим характером этого дела: консул подозревал, что поп Константин был связан не с простыми грабителями, а с гайдуками. «Все это заставляет предполагать, что тайное предприятие буфского священника было одним из зародышей тех волнений, которые можно ожидать теперь более, чем когда-либо. На Балканах политические волнения не могут начаться иначе, как с гайдучества, как это было в Сербии», – считал Хитрово. «Но, кажется, здешнему народу уже сделался более невыносим этот страшный гнет, народ этот созрел уже для новых событий, которых не предупредят теперь никакие строгости. Если и суждено буфскому священнику пасть одной из первых жертв зачинающегося народного дела, то этим, конечно, оно не кончится, и предприятие буфского священника, уже верно, имеет многих тайных последователей, ожидающих только удобной минуты. Гайдучество, вероятно, скоро разовьется в здешней местности в огромных размерах», – сообщал Хитрово в Константинополь и Петербург[22].

Митрополит Венедикт ничего не сделал для того, чтобы как-то облегчить участь Косты, напротив, он «с готовностью принял на себя роль судьи, предателя». Стало известно, что односельчане Косты сразу же после его задержания властями обратились к митрополиту, прося его о защите священника, но тот им отказал. Еще раньше, когда поп Константин бежал в горы, митрополит подсылал к нему крестьян-односельчан, чтобы склонит его добровольно сдаться туркам. Митрополит обещал в этом случае свое заступничество. Хитрово, наблюдая, как Венедикт старался услужить властям, вспомнил, что в свое

* Бин-баши – (тур.) батальонный командир.

** Кебири-меджлис – главный меджлис.

время Порта наградила его орденом Нишани-ифтихар* за услуги, оказанные при подавлении Видинского восстания 1850 г.

По турецким законам обвиняемые в грабежах, не сопряженных с убийствами, приговаривались не к смертной казни, а к тюремному заключению. Однако консул полагал, что в случае с буфским священником турецкие власти могут обойти закон. «Казнь православного священника, торжественно обвиняемого в грабежах и убийствах, была бы слишком большим триумфом для турецкого фанатизма». Хитрово, не имея возможности действовать через митрополита Венедикта, фактически ставшего пособником турецких властей, обратился к князю А.Б. Лобанову-Ростовскому, чтобы тот походатайствовал о перенесении столь серьезного дела, как суд над православным священником, в Стамбул, где можно было ожидать, по его мнению, большей справедливости[23].

Тем временем аресты продолжались. В ночь на 16 (28) мая 1862 г. были схвачены несколько бывших членов клуба «Казино», в их числе поп Петр, один из достойнейших и образованнейших священников Битолы и непримиримый враг митрополита Венедикта, подвергавшийся за свои позиции преследованиям со стороны иерарха. На следующий день были арестованы еще несколько человек в городе и священник села Велушино. Задержанные лица без суда и даже предварительного рассмотрения дела были брошены в тюрьму и закованы в кандалы[24].

Под стражу был взят Яни-кафеджи, уроженец Ионических островов, подданный Великобритании. Против этой незаконной меры протестовал временно управлявший английским консульством Э. Кальверт, брат английского консула Ч. Кальверта, находившегося в тот момент в отпуске. Паша принес британскому дипломату свои извинения, заявив, что полиция действовала без его ведома, и арестованный был освобожден. Хитрово, стараясь «разузнать стороною обстоятельства дела», 17 (29) мая отправился к митрополиту. Тот сказался больным, однако на следующее утро поспешно уехал в село близ Прилепа под предлогом освящения церкви.

---

* Орден Славы (тур. Nişan-i İftihar) учрежден 19 августа 1831 г. султаном Махмудом II (1808–1839).

В тот же день, 17 (29) мая 1862 г., Хитрово посетил генерал-губернатора Абдулу Керим-пашу. Русский дипломат настаивал на гласности случившегося, на необходимости участия в расследовании митрополита как представителя христиан, тем более, что в этом деле были замешаны несколько православных священников. Хитрово обратил внимание паши на то, что такие лица, как священник Петр, Яни-кафеджи и другие состоятельные люди, владевшие собственностью в городе, вряд ли были способны на «гнусные разбои» и что к тому у них «не может быть побудительных причин». Паша пообещал вести дело открыто, отметив, что неучастие митрополита Венедикта в следствии – его собственное желание[25].

Хитрово удалось организовать протестную акцию европейских консулов перед генерал-губернатором Абдулой Керим-пашой. Единодушие дипломатов так подействовало на пашу, что он согласился придать делу гласность и разрешил им присутствовать на заседании суда. Впрочем, дипломаты были допущены в истинтак (уголовный меджлис) всего лишь однажды. При этом английский консул на заседание не явился, поскольку собирался принять официальное участие при разбирательстве дела уже упомянутого Яни-кафеджи. На допрос в тот день были вызваны священник Коста, Темелько, кираджи (погонщик) из Касторийской казы Настю, Генидже Георгио, а также несколько свидетелей. Поп Константин и Настю были в кандалах. По описанию Хитрово, они представляли собой «одну огромную цепь из массивных колец, весящую несколько пудов и окованную вокруг щиколотки одной ноги прямо по чулку без всякой кожаной подкладки. Это, конечно, не столько предохранение от бегства, сколько орудие пытки», – заключал он. Помещение истинтака и процедура рассмотрения дела также впечатлили консула: «Как мало похожа эта грязная комната с грязными грубыми и босыми судьями, исключительно занятыми курением трубок, на европейское присутственное место!» – сетовал он. Никто из членов истинтака не высказывал своего мнения: все основывалось на мнении частного секретаря паши, «не понятно, на каком основании здесь присутствовавшего». Все допросы велись главным писцом меджлиса на турецком языке. Возглавлявший истинтак Веджи-эффенди, знавший болгарский, служил писарю переводчиком. На допросе никто из

подсудимых не сознался в предъявленных им обвинениях.. На следующий день Хитрово опять явился в меджлис, но узнал, что заседание не состоится, так как подсудимых уже допросили в тюрьме, причем без участия членов меджлиса из христиан. Поп Петр, Спиро, Стерио и Темелько были снова закованы в кандалы и посажены в долапы*. Рассмотрение дела попа Косты постоянно откладывалось, а после того, как 14 (26) июня Абдул Керим-паша, получив новое назначение, отбыл в Скутари, дело буфского священника вновь окружили тайной.

Между тем в российское консульство пришел Яни-кафеджи с просьбой сделать что-нибудь для попа Петра, Стерио и Спиро. Он признался Хитрово в том, что был одним из деятельнейших членов «Казино». После его закрытия Яни-кафеджи, поп Петр и многие другие «составили из себя род этерии и стали действовать иным путем, отыскивая влияние на сельское население». С этой целью они установили связи с буфским священником, не зная о его участии в грабежах, а также с кираджи Настю, который имел огромное влияние на все сельское влашское население Касторийской казы. Влахи, по словам Яни-кафеджи, были почти все вооружены и готовы к восстанию, ждали только известия о волнениях в Эпире[26]. Из показаний Темелько следовало, что в эту новую этерию входили несколько турецких беев и до 40 христиан и турок в Прилепе. Хитрово полагал, что турецкие власти, причисляя всех к категории разбойников, рассчитывали поступить с ними со всей строгостью, которую заслуживали преступники. Кроме того, администрация преследовала двойную цель: «совершенно уничтожить опасную часть здешней молодежи и свалить на самих христиан ответственность за все случаи совершившихся здесь грабежей»[27].

Но Яни-кафеджи недолго оставался на свободе: 6 (18) июня он был снова схвачен без ведома английского консула, заключен в тюрьму и жестоко избит палками по приказанию бинбаши полиции Абедин-бея. По требованию английского консула Яни-кафеджи был освобожден, но из-за сильных побоев не мог самостоятельно передвигаться, и его пришлось везти в консульство в повозке. Хитрово надеялся, что это происшествие, наконец, заставит Э. Кальверта, опасавшегося вызвать

* Долап – от тур. шкаф – помещение в турецкой тюрьме наподобие одиночной камеры.

недовольство турецких властей, действовать энергичнее[28]. Однако в тот момент из отпуска в Битолу вернулся К. Кальверт, и, поскольку он не был расположен к пострадавшему, дело приняло другой оборот. К тому же в сентябре на пост генерал-губернатора заступил Хаджи Али-паша, фанатичный и недружелюбно расположенный к христианам турок.

В конце октября 1862 г. из Стамбула в Битолу специально для расследования дела буфского священника прибыл чиновник Хафус-бей. Впрочем, он не спешил выполнять поручение, поскольку пребывание в Битоле позволяло ему вмешиваться в другие дела, приносящие ему «наличную выгоду». Арестованным были предъявлены следующие обвинения: священнику Косте – руководство шайкой, которая в течение нескольких лет занималась разбоем, попу Петру, Стерио, Спиро, Яни-кафеджи и другим – намерение убить митрополита, вступив в сговор с буфским священником и его подельниками. Кроме того, Яни-кафеджи также обвинили в попытках склонить турецких солдат к дезертирству, отравить воду в битольской казарме. Однако, несмотря на жестокое обращение, пытки, побои, арестованные свою вину не признали. Трое в тюрьме умерли, а в марте 1863 г. по случаю большого байрама 9 человек, проходивших по этому делу, были выпущены на свободу.

В апреле 1863 г. Хафус-бей доверительно сообщил секретарю российского консульства Е.М. Тимаеву, замещавшему Хитрово на время его отпуска, что освобождение остальных зависело от митрополита Венедикта. Но тот еще летом 1862 г. назначил приходы буфского священника и попа Петра к продаже: первый – за 15, а второй – за 25 тыс. пиастров. Боясь мщения, митрополит всеми правдами и неправдами стремился не допустить освобождения узников. Более того, не доверяя тюремным стражам Битолы, он желал перевести их в стамбульскую тюрьму. Тимаев считал, что можно будет организовать побег буфского священника по пути в Стамбул. На этом донесении Тимаева от 11 (23) апреля 1863 г. стоит помета Е.П. Новикова, временно исполнявшего должность посланника России в Константинополе (1862–1864): «Что это значит? Не хочет ли Тимаев освободить их вооруженною рукою?»[29]. Но в 1863 г. перевод попа Косты в столичный казамат не состоялся.

Хафус-бей вернулся в Стамбул, и дело буфского священника не сдвинулось с мертвой точки. Новый генерал-губернатор Битолы Хюсни-паша (1864–1866) по ходатайству родственников заключенных, а также греческого посланника Делияни освободил пятерых (вместе с Яни-кафеджи), затем были отпущены еще двое. Но из-за вмешательства митрополита Венедикта трое, в их числе и буфский священник, остались в заключении и содержались в кандалах. Заручившись предварительным согласием председателя уголовного суда Зекерьи-эфенди, родственники и друзья священника Косты попытались его выкупить (была проведена подписка и собрано 100 турецких лир), но митрополит пригрозил турецкому чиновнику, и тот отказался от своего обещания. Только после учреждения Салоникского вилайета, проведя в тюрьме без суда 7 лет, поп Коста, житель Битолы Стоян и Настю-кираджи из Джоржи были отправлены из Битолы в Салоники пешком, в кандалах. Их приговорили к 15 годам лишения свободы, и отбывать оставшийся восьмилетний срок им предстояло в тюрьме Стамбула. Российский консул в Битоле Н.Ф. Якубовский в 1869 г. подчеркивал, что в течение 7 лет поп Константин совершал в тюрьме требы, был духовником всех арестантов, и никто из них не переменил веры, как это случалось прежде[30].

Следует добавить, что русские дипломаты старались не только защитить интересы осужденных по делу буфского священника, но и оказывали материальную помощь арестованным и их семьям. По секретному распоряжению Азиатского департамента МИД от 30 апреля (12 мая) 1862 г. российское консульство в Битоле получило 5 тыс. руб. серебром. Эта сумма, сложившаяся из частных пожертвований, предназначалась «страждущим единоверцам» в качестве вспомоществования. Русские дипломаты ежемесячно клали в тюремную кружку от 4 до 20 пиастров, а по случаю православных праздников, сумму увеличивали, например, на Пасху 1864 г. она составила 44 пиастра[31].

Но вернемся к весне 1862 г. В разгар черногорско-турецкой войны Битола являлась центром формирования турецких войск, сюда поступали военное снаряжение и боеприпасы, направлявшиеся затем в Герцеговину и Черногорию. Несмотря на усиленные меры предосторожности со стороны турецких

властей, Хитрово все-таки удавалось добывать нужные сведения. Оперативно передавая информацию о составе, расположении и перемещении турецких войск, об их оснащенности и вооружении, он писал: «Громадны приготовления турок – содрогаешься за участь Черногории и Герцеговины»[32]. Австрийские вице-консулы Заксл, а затем Зелнер отмечали повышенную активность Хитрово, его оживленный обмен письменной корреспонденцией и шифрованными сообщениями по телеграфу с российскими дипломатами в Скутари (Шкодре), Мостаре, Янине, Стамбуле[33].

Хитрово часто предпринимал поездки по провинции, что не ускользало от зорких глаз его западноевропейских коллег. Причем отправлялся в путь он в такую жару, которая «не могла способствовать дальним экскурсиям», подчеркивал Заксл[34]. Хитрово неоднократно встречался с консулами А.С. Иониным из Янины, А.Е. Лаговским из Салоник, а также Н. Геровым из Пловдива. В июле 1862 г. в российском консульстве даже появился второй драгоман Георгий Цаца, торговец из Битолы, поскольку свои поездки Хитрово совершал в сопровождении драгомана Лаппе, болгарина из Велеса, а консульство не могло оставаться на это время без переводчика.

Документы свидетельствуют, что важнейшим направлением деятельности российского консула являлся сбор разнообразной информации о настроениях населения, отношениях христиан и мусульман. Заксл язвительно отмечал, что русское консульство поддерживает ряд осведомителей, которые постоянно доставляют информацию о настроениях славянского населения по отношению к мусульманам, по его мнению, часто довольно преувеличенную[35].

Действительно, донесения Хитрово весной–летом 1862 г. полны ожидания предстоящих восстаний Но они также свидетельствуют и о явных его попытках подтолкнуть к решительным действиям местное население, чтобы несколько отвлечь внимание турок от Черногории. Демонстрируя завидную наблюдательность, он, например, тонко подметил, что впервые все надежды христиан, проживавших к северу от Битолы, были устремлены не на Грецию, как прежде, а на Сербию и Черногорию. 10 (22) мая 1862 г. Хитрово писал: «Трудно себе представить, как нравственно выросли здесь христиане в самое

короткое время. Еще недавно, говорят, здесь еле знали о существовании Черногории и Сербии. Прежние войны черногорцев не производили здесь никакого впечатления. Еще волнения на греческой границе скорее отзывались в здешнем народонаселении, но дела всего севера мало кого здесь интересовали... [Теперь же] имена князя Николая и Луки Вукаловича сделались известными каждому поселянину. Крестьяне из отдаленных сел, собираясь по понедельникам на базар в Битолу, сходятся в ханах и бокалах (лавках) и расспрашивают городских людей о ходе дел в Герцеговине и Черногории, причем известия всегда передаются в преувеличенном, искаженном виде. Число получаемых в городе газет значительно увеличилось. Проезжая через христианские села, постоянно приходится отвечать на расспросы об известиях с театра войны»[36].

На основе сообщений из Велеса Хитрово заключал, что события в Герцеговине и Черногории произвели там «несравнимо сильнейшее впечатление», нежели в Битоле. В Велесе «каждый горячо сочувствует успехам и готов служить общим интересам... самим делом», много молодых людей ушли к Вукаловичу. Из разговоров с местным населением, особенно с духовенством, Хитрово делал вывод о том, что спокойствие еще недолго сохранится, что немного нужно теперь, «чтобы бесплодный пока энтузиазм заменился решительным действием». Достаточно было бы, по его мнению, «ничтожнейшей поддержки извне, чтобы поднять всю страну, а, как видно, поддержка эта не замедлит представиться». Из Эпира приходили известия, что шла решительная подготовка к восстанию, но тайные общества избегали до поры до времени преждевременного проявления или огласки, действуя по плану. Хитрово доносили, что они располагали значительными средствами. Но консул считал, что все их средства «ничтожны в сравнении с теми, которые найдут они в сочувствии всего народонаселения». Хитрово представлял себе и своему начальству эпическую картину: «Как только двинутся греческие капитаны по отрогам Пинда и Олимпа на север, к ним, без сомнения, пристанет все народонаселение южных пределов Македонии, уже давно подготовленное эпиротскими* эмиссарами к будущим событиям. Отряды их будут усиливаться по мере движе-

* Эпироты – греки, проживавшие в районе Эпира (греки-эпироты).

ния вперед, а появление их в здешней местности неминуемо поднимет всю страну». Дипломат сообщал, что, несмотря на то, что у христианского населения в прежние годы несколько раз отбирали оружие, оно почти все вооружено, что «во всяком христианском доме найдется оружие, тщательно скрываемое от турецкого надзора». По сведениям Хитрово, к христианам должны были примкнуть тоски* и даже многие турецкие беги, если только восстание «примет размеры, представляющие некоторые гарантии успеха»[37].

В конце мая 1862 г. Хитрово не сомневался, что малейшее движение в Эпире мгновенно отзовется в прилегавших районах. Ряды повстанцев, по его мнению, должны были сформироваться в следующих местностях: Морихово, часть Велесской казы, Дойран, Демир-капу, Кассандра, и в особенности Караджово, Ниагуста, Карафериа, Кожаны и Сачиста. Готовность восстать жителей Дебара, Эльбасана и «вообще всей средней Албании» консул подтвердить не мог, поскольку в этих отдаленных районах он еще не побывал, опирался, главным образом, на слухи. В остальных местностях данного региона «народ не был вооружен и не приготовлен к событиям». Но наибольшей вероятностью, по его мнению, следовало ожидать волнений в южных пределах Македонии, греческое население которых имело тесные связи с жителями Эпира. События в Греции имели большое влияние на положение дел в Эпире. Однако сулиотские** капитаны проводили время «в бесплодных спорах и составлении обширных планов, вряд ли удобоисполнимых». «Они, кажется, – писал Хитрово,– замышляют восстание в слишком обширных размерах и пренебрегают теми средствами, которые у них имеются под рукой, а время меж тем уходит, и христиане Черногории и Герцеговины предоставляются пока одни на борьбу против всей Турции. Какое-нибудь движение здесь отвлекло бы часть турецкой армии»[38].

В начале июля 1862 г. Хитрово, наконец, осуществил свое давнее желание побывать в Велесе. По возвращении в Битолу

* Тоски – этническая группа албанцев, проживающая в Албании к югу от реки Шкумбини.

** Сулиоты – греко-албанское население горного района Сули, расположенного на юге Эпира. Сулиоты внесли значительный вклад в освободительную борьбу греков против Османской империи в XVIII – начале XIX вв.

он докладывал в шифрованной депеше от 15 (27) июля 1862 г., что получил известие о готовности населения значительного числа болгарских сел из окрестностей Велеса взяться за оружие при первом слухе о войне в Сербии. В Эпире, Фессалии и южной Македонии «умы в высшей степени настроены, и если там до сих пор не вспыхнуло восстание, то единственно от несогласия вождей»[39].

Однако события в Черногории и Сербии разворачивались не в пользу христиан Османской империи. В циркулярном предписании от 17 (29) июля 1862 г. № 449 князь Лобанов-Ростовский потребовал от консулов, чтобы в настоящее время они всячески старались «предупреждать» любые восстания[40], которых Россия «не желает и не имеет возможности поддержать»[41].

Учитывая конкретную обстановку в Румелийском эялете, Хитрово пришел к реалистичному выводу, что «без внешней инициативы тамошние христиане не могут и не должны ничего предпринимать. Пока Эпир и Фессалия спокойны, всякая попытка жителей Македонии может иметь самые пагубные для них результаты». Несмотря «на чрезвычайное настроение умов» среди христиан, Хитрово нигде не наблюдал «никаких серьезных приготовлений, никаких обдуманных предположений». Дипломат констатировал недостаток «замечательных личностей», способных увлечь народ за собой.

И, тем не менее, Хитрово не мог расстаться с иллюзиями относительно возможности восстания. Нередко противореча в донесениях самому себе, он сохранял убежденность в том, что «ничтожнейшее восстание в одной из провинций Турции могло бы привести события к совершенно иным результатам»[42].

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Архив внешней политики Российской империи (далее – АВПРИ). Ф. 161/1. Оп. 181/2. Д. 1184. Ч. 1. Л. 137.

[2] Там же. Ф. 180. Оп. 517/2. 1861. Д. 1415. Л. 5 об.

[3] Там же.

[4] Там же. Л. 34.

[5] Там же. Л. 33.

[6] Там же. Ф. 161/1. Оп. 181/2. Д. 1184. Ч. 1. Л. 50.

[7] *Манчев Васил.* Спомени. София, 1982. С. 69.

[8] *Lory Bernard.* La ville balkanissime Bitola 1800–1918. Istambul, 2011. P. 192.

[9] Ibid. P. 196–198.
[10] АВПРИ. Ф. 161/1. Оп. 181/2. Д. 1184. Ч. 1. Л. 50.
[11] Там же.
[12] Там же. Л. 50 об.
[13] Там же. Л. 59–59 об.
[14] Там же.
[15] Македония през погледа на австрийски консули. 1851–1877/78. Т. 1. София, 1994. С. 187.
[16] Там же. С. 187–188.
[17] АВПРИ. Ф. 161/1. Оп. 181/2. Д. 1184. Ч. 1. Л. 137.
[18] Там же. Ф. 180. Оп. 517/2. Д. 1416. Л. 23.
[19] Македония през погледа на австрийски консули. С. 195.
[20] *Косев Д.* Русия, Франция и българското освободително движение 1860–1869. София, 1978. С. 145.
[21] АВПРИ. Ф. 161/1. Оп. 181/2. Д. 1184. Ч. 1. Л. 312–314.
[22] Там же. Л. 316–316 об.
[23] Там же.
[24] Там же. Л. 333.
[25] Там же. Л. 335–336 об.
[26] Там же. Ф. 180. Оп. 517/2. Д. 1416. Л. 94 об.
[27] Там же. Ф. 161/1. Оп. 181/2. Д. 1184. Ч. 1. Л. 377.
[28] Там же. Ф. 180. Оп. 517/2. Д. 1416. Л. 94 об – 95.
[29] Там же. Д. 1417. Л. 46–46 об.
[30] Там же. Д. 1423. Л. 32–35.
[31] Там же. Ф. 161. (Главный Архив IV–2). Оп. 119. Д. 17. Л. 15, 19 об., 20, 28 об.; Д. 15. Л. 5–8 и др.
[32] Там же. Ф. 180. Оп. 517/2. Д. 1423. Л. 83.
[33] Македония през погледа на австрийски консули. С. 197, 215.
[34] Там же. С. 231.
[35] Там же. С. 223.
[36] АВПРИ. Ф. 161/1. Оп. 181/2. Д. 1184. Ч. 1. Л. 323–323 об.
[37] Там же. Л. 325–325 об.
[38] Там же. Ф. 180. Оп. 517/2. Д. 1416. Л. 87–88.
[39] Там же. Ф. 161/1. Оп. 181/2. Д. 1184. Ч. 1. Л. 384.
[40] Там же. Л. 434 об.
[41] Русия и българското национално-освободително движение. 1856–1876. Т. I. Ч. II. София, 1987. Док. № 346. С. 239.
[42] АВПРИ. Ф. 161/1. Оп. 181/2. Д. 1184. Ч. 1. Л. 447 об.

В.И. Косик*

РУССКИЙ ВОПРОС В БОЛГАРСКОМ ЗЕРКАЛЕ

Я могу вполне понять недоумение читателя, полагающего, что никакого русского вопроса в братской Болгарии не было, а был, наоборот, – болгарский, все остальное от лукавого. И тем не менее, я решил именно так назвать свой очерк, в котором постараюсь добиться оправдания своему провокационному названию.

Русский дипломат К.Н. Леонтьев в известной исследователям его творчества «Записке о необходимости литературного влияния во Фракии» (1865 г.), рассуждая о влиянии России и имени ее на Балканах, подчеркивал, что молодежь равнодушна к России. Даже тем, кто ее любит, она видится только дружественным государством, обладающим грозной армией свыше полумиллиона штыков. Образование и ум надо искать на Западе, только не в России, которая может пригодиться балканским народам в кризисных ситуациях, но не более того. Здесь Константин Николаевич и прав, и неправ. Безусловно, прорусские симпатии у болгар были обусловлены надеждой на избавление от османской власти при помощи единоверной и славянской России. Но среди балканских народов всегда существовали сильные опасения, что «ценой такого освобождения будет их включение в состав Российской империи»[1].

Хотелось бы только заметить, что эти «опасения» были характерны, прежде всего, для самих болгар. Западный либерализм уже пускал свои корни, или, если говорить в стиле Леонтьева, – «засорял» самобытную жизнь балканских народов. Разумеется, их исторические корни были далеко не одинако-

---

* Косик Виктор Иванович – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН.

вы, как и отношение к России – этому православному «опекуну» и грозному наследнику Византии, на преемство которой претендовала, кстати, и Болгария.

В то же время, повторю, для болгарского народа имя России было священным. Достаточно сказать, что в 1867 г. после покушения на Александра II в балканских землях, в том числе и в Болгарии, состоялись многочисленные молебны за здравие русского царя. Сохранились сведения о том, что после богослужения болгарские мальчишки бегали по улицам с криками: «Боже, дай здравие царю Александру и убей всех его врагов! Пусть погибнет султан вместе со своими пашами, пусть погибнет Турция и да здравствует Россия!».

В болгарских землях вера в мессианское предназначение России обернулась не только формированием образа освободителя «дядо Ивана» (в годы царствования Николая I гораздо чаще можно было услышать – «дядо Никола»), но и возникновением мнения об особом характере болгаро-русских отношений. Эти прорусские симпатии особенно ярко проявились во время русско-турецких войн XVIII-XIX вв. Традиционные настроения постепенно меняются после поражения России в Крымской войне 1853–1856 гг. Многие из русофилов уже не хотят таковыми называться. Облегчения участи страны ищут даже в милости султана, в смене религии, в восстании. Вера, надежда и любовь к России пошатнулись – особенно среди политизированной интеллигенции, настойчиво искавшей свой путь к национально-церковному освобождению страны и собиранию исторических земель.

Но в то же время Россия оставалась для болгар страной, где они получали образование. Именно болгарские студенты представляли наиболее многочисленный отряд по сравнению с учащимися из других южнославянских стран. За период от Крымской кампании до Освобождения в российских учебных заведениях получили образование 623 болгарина: 548 юношей и 75 девушек. Если же прибавить к ним обучавшихся еще до 1856 г., то цифра достигнет 800 человек[2]. Известный болгарский историк Н. Генчев писал, что четыре/пятых болгарских учителей были подготовлены в России[3].

И, тем не менее, все это вовсе не означало, что только вместе с Россией болгары видели путь к освобождению. Приведу

любопытный монолог болгарского учителя из статьи К.Н. Леонтьева «Панславизм и греки» (1873 г.): «Без турок, в настоящее время и надолго, мы *слабее* всех на свете; вместе с турками мы сильнее и греков, и сербов, ибо нас *больше*, ибо мы *все вместе райя*, и не разбиты ни, как греки, на *две половины*, турецкую и свободную, ни, как сербы, на *четыре* части: турецкую, австрийскую, черногорскую и белградскую. Мы никогда не бунтовали, как греки и сербы, мы *сознательно* не хотели помочь им во время их движений. Поэтому мы имеем право на доверие правительства. У нас нет независимых центров, вроде Цетинья, Афин и Белграда, из которых, при случае, может грозить туркам война; у нас нет *династий* своих, нам *нечего* присоединять к независимому центру; у нас нет ни Крита, ни Боснии, ни Эпира, ни Фессалии, ни Герцеговины. Мы все вместе *райя*. Да здравствует же Абд-Уль-Азис-хан, султан наш и *царь болгарский*!

– Что делать, мы свыклись с турками, – сказал мне, смеясь, однажды, еще третий болгарин (Ранее К.Н. Леонтьев встречался с болгарским архимандритом. – *В. К.*). – Как-нибудь проживем. Этнография же говорит, что мы отчасти одной породы с ними»[4].

Подобные настроения нашли и свое документальное подтверждение в одном из меморандумов Болгарского тайного центрального комитета султану (1867 г.). Авторы этого любопытнейшего письма-обращения предлагали оформить турецко-болгарскую монархию, в рамках которой надлежало «создать болгарское конституционное царство со своим Народным собранием, собственной армией под командованием болгарских офицеров и отдельной болгарской администрацией; во главе дуалистической монархии должен был стоять султан, и к его титулу падишаха прибавлялся титул “царь болгар”»[5].

Однако далеко не все болгары мыслили будущее своей страны в единстве с иноверцами. Это удел интеллигентов. Народ – другое дело. Достаточно вспомнить Русско-турецкую войну 1877–1878 гг., когда русские воины сражались вместе с болгарскими братьями, когда русские участвовали в строительстве новой, освобожденной Болгарии. В княжестве, во главе которого был русский ставленник немецких кровей – князь Александр

I Баттенберг, была принята довольно демократическая конституция с набором таких прав и свобод, о которых могли только мечтать российские либералы. Россия, где разрабатывался ее проект, желала тем самым показать болгарам, заверить их, что она уважает и принимает в расчет их мнения, пожелания относительно государственного устройства Болгарского княжества.

В той ситуации, когда болгарская политическая элита разделилась на два традиционно-схематичных лагеря – либералов, группировавшихся под знаменем защиты конституции и ограничения прерогатив князя, и консерваторов, объединявшихся вокруг монарха и выступавших за усиление его власти, – от России требовался максимальный такт, более того, византийское искусство в сношениях с новорожденным полувассальным государством.

От русской дипломатии во многом зависела форма протекания «детской болезни» национализма. В болгарском случае это было и сложно, и легко, учитывая тогдашнюю неразрешенность вопроса объединения с Восточной Румелией (Южной Болгарией) и Македонией. Следовало учитывать и то обстоятельство, что многие болгарские политики прошли турецкую, европейскую, русскую школу макиавеллизма и отлично понимали, что Россия хотела стать своеобразной мамкой для Болгарии – этого «славянского аванпоста» на пути к Проливам, к Царьграду. Однако «ребенок» оказался на редкость капризным и лукавым, прекрасно осведомленным о «слабостях» своей благодетельницы. Он явно не хотел держаться за подол русского сарафана. И в то же время болгарские государственные мужи, лидеры политических партий понимали, что только Россия может помочь стране в реализации плана по воссоединению вначале с Южной Болгарией, потом – с македонскими землями. Во власти, в политике жили и соседствовали два течения – русофильское и русофобское.

Русофильство было особенно популярно в доосвобожденческий период истории Болгарии, когда на Россию возлагались надежды освобождения братского болгарского народа от турецкого владычества, т. е. русофильство связывалось с ожиданиями.

Русофобство, его проявления, характерны для времени, наступившего после долгожданного избавления от османов, оно

связано с процессом становления болгарской государственности, когда русские только «мешали» этому процессу, т.е. с разочарованием. «Расцвет» русофобства пришелся на время разрыва русско-болгарских отношений. Представляется, что если феномен русофильства в основном был характерен для болгарского народа в целом, то русофобство имело большее хождение среди той части болгар, которые готовы были делать ставку на то, что выгодно, что помогает сохранить власть. В то же время хочу тут же подчеркнуть следующее: оба эти феномена связаны не только с любовью или нелюбовью к России, но и с политическим курсом, дипломатией самой Российской империи. В ней видели силу, которая должна быть поставлена на службу интересов братского болгарского народа, всего славянства. Если этого не наблюдалось, – усиливалось русофобство.

И еще одно замечание: и русофильство, и русофобство характерны для страны, еще только встающей на путь своего государственного развития, когда молодая государственность нуждается в помощи и опекунстве, с одной стороны, а с другой – когда набирающий силы национализм с его лозунгом «Болгария для болгар» ищет опору для освобождения от чрезмерного опекунства бывших освободителей в других странах.

В сущности, «взлет» русофильства в его политическом значении был характерен для правления царского родственника и ставленника Александра Баттенберга примерно до провокационного для официальной России воссоединения в 1885 г. Софии с Пловдивом. Безусловно, в это сложнейшее время строительства болгарской государственности действовали и политики, которых можно отнести, хотя и с натяжкой, к русофобам. Например, так называемые консерваторы, случалось, меняли жесткую критику русских дипломатов в княжестве на предложения сотрудничества с ними, как это было осенью 1883 г.

Эти своеобразные «качели» были свойственны также и русской дипломатии, политику которой в княжестве следует признать неудачной. Более того, некоторые ее действия, например, связанные с приостановкой конституции в 1881 г., только расширяли базу для болгарских оппозиционеров русской политики. И если с освобождением у России все получалось хо-

рошо, то с опекунством плохо. Именно по причине «плохого опекунства», держания Болгарии на коротком поводке, ширилось русофобство. При этом подчеркнем, что если русофильство имело более мощную корневую базу, связанную с культурой, этносом, традицией, то русофобство возникало на политической почве, когда, как писал один из русских дипломатов, все хорошее приписывалось болгарским властям, а все плохое – России.

Осторожность Петербурга в вопросе о создании Сан-Стефанской Болгарии служила дополнительным импульсом к расширению рядов недовольных своей бывшей освободительницей. Политика «кнута и пряника», проводимая русскими дипломатами после воссоединения Болгарии, подняла к власти Стефана Стамболова, имя которого прочно вошло в историю Болгарии как видного политического и государственного деятеля. Само его вхождение во власть в 1887 г. в полунезависимой Болгарии было вызвано «освобождением» болгарского престола Александром Баттенбергом, ставшим одиозной личностью в глазах Александра III. Об этом сюжете написано уже достаточно много, чтобы повторять сказанное. Напомню лишь, что в Санкт-Петербурге после разрыва отношений с Софией в ноябре 1886 г. считали, что в той обстановке, когда вопрос о кандидатуре на вакантный княжеский престол мог быть решен только при одобрении русской дипломатии, болгары будут вынуждены пойти на поклон к русским.

Однако МИД явно просчитался, рассчитывая на быстрый успех. И как ни странно это звучит на первый взгляд, болгарам в той сложнейшей ситуации помогал вассальный статус. Они могли тянуть дипломатическую игру очень долго с помощью Европы, называвшей русского царя своим «страшилищем», а Болгарию – «балканской Пруссией». К этому стоит добавить, что действия России лишь усилили русофобские настроения в стране. Один, но весьма показательный, пример: Андрей Ляпчев, будущий видный государственный деятель, примкнувший тогда к русофобскому лагерю, в котором выделялись З. Стоянов, Д. Петков, Д. Ризов, организовал банду, которая подстерегла около Пловдива первого премьер-министра свободной Болгарии Т. Бурмова и нанесла ему побои за то, что он «ходил в Россию продавать Болгарию»[6].

Тогда именно Европа, точнее, Вена, «подарила» болгарам нового князя Фердинанда из дома Кобургов. Для Болгарии и Австро-Венгрии Фердинанд был гораздо более приемлемой фигурой, нежели навязываемая Петербургом кандидатура русского подданного князя Н.Д. Мингрели. Причина – испытываемый официальной Софией страх перед превращением страны в «Задунайскую губернию» России. Выступая своеобразным спасителем от «русской угрозы», Фердинанд надеялся, что болгары будут отстаивать его, защищая свой суверенитет. Именно «русская опасность» заставила Софию поспешить с возведением его на трон. Замечу, что новый болгарский монарх «мешал» не только царю. Он начинал действовать на нервы и фактическому властителю страны Стамболову, который ради «независимости» страны от той же России жертвовал «свободой», свирепо подавляя инакомыслие, преследуя русофилов. В своем русофобстве Стамболов был весьма жесток. Так, получив известие о распространении в России холеры (начало 1890-х гг.), он якобы произнес, что туда надо было бы наслать еще и чуму.

И в то же время политическое русофобство Стамболова могло закончиться гораздо раньше. Будучи умным политиком, он не мог не понимать, что рано или поздно Фердинанд постарается избавиться от него. И в начале 1888 г. русофоб Стамболов захотел превратиться в русофила Стамболова, обещавшего России выдворить князя из страны в обмен на определенные гарантии, в том числе материального характера (письмо Ст. Стамболова в МИД России от 25 февраля 1888 г.). Тогда Фердинанда спасло, скорее всего, недоверие русской дипломатии к Стамболову и уверенность в том, что выдворение князя устроится без особых денежных затрат.

Тут же следует заметить, что на первых порах своего княжения Фердинанд был для болгар своеобразным символом болгарской независимости, для русских – «узурпатором» болгарского престола, для турок – фигурой, вносившей помехи и сложности в международные дела, прежде всего в русско-турецкие отношения. В сущности, тогда Фердинанд стал своеобразным заложником в сложной игре между Софией и Петербургом, являясь больше объектом, нежели субъектом в международных отношениях и только начиная вести свою

игру. И попытка отнести его к лагерю русофилов или русофобов была бы некорректной, хотя для Петербурга, не признававшего князя, он являлся русофобом, захватившим болгарский престол. Несмотря на негласную поддержку Вены и Стамбула, все попытки Фердинанда добиться какого-либо ощутимого продвижения по вопросу узаконения его прав на престол великими державами терпели неудачу. Время доказывало правоту тезиса Александра III, что если Россия может обойтись без Болгарии, то последняя не в состоянии обойтись без России. По меткому замечанию нового начальника Азиатского департамента Д.А. Капниста признание царем законности пребывания князя на престоле «было равносильно путешествию в Каноссу»[7].

Даже отстранение от власти Стамболова весной 1894 г. Фердинандом не поколебало позицию императора. Хотя, устраивая отставку «спасителю» Болгарии, оппозиционные силы надеялись, что она положит начало процессу нормализации отношений с Россией, покажет ей, что Болгария встала на путь русофильства. На это рассчитывал и сам Фердинанд, охотно пожертвовав своим «надзирателем». Во главе нового правительства встал К. Стоилов, понимавший необходимость смены русофобского курса и недопущения грубого произвола во внутренней политике. Долгожданная победа князя была результатом многих факторов, прежде всего осознания необходимости многими видными политическими деятелями Болгарии примирения с Петербургом, невозможности дальше выдерживать «внешнеполитический террор», внутренний террор русофобства.

Бывший русофоб А. Ляпчев становится одним из активных пропагандистов болгаро-русского сближения. По его мнению, без примирения с Россией Болгария не могла зажить нормальной жизнью страны, в которой есть конституция. Для него, как пишет авторитетный болгарский историк В. Божинов, Россия стала представлять единственную искреннюю заступницу прав христианского населения в Турции (читай в Македонии. – *В.К.*) уже потому, что «только она так гуманна (некоторые бы сказали – наивна), ибо за освобождение чужих народов проливала кровь своих избранных сыновей»[8]. Для русской дипломатии, сломившей упорство молодого императора Николая II, вознамерившегося было продолжать полити-

ку своего отца, примирение означало путь к восстановлению влияния в славянской стране, играющей отведенную ей роль в стратегических планах России.

Сам князь Фердинанд ради сохранения своей династии дал свое согласие на крещение 2 февраля 1896 г. своего первенца Бориса Клеменса Роберта Марию Пия Людвига Станислава Хавьера (1894–1943), принца Саксен-Кобург-Готского, по православному обряду (крестным отцом Бориса стал российский император Николай II). Вслед за восстановлением русско-болгарских отношений остальные великие державы поспешили признать законность Фердинанда Кобургского на престоле. Наступали новые времена и для Болгарии, и ее князя, награжденного императором орденом Св. Владимира I степени. Русофобство уходило в тень. Стремясь «ублаготворить Россию» и «утешить» Болгарию, князь заговорил об «оживляющих лучах восточной зари в противоположность мертвящему зною западного союза»[9]. Из бывшего русофоба он стал русофилом. Данная перемена еще раз подчеркивает политическую составляющую этих двух феноменов – русофобства и русофильства.

Фердинанд, как верно подметил один из современников, «пускал корни», работая над их укреплением в болгарской почве. Любое серьезное недовольство правительством, его политикой он стремился вовремя и искусно погасить, не допуская ни расшатывания страны, ни ослабления собственной власти. Однако не следует представлять себе, что министры были только марионетками в руках Фердинанда. У них имелось много общего, прежде всего, в стремлении европеизировать страну, решить общегосударственную политическую задачу по объединению болгар. И для этого хорошие отношения с Россией были просто необходимы. Так, в 1899 г. один из видных болгарских политических деятелей Ст. Данев в отношениях с Россией видел «выражение государственной идеи», будучи убежден в том, что только благодаря им Болгария «в один прекрасный день получит свои естественные границы». Наступление этого «дня» и решение македонского вопроса Данев связывал с политикой великих держав и выступал против заброски чет в Македонию[10].

Самому Фердинанду Петербург «прощал» многое, даже провозглашение независимости, предварительное известие

о котором было встречено русским дипломатическим представителем в Софии весьма неодобрительно. Однако все его уговоры отложить задуманное «до более удобного времени» и обещания «полного содействия России» закончились крахом[11]. (Замечу, что история учила Фердинанда, он знал, что если бы болгары следовали советам «ожидания дядо Ивана», то известное воссоединение Южной и Северной Болгарии могло совершиться гораздо позднее и на других условиях.)

Петербург, молча «проглотивший» аннексию Боснии и Герцеговины Веной в 1908 г., Петербург, сделавший первый шаг в 1896 г., должен был сделать теперь второй, пойдя на признание независимости Болгарии и царского титула Фердинанда. Название Третьего Болгарского царства обязывало ко многому: прежде всего, к великим делам – к воссозданию Великой Болгарии, к делу «национального объединения», к решению македонского вопроса, как оружием в Балканских войнах, так и за столом переговоров.

Итоги Второй Балканской войны, начатой Софией в июне 1913 г., были подведены 29 июля/10 августа Бухарестским договором, по которому территориальные претензии Сербии и Греции были удовлетворены за счет Болгарии, ее бывших македонских приобретений. С.Д. Сазонов писал в своих воспоминаниях: «Бухарестский мир был только пластырем, налепленным на незалеченные балканские язвы, которым было суждено снова вскрыться не далее как через год. Для Болгарии Бухарестский мир запечатлевал крушение честолюбивой мечты Фердинанда Кобургского о создании болгарского царства от пределов Албании и до Мраморного моря. Горечь обманутых надежд и затаенная злоба против тех, кого они считали виновниками испытанных ими разочарований, поставили судьбы болгарской политики в тесную связь с венским кабинетом, как это наглядно доказала мировая война 1914 года»[12].

Для наследников хана Аспаруха виновницей такого исхода стала Россия. Апофеозом русофобских настроений стало стихотворение, каждая строфа которого заканчивалась проклятием на голову «братской России»[13]. И хотя номер газеты «Дневник», где оно было помещено, был конфискован и правительство выразило свое сожаление российскому посланнику А.В.Неклюдову, тем не менее, эти зарифмованные проклятия

можно было считать горькими плодами настроений в славянстве, результатом «игры на качелях», уже принесшей немало бед в русско-болгарские отношения.

И если говорить о болгарских националистах, то их неприязнь, недоверие к России, ее политике могли бы быть сконцентрированы в следующих словах-объяснениях.

1. Я люблю Россию, но ненавижу русскую политику.

2. Я люблю Россию, но только когда она не решает свои дела за меня.

3. Я люблю Россию, но ненавижу самодержавие.

4. А за что я должен любить Россию, если после 1878 г. моя родина оказалась под двойным русско-турецким игом?

5. А за что я должен любить Россию, если она всегда была для меня мачехой?

6. А за что я должен любить Россию, если освобождение ею моей страны связано с оккупацией?

7. Я ненавижу Россию, потому что она лишила Болгарию Македонии.

8. Я ненавижу Россию, потому что она лишила Болгарию ее первого князя.

9. Я ненавижу Россию, потому что я всегда «младший брат» для нее.

В непростой ситуации, сложившейся в результате Балканских войн, у Фердинанда было два варианта дальнейшей политики: отречение от престола или продолжение борьбы за дело «национального объединения» в ходе грядущей войны. По мнению экзарха Иосифа, он должен был покинуть престол. Необходимость отречения Фердинанда, сеявшего в Болгарии, как считал владыка, только зло, подкреплялась информацией о готовившихся царем церковной унии с Римом и союза с Центральными державами и Турцией[14]. Экзарх, глубоко переживавший болгарскую драму, прямо заявил Фердинанду: «Если Вы любите Болгарию, если Вы дорожите династией, Вы должны отречься от престола». Однако Фердинанд не только не собирался уходить на покой, но и готовился к реваншу. Сам же экзарх умер со словами: «Болгарский престол занят иностранцем. Он покинет несчастную Болгарию после того, как опозорит и погубит болгарские чаяния и идеалы... Храните Болгарию, которая находится на страшном распутье»[15].

«Чаяния и идеалы» были присущи и Фердинанду, и пришедшему к власти летом 1913 г. правительству «либеральной концентрации», в котором руководящая роль принадлежала авторам известного «письма от 23 июля», направленного царю. В этом письме, полном неприятных и резких высказываний в адрес русской политики в Болгарии, настойчиво рекомендовалась «единственно спасительная политика сближения с Австрией»[16].

Когда началась Первая мировая война, власти в Софии делали успокоительные заявления о том, что «Болгария никогда и ни при каких условиях не присоединится к лагерю, воюющему против России, и не займет Македонию или Добруджу», не договорившись предварительно с Петербургом. Однако в это трудно было поверить, пока в правительстве заседали лица, не раз заявлявшие о необходимости отхода от России и союза с Австро-Венгрией[17]. Стремясь прояснить ситуацию, русское правительство в начале августа 1914 г. запросило Софию относительно ее планов. И что же? Как писал позднее французский президент Р. Пуанкаре, «король не принял на себя никаких обязательств. Он сослался на свое правительство, с которым он, однако, обычно мало считается. В свою очередь председатель совета министров сослался на короля. Фердинанд и его соратники остаются верны себе. Их двуличие несомненно сулит нам сюрпризы»[18].

И в то же время ситуация была слишком сложной, чтобы упрекать только Софию и царя Фердинанда. Так, 1 сентября 1915 г. Россия с союзниками заявили Софии в последний раз о готовности гарантировать после победоносной для них войны уступку ей Сербией македонских земель, отошедших Белграду по договору 1912 г. Условием этой гарантии должно было стать ручательство Болгарии заключить с державами Антанты военную конвенцию относительно вступления в войну с Османской империей[19].

Однако эти обещания рассчитаться после войны, в которую надо вступать сейчас, не устраивали Софию, особенно на фоне побед немецкого оружия. Болгарскую позицию можно попробовать понять, если знать, что одну из главных причин своих несчастий болгарские националисты видели в «злокозненности русской дипломатии»: «Россия, – говорят они, – была арбит-

ром между нами и сербами. Ее подпись скрепляла наш договор с ними. И, однако, что сделала она, когда сербы отказались от этого договора и предъявили нам свои ни на чем не основанные требования? Одного ее слова было бы достаточно, чтобы образумить сербов, но она не только не сказала этого слова, но, напротив, устами покойного Гартвига как будто поощряла сербские претензии. И когда в результате этих претензий разразилась война, Россия не сделала ничего, чтобы остановить набросившихся на нас турок и молчаливым свидетелем присутствовала при нашем ограблении в Бухаресте и Царьграде. Нас карали за "непослушание", но самая беспощадность кары доказывала, что дело было не только в непослушании. Нам мстили за дерзкое поползновение на независимость, за Родосто и Адрианополь, за наши мечты о "великой Болгарии", создание которой не входило более в планы русской дипломатии. Нас приносили в жертву "великой Сербии"... Можем ли мы после этого горького опыта доверять России, когда она обещает нам какие-то неопределенные "компенсации, широко отвечающие нашим национальным аспирациям"?»[20].

Итак, имелись национал-патриоты, готовые ради успеха дела «национального объединения» пойти в «объятия» Тройственного союза. И здесь, безусловно, играло свою роль то обстоятельство, что Россия в войне поддерживала Сербию, соперницу и «обидчицу» болгар в македонском вопросе. Как писал в начале 1915 г. русский корреспондент И. Калина в «Вестнике Европы», «чаще всего и категоричнее всего болгары объясняют свой нейтралитет и свое безучастие в будущей вокруг них борьбе своею "ненавистью" к Сербии». «Мы не можем, – говорят они, – органически не можем сочувствовать и помогать сербам. Их коварство лишило нас плодов великих усилий и неисчислимых жертв, понесенных страною в балканской войне... они отняли у нас Македонию, которую годом раньше сами торжественным договором признали, бесспорно, болгарскою». И далее: «Не только болгарский политикан-интеллигент, но и рядовой болгарский крестьянин не захочет добром протянуть руку "коварному соседу", которого он обвиняет чуть ли не во всех своих несчастьях последнего времени»[21].

Но это эмоции. Сама политика выжидания может быть объяснена тем, что царь «надеялся захватить Македонию в ходе

локальной австро-сербской войны, но в сложившихся обстоятельствах хотел выяснить позицию Румынии и Греции»[22]. Безусловно, политика выжидания увязывалась и с более-менее четким определением будущего победителя. Таковым в 1915 г. представлялась Германия со своими союзниками: Россия терпела неудачи в Галиции и в Польше, не блистали успехами и ее «соратники по оружию». Итогом явилось подписание 24 августа 1915 г. в Софии германо-болгарского договора о денежной помощи болгарам в размере 200 млн. левов. В его секретной части предусматривалась передача Болгарии желанных македонских земель, а также части пограничной сербской территории[23]. А на следующий день, благодаря стараниям Берлина, была достигнута договоренность между Стамбулом и Софией о передаче Болгарии Фракии с частью Адрианополя[24].

В мрачных донесениях российских дипломатов из Болгарии лишь изредка встречалась информация, которая могла хоть как-то скрасить гнетущее настроение. К числу таких можно отнести сообщение А.А. Савинского о речи Александра Стамболийского на встрече руководителей оппозиционных партий с царем Фердинандом (4 сентября 1915 г.). В ней лидер «земледельцев» четко и грозно заявил: «Меня лично нельзя упрекнуть в пристрастии к России, но, к сожалению, мы видим и знаем, что в народе нашем чувства благодарности к своей освободительнице бесконечно сильны и никто и ничто не может их вытравить. Вы и ваше правительство хотите вести народ к новым авантюрам, идущим вразрез с его чувствами, стремлениями и идеалами. В 1913 году Вы с вашим правительством довели страну до катастрофы, и народ хотел идти на Софию, чтобы потребовать к ответу виновных. Мы остановили его тогда... Но теперь мы вас торжественно предупреждаем, что если вы осмелитесь повести страну к новым авантюрам, то мы станем во главе народа и поведем его сюда за вашей головой! ... народ наш не хочет войны, но если в силу политических обстоятельств, он вынужден будет поднять оружие, то он охотно пойдет с Россией и никогда против нее»[25].

Такая позиция могла радовать Петербург, но Болгарией руководили другие, увидевшие в словах Стамболийского лишь красивую фразу. Царь и его окружение предпочитали дело слову. Известно, что на Балканах «освободители» сражались с «ос-

вобожденными» и имелись лагеря для русских военнопленных. Вину за все болгарские злоключения в 1913 г. в Софии приписывали исключительно России.

Более того, судя по донесению военного агента в Софии Г. Романовского, вторая жена болгарского монарха Элеонора Каролина Гаспарина Луиза, принцесса Ройс цу Кострица (1860–1917) была настроена «крайне враждебно ко всему русскому. Он зло напоминал, что «... Особенно ярко это выразилось во время балканской войны в ее пренебрежительном отношении к отрядам русского Красного Креста. Между тем без русской помощи, благодаря крайней бедности болгар в медицинском персонале и средствах, положение болгарских раненых было бы отчаянное. Еще хуже поступила королева Элеонора с теми значительными денежными суммами и пожертвованными вещами, кои поступали на ее имя из России. Все это выдавалось раненым якобы от ее имени. Откуда прибыли пожертвования – тщательно скрывалось. В своей слепой неприязни к России Элеонора дошла до того, что однажды на выраженное прибывшими в Болгарию русскими отрядами Красного Креста желание поскорее приступить к работе, сказала, не стесняясь присутствия русских: “Эти русские всегда и всюду суют свой нос; мало их били японцы, надо, чтобы их побили еще и китайцы”»[26].

Можно привести еще один довод софийских авторитетов. Так, командующий болгарскими войсками в Балканской и Первой мировой войнах, генерал Н. Жеков утверждал, что «Сан-Стефанская Болгария была разделена не в Берлине, а, напротив, в Лондоне»[27].

Прогерманские настроения Софии, подогреваемые победами немецкого оружия, гонения на русских подданных, отказ идти на союз с Антантой – все это, в конечном счете, вынудило российского самодержца сделать решительный шаг. 21 сентября 1915 г. отношения были разорваны. 6 октября Манифестом Николая II Болгарии объявлялась война. Сам Фердинанд при отъезде из Софии русского посланника Савинского сказал: «Даже если меня не будет в Болгарии, надо будет немало времени, чтобы построить мост через пропасть, образовавшуюся между Россией и Болгарией»[28]. На Балканах болгарские и сербские мужики, одетые в солдатские шинели, в очередной

раз были брошены в мясорубку войны, где успех сопутствовал наследникам царя Самуила. В газете «Мир» в декабре 1915 г. можно было прочесть такие строки: «Болгарский народ теперь сражается не за какой-нибудь далекий идеал; он не ищет завоеваний в чужих землях. Если он начал войну, то лишь затем, чтобы осуществить свое единство, собрать в границах одного государства всех сынов одной крови, одного племени, одной веры. В Заечаре и в Пироте, в Нише и в Лешковце (правильно – Лесковац. – *В. К.*), в Скопле (совр. Скопье. – *В. К.*) и в Куманове, в Велесе и в Прилепе, в Битоле и в Охриде, во всех этих только что освобожденных местностях бьется болгарское сердце, живут сыны болгарского народа»[29].

Эйфория побед настолько охватила Софию, что было решено переименовать храм-памятник Александра Невского (воздвигнут на средства болгарского народа в память царя-освободителя Александра II и всех сложивших свои головы на поле брани русских солдат за освобождение Болгарии) в собор свв. Кирилла и Мефодия. В то же время говорить о каком-то «девятом вале» русофобства нельзя. Так, 17 пехотный полк Доростольский Его Императорского Величества Великого князя Владимира Александровича и 3 конный полк Ее Императорского Величества Великой княгини Марии Павловны (жены младшего родного брата императора, находившейся в близких отношениях с матерью князя Клементиной) продолжали сохранять свои наименования. Болгарская пресса, резко нападая на царское правительство, высказывала «наилучшие чувства» русскому народу. (Народ – это святыня. Его нельзя трогать, он никогда и ни в чем не бывает виноват!) Лейтмотив многочисленных выступлений, заявлений был таков: «Болгария не желает воевать ни с кем... ни даже с Сербией, а только берет у Сербии то, что принадлежит болгарам по праву»[30].

Разрозненность поступавших в МИД депеш, отрывочность информации, напечатанной на скверной, чуть ли не оберточной, бумаге разных цветов, и в не менее скверной обстановке разваленной и преданной империи не позволяют представить целостную картину положения Болгарии и ее монарха. Революции в противоборствующих странах смешали все карты.

Царь Фердинанд отрекся от престола 3 октября 1918 г. в пользу своего сына Бориса, князя Тырновского. А с унич-

тожением самодержавия в России болгарские русофильство и русофобство утрачивали, казалось бы, свое политическое содержание. Время показало и показывает, что они имеют право на существование, пока живет великая Россия. Пожалуй, здесь только одно замечание: с уничтожением самодержавия русофобство «съеживается» – нет больше русской угрозы, да и сама Болгария после поражения в Первой мировой войне занята другими делами.

Сам русский вопрос все больше превращался в русский фактор.

Здесь можно напомнить и врангелевский заговор (1922 г.): тогда болгарские демократы установили контакт с врангелевцами, намереваясь привлечь их к борьбе с «земледельцами» (БЗНС) и коммунистами. Когда же заговор провалился, то именно А. Ляпчев выступил в защиту русских эмигрантов, заявив, что за свою политику репрессий против врангелевцев Стамболийский будет нести ответственность перед болгарским обществом[31]. Однако решало не «общество», а политики: в 1923 г. лидер БЗНС был зверски убит.

Если говорить о последующей истории Болгарии и русском вопросе/факторе, то надо сказать здесь о царе Борисе III, его видении этой сложной темы.

С одной стороны, он не хотел возвращать страну на старый путь болгаро-русского союзничества, даже если бы за это высказался и парламент[32]. Причины этой позиции заключались в убежденности царя, что Россия в свое время не только «играла» на стороне Сербии в македонском вопросе и не дала утвердиться Болгарии в Южной Добрудже, но и постоянно пыталась «втолкнуть» Болгарию в войну с Турцией, желая «дешево» добраться до Дарданелл[33]. В то же время Борис III не желал разрывать дипломатические отношения с СССР, по крайней мере, до окончательного поражения русских под Сталинградом и на Кавказе[34]. Он признавал, что в Болгарии «укоренено русофильство»[35]. Именно это и не позволяло Софии послать солдат на Восточный фронт.

И если в вопросе «войны и мира» между властью и народом были расхождения, то в области культуры такого не было: речь идет о русской эмиграции и ее вкладе в науку и культуру Болгарии. Многочисленные исследования болгарских и российских

историков убедительно показывают всю важность «русского фактора» во многих областях науки, техники, искусства.

Завершить свой краткий экскурс я бы хотел словами о том, что «русский вопрос» и «русский фактор» суть феномены, присущие и современным болгаро-российским отношениям. И мне хотелось бы верить, что культура все же будет доминировать в сознании и деятельности политиков, если они хорошо учили историю в школе.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Тодев И.* Граф Игнатиев и принципът за единство на православието // Исторически преглед. София, 1991. Кн. 7. С. 80.

[2] См.: *Степанова Л.И.* Вклад России в подготовку болгарской интеллигенции в 50–70-е гг. XIX в. Кишинев, 1981. С. 202–209.

[3] См.: *Генчев Н.* Франция в българското духовно възраждане. София, 1979. С. 240.

[4] *Леонтьев К.Н.* Собр. соч. М., 1912. Т. 5. С. 33–34.

[5] *Косев Д.* Новая история Болгарии. М., 1952. С. 292.

[6] См.: *Божинов В.* Земното кълбо не престава да се върти, ако ние и да спим. Разказ за живота на Андрей Ляпчев. София, 2006. С. 32.

[7] *Ламздорф В Н.* Дневник (1891–1892). М.- Л., 1934. С. 165.

[8] См.: *Божинов В.* Земното кълбо не престава да се върти. С. 41.

[9] Цит. по: *Мартыненко А К.* Русско-болгарские отношения в 1894–1902 гг., Киев, 1967. С. 129.

[10] *Бербенко К.* Политические партии в Болгарии. Прогрессивно-либеральная партия // Славянские известия. № 3. СПб, 1910. С. 222.

[11] *К. Д. Б.* Болгарское царство // Славянские известия. № 2. СПб, 1909. С. 214.

[12] *Сазонов С.Д.* Воспоминания. М., 1991. С. 120.

[13] Архив внешней политики Российской империи (далее – АВПРИ). Ф. Политархив. Д. 1351. Л. 123 об.

[14] Екзарх Стефан I Български. Документален сборник. София. 2003. С. 15–16.

[15] Там же. С. 19–20.

[16] *Калина И.* Из Болгарии (Болгарский нейтралитет) // Вестник Европы. 1915. № 2. С. 299.

[17] АВПРИ. Ф. Политархив. Д. 1353. Л.227 об., 232.

[18] Цит. по: *Айрапетов О.Р.* Балканы в стратегии Антанты и ее противников (1914–1918 гг.) // Новая и новейшая история. 2003. № 5. С. 194.

[19] Иностранное обозрение // Вестник Европы. 1915. № 11. С. 349.

[20] *Калина И.* Из Болгарии. С. 295–296.

[21] Там же. С. 293.

[22] *Айрапетов О.Р.* Балканы в стратегии Антанты и ее противников. С. 196.

[23] Там же. С. 197.

[24] Там же. С. 198; Иностранное обозрение // Вестник Европы. 1915. № 11. С. 350.

[25] АВПРИ. Ф. Политархив. Д. 1335. Л. 148.

[26] Записка бывшего военного агента в Софии Г.Д. Романовского о деятельности Фердинанда Кобурга, 1916 год /Публикация В.Б. Каширина/ // Вопросы истории. 2004. № 7. С. 7. Примечания. С. 9.

[27] Цит. по: *Kolanovih N.K.* Zagreb-Sofia Prijatelstvo po mjeri ratnog vremena 1941–1945. Zagreb – Sofia. 2003. С. 28.

[28] Записка бывшего военного агента в Софии. С. 7.

[29] Цит. по: *Соболевский А.И.* Славянство перед лицом войны // Славянские известия. № 2. СПб, 1916. С. 26.

[30] АВПРИ. Ф. Политархив. Д. 3779. Л. 68–79.

[31] См.: *Божинов В.* Земното кълбо не престава да се върти. С. 117–118.

[32] *Kolanovih N.K.* Zagreb – Sofia. Prijatelstvo po mjeri ratnog vremena. С. 19.

[33] Ibid. S. 40.

[34] Ibid. S. 20.

[35] Ibid. S. 36.

О.Н. Исаева*

РОССИЙСКАЯ ИМПЕРИЯ НА БАЛКАНАХ: ЦЕЛИ И ИТОГИ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ

Хорошо известно, что балканское направление на протяжении почти всего существования Российской империи занимало одно из главных мест в ее внешней политике. Балканы традиционно рассматривались Россией как зона ее важнейших интересов, связанных с обеспечением собственной безопасности и поддержания великодержавного престижа. Этот регион был конечной целью движения империи к «теплому морю». Все войны, которые Российская империя вела в течение XIX – XX веков (за исключением русско-японской войны 1904–1905 гг.) были связаны с достижением контроля над этим регионом, включая и Черноморские проливы, открывавшие выход в Средиземноморье. Но Балканы так и остались для имперской России недостижимой целью, сыграв роковую роль в ее исторической судьбе. В конечном счете, они стали для Российской империи капканом, ловушкой, выбраться из которой она не смогла.

Рассуждения о том, какие надежды влекли Россию в эту зону повышенного риска и каковы оказались результаты, – предмет настоящей статьи. Основой для нее послужили исследования балканской политики Российской империи, появившиеся в последнее десятилетие, а также архивные и опубликованные документы. Они дают возможность полнее и всестороннее определить национально-государственные интересы Российской империи на Балканах и степень их соответствия реальной политике в этом регионе.

Значение Балкан как зоны непосредственных интересов империи стало определяться во второй половине XVIII в., ког-

---

* Исаева Ольга Николаевна – кандидат исторических наук, доцент Саратовского госуниверситета.

да России после успешных войн с Османской империей удалось выйти к Черному морю и закрепиться на его северном побережье. Тогда же российским МИД был впервые озвучен тезис, что Россия не имеет территориальных претензий на Балканах. Это положение, многократно повторенное российской дипломатией, стало определенной константой ее политики[1].

С этого времени важнейшей задачей России стало установление благоприятного режима Черноморских проливов, что имело экономическое, политическое и военно-стратегическое значение. Обеспечить свободу мореплавания своему флоту через Босфор и Дарданеллы Россия стремилась в первую очередь путем установления политического доминирования на Балканах, через систему протекторатов и зон влияния. Выстраивая своеобразную «ось» внешнеполитических приоритетов на Балканах посредством создания и поддержки автономных образований, Россия ясно очерчивала направления своих интересов в регионе – выход к Средиземноморью – будь то Адриатика (здесь речь идет о действиях России конца XVIII – начала XIX вв.), или Константинополь и Босфор.

В литературе широко распространились представления о непреходящем намерении русских царей захватить Константинополь и Проливы. Однако следует отметить, что открыто правящие круги России никогда на них не посягали, хотя и называли контроль над ними «прекрасной мечтой», «национальным идеалом». Известная американская исследовательница Б. Елавич писала: «Несомненно, русское правительство с благодарностью приняло бы Константинополь, будь он преподнесен на блюдечке. Но приз не стоил того, чтобы ради него рисковать национальным существованием России»[2]. Помимо того, с точки зрения экономики, связанной с функционированием торговых путей, проблема Проливов фактически уже была решена Россией к XIX в.[3] Во всяком случае, судя по секретным разработкам проблемы Проливов, в начале XX в. в российском внешнеполитическом ведомстве мечтали о превращении Константинополя в «нейтрализованный и свободный город», никому не принадлежащий, но с русскими пушками на Босфоре[4].

Претензии России на ведущую роль в регионе обосновывались религиозной и этнической общностью русских с большинством населения полуострова, находящегося под властью

Османской империи. Эта общность способствовала трансформации традиционной имперской идеи верховного покровительства в освободительную миссию царизма по отношению к балканским христианам.

Религия, как известно, была главной духовной и культурной связью России и Балкан. Но концепция, подразумевавшая русское духовное и политическое господство над балканскими землями, никогда не принималась Константинопольской патриархией, где много было греков и румын. Поэтому во второй половине XIX в. значение православия в качестве связующего звена между Россией и балканским населением заметно ослабло. С этого времени и в политике, и в общественной мысли стал набирать силу фактор этнического единства, осознание славянской общности. Все идейно-политические течения, развивавшиеся на этой основе (панславизм, славянофильство, неославизм), отличали патернализм, убеждение в особой провиденциальной роли России.

Помимо идеологии важную роль в политике России на Балканах играл моральный фактор. Уникальное чувство родства с православно-славянскими народами Балкан заставляло все российское общество с искренним сочувствием и интересом относиться к положению и судьбам местного населения, защита которого воспринималась как нравственный долг, как дело чести. Причем если в XIX в. значительная часть общества, охваченная славянофильством, была увлечена мессианской идеей освобождения «единоверных и единокровных братьев» от турецкого ига, то к началу XX в. исторической миссией России стала считаться защита балканского славянства от германизма. Это фантомное представление о братстве со славянскими народами, живущими на Балканах, усиливалось в период международных кризисов.

Общепризнанным является тот факт, что Россия самым непосредственным образом приняла участие в процессе восстановления государственности балканских народов. Не жалея крови своих солдат и офицеров, Россия под знаменем защиты православия и славянства сыграла решающую роль в деле обретения греками, сербами, черногорцами, румынами и болгарами независимости. Наибольшие изменения на полуострове произошли в период Восточного кризиса 1875–1878 гг., на-

чавшегося восстанием боснийских сербов и болгар и завершившегося очередной и последней русско-турецкой войной 1877–1878 гг., вошедшей в историю как «освободительная». В результате победы русской армии в 1878 г. к единственному до того времени независимому греческому королевству прибавились сразу три суверенных государства – Сербия, Румыния и Черногория. А Болгария после пяти веков османского владычества обрела политическую автономию.

Вполне естественно, что Россия рассчитывала приобрести в лице освобожденных ею балканских народов благожелательных союзников и укрепить свои позиции на Балканах. Между тем хорошо известно, что Россия, вопреки своим ожиданиям, не обрела опоры в молодых балканских государствах, обязанных ей достижением своей независимости. Балканцы, охотно принимая русскую помощь для освобождения от османского ига, не проявляли склонности следовать в фарватере российской политики. Б. Елавич отмечает, что балканские лидеры, верно оценивая Россию как великую державу, от которой легче всего добиться помощи, пользовались ее военными и финансовыми ресурсами, но не хотели платить по счетам[5].

Российский историк Е.Ю. Гуськова на примере Сербии выявила следующую закономерность: когда помощь России имела облик благотворительности, отношения оставались на достаточно хорошем уровне, но как только Россия пыталась перевести ее в плоскость политического влияния, да еще сделать это влияние постоянным и прочным, Сербия сразу же вспоминала об альтернативности внешнеполитических отношений и пыталась избавиться от навязчивого покровителя[6]. История взаимоотношений России с Грецией, Болгарией, Румынией в XIX в. также подтверждает, что по мере роста самостоятельности последних наступало охлаждение, а то и отчуждение в российско-балканских отношениях. Причина этого крылась в проблеме совместимости концепций национально-государственных интересов Российской империи и молодых балканских стран.

Подводя итог русско-турецких войн XIX в. Б. Елавич считает, что за скудное вознаграждение Россия заплатила громадную цену, которую она, как отсталая страна, не могла себе позволить. Американская исследовательница неоднократно

указывает на то, что материальное положение балканского населения было намного лучше, чем у российского крестьянина, налоги которого поддерживали российскую армию, действовавшую на Балканах. Она же уподобила Россию храброму рыцарю, который вырвал деву (Балканы) из лап дракона (Османской империи), а красавица вместо благодарности устремилась к другому возлюбленному (Западу), обвинив спасителя в низменных побуждениях[7].

Балканские историки часто критикуют Россию за то, что она не помогала должным образом национально-освободительным движениям балканских народов, зачастую обманывая их надежды. Разбирая конкретные ситуации, российские исследователи отмечают, что порой трудно определить, где кончался обман и начинался самообман, так как балканские славяне зачастую переоценивали потенциал и возможности России. Они признают, что неадекватность оценки партнеров иногда была обоюдной, каждая из сторон ждала от другой большей помощи, чем та могла предоставить.

С.А. Романенко отмечает, что обе стороны для достижения своих целей часто апеллировали к славянской солидарности, вкладывая в это понятие свой смысл. Так, если на берегах Невы панславистские идеи воспринимались в качестве инструмента осуществления мессианской роли России на Западе, то сами славянские народы считали их средством обеспечения своих национальных интересов при содействии могущественной Российской империи[8].

После тяжелой русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Россия уже не находила в себе сил, чтобы активно и решительно влиять на судьбу балканских народов и была вынуждена ограничиться политикой сохранения статус-кво, которую балканские славяне не понимали и не принимали. Расхождения национально-государственных интересов молодых балканских монархий и их освободительницы – Российской империи – воспринимались в русском обществе в основном на эмоциональном уровне, как проявление «неблагодарности» славян и как следствие враждебных происков иностранных держав. После русско-турецкой войны 1877–1878 гг., которая стала и вершиной силовой балканской политики России, и ее самым горьким дипломатическим поражением, в русском обществе

началось четкое размежевание на тех, кто призывал к прагматизму и рационализму, и на тех, кто оставался сторонником традиционной, безоговорочной поддержки балканских славян.

Следует отметить, что попытки найти баланс между геополитическими, практическими соображениями и идеалистическими устремлениями, в которых на первое место выдвигалась идея защиты братьев по крови и вере, являлись константой во внешнеполитическом курсе России на Балканах. И в разные периоды времени соотношение между этими двумя факторами (прагматизмом и этноконфессиональными иллюзиями) было различным, доминировал то один, то другой фактор, что придавало российской политике на Балканах двойственность, отмечаемую всеми исследователями.

Историками подмечена также и другая особенность, характеризующая действия правительства и общественности в кризисных ситуациях, когда события на Балканах обязывали сделать выбор между долгом России (в общем понимании ее освободительной миссии) и долгом перед Россией, измученной внешними и внутренними неурядицами. Общественное мнение в нашей стране, как правило, перед войной оперировало первым постулатом, а после войны – вторым, правительство же действовало наоборот[9].

К концу XIX в. все балканские страны (за исключением Черногории) оказались в сфере влияния Запада. Основным соперником России на балканском пространстве выступала Австро-Венгрия, ухудшение отношений с которой приобрело необратимый характер, его не смогли изменить периоды вынужденного сотрудничества на почве тех же балканских конфликтов. Ситуацию, сложившуюся на полуострове на рубеже веков, в исторической литературе характеризуют как «оборонительную» для России и «наступательную» для империи Габсбургов. С усилением противоречий между этими двумя «наиболее заинтересованными в балканских делах державами» появились и первые признаки раскола Европы на два противоположных блока. Австро-Венгрия, по выражению О. Бисмарка, стала «часовым Германии на Балканах», а Россия с конца XIX в. стала сближаться с Францией.

В это время правящим кругам России, как впрочем, и балканских стран, предстояло определить стратегически важные

для страны цели – внешне- или внутриполитические. Современные исследователи отмечают, что культивируемый десятилетиями великодержавный «национальный идеал» уводил российских и балканских политиков в сторону от их важнейших действительно национальных задач – экономического и социально-культурного строительства своих государств[10].

Очень часто в работах по рассматриваемой теме отмечается явное несоответствие между важностью государственных задач и способностями людей, призванных к их решению. Печальная картина беспомощности российской дипломатии перед выпавшими на ее долю задачами была особенно явной в начале XX в., когда закончилось время региональной политики и наступила пора политики мировой. Оценивая внешнюю политику царской России начала XX в., большинство исследователей сходятся во мнении, что у правящих кругов не было согласованной и обоснованной внешнеполитической программы. Ее отсутствие восполнялось так называемыми «историческими задачами» на международной арене, в первую очередь, поддержанием великодержавного статуса в Европе и выполнением традиционной роли на Балканах, то есть осуществлением патронажа над славяно-православным миром[11].

Постоянно уделяя приоритетное внимание балканскому направлению своей политики, Российская империя не смогла получить здесь сколько-нибудь заметных выгод. Причин такого положения вещей много. Отметим главную, состоявшую в слабости экономических позиций России на Балканах. Опираясь на свою армию, Россия могла одерживать победы, когда речь шла о политическом преобладании на Балканах, но когда со второй половины XIX в. развернулась борьба за экономическое преобладание, она была обречена на поражение. Балканские исследователи часто пишут о недооценке Петербургом финансово-экономических рычагов воздействия на балканские страны. Они полагают, что Россия, имея возможность хотя бы частично удовлетворять потребности молодых государств региона, не спешила ее реализовывать, что вело их к внешнеполитической переориентации на Запад вообще и на центрально-европейские державы в частности[12].

Но не только экономические перспективы влекли балканскую элиту на Запад, ее, несомненно, привлекали и европейские

порядки: конституционный строй, парламентаризм, гласность, набор гражданских свобод. И чем дальше, тем больше царская Россия проигрывала своим конкурентам на почве экономического, политического и даже отчасти идеологического противостояния[13]. Росту популярности западных либеральных взглядов в конце XIX в. России нечего было противопоставить, кроме панславистских идей.

Способы, с помощью которых Россия в начале XX в. хотела сохранить свои позиции в регионе, чтобы обеспечить себе статус великой державы и защитить свои интересы, оказались неэффективными. Не имея возможности предотвратить усиление позиций на Балканах Австро-Венгрии, Петербург попытался договориться с Веной о компенсациях, чтобы сохранить баланс сил на полуострове между двумя империями. Тогдашний министр иностранных дел А.П. Извольский предложил своему австрийскому коллеге «честную сделку»: Боснию за Проливы. Речь шла о праве свободного прохода для русских военных судов через Черноморские проливы взамен согласия России на окончательное присоединение этой османской провинции к владениям Габсбургов. Но эта попытка раздела Балкан на сферы влияния привела к тяжелейшему Боснийскому кризису 1908–1909 гг. и стала для России «дипломатической Цусимой». Этот кризис наглядно продемонстрировал слабость России и разбил все ее надежды на равноправное партнерство с Австро-Венгрией на Балканах. По мнению О.Р. Айрапетова, «попытки осуществить ряд задач на Балканах и в Проливах путем уступок и компромиссов лишь ухудшили ситуацию и спровоцировали рост аппетитов среди политиков германо-австрийского блока»[14].

Столь же неудачной была и попытка России сплотить вокруг себя государства полуострова под лозунгом «Балканы для балканских народов», очень популярном на полуострове в начале XX в. Первоначально планировалось всебалканское объединение с участием Османской империи, что предполагало не только защиту полуострова от австро-германского проникновения, но и достижение сепаратного соглашения с Турцией наподобие Ункяр-Искелесийского договора 1833 г. Последний, как известно, обязывал Турцию закрывать по требованию России доступ в Проливы любым иностранным кораблям. Но в от-

личие от России, основывавшей свою политику на сохранении балканского статус-кво, молодые государства полуострова мечтали о захвате и разделе Македонии, Фракии и Албании, остававшихся под османским владычеством. Поэтому проект «балканской федерации» при участии Турции был с самого начала обречен на провал.

С.Д. Сазонов, сменивший в 1910 г. А.П. Извольского на посту министра иностранных дел, продолжил его курс. Он считал, что в «формуле “Балканский полуостров для балканских народов” вмещались стремления и цели русской политики, которая исключала возможность политического преобладания, а тем более господства на Балканах враждебной балканскому славянству и России иноземной власти»[15]. Но, в отличие от своего предшественника, Сазонов стремился к созданию исключительно южнославянского союза. Турцию, напуганную призраком русско-славянской коалиции, успокаивали объяснениями, что речь идет не о «панславизме», а о «неославизме», основанном на уважении существующих границ и развитии культурной и экономической общности всех славян, независимо от их подданства.

Плану Сазонова препятствовали серьезные разногласия между Сербией и Болгарией по поводу будущего македонских вилайетов, включавших в свой состав и Косово. Сербия с 1909 г. начала искать поддержки в Петербурге по вопросу создания в Македонии сфер влияния, подготавливая таким образом раздел области в будущем. Болгария же, претендуя на всю эту область, отвергала принцип формирования в Македонии зон влияния. Свои притязания София облекала в форму требования для Македонии автономии, рассчитывая со временем включить македонскую автономию в границы болгарского государства. Российская дипломатия, поставленная перед необходимостью урегулирования самой сложной на тот момент региональной проблемы, стремилась оттянуть окончательное решение судьбы Македонии. Она могла только рекомендовать Софии и Белграду полюбовно размежевывать спорную территорию на сферы культурного влияния при соблюдении сложившихся границ[16].

Весной 1912 г. в обстановке строжайшей секретности при содействии российских дипломатов был подписан сербо-бол-

гарский договор о дружбе и союзе, по условиям которого Болгария соглашалась признать принцип «сфер влияния» в Македонии, отвергаемый ею ранее. Вскоре к южнославянскому союзу присоединились Греция и Черногория, но вопреки ожиданиям России Балканский союз не превратился в инструмент мира и стабильности на полуострове. Союзники не скрывали, что в основе их соглашения лежит идея военных действий против Турции и раздела ее европейских владений. В качестве предлога для войны с Османской империей было использовано тяжкое положение населения в Македонии.

Стремясь не допустить войны на Балканах, Петербург испробовал все дипломатические средства, начиная от новых требований в адрес Порты провести реформы в Македонии и кончая угрозами членам Балканского союза. Россия обещала оставить их на произвол судьбы в случае военного поражения союзников, а в случае благоприятного исхода славяно-турецкого конфликта, казавшегося маловероятным, она угрожала непризнанием нового территориального положения на Балканах. Нужно отметить, что Россию в то время одинаково пугали как возможное поражение союзников, так и перспектива их победы, ибо в любом случае это вовлекало ее в крупномасштабный конфликт, основанный не только на борьбе славянства с исламом, но и с германизмом, к которому империя не была готова[17].

Осенью 1912 г. войска Балканского союза начали войну и за три недели боевых действий нанесли турецким армиям сокрушительное поражение, освободив почти всю европейскую часть Османской империи. Неожиданный успех союзников в борьбе со своим вековым угнетателем заставил заговорить о «славянском чуде». Впечатляющие победы болгар во Фракии, сербов и греков в Македонии и Албании обусловили сдвиг в позиции России. Царизм увидел в победах балканских союзников новые для себя перспективы и первым среди великих держав высказался за пересмотр границ, установленных Берлинским трактатом 1878 г. Русская дипломатия взяла на себя защиту территориальных требований союзников и в нарушение всех прежних деклараций стала требовать изменения статус-кво, основываясь на «праве фактического завоевания» балканских стран. Перелом в политике был также обусловлен стремительно распространившимися в обществе настроения-

ми «легкомыслия, неосведомленности и самомнения темного национализма»[18]. От правительства стали настоятельно требовать поддержки Балканского союза, многим казалось, что территориальное расширение славянских стран будет способствовать возрастанию роли России в регионе и решению ее «исторических» задач[19].

На мирных переговорах, начавшихся в Лондоне в конце 1912 г., России как защитнице славянских интересов пришлось вступить в острую борьбу с Австро-Венгрией, активно поддержавшей проект создания нового албанского государства. Вена хотела максимально расширить границы Албании за счет славянских территорий и создать таким образом свой новый плацдарм на Балканах. С огромным трудом двум империям удалось достичь компромисса. Его суть заключалась в том, что России пришлось согласиться на создание самостоятельной Албании, но последняя лишалась значительных территорий, которые отошли Сербии и Греции.

Если албанская проблема усилиями великих держав с трудом была решена, то проблема территориального разграничения Македонии, отданная на откуп союзникам, не находила позитивного решения. Опьяненные своими победами, союзники проигнорировали все предложения России о мирном разрешении спорных вопросов и летом 1913 г. вступили в новую кровопролитную войну. Эта межсоюзническая война показала уже не в первый раз, как мало в балканских столицах считались с позицией Петербурга, если не видели явной для себя выгоды. Балканские монархии, действуя зачастую против воли России, продемонстрировали свою самостоятельность и тем самым похоронили иллюзию о ведущей роли России в славянском мире. В огне братоубийственной межсоюзнической войны окончательно сгорел и миф о «славяно-православном братстве». Другим не менее печальным итогом балканской кампании 1912–1913 гг. был распад Балканского союза, в котором Россия видела мощное орудие против австро-германской экспансии.

Уроки балканских войн 1912–1913 гг. наглядно продемонстрировали анахронизм доктрины славянской взаимности, а также противоречия между национальными интересами Российской империи и балканских государств. Это заметно усилило борьбу между традиционализмом прежних этноконфес-

сиональных исторических оценок Балкан и новациями при формулировке национальных интересов России[20]. Многими отечественными политиками и военными была осознана необходимость отхода от православно-славянофильской основы балканской дипломатии, замены ее прагматическими, геополитическими видениями интересов Российской империи на фоне усиления конфронтации между великими державами[21].

Но события на Балканах летом 1914 г., порожденные терактом в Сараево, вновь побудили правителей России вспомнить о своей исторической миссии в отношении славянства. Россия выступила против Германии и Австро-Венгрии под лозунгами «кровного» славянского и религиозного единства и защиты «братьев». Вступив в мировую войну, Россия, по словам отечественных военных историков, «в последнюю минуту своего исторического бытия великой империи спасла маленькую Сербию от уничтожения, оставив ей радость победы и заботы государственного строительства»[22].

Как показывает история российско-балканских отношений XIX-начала XX вв., соображения идеологического и морального характера очень часто вступали в противоречие не только с великодержавными устремлениями, но и с российскими национально-государственными интересами, что лишало внешнюю политику империи устойчивого и прагматического характера. Стремление поддержать великодержавный статус на Балканах становилось для России тяжким бременем и свидетельствовало о притуплении у правящей элиты инстинкта самосохранения. Ее великодержавные претензии не соответствовали реальным силам и возможностям страны, что и привело к национальной трагедии и крушению Российской империи.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] История внешней политики России. Вторая половина XIX в. (от Парижского мира 1856 г. до франко-русского союза). М., 1997. С. 175, 195; Геополитические факторы во внешней политике России. Вторая половина XVI – начало XX века. М., 2007. С. 95–98.

[2] *Jelavich B.* Russia`s Balkan Entanglements. 1806–1914. Cambridge, 1991. P. 203.

[3] *Орешкова С.Ф., Ульченко Н.Ю.* Россия и Турция: проблема формирования границ. М., 2006. С. 174–175.

[4] *Михайловский Г. Н.* Записки. Из истории российского внешнеполитического ведомства. 1914–1920: в 2-х книгах. Кн. 1. М., 1993. С. 85.

[5] *Jelavich B.* Russia`s Balkan Entanglements. P. 197–198.

[6] *Гуськова Е.Ю.* Балканы в планах России в первой половине XIX века: территориальная экспансия, политическое влияние или благотворительность // Югославянская история в новое и новейшее время. М., 2002. С. 80–81.

[7] *Jelavich B.* Russia`s Balkan Entanglements. P. 183–185.

[8] *Романенко С.А.* Югославия, Россия и «славянская идея». Вторая половина XIX – начало XXI века. М., 2002. С. 59–62.

[9] *Bitis A.* Russia and the eastern question, army, government and society. 1815–1833. Oxford, 2006. P. 488–491; см. также: *Хевролина В.М.* Власть и общество. Борьба в России по вопросам внешней политики.1878–1894 гг. М., 1999.

[10] Человек на Балканах. Социокультурные измерения процесса модернизации на Балканах (середина XIX – середина XX в.). СПб., 2007. С. 11.

[11] *Дегоев В.В.* Внешняя политика России и международные системы: 1700–1918 гг. М., 2004. С. 383.

[12] См.: *Стоименов Н.* Неубедителната търговско-финансова политика на Русия в България (1905–1910) // България и Русия през XX век. Българо-руски научни дискусии. София, 2000. С. 22–29; *Шаренкова С.* Болгария — Россия. Исторический очерк. София, 2004. С. 67–68.

[13] *Виноградов В.Н.* Балканская эпопея князя А.М. Горчакова. М., 2005. С. 211.

[14] *Айрапетов О.Р.* Внешняя политика Российской империи (1801–1914). М., 2006. С. 623.

[15] *Сазонов С.Д.* Воспоминания. М., 1991. С. 58–59.

[16] Архив внешней политики Российской империи. Политархив 1909. Д. 2780. Л. 28–30.

[17] Материалы по истории франко-русских отношений за 1910–1914 годы. Сб. секретных дипломатических документов. М., 1922. С. 289.

[18] *Милюков П.Н.* Воспоминания. М., 1990. Т. 2. С. 94–95.

[19] *Jelavich B.* Russia`s Balkan Entanglements. P. 228.

[20] См.: *Улунян АрА.* Геополитические взгляды российской правящей элиты на Балканский регион с конца XIX века до 90-х гг. XX века (проблемы исторической политологии) // Человек на Балканах в эпоху кризисов и этнополитических столкновений XX в. СПб., 2002. С. 263.

[21] *Романенко С.А.* Югославия, Россия и «славянская идея». С. 68.

[22] *Васильева Н.В., Гаврилов В.А., Миркискин В.А.* Балканский узел, или Россия и «югославский фактор» в контексте политики великих держав на Балканах в XX веке. М., 2005. С. 62.

Н.С. Гусев*

ИДЕЯ, ЗА КОТОРУЮ СРАЖАЛИСЬ БОЛГАРЫ В 1912–1913 гг. (ПО СВИДЕТЕЛЬСТВАМ СТОРОННИХ НАБЛЮДАТЕЛЕЙ)**

Осенью 1912 г. Болгария, Сербия, Греция и Черногория сообща выступили в войне против Турции – началась Первая балканская война, вызвавшая горячий отклик в России. Действия балканских союзников многим казались завершением «русского дела» по освобождению полуострова от власти османов. Громкие победы над войсками султана вызвали в прессе обилие панегириков славянским солдатам и, прежде всего, болгарам. Воспевались не только их выучка и знания, но и та самоотверженность, с которой они шли в бой или переносили тяготы войны.

Понимание в России важности именно фракийского театра военных действий объясняет присутствие в Болгарии значительного числа военных корреспондентов. Некоторые из них оставили подробные путевые заметки, тем самым подарив будущим исследователям ценный исторический источник. Одни, как Л.Д. Троцкий, не были допущены близко к линии фронта, но смогли общаться с солдатами тыловых частей и находившимися в госпиталях; другие, как Вас. И. Немирович-Данченко, Н.П. Мамонтов, В.Н. фон Дрейер, А.А. Пиленко и Е.Н. Чириков, получили возможность побывать вблизи театра военных действий, осмотреть только что освобожденные земли. Стоит отметить, что книги этих корреспондентов привлечены и изучены историками довольно слабо, в отличие от статей Л.Д. Троцкого[1], что, видимо, объясняется известностью лич-

---

* Гусев Никита Сергеевич – кандидат исторических наук, научный сотрудник Института славяноведения РАН.

** Статья написана при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда, проект № 15-31-01003а1.

ности последнего и интересом к ней. Однако именно в них зафиксированы крайне важные особенности настроений болгар в 1912–1913 гг. Важно отметить, что авторы наблюдали народ не из окна поезда, увидели не выставочного парадно-лубочного болгарина, как правило, предъявляемого мировому общественному мнению, а реального жителя страны, постарались донести до читателя его подлинные мысли и чаяния. К тому же, представители русской печати оказались в более выгодном положении, нежели их европейские коллеги, в силу отсутствия языкового барьера. Это приводило даже к использованию их болгарским руководством в качестве переводчиков при проведении «экскурсий» для журналистов по местам зверских расправ турецких войск с мирным населением[2].

Дополненная сведениями, поступавшими от русских добровольцев, корреспонденция сотрудников петербургских, московских и киевских газет дает возможность попытаться понять причины, по которым болгарский солдат шел безропотно на смерть и был готов перенести любые мучения.

* * *

Корреспондент журнала «Заветы» Ст. Вольский утверждал, что за время, прошедшее с Освобождения страны в 1878 г., болгарин изменился мало. За одним исключением: «Он успел проникнуться национальной идеей. Он идет умирать, не задумываясь, он отдает в жертву “Великой Болгарии” себя и своих детей»[3]. Что же подразумевал журналист под этим понятием? Самым простым объяснением были бы его социалистические убеждения, согласно которым война суть плод пропагандистской «обработки» населения, прививка чуждых ему идей. Однако это не снимает вопроса о том, что же включала в себя идея «Великой Болгарии».

Традиционно программу болгарского национального объединения связывают с границами Сан-Стефанской Болгарии. Отчасти это объясняется восприятием этого договора в России, где отношение к нему чаще всего однозначно-категоричное – православный царь освободил единокровный и единоверный народ, но коварный Запад, исходя из своих корыстных и циничных соображений, не позволил осуществить это в пол-

ной мере, тем самым прервав естественное развитие болгар и лишив Россию заслуженной победы. Эта точка зрения, восходящая к знаменитой речи И.С. Аксакова в московском Славянском благотворительном обществе, остается доминирующей и в наши дни – достаточно заглянуть в отечественные учебники истории. Тем не менее, в науке встречаются и иные суждения, например, оценки В.Н. Виноградова, указывающего, что данный договор не мог быть претворен в жизнь не только из-за позиции великих держав, но «и из-за отвержения его большинством балканских государств»[4].

В Болгарии день подписания этого документа (3 марта по григорианскому календарю) является государственным праздником, а саму Сан-Стефанскую Болгарию известный историк Ив. Илчев назвал даже «священной коровой болгарского патриотизма»[5]. Но насколько эта более поздняя оценка соответствовала умонастроениям болгар в период войн за национальное объединение? Имела ли она в каком-либо виде распространение и значение в 1912–1913 гг.? Русские очевидцы, находившиеся в стране в это время, зафиксировали следующие высказывания.

Доброволец В.С. Везенков в Софии встретил болгарского газетчика, ему заявившего: «Довольно работал на себя! Теперь поработаю для наших македонских братьев!.. Наконец-то пришел и этот день!»[6]. Русский офицер болгарского происхождения И.Г. Пехливанов писал, что «сознание необходимости ведения войны с Турцией за *освобождение зарубежных братьев*» (курсив наш. – *Н.Г.*) породило у населения интерес к военному делу[7], т.е. именно эта идея обусловила отношение к войне. Вторил им приват-доцент Санкт-Петербургского университета, будущий советский академик Н.С. Державин в просветительской брошюре, вышедшей сразу после Балканских войн: «Идея культурно-национально-политического объединения болгарского народа – вот та идея, которой Болгария обязана своим возрождением, своею политической свободой, успехами культурного развития, своими, наконец, блестящими победами»[8].

Объединение народа, освобождение соплеменников логически было связано с присоединением определенного ре-

гиона: «Нужно быть в Болгарии, чтобы понять, что такое для каждого болгарина Македония», – констатировал доброволец капитан Самосеев[9]. В госпитале раненый болгарин говорил Л.Д. Троцкому: «Даст Бог, жив и здоров буду, опять пойду турок бить. Довольно им смердеть в Македонии»[10]. Таким образом, цель войны 1912 г. локализовалась, прежде всего, в этом конкретном регионе. О землях Фракии практически не упоминалось.

Однако обе отмеченные корреспондентами и добровольцами цели – Македония и соплеменники – не имели четкой дефиниции, карты с очерченными границами. Болгарские крестьяне стремились туда, где проживали их соплеменники. Под Чаталджой дух солдат был поколеблен не только холерой и усталостью – они оказались на территории, населенной греками, считавшими болгар варварами. Изменения настроений там отметил капитан Самосеев: «Действительно, идея, за которую с радостью шли на смерть, была изжита»[11].

Но неужели эти слова вовсе не звучали? Вас.И. Немирович-Данченко вспоминал, как ночью у костра солдаты рассуждали о Берлинском конгрессе, Бисмарке и Сан-Стефанском договоре. «Вот в такие минуты, понимаешь, что это за великая мощь: хотя и четырех с половиною миллионный народ, но свободный, грамотный и вооруженный, несущий вслед за победою великие блага вольности и независимости рабству и угнетению», – выразил писатель свои впечатления от услышанного[12]. При большой склонности Вас.И. Немировича-Данченко к патетике солдатская беседа не привела его к выводу о роли Сан-Стефано в мотивации болгарских воинов.

От солдат и офицеров очевидцы не слышали сакрального словосочетания «Сан-Стефанская Болгария», поскольку она в полном соответствии с буквой договора 19 февраля (3 марта) 1878 г. не отвечала притязаниям страны в 1912–1913 гг. В границы, очерченные графом Н.П. Игнатьевым, входил Пирот, уже ставший сербским в 1878 г., за их пределами оставались Адрианополь с Демотикой и прочими населенными пунктами. О значимости этих территорий не с точки зрения стратегии и политики, а в связи с пониманием географии расселения соплеменников можно судить хотя бы по первой

букве «О» в аббревиатуре «ВМОРО» (Внутренняя македонско-одринская* революционная организация) – названии организации, ставившей своей целью объединение болгарских земель с применением любых, в том числе и террористических, методов.

Интересно сопоставление восприятия национального идеала с мотивацией сербов в то же время. Один из офицеров говорил Л.Д. Троцкому: «Когда солдаты вышли на Косово поле, очень воодушевились. Я удивился даже. Косово, Грачаница – эти имена переходили из поколения в поколение, повторялись несчетно в песнях народных. Солдаты стали все спрашивать, скоро ли придем в Бакарно Гувно, – это под Прилепом. Оказывается, там была некогда крайняя граница старого сербского королевства; я, признаться, и не знал этого»[13].

Как отмечает отечественный историк М.В. Белов, базовая идеологическая модель в Сербии складывалась на протяжении XIX в. и была намечена в 1804 г. в ходе Первого сербского восстания, окончательно же оформилась в 1889 г. на мероприятиях, посвященных 500-летию Косовской битвы[14]. О ее восприятии и усвоении сербским обществом говорит тот факт, что в 1912 г. солдаты, освободившие Приштину, падали на легендарную землю и целовали ее[15]. Используя предложенное Б. Андерсоном понятие[16], у сербов имелась символическая карта-логотип, изображение границ национального идеала, тиражируемое в сознании граждан. У болгар же национальный идеал, как показано выше, заключался в воссоединении с Македонией и македонскими соплеменниками. Однако указать на карте точные пределы Македонии и границы проживания македонских братьев представлялось трудной задачей. У болгар не оказалось под рукой такого четкого образца, как границы царства Душана Сильного у сербов. В результате этого отсутствовал консенсус в принятии отправной точки для построения национального идеала .

Болгарский исследователь Ст. Влахов-Мицов считает, что в этом на помощь болгарам пришли русские дипломаты, со-

* Одринско – болгарское название Адрианополя и прилежащих к нему территорий.

здавшие Сан-Стефанскую Болгарию, которой потребовалось не менее двух десятилетий, чтобы приобрести национальное звучание и «поступить» на болгарскую государственную службу[17]. Однако к 1912 г. из представления о Сан-Стефанских границах «выпали» многие территории, одновременно в них были включены новые территории. В итоге восприятие контуров Сан-Стефанской Болгарии во время Балканских войн уже значительно отличалось от того, что в действительности предполагалось дипломатами в 1878 г. Ее неизменным ядром осталась лишь Македония, ставшая мостом между началом освобождения болгар в 1877–1878 гг. и окончанием этого в 1912–1913 гг.

По этой причине много говорилось о «продолжении русского дела на Балканах», «деле царя-освободителя», причем еще до официального объявления войны. В самом конце июля газета «Мир» сообщала о визитах деятелей русской культуры на места боев за Плевну, приводя их записи в журнале посещений[18]. А буквально за несколько дней до перехода болгарской армии через турецкую границу были опубликованы воспоминания о юбилейных торжествах, посвященных боям за Шипку и Шейново и прошедшим в 1902 г.[19], т.е. за 10 лет до выхода в свет номера газеты. В результате этих актов коммеморации солдаты и офицеры чувствовали себя продолжателями дела русских воинов, впоследствии зачастую сравнивали свои военные успехи с их победами[20]. О «деле царя-освободителя» Александра II также упоминал и царский манифест об объявлении войны.

Размышляя о мотивации действий болгарского солдата, нельзя упускать из виду и такой ее компонент, как настроения мщения.

8 (22) октября 1912 г. газета «Мир» напечатала стихотворение К. Христова «Убивай»:

Желанный день настал,
Началась борьба,
Убивай! Наш черед!
Выходи на дорогу! Вперед!
Пять веков лютых мук –

Ненавистных! Неслыханных!
Убивай! Жалости не знай![21].

И подобные настроения отмечали все очевидцы, в том числе военные корреспонденты.

«Говорят, нет ничего опаснее раба, расковавшего свои цепи и в остервенении вымещающего вековую злобу», – считал Н.И. Гасфельд[22]. Вторил ему Н.П. Мамонтов: «Страшна... месть освобожденного от пятивекового кошмара многострадального населения»[23]. «Народные песни, былины, предания Сербии и Болгарии проникнуты одним доминирующим мотивом: ненавистью к поработителю», – писал Ст. Вольский[24].

Болгары объясняли свои настроения Е.Н. Чирикову: «Наша война исключительная: сошлись два исконных врага... Ведь помимо исторической вражды, успевшей всосаться в плоть и кровь с материнским молоком, наши дети со школьной скамьи в течение долгих лет уже воспитывались на мечте об окончательном счете с вековечным врагом»[25].

Л.Д. Троцкий считал, что настроения мщения пронизывали несколько пластов народного сознания. В восприятии болгар, на его взгляд, воедино слились и вчерашний насильник над ними, и сегодняшний – над македонцами, и причина необходимости содержать большую армию. «Война обещала болгарским народным массам покончить, наконец, с турецким прошлым и с турецким настоящим»[26], – писал будущий наркомвоенмор.

Результатом этого стало то, что далеко не всегда болгары демонстрировали толерантное отношение к противнику, как во время боя, так и после его сдачи в плен. Русская печать старалась не придавать это широкой огласке[27], но Е.Н. Чириков на основе увиденного пришел к выводу: «Вообще эту войну приличнее называть войной мести, чем идеализировать ее поэтическими эпитетами “борьбы за освобождение братьев”»[28].

«Выпустив пар» в первых схватках, болгарские войска подошли к Чаталдже усталыми и обескровленными, а боевые действия весны 1913 г. оказались вялотекущими. Именно в это время стали поступать известия о притеснениях сербами болгарского населения Македонии, о чем официальная София

сообщала не только своим гражданам, но и старалась информировать мировую общественность*. Белград начал настаивать на изменении условий раздела земель, ради которых болгарский солдат проливал кровь. И Вторая балканская война стала также войной мщения. Корреспондент В.Н. фон Дрейер, считавший, что «простому крестьянину, не зараженному, подобно горожанину, политикой, чужда и непонятна была эта надвигающаяся братоубийственная резня»[29], ошибался – болгарина известили о новом «рабстве» македонских братьев. И он собирался мстить, но не столько за насилие и жестокость над соплеменниками, сколько за саму попытку сербов лишить его главной цели начатой в 1912 г. вооруженной борьбы с турками. И потому истощенные войска сумели найти силы для нового наступления, теперь уже на сербов, но надолго их не могло хватить.

Военные поражения Болгарии, Бухарестский мирный договор стали «первой национальной катастрофой», и за упущенную и поруганную мечту о Македонии болгары собирались в будущем расквитаться. В манифесте о демобилизации в 1913 г. царь Фердинанд открыто заявил, что «истощенные и уставшие, но не побежденные, мы должны свернуть свои славные знамена до лучших времен», и призвал своих подданных: «Рассказывайте вашим детям и внукам о доблести болгарского солдата и готовьте их к завершению однажды начатого вами славного дела»[30]. Поэт Л. Бобевски в то же время написал стихотворение «Союзники-разбойники», которое композитор И. Скордев положил на маршевую музыку:

---

* К примеру, таким каналом информации в России был П.Н. Милюков. В январе 1913 г. он посетил Балканы, и болгары ему передали тетрадь с записями, негативно характеризующими поведение сербских войск и администрации в Македонии. В Салониках лидер кадетов показал часть информации, касавшейся г. Битолы, сербскому посланнику в Греции Живоину Балугджичу. Тот не замедлил сообщить об этом премьер-министру Сербии Н. Пашичу, добавив, что, несомненно, тетрадка была получена из официальных болгарских источников (См.: Сръбските интриги и коварства срещу България (1804–1914). София, 2009. С. 406). Но и позднее Милюков получал сведения о страданиях болгар – профессор Иван Шишманов и его супруга регулярно сообщали ему об этом в своих письмах (См.: *Чернявский Г. Дубова Л.* Милюков. М., 2015. С. 254).

Союзники-разбойники,
Коварны, подлы, без стыда,
Обобрали нас, ограбили
Храм нашего Отечества!
И план ваш сатанинский,
Сброд подлый и завистливый,
Помните, мы не простим
И люто отомстим![31].

Поэтому не удивительно, что приехавший после войны в Болгарию журналист В.В. Водовозов заметил, что, действительно, вся страна «дышит мыслью о реванше»[32]. В 1912 г. Вас.И. Немирович-Данченко мог писать, что «медовый месяц Балканского союза еще продолжается», солдаты меняются шапками, братаются. «Неужели это те же, которые убивали друг друга под Сливницей?.. Растет и крепнет славянское дело», – констатировал он[33]. А уже в феврале 1915 г. сотрудник «Вестника Европы» И. Калина, находясь в Болгарии, отметил совершенно иные настроения: «Не подлежит сомнению, что озлобление против сербов здесь очень велико. Болгарин, вообще, умеет ненавидеть. Но серба он ненавидит особенно страстно... Не только болгарский политикан-интеллигент, но и рядовой болгарский крестьянин не захочет добром протянуть руку “коварному соседу”, которого он обвиняет чуть ли не во всех своих несчастиях последнего времени»[34].

Причиной подобного изменения отношения к соседу, на наш взгляд, стало не нарушение сан-стефанских границ. Сан-Стефанская Болгария к тому времени стала символом, редуцированным до Македонии и мест проживания соплеменников. Именно они были тем самым «храмом Отечества» из стихотворения Л. Бобевского и идеей, за которую болгары были готовы проливать кровь в 1912–1913 гг.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Нюркаева А.З.* Балканы во взглядах Троцкого. Пермь, 1994; *Станчев М., Чернявский Г.* Л.Д. Троцкий, Болгария и болгары. София, 2008; *Todorova M.* War and Memory: Trotsky's War Correspondence from the Balkan Wars // Perceptions: Journal of International Affairs. Vol. XVIII. № 2

(Summer 2013); *Шемякин А.Л.* Л.Д. Троцкий о Сербии и сербах (военные впечатления 1912–1913 гг.) // Историки-слависты МГУ: Кн. 9. В.А. Тесемников. Исследования и материалы, посвященные 75-летию со дня рождения В.А. Тесемникова. М., 2013; *Гришина Р.П.* Военные корреспонденты Васил Коларов и Лев Троцкий о Балканских войнах 1912–1913 гг. // Славяне и Россия: славянские и балканские народы в периодической печати. К 90-летию со дня рождения А.А. Улуняна. М., 2014.

[2] *Мамонтов Н.П.* С болгарскими войсками от Балкан до Чаталджи. М., 1913. С. 123.

[3] *Вольский Ст.* Письма с Балкан. Письмо второе // Заветы. 1913. № 2. С. 173.

[4] *Виноградов В.Н.* Балканская эпопея князя А. М. Горчакова. М., 2005. С. 270.

[5] *Илчев И.* Митът за Сан Стефанска България като «свещена крава» на българския национализъм // История. 1996. № 1; Перевод: *Илчев И.* Миф о Сан-Стефанской Болгарии как «священной корове» болгарского патриотизма // *Гришина Р.П.* Лики модернизации в Болгарии в конце XIX – начале XX века (Бег трусцой по пересеченной местности). М., 2008. С. 246–254.

[6] *Везенков В.* Македония и причины Балканской войны. Б.м., б.г. С. 95.

[7] Цит. по: *Ганин А.В.* И.Г. Пехливанов – один из первых историографов Первой балканской войны // Модернизация vs. война. Человек на Балканах накануне и во время Балканских войн (1912–1913). М., 2012. С. 397.

[8] *Державин Н.С.* Болгаро-сербские взаимоотношения и македонский вопрос. СПб., 1914. С. 8.

[9] Государственный архив Российской Федерации (далее – ГА РФ). Ф. 555. Оп. 1. Д. 473. Л. 54.

[10] *Троцкий Л.* Перед историческим рубежом. Балканы и Балканская война. СПб., 2011. С. 139.

[11] ГА РФ. Ф. 555. Оп. 1. Д. 473. Л. 54.

[12] *Немирович-Данченко ВасИ.* Собрание сочинений. Т. XIV. СПб., 1913. С. 175.

[13] *Троцкий Л.* Перед историческим рубежом. С. 92.

[14] *Белов М.В.* Актуальность героического прошлого: история и политика в предвоенной Сербии // Модернизация vs. война. С. 92.

[15] *Милосављевић Б.* Балкански ратови // Летопис Матице српске. Књ. 491. Свеска 3. Март 2013. С. 262.

[16] *Андерсон Б.* Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М., 2001. С. 193.

[17] *Гришина Р.П.* Конституционная монархия в Болгарии и ее подданные // Человек на Балканах. Государство и его институты. СПб., 2006. С. 146.

[18] Мир. 28 юли, 8 август 1912 г.

[19] Там же. 2 октомври. 1912 г.

[20] *Гусев Н.С.* Образ России и русских в сознании болгар в период Балканских войн 1912–1913 гг. // Дриновски сборник / Дриновський збірник. Т. VI. Харьков-София, 2013. С. 170–172.

[21] Мир. 8 октомври 1912 г.

[22] *Шевалье Н.* Правда о войне на Балканах. СПб., 1913. С. 77.

[23] *Мамонтов Н.П.* С болгарскими войсками от Балкан до Чаталджи. С. 66.

[24] *Вольский Ст.* Письма с Балкан // Русские о Сербии и сербах. Т. 1: Письма, статьи, мемуары. СПб., 2006. С. 537.

[25] *Чириков Е.Н.* Поездка на Балканы. С. 59.

[26] *Троцкий Л.* Перед историческим рубежом. С. 142.

[27] *Вольский Ст.* Письма с Балкан. Письмо второе. С. 166–167; *Троцкий Л.* Перед историческим рубежом. С. 206–208.

[28] *Чириков Е.Н.* Поездка на Балканы. С. 142.

[29] *Дрейер В.* Разгром Болгарии. Вторая Балканская война 1913 г. С 11 схемами в приложении, схемой и таблицей в тексте и 22 фотографиями. Издание второе. СПб., 1914. С. 10.

[30] Цит. по: *Янчев В.* Армия, обществен ред и вътрешна сигурност между войните и след тях. 1913–1915. 1918–1923. София, 2004. С. 29.

[31] 100 години Балкански войни. Антология. София, 2012. С. 112. URL: http://www.nationallibrary.bg/fce/001/0016/files/100%20godini%20ot%20balkanskite%20voini.pdf (Дата обращения: 31.01.2016).

[32] *Водовозов В.* На Балканах // Современник. 1913. № 8. С. 313.

[33] *Немирович-Данченко Вас. И.* Собрание сочинений. Т. XV. СПб., 1913. С. 102.

[34] *Калина И.* Из Болгарии (Болгарский нейтралитет) // Вестник Европы. 1915. № 2. С. 294.

П. Пейковска*

РУССКАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ В БОЛГАРИИ В 20-е ГОДЫ XX в.: СОЦИАЛЬНО-ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ СТРУКТУРА

В историографии русской белой эмиграции устоялась точка зрения, что этот эмиграционный поток «унес» с собой из России цвет русской интеллигенции. С другой стороны, неоспоримым фактом является то, что русская эмиграция влила свежую струю в интеллектуальную жизнь Европы, а ее творческое присутствие дало новые импульсы развитию европейской науки и культуры[1]. Благодаря этому исключительному вкладу русская эмигрантская интеллигенция стала объектом усиленного интереса исследователей не только в России, но и в странах, принявших эмигрантов. Особенно велик этот интерес в Болгарии, где в начале 1920-х гг. слой интеллигенции находился еще в процессе формирования, причем в незавидных условиях[2]. Существовала лишь малочисленная группа творческой интеллигенции (писатели, публицисты, ученые), а главными действующими лицами интеллектуальной жизни являлись учителя, священники, недостаточно образованные чиновники[3]. Характерные для передовых стран интеллигентские свободные профессии были представлены слабо, мало имелось и занимающихся ими как частной практикой. Внимание болгарских исследователей целиком обращено на тех представителей русской эмигрантской интеллигенции в Болгарии, которые оставили там яркий след, а ее основная масса осталась вне поля зрения историков.

Изучение русской эмигрантской интеллигенции в Болгарии предполагает ясность в отношении понятия «интеллиген-

---

* Пейковска Пенка – доктор исторических наук, доцент Института исторических исследований БАН.

ция». Оно исторически изменчиво, а его критерии и подходы к нему различны. В настоящем исследовании мы исходим из социологического подхода к данному понятию и рассматриваем интеллигенцию как общественную прослойку, состоящую из людей, профессионально занимающихся умственным трудом (который, в свою очередь, требует наличия высшего или хотя бы среднего образования).

В данной работе мы исследуем русскую интеллигенцию в Болгарии посредством анализа специфического статистического исторического источника, который до сих пор находился вне поля зрения исследователей – переписей населения Болгарии за 1920 и 1926 гг. Содержащаяся в них статистика позволяет дать глубокую и всестороннюю количественную характеристику участия интеллигенции в различных отраслях, подотраслях, группах профессий и отдельных видах экономической деятельности, а также проанализировать ее социальную структуру, определить роль и место женщин в трудовом процессе и в обществе. Однако вышеупомянутые болгарские переписи содержат статистические данные лишь об экономически активной части русской эмигрантской интеллигенции, т.е. обо всех лицах, непосредственно занимавшихся профессией, приносившей доход, или ремеслом, при этом они отражают лишь основное занятие анкетируемого. Тут необходимо специально отметить, что обязанности замужних женщин по дому считались не приносящими доход, и, соответственно, их домашний труд определялся как «неэкономический». Кроме них, из экономически активной части русской интеллигенции в Болгарии исключались и другие члены семьи, занимавшиеся домашней работой, лица, живущие на доходы от движимого и недвижимого имущества, а также те, кто имел профессию, не связанную с производством, или не указал свою профессию, исключались и безработные.

Экономически активная русская эмигрантская интеллигенция в Болгарии анализируется в соответствии с основным занятием лица и положением, которое оно там занимает. Под основным занятием данного лица подразумевается та работа, профессиональная деятельность или служба, которая является главным источником его доходов или средств к существованию, или же занимает все или бóльшую часть его времени.

В анализируемых переписях фигурируют четыре социальные группы: *самозанятые* – то есть все, кто работает на собственные средства, в рамках собственного дела, самостоятельно или с помощью работников; *помощники* (в первую очередь, члены семей); *служащие* – лица, занятые как технический, руководящий, торговый, административный или конторский персонал в общественных или частных заведениях и учреждениях, за зарплату или иное вознаграждение; и *работники* – лица преимущественно физического труда в производственной или непроизводственной сфере. Это означает, что в отличие от современных переписей в статистике межвоенного периода интеллигенция не выделена в особую категорию, отличную от категории лиц, занятых физическим трудом. Учитывая, что деление на социальные макро-группы достаточно условно, можно заметить, что в понятие «интеллигенция» включаются в основном служащие, занятые преимущественно непроизводительным, в том числе квалифицированным умственным трудом, а также часть группы самозанятых в сфере свободных профессий. Однако представители интеллигенции имелись и среди работников и помощников[4], но в указанных переписях они не могут быть выделены, и по этой причине их невозможно учесть. Дать количественную характеристику профессионального и социального облика русской интеллигенции в Болгарии в 20-е гг. XX в. позволяют статистические данные болгарских переписей о (под)отраслевой и профессиональной занятости двух социальных прослоек – служащих и самозанятых.

Среди проблем, волнующих исследователей русской белоэмигрантской интеллигенции в Болгарии, присутствуют также вопросы о ее количественных измерениях и относительной доле как в русской иммиграционной волне, так и в интеллигентской прослойке страны, о быте русской интеллигенции и о полноте ее духовной жизни, о взаимном обмене духовными ценностями и в более широком плане – о ее вкладе в формирование болгарской интеллигенции[5]. Здесь мы даем свои ответы на вопросы, во-первых, о *количественных измерениях* русской интеллигенции в 20-е гг. XX в., а во-вторых – об отдельных горизонтальных и вертикальных микро-группах внутри нее. На основании переписей населения Болгарии в 1920

и 1926 гг. интеллигенция в русской диаспоре в 1920 г. достигала 768 человек (вместе с помощниками, которые тогда не отделялись от служащих), а в 1926–2402 человека[6]. Данные за 1926 г. подтверждают существующую в историографии точку зрения, что количество русских, занятых в так наз. интеллигентских профессиях в Болгарии, составляло от двух до трех тысяч человек[7].

Согласно упомянутым статистическим сведениям, интеллигенция составляла 20% всех экономически активных русских в Болгарии в 1920 г. и 17% – в 1926 г. В этот период в количественные рамки используемого нами в самом широком смысле понятия входит множество «переходных» профессий и групп профессий, число которых в это время все более нарастало[8]. Они находятся близко к границе между умственным и физическим трудом: это низший обслуживающий персонал администрации, связи и транспорта – архивисты, писари, бухгалтеры, кассиры, писцы просьб и ходатайств, почтальоны, телеграфисты, телефонисты. К интеллигенции мы причисляем также государственных и муниципальных служащих, включая некоторые категории, на практике не имевшие ничего общего с интеллигенцией – полицейских, посыльных, церковных служек, штатных сержантов в армии и пр.

Возникает вопрос: какова была общая численность русской интеллигенции в Болгарии в 1920-е гг. в узком смысле слова? Ее можно определить, анализируя данные о ее численности и структуре по основным профессиональным группам и по социальному положению в них. Этот анализ показывает, что интеллигенция в узком смысле слова в русской диаспоре составляла 9,8% в 1920 г. (370 человек) и 10,6% (1493 человека) в 1926 г.

Комментируя численность русской интеллигенции в Болгарии – в узком или широком смысле, – следует учитывать то обстоятельство, что к ней не относятся те образованные русские, которые занялись предпринимательской или торговой деятельностью, или же неквалифицированным, даже физическим трудом. И все же вышеуказанные цифры впечатляют, учитывая, что прослойка интеллигенции в межвоенной Болгарии в принципе не была высокой – около двух процентов экономически активного населения страны[9]. При таком положении

дел естественным образом возникает вопрос о доле русских во всей интеллигенции страны. Поскольку данные о болгарской интеллигенции достаточно относительны, трудно дать точный ответ, но все же можно сказать, что в 1920 г. процент русских в ней составлял 1–2%, а в 1926 г. – 3–4%.

Какие общие процессы развивались в среде экономически активной русской интеллигенции в Болгарии? Согласно статистическим данным, исходящим из понимания интеллигенции в широком смысле, ее относительная доля в русской диаспоре уменьшалась. А согласно данным, исходящим из понимания в узком смысле, вопреки значительному росту русской общины в период 1920–1926 гг., численность интеллигенции возросла на полпроцента (в который, конечно, входят и представители подрастающего поколения русских иммигрантов, получивших уже в Болгарии среднее или высшее образование). Чем же объясняется это явление? Статистические данные переписей свидетельствуют, что на подходящую работу попадали только эмигранты со специальностями, находившими применение в болгарской экономической и культурной жизни, т.е. специалисты в определенных областях, таких как медицина, образование, инженерия, музыка. Ответ на поставленный вопрос дополняют и биографии (видных) представителей русской эмигрантской интеллигенции. Они свидетельствуют об их исключительно сложной житейской судьбе в Болгарии. Несмотря на то, что страна привлекала своим благоприятным южным климатом, близостью к южным окраинам России, близкой славянской языковой средой, общей религией и традициями дружеских связей[10], налицо явное несоответствие между высокой квалификацией эмигрантов и крайне ограниченными возможностями не только для карьерного роста, но и просто для зарабатывания средств к существованию, которые предоставляла послевоенная Болгария. Русские интеллигенты считали удачей устроиться на должность служащего страхового общества или банка; основная их часть была вынуждена соглашаться на какую бы то ни было работу[11]. Русские ученые считали условия научной деятельности в Софии худшими по сравнению с Прагой и Белградом. По информации русской академической группы от 1925 г., деятели науки не держались за Болгарию из-за политической нестабильнос-

ти, слабой материальной базы высших учебных заведений, нехватки библиотек[12].

Исследователи русской белой эмиграции в Болгарии свидетельствуют, что в значительной своей части она состояла из интеллигенции, в особенности иммиграционная волна 1922–1924 гг., которая включала преимущественно старую русскую интеллигенцию, не принявшую новые общественные изменения в России и оппозиционно настроенную[13]. Осуществляя количественный анализ данных (статистических выкладок) о профессии или занятии русских беженцев в Болгарии или в Константинополе (откуда они перебирались в Болгарию) до их эмиграции из России, эти авторы уточняют ее удельный вес – около 40%[14]. Если сравним эти 40% с вышеупомянутыми количественными показателями в 20% за 1920 г. и 17% за 1926 г., отражающими состояние русской интеллигенции после ее трудоустройства в Болгарии, то установим степень вероятной деклассированности среди русской интеллигенции вследствие эмиграции, и она будет составлять как минимум 50%.

Далее мы будет использовать лишь понимание интеллигенции в узком смысле слова, поскольку считаем, что оно точнее отражает ее содержание. Прежде всего рассмотрим, какие *горизонтальные структуры* выделяют переписи населения в русской интеллигенции в Болгарии. В горизонтальном разрезе выделяются, с одной стороны, профессиональные слои и группы, число которых увеличивалось, а с другой – две группы в зависимости от социального положения в профессии, а именно – самозанятые и служащие. Напомним, что рассматриваемые переписи регистрировали профессию и социальное положение занятых лиц лишь согласно главному источнику их доходов на протяжении более шести месяцев в году. Однако, с целью материального обеспечения помимо зарегистрированной специальности, опрошенные могли заниматься и другими, второстепенными профессиями и ремеслами, а также наряду с государственной службой иметь и частную практику, которая не учтена в переписях.

В среде русской интеллигенции в Болгарии доминировала художественно-творческая (35% в 1920 г. и 28% в 1926 г.). Этот высокий показатель определяли артисты: в 1920 г. драматического жанра, а в 1926 – музыкального. Далее следовали ме-

дики – 25% в 1920 г. и 27% в 1926 г. (среди которых преобладали врачи), и группа профессоров и учителей (25,4% в 1920 г. и 18,5% в 1926 г.). В 1920 г. за ними шла инженерно-техническая интеллигенция (10%), численность которой значительно увеличилась к середине 1920-х гг. (19%), в то время как доля профессоров и учителей уменьшилась.

Тот факт, что меньшая часть русской интеллигенции в Болгарии была зарегистрирована переписями как самозанятая (т.е. частнопрактикующая), не означает, что среди части интеллигенции на государственной службе не имелось и специалистов, вне рабочего времени занимавшихся частной практикой – напротив, в научной литературе отражено множество подобных примеров, особенно среди врачей и инженеров.

В первой половине 1920-х гг. в отдельных профессиональных группах интеллигенции наступили некоторые количественные изменения. За исключением адвокатов, акушерок и архитекторов (которых и без этого были единицы), драматических артистов, численность всех остальных профессиональных групп увеличивалась. Количество чертежников выросло с 1920 г. в пятьдесят раз, а фельдшеров – в тридцать раз. Самой многочисленной оставалась профессиональная группа профессоров и учителей в общественных, частных и домашних учебных заведениях; она имела и самый большой удельный вес (25% в 1920 г. и 18,5% в 1926 г.). Внутри русского учительского сословия в 1920 г. преобладали работающие в болгарских общественных учебных заведениях, и лишь около 20% преподавало в частных, но в 1926 г. положение уже изменилось – почти половина русских учителей была зарегистрирована в частных школах. Преподавательский состав русских частных школ в Болгарии состоял из педагогов с высшим образованием, но профессиональных учителей среди них было немного – это явление скорее отмечалось в провинциальных гимназиях и школах, в то время как в софийской гимназии работали высококвалифицированные специалисты с магистерскими степенями или даже защитившие докторские диссертации[15]. В болгарских общественных школах русские эмигранты занимались обучением предметам, по которым было трудно найти болгарских специалистов: естественные науки, рисование, геометрия[16]. Другими струк-

турообразующими профессиональными группами являлись врачи (15% в 1920 г.), чья относительная доля уменьшилась до 10% в 1926 г., в 1920 г. артисты драматического жанра (14%), а в 1926 – музыкального (15%), инженеры (включая землемеров) (11%). Относительно русских эмигрантов с инженерно-техническим образованием уточним, что они быстро находили профессиональную реализацию на болгарском рынке труда в течение всего одного-двух лет после войны, поскольку тогда в Болгарии имелась нужда в инженерно-технических кадрах. Они становились землемерами, составляли кадастровые планы.

В 1926 г. среди русской интеллигенции появилось несколько новых профессиональных групп – ветеринарные врачи и фельдшеры, химики.

Что же касается *гендерных аспектов* процессов, протекавших в русской интеллигенции в Болгарии, на основе имеющейся базы статистических данных их можно обобщить следующим образом.

За период с 1920 до 1926 гг. параллельно с численным ростом русской диаспоры в Болгарии увеличивалось и количество представителей интеллигенции – как мужчин, так и женщин. Но имелись и известные нюансы. Среди экономически активных русских женщин в 1920 г. относительная доля занятых умственным трудом была крайне высока (28%) в сравнении с тем же показателем у мужчин, но при этом имелась тенденция к ее уменьшению (24,3% в 1926 г.), вопреки троекратному приросту общей численности женщин. Причина этого явления заключалась в том, что увеличение доли интеллигенции среди русских женщин (+134,5%) было меньшим, чем их общий прирост (+170%). На практике это означало, что в целом русские женщины интеллигентских профессий и занятий теряли свои позиции на болгарском рынке труда. В статистике переписей даже точно отражены профессиональные области, где это произошло – в группах «драматические артисты и танцоры» (–160%), «живописцы, скульпторы, художники-декораторы», «акушерки» и «чертежники» (–50%). Однако существовали и профессиональные сферы, в которых они улучшили свои позиции: среди «служащих лечебных заведений», «медсестер и сиделок» (+545%), «учительниц и работниц частных учебных

заведений» (+350%), «артисток музыкального жанра» (+47%), «учительниц общественных учебных заведений» (+150%), но в целом значительный количественный рост в этих сферах не мог компенсировать общего уменьшения доли интеллигенции среди русских эмигранток. В то же время среди экономически активных русских-мужчин наблюдались противоположные процессы. У них численный рост интеллигенции (+378%) был большим, нежели общий прирост самой вариации (+285%). Хотя доля лиц, занятых умственным трудом, значительно меньше (7,6% в 1920 г.), чем у женщин, однако в отличие от последней она увеличивалась (до 9,5% в 1926 г.)

Теперь перейдем к рассмотрению социальной структуры русской интеллигенции на основе статистических данных о *социальном положении внутри профессии*. Они показывают, что и в 1920, и в 1926 гг. основная часть русской интеллигенции в Болгарии состояла из наемных работников – 57,3% и 80,6% в 1920 и 1926 гг. соответственно. Следовательно, на первый взгляд, можно с полным правом сказать, что для русских также действовало правило: интеллигенты-беженцы ищут место учителя или чиновничью должность преимущественно в городах[17].

В 1920 г. 43% было зарегистрировано как самозанятые, т.е. частнопрактикующие, а в 1926 г. этот показатель достигал всего 19,6%. Следовательно, преобладала тенденция к увеличения относительной доли русских-служащих и, соответственно, к уменьшению процента частнопрактикующих. И эта тенденция характерна не только для русской интеллигенции, но в целом для интеллигенции в Болгарии в рассматриваемый период[18]. Объяснение стремления людей умственного труда (в том числе и русских) найти заработок в качестве служащего заключается в том, что в Болгарии того времени государственная и муниципальная служба гарантировали более стабильный доход.

Процент самозанятых (то есть частнопрактикующих) русских – представителей интеллигенции в различных специальностях не был одинаков. Изменение соотношения между самозанятыми и служащими в различных профессиях русской интеллигенции в Болгарии в рассматриваемый период также варьируется. В 1926 г. множество русских учителей и инжене-

ров, как и все русские священники являлись служащими, в то время как в оставшихся профессиональных группах преобладали частнопрактикующие. Не стоит забывать, что инженерам найти частную практику было сложнее, чем врачам, поскольку требовался определенный капитал, чтобы начать работу в качестве предпринимателя в сфере строительства или стать собственником небольшой технической мастерской. По этой причине стремление инженеров оказаться на государственной службе было большим, чем у врачей[19]. В 1926 г. относительная доля частнопрактикующих-русских снижалась по отношению к служащим во всех профессиональных группах, особенно значительно среди врачей, что объяснялось тем фактом, что в 1920-е гг. потребность во врачах на государственной и муниципальной службе удвоилась из-за открытия муниципальных учреждений здравоохранения в населенных пунктах с числом жителей более 5000, а также в связи с созданием противотуберкулезных и противомалярийных учреждений и гигиенических лабораторий в окружных городах, расширением и увеличением числа государственных больниц[20]. Та же тенденция наблюдалась и среди инженеров, артистов музыкального и драматического жанров, писателей и журналистов. Исключение составляла группа учителей, где резко выросло число домашних учителей, гувернанток и учителей специального образования, а также ветеринарных фельдшеров, акушерок, сестер милосердия, чертежников, которых было много, и они на сто процентов являлись частнопрактикующими.

Естественно, причиной того, что в данной профессиональной группе больше развивались частный или же государственный и муниципальный секторы, являлись специфические условия. Так, например, здравоохранение в Болгарии было преимущественно государственным. Исследователи этой проблематики объясняют это отсталостью условий, бедностью населения, финансовой слабостью муниципалитетов. После Первой мировой войны в Болгарии широко вводилось медицинское страхование. В 1924 г. был создан фонд «Социальное страхование» и для работы в нем назначались врачи, а страхователь получал право свободного выбора: лечиться у врача фонда или у частного. Бесспорно, эти законодательные изменения во врачебном деле привели к стагнации числа част-

нопрактикующих русских врачей и к большему числу врачей-бюджетников в 1926 г. Зато аптеки в огромной своей массе оставались частными (государственных или муниципальных аптек при больницах было мало).

Вертикальные структуры интеллигенции (в том числе и русской) определялись степенью образования и служебным положением лиц, и в соответствии с данными показателями ее слои чаще всего разделяются на элиту или высшую интеллигенцию, среднюю или массовую интеллигенцию и полуинтеллигенцию[21]. Болгарские переписи населения предоставляют ограниченные возможности для анализа данных структур: во-первых, поскольку не содержат статистических данных о служебном положении (руководящем или нет), и, во-вторых, поскольку в переписях присутствуют служебные позиции, которые объединены, и их невозможно количественно разграничить на основании такого критерия, как образование.

В этом смысле вариации на основе образования дают относительное представление о количественном выражении вертикальной структуры русской интеллигенции в Болгарии. Но все же, при отсутствии других статистических источников, можно получить известное представление о социальной структуре русской интеллигенции в Болгарии в первой половине 20-х гг. XX в. К *элите* русской интеллигенции принадлежали специалисты с законченным или неполным высшим образованием – высокопоставленные чиновники, врачи и ветеринары, стоматологи, фармацевты-провизоры, инженеры, архитекторы, адвокаты, художники и скульпторы, артисты музыкального жанра. Некоторых из них – стоматологов, провизоров, архитекторов, адвокатов – было совсем мало. В русской интеллигенции в 1920 г. они составляли 43,2%, из них женщин – 30%, а в 1926 г. 48,2%, женщин – 10% (их количество увеличилось вдвое, но относительная доля уменьшилась). Хотелось бы подчеркнуть, что эти данные занижены, так как к элите русской интеллигенции принадлежали преподаватели высших учебных заведений и высшее духовенство, но в нашем случае профессора не могут быть отделены от учителей, а высшее духовенство – от низшего, поскольку в обнародованных переписях они обобщены. Поэтому они попадают в группу недифференцированной интеллигенции с высшим и средним

образованием вместе с писателями, журналистами, работниками читалищ, библиотек и музеев, политических и профессиональных организаций, драматическими актерами и танцорами, чья относительная доля в 1920 г. составляла 48% (из них 34% – женщины), а в 1926 г. – 32% (18% – женщины). Часть представителей этой группы попадает в ряды средней интеллигенции, но их численность невозможно определить.

К *средней прослойке* русской интеллигенции мы относим получивших среднее специальное (медицинское или техническое) образование, каковыми были медицинские и ветеринарные фельдшеры, акушерки и сестры милосердия, чертежники. Относительная доля их равнялась 3% (73% из них – женщины) в 1920 г. и 13% (женщин – 8%) – в 1926 г. Эти данные также занижены, поскольку к указанной категории принадлежат к тому же учителя начальных и средних школ, часть духовенства, но в нашем случае они не выделены и попадают в указанную выше группу.

Полуинтеллигенция имела главным образом среднее образование, ее представителями являлись недипломированные специалисты, множество получило лишь основное образование. К ней относились мелкие чиновники, учителя начальных классов, низшее духовенство, часть художественной интеллигенции – актеры, музыканты. Точное определение ее численности (а также социального статуса) в случае с русской интеллигенцией невозможно и вдобавок затрудняется тем обстоятельством, что грань между ними и обыкновенными служащими очень тонка. Что же касается «интеллигенции без обязательного профессионального образования», к которой мы причисляем группу «директоров (не медиков) и служащих лечебных учреждений» (6% и 7% в 1920 и 1926 гг. соответственно), то ее практически также нельзя использовать для уточнения социальной структуры русской интеллигенции в Болгарии, поскольку статистика включает в нее управленческие кадры с руководящими функциями, которые априори принадлежат к элите, и представителей средней и низшей интеллигенции.

Несмотря на отмеченную условность статистических данных о вертикальной структуре русской интеллигенции в Болгарии, можно сделать следующие общие выводы. Облик рус-

ской интеллигенции в Болгарии в первой половине 20-х гг. XX в. определялся ее элитой (в преобладающей своей части с дворянским происхождением) с тенденцией к росту. В количественном отношении следующая, вторая по значимости, – средняя прослойка. Это отличало русскую интеллигенцию от болгарской, в чьей вертикальной структуре до прибытия русских эмигрантов определяющей являлась именно средняя прослойка, поскольку в большей своей части болгарская интеллигенция происходила из средних слоев общества – ремесленников, торговцев и крестьян, бывших по своему имущественному состоянию средними и мелкими собственниками[22]. Кроме того, налицо увеличение количества женщин в элите и среднем слое русской интеллигенции (уменьшение их относительной доли объясняется значительным численным приростом мужчин). Суммируя сказанное, мы с основанием можем заключить, что интегрированные в болгарскую интеллигенцию русские работники умственного труда укрепили ее элитарный слой, в том числе и его женскую половину.

Социальное положение русской интеллигенции в болгарском обществе определялось зарплатой и стабильностью занятого служебного положения. Ее материальное положение в рассматриваемый период может быть определено в общих чертах как неудовлетворительное. Оно находилось в русле общего ухудшения положения интеллигенции в Болгарии, порожденного отставанием роста зарплат от подорожания жизни[23]. Нет данных о том, что русские в отдельных профессиональных группах были лучше оплачиваемы, нежели их болгарские коллеги. По мнению болгарского экономиста Любена Берова, это ухудшение продолжалось до середины 1920-х гг. и было сильнее выражено в среде интеллигенции с более высоким уровнем образования и квалификации, и слабее – в среде с более низким уровнем. В данном случае его выводы основываются на сведениях о доходах работавших в общественном секторе, поскольку информация о частной практике довольно скудна. Лучше всего оплачивались юристы, но русских в этой профессиональной группе были единицы, далее следовали врачи (в этой группе ветеринары оплачивались хуже) и служащие в сфере образования и культуры (учителя, профессора, издатели, музейные и библиотечные работники), чьи зарплаты

имели тенденции к росту при правлении БЗНС[24]; самым неблагоприятным было материальное положение инженерно-технических кадров.

Перевод с болгарского Н.С. Гусева

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Каназирска М.* Вклад русской эмиграции в духовную жизнь в Болгарии // Бялата емиграция в България. Материали от научна конференция. София, 23 и 24 септ. 1999 г. София, 2001. С. 204.

[2] *Пенев Б.* Нашата интелигенция // Изкуството е нашата памет. София, 1978. С. 117.

[3] *Луджев Д.* Град на две епохи. История на обществените групи в българските градове в средата на XX в. София, 2005. С. 426.

[4] *Бирман М.А.* Формиране и развитие на българския пролетариат 1878–1923. София, 1983. С. 31–36, 108; *Колев Й.* Професионална и социална структура на българската интелигенция (1919–1923 г.) // Годишник на Софийския университет (далее – СУ). Център по културознание. Т. 80–81. София, 1987–1988. С. 79.

[5] Там же. С. 205; *Бирман М.А., Горяинов А.Н.* Российские интеллектуалы-эмигранты в Болгарии 1920–1930-х годов // Новая и новейшая история. 2002. № 1. С. 173–175.

[6] Тут имеются в виду лишь экономически активные русские: служащие – 1812 мужчин и 282 женщины, самозанятые в свободных профессиях – 241 мужчина и 66 женщин.

[7] *Бирман М.А., Горяинов А.Н.* Российские интеллектуалы-эмигранты в Болгарии. С. 173.

[8] *Беров Л.* Материални условия на интелигенцията в България // Исторически преглед. 1988. № 12. С. 6.

[9] Там же; *Колев Й.* Професионална и социална структура на българската интелигенция. С. 189.

[10] *Велева М.* Руската университетска емиграция в България // Дарителите Евлогий и Христо Георгиеви. София, 1998. С. 239; *Лунин А.* Руската емиграция в България през 20-те години // Годишник на СУ. Исторически факултет. Т. 84–85. София, 1992. С. 229.

[11] *Бирман М.А., Горяинов А.Н.* Российские интеллектуалы-эмигранты в Болгарии. С. 176.

[12] Своими путями. Издание Русского демократического студенческого союза в Чехословакии. Прага, 1926. № 10–11. С. 35. Цит. по: *Лунин А.* Руската емиграция в България. С. 226.

[13] *Колев Й.* Професионална и социална структура на българската интелигенция. С. 192–193, *Лунин А.* Руската емиграция в България.

С. 213; *Йованович М.* Русская эмиграция на Балканах, 1920–1940. М., 2005. С. 100–101.

[14] *Лунин А.* Руската емиграция в България. С. 223; *Йованович М.* Русская эмиграция на Балканах. С. 150–151.

[15] *Горяинов А.Н.* Русская эмигрантская школа в Болгарии (1920-е гг.) // Педагогика. 1995. № 16. С. 76–82; *Он же.* Учебные заведения русской эмиграции в Болгарии // Культура Российского зарубежья. М., 1995. С. 143–147.

[16] *Бирман М.А., Горяинов А.Н.* Российские интеллектуалы-эмигранты в Болгарии. С. 175.

[17] *Янковски Б.* Студентите от Македония и Одринска Тракия във Висшето училище през 1902–1904 г. // Векове. 1977. № 3. С. 68.

[18] *Беров Л.* Материални условия на интелигенцията в България. С. 7; *Колев Й.* Професионална и социална структура на българската интелигенция. С. 184.

[19] *Беров Л.* Материални условия на интелигенцията в България. С. 15.

[20] Там же. С. 11.

[21] *Колев Й.* Професионална и социална структура на българската интелигенция. С. 180.

[22] Там же.

[23] *Беров Л.* Материални условия на интелигенцията в България. С. 12, 15.

[24] *Ломлиев Х.* Материалното положение на учителя и служебният му стабилитет // Учителска мисъл. 1921. № 2. С. 54–68.

А.Н. Канарская*

БОЛГАРСКИЙ КОММУНИСТ РУБЕН АВРАМОВ ЛЕВИ В СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ. 1940–1944 гг.: НЕИЗВЕСТНЫЕ СТРАНИЦЫ БИОГРАФИИ

Рубен Аврамов (полное имя – Рубен Аврамов Леви, 1900–1988 гг.) – заметная фигура в новейшей болгарской истории. Партийный и государственный деятель, участник Гражданской войны в Испании – интербригадист, историк, директор Института истории БКП и Института современных социальных теорий при Президиуме БАН.

Судьба его сложилась так, что почти 20 лет – с 1925 по 1944 г. – он провел в Советском Союзе, однако об этом периоде жизни Аврамова исследователям известно немного. Во многом это объясняется более чем скромной библиографией работ с упоминанием болгарского коммуниста и скудостью источников. Способные восполнить имеющуюся лакуну материалы, прежде всего из архивов Коминтерна, до сих пор недоступны исследователям. Однако автору статьи удалось ознакомиться с некоторыми документами секретариата Георгия Димитрова, сохраняемыми в Российском государственном архиве социально-политической истории (РГАСПИ), что позволяет восстановить не известные ранее страницы биографии Рубена Аврамова, внести в нее некоторые уточнения.

Рубен Аврамов Леви родился 23 сентября 1900 г. по одним сведениям в селе Долна Баня Софийского округа[1], а по другим – в городе Самоков[2], в еврейской семье (фамилия Леви по этимологии восходит к названию иудейского сословия левитов). Семья, хотя и была многодетной, но не бедствовала – имела собственный дом и лавку. В автобиографии, написан-

---

* Канарская Анна Николаевна – младший научный сотрудник Института славяноведения РАН.

ной в 1933 г. и хранящейся в личном деле Аврамова, указано, что до двадцати лет он находился на иждивении отца – Ккада Леви. Под влиянием старших братьев – членов Болгарской рабочей социал-демократической партии (тесных социалистов) Аврамов, и ранее проявлявший интерес к марксистской литературе, в 1919 г. вступил в Болгарский коммунистический союз молодежи (БКСМ). По окончании в 1920 г. самоковской гимназии юноша вернулся домой в село. Однако, не найдя там себе применения, в том же году перебрался в Софию, где устроился писарем в столичную общину. Но карьера служащего не особенно привлекала молодого человека. Жизнь в Софии давала возможность окончательно определить свои политические позиции и пристрастия, сделать жизненный выбор. В 1922 г. Аврамов вступает в компартию, возглавляет софийский городской комитет БКСМ. За три года пройден значительный путь от рядового провинциального комсомольца до столичного партийного функционера. В 1923 г. сделан еще один важный шаг по карьерной лестнице: Аврамов кооптирован в состав ЦК БКСМ, участвует в подготовке Сентябрьского антифашистского вооруженного восстания 1923 г. К тому времени он сумел проявить себя в условиях нелегальной (с 1920 г.) деятельности Союза. В обязанности Аврамова как руководителя софийского комсомола входило создание и курирование окружных и местных организаций, налаживание их организационной жизни (проведение с этой целью конференций и иных мероприятий), руководство нелегальной сетью ЦК комсомола и многое другое. Обстановка в стране после подавления правительством А. Цанкова восстания осенью 1923 г. складывалась непростая, и важно было сориентировать молодежные организации, нацелить их на проведение массовой работы. В мае 1924 г. Аврамов сумел организовать первую в Болгарии нелегальную конференцию БКСМ, на которой выступил с докладом. Яркая речь обратила на себя внимание старших партийных товарищей, и в январе 1925 г. ЦК БКП (т.с.) делегировал Аврамова в Москву на пленум Коммунистического интернационала молодежи.

Вернуться в Болгарию он уже не смог: в 1925 г. за участие в подготовке восстания Аврамов был заочно приговорен к смертной казни. Загранбюро ЦК БКП в апреле 1925 г. приняло решение оставить его в Советском Союзе как политэмигранта.

В соответствии с коминтерновской практикой политэмигранты – активные члены «братских» компартий – направлялись на партийную учебу. Международная ленинская школа (МЛШ), куда зачислили Аврамова, являлась высшим партийным учебным заведением Коминтерна. По уровню преподавания и составу учащихся она на порядок отличалась от других коминтерновских учебных заведений, таких как, например, Коммунистический университет национальных меньшинств Запада (КУНМЗ) или Коммунистический университет трудящихся Востока (КУТВ). В нее, как правило, направлялись партийные активисты, уже имевшие опыт руководящей работы, ориентировавшиеся в марксистко-ленинском учении, и, что немаловажно, получившие хотя бы среднее образование.

В МЛШ Аврамову присвоили конспиративное «школьное имя», под которым он прожил без малого двадцать лет. В качестве Любима Георгиевича Михайлова он фигурирует в документах Коминтерна и воспоминаниях.

В школе Аврамов – Михайлов учился в русском секторе с весны 1926 по осень 1928 г. Активный болгарский слушатель обращал на себя внимание преподавателей и руководства школы. Практически все преподаватели характеризовали его как способного, вдумчивого и нацеленного на самостоятельную работу. «Очень способен, – сообщал лектор по истории рабочего движения Малецкий, – активность очень большая и успеваемость очень хорошая». Помимо изучения русского языка, обязательного для всех слушателей, Аврамов дополнительно занимался французским и испанским.

Партийная организация школы, со своей стороны, также дала Аврамову отличную политическую характеристику. «Идеологически выдержан, – говорилось в «выпускном» заключении «парттройки», – к теоретическим вопросам подходит глубоко, в вопросах борьбы с оппозицией ориентируется правильно. ... [Целесообразно] использование на организационной, пропагандисткой и научно-теоретической работе»[3].

По окончании МЛШ Загранбюро ЦК БКП, учтя характеристику Аврамова, рекомендовало его на работу преподавателем истории рабочего движения Запада в болгарский сектор КУНМЗа. Свою основную работу он совмещал с общественно-политической – руководил болгарским клубом политэмигран-

тов и до 1930 г. состоял членом Центральной комиссии по работе с политэмигрантами при Загранбюро ЦК БКП.

В 1931 г. Аврамов по рекомендации представительства болгарской компартии при ИККИ был направлен в аспирантуру МЛШ. Завершив образование, Аврамов не вернулся в КУНМЗ, а остался в Ленинской школе, получив звание доцента и предложение возглавить болгарский сектор МЛШ. Помимо преподавательской деятельности Аврамов в начале 1930-х гг. участвовал в написании лекционного курса по новейшей истории Болгарии, работу над которым в 1936 г. закончил его земляк и преемник на посту заведующего болгарским сектором Вылко Червенков (псевдоним Владимир Владимиров).

В 1934 г. по рекомендации члена Загранбюро Васила Коларова Аврамов возглавил и испано-латиноамериканский сектор МЛШ. Совмещая руководство секторами, он готовит политические обзоры для прессы о ситуации в Испании. Так, под псевдонимом Л. Мигуэль публикует в «Правде» статью «Альянса Обрера (“Рабочий союз”)», посвященную тактике единого фронта и роли в нем испанских коммунистов[4].

Что же способствовало столь быстрому карьерному росту? В первую очередь, общая атмосфера в стране. Окончание Аврамовым Ленинской школы совпало с нарастанием в СССР политических кампаний – разоблачением «левых» и «правых» уклонов, сопровождавшихся чистками от «враждебных элементов». Одна за другой следовали кадровые перестановки, приоритет при которых отдавался «идеологически проверенным» партийцам. Аврамов оказался в их числе, «социальный лифт» поднял его на верхние этажи коминтерновских структур. В одной из автобиографий он писал, что руководил «как на болгарском, так и на испанском секторе борьбой против всяких уклонов от генеральной линии партии и пережитков анархо-синдикалистского порядка у испанцев». Принимал участие во внутрипартийной борьбе среди болгарской политэмиграции, «всегда выступая на стороне товарищей Димитрова и Коларова»[5].

Благодаря умению ориентироваться во внутрипартийных и политических коллизиях и, думается, в немалой степени, счастливому стечению обстоятельств, Аврамов пользовался доверием влиятельных функционеров Коминтерна. Он участ-

вовал в работе VI, VII, XI, XII пленумов ИККИ, VI и VII Международных конгрессов Коминтерна.

На VII конгрессе (1935 г.) Георгий Димитров призвал к консолидации сил в борьбе с нарастающей угрозой фашизма путем создания единого рабочего и народного фронта. В контексте внутрикоминтерновской работы рассматривалась проблема партийного образования и подготовки кадров для зарубежных компартий. Было решено обязать партии самостоятельно готовить кадры на местах и заниматься партпросвещением при участии и поддержке эмиссаров из Москвы.

Победу Народного фронта в Испании на выборах 1936 г. в руководстве Коминтерна восприняли с большим воодушевлением. В срочном порядке в страну на помощь испанским товарищам были направлены профессиональные революционеры – инструкторы «для особых поручений»[6]. Тогда же начался новый этап в жизни Рубена Аврамова. Возвращаясь к его автобиографии, важно отметить, что Аврамов, прибыв в Советский Союз, был переведен в ВКП(б). Это, как и принятие иностранными коммунистами, находившимися в эмиграции сравнительно длительный срок, советского гражданства, являлось обычной практикой. Однако, насколько можно судить по документам отдела кадров, Аврамов не был советским гражданином. Во время партийных чисток вопрос об изменении гражданства периодически возникал, однако Загранбюро ЦК БКП регулярно его отклоняло, а в отделе кадров МЛШ он числился как «партрезерв». В автобиографиях и биографических справках разных лет указывалось, что Аврамов являлся «болгарским подданным». Сохранился и еще один любопытный документ 1933 г. «Вид на жительство для иностранца на временное пребывание в СССР», выданный «испанскому гражданину» Михайлову и продленный до июля 1936 г. В том же году Аврамов переведен из ВКП(б) в КП Испании[7]. Наступал новый этап в его жизни...

Во исполнение постановления ЦК ВКП(б) от 1936 г. «О международных школах» и личного распоряжения Г. Димитрова было решено создать двухмесячную центральную партшколу в Испании как филиал МЛШ. Кроме того, руководство Коминтерна предписывало испанцам открыть по всей стране массовые учебные центры при окружных парторганизациях

(вечерние партийные курсы и так называемые народные университеты). Причем повышать в них собственный уровень подготовки могли не только партийные активисты, но и деятели профсоюзов, социалисты, представители левонастроенной интеллигенции, анархисты. Руководство учебными центрами возлагалось на Политбюро ЦК КП Испании[8].

В апреле 1936 г. из испанских слушателей МЛШ была сформирована группа для отправки в страну. Ее возглавил Рубен Аврамов, получивший псевдоним Каменев Димо Васильевич. Савва Гановский* сообщает, что кандидатуру Аврамова Димитрову в качестве личного посланника рекомендовала Стелла Благоева**. По заданию Димитрова Аврамов должен был наладить в КПИ организационную, пропагандистскую и идеологическую работу[9]. Прибыв в Испанию в мае, Аврамов организовал и возглавил в Мадриде Центральную школу по подготовке кадров руководящего состава при ЦК КПИ на 20–25 человек.

Когда в июле 1936 г. в Испании началась Гражданская война, Аврамов – Каменев вошел в состав военно-политической комиссии КПИ и занялся организацией партийных комитетов на фронтах Центра, Гвадалахары, Толедо и пр. В чине дивизионного военного комиссара республиканской армии Аврамов налаживал и координировал деятельность других военкомов в стране, обеспечивал регулярное издание журнала Генерального военного комиссариата «Эль Комиссарио». Вместе с комиссаром-инспектором армии Центра Антоном Ивановым***

---

* Гановский Савва Цолов (1897–1993) – член БКП, ВКП(б); с 1929 по 1931 гг. находился в СССР на учебе в Институте Красной Профессуры; профессор и заведующей кафедрой диалектического и исторического материализма в Институте литературы в Москве. В 1931 г. направлен в Болгарию. В НРБ государственный и общественно-политический деятель; философ.

** Благоева Стелла (1887–1954) – дочь Димитра Благоева, основателя и руководителя революционной марксистской партии болгарского пролетариата. С 1926 г. находилась в политэмиграции в СССР. Работала в аппарате ИККИ. В социалистической Болгарии находилась на дипломатической работе, в частности, была послом Болгарии в Москве.

*** Иванов Антон (1884–1942) – болгарский коммунист-политэмигрант. В 1935–1938 гг. секретарь Загранбюро ЦК; эмиссар Коминтерна во Франции, Испании, Польше. Нелегально вернувшись в Болгарию, арестован и расстрелян.

и командующим 35-й Интердивизией генералом Каролем Сверчевским* работал в интербригадах в качестве инспектора комиссаров Центрального фронта.

По воспоминаниям современников, Аврамов лично отбирал слушателей, читал лекции, распределял выпускников на должности в партаппарате и комиссариатах[10]. Представитель КПИ при ИККИ Викторио Кодовилья в августе 1939 г. докладывал Георгию Димитрову: «Михайлов работал хорошо за время войны и за время своего пребывания в Испании, как в армии, где он оказал большую помощь в организации комиссариатов, так и в партии, которой помогал в деле формирования и развития новых кадров, в деле повышения ее идеологического уровня»[11].

В Испании раскрылись не только организаторские, но и лидерские качества Рубена Аврамова. Когда 5 марта 1939 г. в Мадриде произошел государственный переворот Касадо**, Политбюро ЦК КПИ, находившееся в районе Валенсии, оказалось неспособным осуществлять эффективное руководство. По стране начались аресты комиссаров-коммунистов. Партийный комитет Мадрида блокировали «касадисты». Находившийся в это время в столице Аврамов по своей инициативе организовал Временный окружной комитет КПИ и установил связь с сопротивлением. Но обстановка продолжала обостряться, и 28 марта 1939 г. Политбюро КПИ приняло решение «об эвакуации партии». За два дня до установления в стране диктатуры Франко (1 апреля 1939 г.) Аврамов покинул Испанию.

Возвращение Аврамова в СССР оказалось непростым. Учреждения, где он когда-то учился и работал, были ликвидированы, многие друзья и соратники репрессированы, один из братьев арестован органами НКВД, судьба другого неизвест-

---

* Сверчевский Кароль (1897–1947) – советский и польский военный и государственный деятель. В 1931–1934 гг. руководил секретной военно-политической школой при ИККИ для иностранных коммунистов.

** Касадо Сехисмундо (1893–1968) – полковник Республиканской армии, организатор государственного переворота, в результате которого пало правительство социалиста Х. Негрина. Часть командиров – коммунистов или считавшихся «близкими к партии» поддержали переворот; командиры и комиссары – противники «касадистов» были арестованы.

на. Кроме того, Аврамов испытывал сильную тревогу за семью. «Он приходил несколько раз по ночам, – сообщала его жена, – быстро шагал по комнате, беспокоился о своей работе, ... говоря: “мое положение сейчас в партии неважное, но ты должна знать, может быть, я и не вернусь”»[12]. В подобном положении оказались многие бывшие интербригадисты. Для значительной части из них «испанская эпопея» окончилась арестом. Не знать об этом Аврамов не мог.

В коминтерновских кругах вопросы войны и мира в Европе были предметом постоянных обсуждений. В июле 1938 г., в разгар испанских событий, К. Сверчевский в докладной записке Г. Димитрову подчеркивал: «Сегодня мир стоит перед конкретной опасностью повторения испанских событий на другом конце Европы ... с той лишь разницей, что масштаб будет неизмеримо большим»[13]. В этой связи, он предлагал сохранить «боевые кадры» интерновцев*, переправив «хотя бы наилучших и проверенных из них» в Советский Союз. Кроме того, Сверчевский предлагал организовать центр военно-политического усовершенствования для бойцов интербригад. «Нужно собрать наиболее ценные кадры, – писал он, – и дать им возможность подковать теорией свой боевой опыт, что обогатило бы братские компартии законченными военными руководителями почти по всем отраслям и специальностям военного дела»[14].

По-видимому, предложение Сверчевского было поддержано на самом высоком уровне. В августе 1939 г. вышло Постановление Оргбюро ЦК ВКП(б) об организации т.н. испанской спецшколы. Школа находилась в прямом подчинении ИККИ, а ее слушатели персонально утверждались решением Секретариата. Однако политическая обстановка в СССР вносила коррективы в организацию нового учебного заведения: массовые репрессии, ликвидация учебных центров, развал Международной организации помощи борцам революции (МОПР) привели к разрушению прежней системы подготовки иностранных кадров. Набрать новый штат преподавателей, знавших специфику работы Коминтерна, имевших практический опыт и удовлетворявших при этом бдительных кадровиков, было непростой задачей.

* Интерновцы – самоназвание бойцов интернациональных бригад в Испании.

Директором полуторагодичной (испанской) школы № 15 стал В.М. Козлов, сосредоточившийся на административно-хозяйственных вопросах. Вся ответственность за воспитание и обучение слушателей возлагалась на заведующего учебной частью. На эту должность после тщательных проверок был назначен Рубен Аврамов. Школа была рассчитана на 120 человек из числа членов КП Испании и бывших интербригадистов. За основу подготовки слушателей была взята типовая учебная программа Высшей партийной школы ЦК ВКП(б), переработанная с учетом образовательного уровня «школьников» и специфики нового учебного заведения. Предусматривались, в частности, расширенное изучение военного дела, организации политработы в армии и методов ведения разведки. Обязательным стало изучение иностранного языка – немецкого или английского, а также физическая подготовка[15].

С началом Второй мировой войны в Советский Союз прибыли тысячи иностранных коммунистов. В августе 1940 г. Димитров обратился в Секретариат ЦК ВКП(б) с предложением организовать при ИККИ дополнительную одногодичную партийную школу для политической переподготовки иностранных коммунистов, которых можно было бы использовать по линии Коминтерна. Школа, названная «Объединенной», была рассчитана на 60–65 курсантов и во многом была схожа с испанской. Обсуждался даже вопрос их слияния, которое не состоялось. Новому учебному заведению надлежало готовить из партийных и комсомольских функционеров среднего звена кадровый резерв для восполнения потерь, понесенных руководством компартий во время войны. В документах и историографии данная школа именуется по местам своего размещения – вначале в подмосковном Пушкино, а с осени 1941 г. в поселке Кушнаренково недалеко от Уфы, куда ее эвакуировали. Первым директором Объединенной школы стал В. Червенков. Аврамов как опытнейшей специалист в области подготовки кадров и ведения практической работы был до 1942 г. его заместителем, а в дальнейшем возглавил данное учебное заведение.

Учебные планы, которые разрабатывались Аврамовым совместно с представителями компартий и политическими референтами Коминтерна, утверждались непосредственно Ди-

митровым. Помимо партийно-политических кадров в школе готовили специалистов для военной и агентурной работы. За «людьми особого порядка» к Димитрову неоднократно обращались из НКВД и Разведывательного управления Генштаба РККА. В распоряжение руководителя 4-го управления НКВД СССР «Террор и диверсии в тылу противника» П.А. Судоплатова регулярно откомандировывали выпускников для включения в состав диверсионных бригад или партизанских отрядов, действовавших на территории Восточной и Центральной Европы.

Летом 1943 г. в связи с ликвидацией Коминтерна спецшколу вернули из эвакуации в Москву, где она некоторое время продолжала функционировать как «Техникум № 1». В это же время при ЦК ВКП(б) создаются засекреченные структуры, занимающиеся организационно-политическими и финансовыми вопросами иностранных компартий, – НИИ-99, НИИ-100, НИИ-205 и т.д. Туда и распределили сотрудников последнего учебного заведения Коминтерна – вышеописанной Объединенной партийной спецшколы. Что касается Рубена Аврамова, то он в феврале 1944 г. был переведен в НИИ-205 на должность заместителя ответственного редактора болгарской редакции радиостанции «Христо Ботев»*.

29 сентября 1944 г. после почти двадцати лет пребывания в СССР Рубен Аврамов Леви под своим настоящем именем возвратился на родину.

Дальнейшая карьера болгарского коммуниста** свидетельствует о том, что пребывание в Советском Союзе стало ре-

---

* Отметим, что в тот же НИИ-205 после работы на радиостанции «Христо Ботев» перешел Л.Б. Валев.

** В народно-демократической, а затем социалистической Болгарии Рубен Аврамов занимал важные партийные и государственные посты. В 1944–1947 и 1949–1950 гг. руководил отделом агитации и пропаганды ЦК болгарской компартии, а в 1957–1962 гг. – отделом науки, образования, искусства и культуры, возглавлял Комитет по науке и культуре и был министром культуры в 1952–1957 гг. После ухода с партийных постов назначен директором Института истории БКП (1962–1968 гг.) и директором Института современных социальных теорий при Президиуме БАН (1969–1981 гг.). Герой социалистического труда НРБ (1964 г.), Герой НРБ (1980 г.). Почетный гражданин г. Самоков (1980 г.).

шающим в его судьбе. Спецшколы Коминтерна, в создании и работе которых он самым активным образом участвовал, являясь основными центрами подготовки национальных кадров в межвоенный и военный период, открыли впоследствии перед многими их выпускниками путь к высшим руководящим должностям в компартиях и общественно-политических структурах своих стран. «Школьники» способствовали «прививке» на национальной почве советской (сталинской) общественно-политической модели, стали естественным элементом партийно-государственной номенклатуры – всевластного привилегированного правящего слоя, «станового хребта» партийной государственности.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ). Ф. 495. Оп. 195. Д. 10. Л. 147.

[2] *Чолов Петър Иванов*. Български историци. Биографично-библиографски справочник. София, 1981. С. 15; *Гановски С.* Вступительная статья // *Аврамов Рубен*. С пулса на времето. София, 1980. С. 10.

[3] РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 195. Д. 10. Л. 155.

[4] «Правда». 12.10.1934 г.

[5] РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 195. Д. 10. Л. 114–115.

[6] *Бубер-Нейман М.* Мировая революция и сталинский режим. Записки очевидца о деятельности Коминтерна в 1920–1930-х годах. М., 1995. С. 169–183.

[7] РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 195. Д. 10. Л. 133, 130, 129.

[8] Там же. Оп. 30. Д. 1177. Л. 20–21.

[9] *Гановски С.* Вступительная статья. С. 17.

[10] РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 195. Д. 10. Л. 107–108; *Гановски С.* Вступительная статья. С. 19.

[11] Там же..

[12] Там же. Л. 98.

[13] Там же. Оп. 76. Д. 9. Л. 86.

[14] Там же. Л. 72.

[15] Там же. Оп. 75. Д. 4а. Л. 1–2, 24–25.

В. Тошкова*

СССР И США: ПРОЕКТЫ ПОСЛЕВОЕННОГО УСТРОЙСТВА БОЛГАРИИ (1942–1945 гг.)[1]

Геополитическое положение Болгарии и понесенные ею потери в результате поражения в первом мировом кровопролитии XX века превратило страну в заманчивый объект для приобщения к лагерю проигравшей войну Германии. Понятна и позиция победителей – они удовлетворены болгарской сдержанностью во внешнеполитических проявлениях и поощряют дистанцированное от международных конфликтов поведение Софии в начале нового глобального противостояния.

Болгарские правящие круги неохотно отказываются от объявленного 15 сентября 1939 г. нейтралитета и после оказанного со стороны Берлина давления присоединяются к державам Оси, подписав Тройственный пакт 1 марта 1941 г. Созданный военно-политический союз не в полной мере соответствует замыслам Вильгельмштрассе, но представляется достаточным, чтобы начать реализацию плана «Барбаросса». Излишне напоминать о причинах и последствиях варварского вторжения вермахта в Советский Союз 22 июня 1941 г. Упомяну только, что при этом оказался нарушенным своеобразный внешнеполитический комфорт, который предоставлял болгарскому правительству советско-германский договор о ненападении, подписанный 23 августа в 1939 г. В 1990-е годы в юбилейных исследованиях о Второй мировой войне некоторые американские авторы определяли этот акт как «советское умиротворение» Гитлера наподобие «Мюнхенского умиротворения» 1938 г. Во время объявленного германским фюрером «блиц-

* Тошкова Витка – профессор, доктор исторических наук, Институт исторических исследований БАН.

крига» Болгария отказалась посылать войска на Восточный фронт и дипломатические отношения между Софией и Москвой не прерывалась, несмотря на просьбы Германии, впрочем, не столь уж настойчивые.

Гитлеровская агрессия вызвала неожиданный по своим масштабам и самоотверженности отпор и резко изменила внешнеполитический курс СССР; Кремль вступил в тесное сотрудничество со странами, уже воюющими (или поддерживающими их) с Третьим рейхом и его сателлитами. Уже 3 июля 1941 г. в своей речи по радио И. Сталин заявил, что «цель советского народа» в войне состоит, среди прочего, в том, чтобы оказать «помощь всем народам Европы, стонущим под игом германского фашизма». А в телеграмме от того же числа советскому послу в Лондоне И. Майскому конкретно говорилось, что СССР выступает за восстановление чехословацкого и югославского государств и за создание польского государства в границах национальной Польши. Предусмотрительно подчеркивалось, что «вопрос о характере государственного режима в этих странах является их внутренним делом». В сущности, Сталин давал знак, что в Кремле, хотя и слишком рано, обдумывают проблемы устройства послевоенного мира, которые имеют важное значение для будущего Советского Союза. Предложения по проведению специальных дискуссий и подготовке экспертных анализов для будущей мирной конференции делаются в НКИД лишь в конце декабря 1941 (26 декабря), в докладной записке С.А. Лозовского, то есть позже инициативы Государственного департамента (11 апреля 1941 г.)[2]. Хотя до победы было еще далеко, Лозовский предлагал учитывать «послевоенную поляризацию сил между СССР и странами Запада». В документе отмечалось, что СССР будет противостоять как «блок США и Великобритании», так и «капиталистические государства», такие как Польша и Чехословакия; к ним он добавил и побежденные страны. В заключении четко определялась их послевоенная политика: все они будут стремиться сохранить «капиталистическую систему», а также держать СССР в границах до 1939 г. Сталин одобрил предложение Лозовского. В начале 1942 г. Политбюро ЦК КПСС дает указание сформировать «Комиссию по послевоенным проектам государственного устройства стран Европы, Азии и других частей

света» под председательством В.М. Молотова. Поставлена задача подготовить дипломатические аналитические документы по «спорным территориальным проблемам, сферам влияния, международной организации» и, конечно, другим «касающимся СССР вопросам». Возможно, именно заинтересованностью советского руководства в обеспечении значительного влияния после войны объясняется и слишком экстравагантное предложение И.В. Сталина в беседе с А. Иденом 16 декабря 1941 г. о дополнении советско-английского «второго договора» «секретным протоколом», включающим «общую схему реорганизации европейских границ». Корректировки касаются и Болгарии: «Турция, в качестве компенсации за соблюдавшийся ею нейтралитет, может получить Додеканес, населенный турками район Болгарии к югу от Бургаса и, возможно, некоторые территории в Сирии. [...] Товарищ Сталин [...] добавил, что отделение от Болгарии Бургасского района будет наказанием за поведение Болгарии во время войны. Болгария должна также немного пострадать территориально и на границе с Югославией. По мнению тов. Сталина, Болгарии будет вполне достаточно иметь один морской порт, Варну»[3]. Сделанные предложения относительно наказания Болгарии остались лишь кратковременной версией в годы войны, отпавшей при выработке «Соглашения о перемирии» и Мирного договора.

Крупномасштабные военные действия на Восточном фронте и тяжелые испытания, с которыми столкнулся советский тыл, перенесли реализацию предписания подготовить заключения по различным вопросам реконструкции Европы на осень 1943 г. Тогда было создано три комиссии: Комиссия по подготовке Мирных договоров и послевоенного устройства во главе с М. Литвиновым; Комиссия по вопросам перемирия под руководством К. Ворошилова и Комиссия по репарациям во главе с И. Майским. Подробная информация об их деятельности уже дана в ряде исследований. Стоит напомнить, что Комиссия Литвинова стала «советским аналогом» Комитета «Notter» (по имени Harley Notter) при Госдепартаменте, который занимался также и проблемами советско-американских отношений. В подробной аналитической записке от января 1945г. «Об отношениях с США» Литвинов приходит к выводу, что не ожидается «крупных трений между нами и Соединенными Шта-

тами». Что касается «дружественных государств» в Восточной Европе, то советские дипломаты, участвующие в комиссиях, «как правило», воздерживаются от прогнозов об их отношениях с Советским Союзом, но комментируют их будущее «политическое развитие», а также развитие Европы. Предвидятся два варианта – «революционный», с установлением режима «советского типа», и «эволюционный», с созданием буржуазно-демократической формы правления или «коалиционных правительств», повторяющих модель «народного фронта» 30-х годов. По мнению А. Громыко, революционный вариант более всего «тревожит» Вашингтон, так как он является предвестником социальных сотрясений и усиления советского влияния в Европе.

Эти констатации адекватно отражают растущие симпатии к СССР, Красной Армии, И. Сталину, которые были вызваны несколькими победоносными операциями против армий стран Оси и близкими перспективами преследования вермахта за пределами Советского Союза. Одновременно Москва продолжает давать указания по организации и поддержке движения антифашистского сопротивления в Восточной Европе, на Балканах, отчасти в Западной Европе. Хотя и в гораздо более неблагоприятных условиях, с 1943 г. и в Болгарии эффективно действуют партизанские отряды, организованные и руководимые БРП/БКП, деятельность которых замечена также сотрудниками Управления стратегических служб США. В ряде агентурных донесений подчеркивалось, что Отечественный фронт является «группировкой сопротивления, руководимой, вероятно, Москвой, целью которой является разрыв союза [Болгарии] с Германией, свержение правительства и присоединение к союзникам» (Доклад УСС, не ранее 1 октября 1943 г.); что «просоветские элементы» составляют «самую многочисленную группировку в стране»; что «число повстанцев в последнее время значительно увеличилось. Это связано с бомбардировками, которые помогли партизанам избежать бдительности полиции [...] Они становятся все более самоуверенными, так как сейчас гораздо лучше вооружены автоматическим оружием, поставляемым русскими, партизаны наиболее сильны в горных массивах Средна-гора и Стара-Планина [...]» (Вашингтон, 16 мая 1944 г.). Утверждения о просоветской ориентации движения сопротивления, отождествляемого с Отечественным фронтом,

не помешали директору УСС генералу У. Донованy попытаться осуществить прозападный план «отрыва Болгарии от Оси», рассчитывая на болгарского сотрудника УСС Ангела Куюмджийского (уехавшего из Болгарии в начале войны) и на его тесные контакты с высокопоставленными болгарскими политиками, государственными деятелями, представителями Болгарской православной церкви, банкирами. Они должны были переориентировать болгарскую армию и убежденных в неизбежном поражении Третьего рейха болгарских политиков на западных союзников. Проект в значительной степени авантюрный, и после установления контактов с представителями болгарского правительства он был «заморожен» весной 1944 г. Но он свидетельствовал о наличии прозападного и также антифашистского фланга в болгарском сопротивлении, который оставался вне рамок Отечественного фронта. Причины неосуществимости эффективного взаимодействия между двумя флангами сопротивления варьируются: от различий в политико-экономических концепциях государственного послевоенного устройства до предпочтений болгарских коммунистических лидеров (внутри страны и в Москве), которые определяли персонально лиц «буржуазного контингента», готовых сотрудничать с БКП и ОФ, но прежде всего одобренных ими.

Однако в Отделе исследований и анализа при УСС продолжали вести наблюдения и давать оценки внутриполитической ситуации в Болгарии, которые также добавляют аргументов в пользу отдаления. Процитирую несколько пунктов из секретного донесения № 23214 от 26 мая 1944 г., хранящегося в Национальном архиве США, оставляя право комментария за читателем:

«1. До запрещения всех политических партий в Болгарии, по общему признанию, Коммунистическая партия никому не уступала в плане организации, дисциплины ее членов и руководства. [...]

2. После ликвидации легального существования партии ее деятельность продолжалась в подполье, демонстрируя те же примеры единства, дисциплины, организации, фанатичного энтузиазма. [...]

3. Инструкции и директивы из Москвы, в частности, от Георгия Димитрова, которого чрезвычайно уважают и любят, пере-

даются дословно, особенно после побед России на Восточном фронте. [...]

4. Именно Коммунистическая партия в Болгарии стоит за деятельностью болгарских партизан (или «шумцов»), она отвечает за поставку продовольствия, вооружения, боеприпасов и медикаментов. Партия имеет тайных агентов в правительстве и в учреждениях, а также во всех городах и селах.

5. [...]

6. Учитывая силу и отличную организацию, а также тот факт, что Коммунистическая партия может рассчитывать на поддержку элементов вне рядов своих сторонников (например левых «земледельцев» и части армии), информаторы считают, что она достаточно сильна, чтобы организовать успешное народное восстание в случае возможного вторжения союзнических или русских войск. [...]»[4].

* * *

Значительно раньше и при весьма неблагоприятной оценке возможностей Красной Армии оказать эффективное сопротивление нацистскому вторжению правящие круги в Лондоне и Вашингтоне решили оказать помощь Стране Советов.

Неожиданная или нет, но германская агрессия против СССР произошла без объявления войны, с существенным проникновением немецких войск вглубь советской территории и давала Западу достаточно причин сомневаться в способности Советского Союза противодействовать массированной атаке.

Премьер-министр Великобритании Уинстон Черчилль и президент США Франклин Рузвельт, вопреки пессимистическим прогнозам военных советников о том, что «Москва падет еще до зимы» и любая помощь будет «напрасной тратой ресурсов», все же не исключили возможности для Советского Союза выстоять и решили поддержать Сталина. Еще 22 июня по Би Би Си Черчилль обещает предоставить СССР всяческую военную помощь. Такое же заявление делает и Рузвельт 24 июня. На конференции в Атлантике (Ньюфаундленд) в августе 1941 г. премьер-министр Великобритании одобряет направление в советскую столицу миссии по снабжению, а в ноябре 1941 г. Рузвельт распространяет действие Закона о ленд-лизе и на СССР[5].

Трудности при создании Антигитлеровской коалиции, хотя и не фатальные, все же оставляют свой след на переговорах о взаимодействии между СССР, Великобританией и США против сил Оси. Основная цель – разгром государств Тройственного пакта – ставится параллельно с определением перспектив послевоенного устройства мира, при условии поддержания мира путем ликвидации германского, итальянского и японского военных потенциалов. В Москве, Лондоне и Вашингтоне занимаются и проектами по регламентации отношений со всеми союзниками Гитлера. И хотя слишком рано партнеры по коалиции начинают обдумывать чреватые серьезными противоречиями варианты устройства будущего европейского и мирового порядка, в США убеждены в необходимости сотрудничества с СССР во время войны. Это категорично подтверждается мнением Р. Драммонда, опубликованном в «Christian Science Monitor» 13 сентября 1941 г.: «Народ признает, что американская демократия и русский коммунизм не имеют ничего общего; но сегодня у них один общий враг».

Вывод о необходимости американо-советского взаимодействия фактически вытекал из предложения, с которым 11 апреля 1941 г. обратился помощник госсекретаря и начальник Отдела специальных исследований Лео Пасвольский к заместителю госсекретаря С. Уэллсу, – возродить «умирающий Консультативный комитет по проблемам внешней политики». Идея возобновить и продолжить дискуссии, начатые в 1940 г., по-видимому, была вызвана резко изменившейся обстановкой в Юго-Восточной Европе после вторжения вермахта в Югославию и Грецию (6 апреля 1941 г.). Через несколько месяцев, 12 сентября, Л. Пасвольский вручает государственному секретарю К. Хэллу более подробный меморандум, озаглавленный «Предложение об организации работы по формированию послевоенных внешнеполитических отношений». Важный упор здесь делается на участии США «в организации и сохранении мира и установлении стабильных международных экономических отношений». По мнению автора документа, принятие на себя таких обязательств потребует вести наблюдение и предлагать решения по трем проблемным группам: политическим и территориальным, вооружения, торговли и финан-

сов. Связанные с ними темы должны обсуждаться в соответствующих подкомитетах.

В конце декабря 1941 г. замысел уже становится директивой к действию, по-видимому, из-за вынужденного вступления США в войну. 22 декабря Ф. Рузвельт был проинформирован о том, что создан «специальный комитет» при Госдепартаменте для подготовки США к «эффективному участию в решении широких и сложных проблем международных отношений», которые, как ожидается, встанут перед страной и миром «после окончательного разгрома агрессивных сил». Основная обязанность Комитета заключается в руководстве необходимыми исследованиями и в подготовке рекомендаций для президента. А одна из его главных целей состоит в том, чтобы превратить в программу особой политики и мер те либеральные принципы, которые провозглашены в Атлантической хартии и в официальных заявлениях по этому поводу. «Всеобщая безопасность, ограничение вооружений, стабильный международный экономический порядок и сотрудничество» являются теми сферами, где будут сосредоточены усилия американских экспертов для выработки формул, по которым должны решаться международные проблемы.

За общим определением задач Консультативного комитета кроется стремление к превентивному анализу информации о намерениях СССР как в рамках коалиции, так и вне ее. Не принимая участия в выработке правительственных решений по текущей политике (до конца 1943 г.), специализированные подкомитеты обсуждают отдельные вопросы восточноевропейской политики Москвы. Не вдаваясь в подробности, подытожим, что интерес Вашингтона направлен главным образом на судьбу Польши, восточно- и центральноевропейских федеративных и конфедеративных комбинаций и на возможности образования процветающих экономических союзов. Над всеми этими аспектами будущего политического порядка в регионах доминирует вопрос о намерениях и планах советской государственно-политической элиты.

Многочисленные текущие и ретроспективные аналитические материалы, обсуждаемые в Отделе специальных исследований, позволяют понять позиции Кремля по ряду спорных политических и территориальных проблем, которые должен

решить исход войны. В 1941 и 1942 годах вашингтонская дипломатия постоянно убеждалась в том, что СССР будет решительно отстаивать свои концепции относительно защиты национальной безопасности, восстановления советских границ, существовавших до 1941 г., и формирования «дружественных правительств» в странах, граничащих с СССР. Не делается никаких серьезных опровержений тезиса, что Москва способна осуществлять «доминирующее влияние» в Восточной Европе. Как правдоподобные принимаются и предупреждения бывшего посла в Москве Уильяма Буллита (январь 1943 г.) о том, что русские готовятся «установить советскую власть в Румынии и Югославии, присоединить Болгарию к Советскому Союзу...».

Подобный же смысл имели и утверждения специалистов из Европейского отдела при Государственном департаменте (осень 1943 г.) в связи с роспуском Коминтерна. По их мнению, этот акт «не изменил советских намерений утвердить влияние Советского Союза в Восточной Европе», поддерживая партизанские группы на Балканах и, в частности, отряды Тито, чтобы обеспечить себе «значительный, если не полный, политический контроль, над этими государствами».

Прогнозы советского поведения на этапе завершения войны, составленные Политическим комитетом Государственного департамента в конце 1944 г., говорят скорее о намерениях основных западных союзников участвовать вместе с СССР в урегулировании Восточной Европы. Представленные по этому поводу схемы, предназначенные для Ялтинской конференции в феврале 1945 года, преследуют, по мнению Э. Марка, одного из отличных знатоков документальных коллекций Национального архива США, содержащих анализ советской политики в Восточной Европе, «скромную цель» Вашингтона защитить регион от «полного советского контроля», не отрицая «законных советских интересов» к нему[6].

На практике Вашингтон вяло оспаривает «советское лидерство» в Союзных Контрольных Комиссиях в Болгарии, Румынии и Венгрии, а также объявленное Москвой намерение заключать договоры о взаимопомощи с соседними странами. Без энтузиазма, но примирившись, американские дипломаты

присоединились к инициированному У. Черчиллем процентному распределению «сфер влияния» в Болгарии, Румынии, Венгрии, Югославии и Греции, которое имело место в Москве 9–17 октября 1944 г. Кремль также создает свои «долгосрочные, среднесрочные и ближайшие планы», которые не всегда успешно реализуются, но не встречают серьезного противодействия в Вашингтоне; более того, советские приоритеты в Восточной Европе оцениваются как естественная защита безопасности СССР. Эта позиция Соединенных Штатов, а также «непонимание» Сталиным намерений США участвовать в качестве союзника СССР в урегулировании Восточной Европы, вкупе с его самоуверенностью, оправданной огромным советским вкладом в победу над странами Оси, поддерживают конфронтацию. Противостояние усиливается и из-за тех трудностей, с которыми США сталкиваются при расшифровке отношений между «коммунистической идеологией» и «советским поведением». Но американские эксперты по внешней политике заметили «революционно-имперскую парадигму» Кремля, хотя Белому дому не всегда удается реагировать адекватно, чтобы защитить свои глобальные амбиции.

В послевоенной практике победители реализуют обдумываемые на протяжении длительного времени государственно-политические, экономические, социальные и территориальные схемы в отношении стран восточноевропейского региона, с большими преимуществами для Москвы и с неохотным, но неизбежным отказом от прозападных позиций. Именно Вторая мировая война вызвала «значительное расширение советского влияния» как в Европе, так и на Дальнем Востоке. К этой констатации американские авторы добавляют и «наличие в большей части света коммунистических партий, подчиняющихся воле Москвы», что дало русским возможность «изменить международный баланс сил в ущерб интересам Соединенных Штатов»[7]. Эти обстоятельства, предусматривающие преимущественные позиции для СССР, потребовали рассмотрения новых проектов, при помощи которых Вашингтон намеревался участвовать в борьбе за свою долю в Восточной Европе.

Перевод с болгарского Е.Л. Валевой

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Для написания статьи использовались исследования преимущественно болгарских, российских и американских авторов, документальные сборники и коллекции источников, хранящиеся в Национальном архиве США. Цитируются следующие работы: Союзники в войне 1941–1945. Москва, 1995; *Филитов А.М.* В комиссиях Наркоминдела // Вторая мировая война. Актуальные проблемы. Москва, 1995; Советская внешняя политика в ретроспективе 1917–1991. Москва, 1993; *Печатнов В.* Сталин, Рузвельт, Трумэн: СССР и США в 1940-х гг. Документальные очерки. Москва, 2006.

[2] Подробнее о дискуссиях в Госдепартаменте о внешнеполитических отношениях США по завершении Второй мировой войны см.: *Тошкова В.* СССР в проектите на САЩ за следвоенното устройство на Източна Европа (1941–1947) // България и Русия през XX век. Българо-руски научни дискусии. София, 2000. С. 330–345.

[3] СССР и германский вопрос 22 июня 1941 г. – 8 мая 1945 г. Том I. Составители Г. П. Кынин и Й. Лауфер. Москва, 1996. С. 125–126.

[4] България – своенравният съюзник на Третия райх. София, 1992. Док. № 193, 259–260.

[5] Roosevelt and Churchill. Their Secret Wartime Correspondence. New York, 1975. P. 3–174.

[6] *Mark E.* American Policy toward Eastern Europe and the Origins of the Cold War, 1941–1946: An Alternative Interpretation // The Journal of American History. Vol. 68. No 2. September 1981. P. 317.

[7] Containment: Documents on American Policy and Strategy, 1945–1950. Thomas H. Etzold and John Lewis Gaddis, Editors. New York, 1978. P. 28.

Т.В. Волокитина*

В ПОИСКАХ ВЫХОДА. БОЛГАРИЯ И АНТИГИТЛЕРОВСКАЯ КОАЛИЦИЯ ОСЕНЬЮ 1944 ГОДА

К моменту вступления Красной Армии в Европу весной 1944 г. позиция союзников по антигитлеровской коалиции в отношении будущего послевоенного миропорядка уже оформилась. Сталин, исходя из задачи недопущения в будущем новой германской агрессии, рассчитывал обеспечить «выгодные» для СССР европейские стратегические границы 1941 года, расширив советское военно-политическое присутствие в Восточной Европе и создав по западному периметру границ пояс безопасности. Западным союзникам послевоенные перспективы представлялись иначе. Черчилль размышлял о восстановлении традиционного равновесия сил в Европе, не исключая возможности привлечь в будущем поверженную Германию к противостоянию с Востоком. Рузвельт во главу угла ставил теорию «четырех полицейских», согласно которой державы-победительницы и Китай совместными усилиями, вплоть до силовых методов, обеспечивали бы мир, не допуская никаких посягательств со стороны агрессора (в качестве такового он не сбрасывал со счета и Германию). Но при всех различиях имелось в размышлениях лидеров великих держав и общее – усиление геополитического фактора в интересах своих стран.

Несомненно, через призму этих расчетов союзники рассматривали и освобождение Европы, в том числе урегулирование отношений с сателлитами Германии, устранение в них союзных агрессору правительств.

Ведущие державы антигитлеровской коалиции – Советский Союз, Соединенные Штаты и Великобритания, обсуждая

* Волокитина Татьяна Викторовна – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН.

перспективы стран фашистского блока, исходили из принципа их безусловной (безоговорочной) капитуляции. Впервые вопрос об этом был поставлен на конференции западных союзников в Касабланке 14 января 1943 г. Президент Соединенных Штатов Ф. Рузвельт, сформулировав главную военную цель союзников, подчеркнул, что они будут добиваться полной и безусловной капитуляции Италии, Японии и Германии и искоренения идеологии, основанной на завоевании и порабощении одного народа другим[1].

К тому времени исход сталинградского сражения и все очевиднее обозначавшийся коренной перелом в ходе войны заставили восточноевропейских сателлитов Германии задуматься об изменении своей внешнеполитической ориентации. С весны-лета 1943 г. руководители Венгрии и Румынии предпринимают попытки осторожного зондажа настроений союзников по антигитилеровской коалиции. Цель – нащупать возможные пути отхода от Германии. Методы и поле действий – дипломатические каналы в Мадриде, Лиссабоне, Анкаре. Москва, как свидетельствуют документы, владела информацией на этот счет, добытой не только из собственных источников, в том числе по линии разведки, но и полученной от союзников. В начале июня 1943 г. советское руководство сформулировало свою общую позицию в отношении стран-сателлитов. В ее основе лежали 4 принципа: «а) безоговорочная капитуляция; б) возврат захваченных ими территорий; в) возмещение причиненных войной убытков; г) наказание виновников войны»[2].

Важно подчеркнуть, что на том этапе наблюдалась согласованность действий участников коалиции и готовность к выработке общей позиции. Однако постепенно в треугольнике Лондон – Вашингтон – Москва начали проявляться и нарастать сложности. Важной вехой здесь явились события в Италии, где 10 июля 1943 г. после высадки союзнического десанта в Сицилии был открыт фронт военных действий. На повестке дня оказался вопрос не только о капитуляции германского союзника и выработке конкретного механизма ее реализации, но и о судьбе стран-сателлитов. В середине июля англичане сообщили о согласии с вышеперечисленными советскими принципами.

Безоговорочная капитуляция отнюдь не исключала зондажа или каких-либо иных форм переговоров о будущем капитулирующих стран. Факты продолжавшихся контактов западных союзников с венграми и румынами подтверждали это. Соглашаясь на безоговорочную капитуляцию, представители этих стран рассчитывали на установление военного сотрудничества с западными союзниками. Они не скрывали, что главным для них было опередить капитуляцией вступление Красной Армии.

Понимая, что самостоятельно принять капитуляцию у Венгрии и Румынии, как это произошло в Италии, практически нереально, Запад предлагал провести некоторые «полезные» для союзников мероприятия – предложить сателлитам прекратить любое сотрудничество с Германией, создавать немцам разного рода трудности и помехи, включая мелкий саботаж, и пр.

Для согласования позиций по отношению к сателлитам была достигнута договоренность о совместном обсуждении[3]. В повестке дня Московской конференции министров иностранных дел СССР, США и Великобритании, состоявшейся в октябре 1943 г., этот вопрос значился как «мирные пробные шары со стороны вражеских государств»[4], реакцию на которые предстояло выработать.

К началу работы конференции советская сторона располагала Памятной запиской британской стороны от 1 июля 1943 г. о принципах, которыми следовало руководствоваться при прекращении военных действий с европейскими странами – членами «оси». Документ подтверждал принцип безоговорочной капитуляции и содержал пункт о создании особого наблюдательного органа (комиссии) из числа политических представителей высокого ранга от США, Великобритании, СССР, Франции и малых европейских союзников для координации деятельности различных комиссий по перемирию, союзного главнокомандующего и любых гражданских властей, которые могли быть созданы, решения текущих вопросов военного, политического и экономического характера, направленных на поддержание порядка. Руководящему комитету комиссии из представителей США, Великобритании, СССР и Франции предлагалось действовать на основе «правила единогласия».

Инициатива англичан, по всей видимости, подтолкнула Москву к выработке принципиальной позиции по вопросам мирного урегулирования: в начале сентября 1943 г. при Наркомате иностранных дел СССР были созданы специальные комиссии – по вопросам мирных договоров и послевоенного устройства (комиссия М.М. Литвинова), по вопросам перемирия (комиссия К.Е. Ворошилова), а также по возмещению ущерба, нанесенного СССР гитлеровской Германией и ее союзниками (комиссия И.М. Майского). Среди материалов комиссии Ворошилова и нашла место означенная Памятная записка[5].

На Московской конференции Памятная записка получила новый «статус» – она трансформировалась в согласованную западными союзниками платформу по вопросу об их обращении с Германией и другими вражескими странами в Европе в течение периода перемирия. Советская сторона, таким образом, оказывалась перед единой позицией англичан и американцев, настроенных на выработку общей линии в отношении мирных зондажей со стороны вражеских государств.

Важнейшим результатом Московской конференции стало создание Европейской консультативной комиссии (ЕКК) из представителей СССР, Великобритании и США с задачей «рассматривать европейские вопросы, связанные с окончанием военных действий, которые три правительства признают целесообразным ей передать, и давать по ним трем правительствам совместные рекомендации». Особо оговаривалось пожелание – в качестве первостепенной задачи как можно скорее выработать «детальные рекомендации по поводу условий капитуляции, которые должны быть предъявлены каждому из европейских государств, с которым любая из трех держав находится в состоянии войны, а также по поводу механизма, необходимого для обеспечения выполнения этих условий»[6].

Таким образом, новому межсоюзническому консультативному органу предстояло осуществлять выработку и согласование статей будущих перемирий с отпадающими от фашистского блока сателлитами Германии, включая Болгарию.

Московская конференция закрепила важный с точки зрения дальнейшей перспективы *итальянский прецедент*, согласно которому устанавливаемый союзнический контроль оказывался всецело прерогативой той державы, чьи войска

вступили на территорию этой страны или нанесли ей поражение. Другим союзным странам отводились консультативные функции.

Вступив на территорию Италии, западные союзники самостоятельно, без участия советских представителей, выработали условия капитуляции, создали и полностью укомплектовали союзную администрацию и контрольную комиссию, руководимую главнокомандующим англо-американскими силами. Мало что меняло в этом механизме включение позднее в состав СКК советского представителя, за которым закреплялись функции наблюдателя и офицера связи между СКК и советским правительством. Это дало основание американскому исследователю Б. Лидделлу-Харту констатировать, что «по сути дела, русские были практически отстранены от всякого участия в подготовке капитуляции Италии»[7]. Хотя «по горячим следам» Москва негативно отреагировала на такое поведение союзников («США и Англия сговариваются...»[8]), их действия открывали перед ней возможность для аналогичных шагов в будущем, поскольку решающая роль Красной Армии в поражении германских сателлитов в Восточной Европе становилась все более очевидной. Это подтвердила и московская встреча, завершившаяся исключительно благоприятным для советской стороны признанием (хотя и не зафиксированным в секретном протоколе), что переговоры с воюющими против СССР Румынией, Венгрией и Финляндией, могут быть только по вопросу о безоговорочной капитуляции и что «советское правительство должно иметь решающий голос» в отношении этих стран. (В частности, именно такую формулировку предложил министр иностранных дел Великобритании А. Иден[9]). «Всякие другие переговоры – это нестóящие переговоры, они даже могут помешать решению главного вопроса, – подчеркнул в своем выступлении В.М. Молотов. – Во время теперешней войны переговоры могут идти не о перемирии, а только о капитуляции, о сдаче. ...Я уже не говорю здесь о том, что контролировать проведение половинчатых мер невозможно[10]».

Зафиксировав советский приоритет, союзники вместе с тем проявили единодушие в намерении равноправно сотрудничать, что нашло выражение в принятом конференцией решении «О линии поведения в случае получения пробных предло-

жений мира от враждебных стран». Согласно этому документу, правительства условились взаимно информировать друг друга о любых «пробных предложениях мира» и консультироваться друг с другом в целях согласования своих действий. Это решение вошло в секретный протокол встречи[11].

Возможность практического применения достигнутой договоренности открылась в конце февраля – начале марта 1944 г., когда американские союзники установили контакт с болгарскими представителями. О возникшем шансе начать переговоры о выходе Болгарии из войны американцы известили Лондон и Москву[12]. К инициирующим действиям болгар, несомненно, подтолкнуло военное давление – начавшиеся бомбардировки Софии авиацией союзников. После «черного понедельника» – 10 января 1944 г., когда было совершено два налета на болгарскую столицу, бомбардировки приняли систематический характер, особенно усилившись к весне. Состояние войны с Болгарией ставило западных союзников в положение активной стороны при выработке в ЕКК условий вывода Болгарии из войны, тогда как на долю СССР приходилась роль участника обсуждения предложенных партнерами проектов.

К тому времени, как этот вопрос перешел в практическую плоскость, советское правительство предприняло в апреле – мае 1944 г. ряд дипломатических шагов, направленных на то, чтобы заставить болгар ослабить сотрудничество с Берлином. В нотах от 17, 26 апреля, 9 и 18 мая оно заявило, что предоставление болгарскими властями территории страны для военных целей Германии несовместимо с «нормальными отношениями между СССР и Болгарией» и что «такое положение дальше терпимо быть не может»[13]. Отрицая обвинения, болгарская сторона, действовавшая в тесном контакте с германским союзником, уклонилась от требований Москвы предоставить возможность представителям советского правительства провести на месте необходимую проверку фактов использования Германией болгарской территории и портов против Советского Союза. По совету германского полномочного министра в Софии А. Бекерле, согласованному с Берлином, болгарские власти отказались открыть советские консульства в Варне, Бургасе и Русе, поскольку их наличие «дало бы русским возможность констатировать факт, что в Варне действительно строятся ко-

рабли, необходимые германским войскам» для борьбы с русскими подводными лодками на Черном море, разминирования и пр.[14].

13 мая 1944 г. в совместном заявлении правительств Советского Союза, Великобритании и Соединенных Штатов Америки, обращенном к сателлитам гитлеровской Германии, союзники отметили, что Венгрия, Румыния, Болгария и Финляндия «своей нынешней политикой и позицией существенно укрепляют силу германской военной машины». «Эти государства, – говорилось в заявлении, – все еще могут путем выхода из войны и прекращения своего пагубного сотрудничества с Германией и путем сопротивления нацистским силам всеми возможными средствами сократить срок европейской борьбы, уменьшить свои собственные жертвы, которые они понесут в конечном счете, и содействовать победе союзников. ... Чем дольше они будут продолжать участвовать в войне и сотрудничестве с Германией, тем более гибельными будут для них последствия и тем более суровыми будут условия, которые им будут предписаны»[15].

Болгарские власти всячески оттягивали разрыв с Германией. Объявив летом 1944 г. о «строгом» и «полном» болгарском нейтралитете, правительство Ивана Багрянова начало усиленно маневрировать, стремясь не порывать с Германией и избегать разрыва дипломатических отношений с СССР[16]. Более того, оно продемонстрировало намерение улучшить отношения с Москвой: из акватории Варненского порта были удалены германские военные суда, в Варне открылось советское консульство. Одновременно, понимая сложность возникшей для Болгарии обстановки, кабинет Багрянова рассчитывал использовать противоречия внутри антигитлеровской коалиции и путем усиления контактов с Великобританией и США попытаться вывести страну из войны[17]. Западные союзники, со своей стороны, также активизировали поиски возможности заключить с Болгарией сепаратный мир. К этому их подталкивали победоносное завершение Ясско-Кишиневской наступательной операции Красной Армии, капитуляция Румынии (23 августа 1944 г.) и ее переход на сторону антигитлеровской коалиции и, главное, быстрое приближение советских частей к болгарским границам.

Установить нужные контакты с западными представителями было поручено бывшему председателю Народного собрания Стойчо Мошанову, известному своими англофильскими настроениями[18]. Секретная миссия Мошанова, начатая в Анкаре, получила продолжение в конце августа 1944 г. в Каире, куда он прибыл по настоянию англичан для конкретных переговоров с Ближневосточным командованием союзнических сил[19].

К началу переговоров согласованный западными союзниками проект условий перемирия был передан 28 августа 1944 г. председателю ЕКК Ф.Т. Гусеву. Документ предусматривал прекращение военных действий против Объединенных Наций; разрыв отношений с Германией и другими враждебными Объединенным Нациям державами; эвакуацию вооруженных сил, администрации и подданных с оккупированных территорий; осуществление по требованию Объединенных Наций разоружения и демобилизации; выполнение требований союзников по использованию и контролированию транспорта на суше, в Черном море и на Дунае; освобождение военнопленных и интернированных из союзных стран, а также политических заключенных; отмену дискриминационного законодательства; арест военных преступников, указанных Объединенными Нациями; безоговорочное выполнение любых дипломатических требований союзных представителей; выплату репараций и оказание помощи в восстановлении Греции и Югославии. Объединенные Нации заявили также о праве размещать свои вооруженные силы и органы в Болгарии за счет Болгарии и использовать болгарскую территорию, средства и ресурсы.

Советская сторона, ознакомившись с документом, приняла решение не принимать участия в обсуждении условий капитуляции Болгарии и «предоставить правительствам США и Великобритании самим решить этот вопрос»[20]. При этом во внимание был принят прецедент неучастия американцев в обсуждении предварительных условий перемирия с Финляндией, поскольку Соединенные Штаты не находились в состоянии войны с ней. Ограничившись договоренностью с союзниками о получении от них информации о возможных изменениях в проекте условий перемирия, советская сторона с основанием рассчитывала на благоприятный для себя фактор времени: в конце августа Красная Армия подошла к северной границе

Болгарии. В данной обстановке не в интересах СССР было оказывать содействие Великобритании и США в заключении перемирия с Болгарией и, как следствие, в усилении их позиций на Балканах. Как показывают документы, союзники регулярно сообщали советской стороне о контактах с болгарами.

Одновременно советское руководство усилило нажим на Софию. Оно проигнорировало меры кабинета Багрянова по разоружению немецких частей, отступавших из Румынии через добруджанскую границу[21], равно как и требование болгар о выводе германских войск с территории страны. Попытка болгарского правительства изменить внешнеполитический курс страны не нашла отклика в Москве. В ноте от 29 августа 1944 г., переданной поверенным в делах СССР в Болгарии Д.Г. Яковлевым министру иностранных дел Пырвану Драганову, советская сторона указала на то, что «по достоверным данным» Болгария оказывает «прямую помощь немцам в войне против Советского Союза»: пропускает в Румынию через свою территорию части вермахта[22]. В действительности же дело заключалось в том, что болгарскому правительству не удалось добиться от Германии немедленного вывода из страны немецких войск, которые после разгрома Румынии отступали через болгарскую территорию в Сербию[23]. Усилия правительства убедить Москву в своем «полном нейтралитете» оказались тщетными. 30 августа 1944 г. ТАСС опроверг слухи о признании и одобрении советским правительством нейтралитета Болгарии, подчеркнув его совершенную недостаточность в сложившейся обстановке[24].

Тем временем переговоры в Каире начали пробуксовывать. Первый день пребывания болгарской делегации (Мошанов, Желязков) в Каире совпал с отставкой правительства Багрянова, по письменному поручению которого должны были действовать болгарские представители. Оставшаяся без полномочий делегация была вынуждена довольствоваться заслушиванием подготовленных английской и американской сторонами условий перемирия. Предстояло ждать новых указаний из Софии.

Правительственный кабинет Константина Муравиева в декларации от 4 сентября 1944 г., подтвердив «полный нейтралитет», вызвал недовольство Москвы. Советская сторона в ответ

заявила, что болгарский нейтралитет выгоден лишь для Германии, а от Болгарии требуется полный разрыв с ней[25]. Очевидное недоверие к правительству Муравиева было проявлено в то время, когда советское военное командование завершало разработку операции «Болгария» – вступления Красной Армии в пределы страны. План был готов 4 сентября и на следующий день утвержден Ставкой Верховного Главнокомандования[26]. В этих условиях начало переговоров с западными союзниками о выходе Болгарии из войны помешало бы и осуществлению планируемых БКП и поддерживаемых советским руководством радикальных действий по смене режима в стране.

Тем временем события стремительно катились к развязке. 5 сентября 1944 г. СССР, предварительно проинформировав западных союзников, объявил, что разрывает отношения с Болгарией и вступает в состояние войны с ней. Болгарскому полномочному министру в Москве Ивану Стаменову была вручена соответствующая нота советского правительства. С объявлением войны Советский Союз обрел по отношению к Болгарии статус воюющей страны, сравнявшись, таким образом, со своими западными союзниками. Возможность сепаратного мира была сорвана, и западным союзникам не оставалось ничего другого, как потребовать от болгар безусловной капитуляции.

Расчеты советского руководства оправдались: кабинет Муравиева рано утром 6 сентября принял решение разорвать отношения с Германией и обратиться к советскому правительству с предложением о перемирии. Вступление в силу этого решения по настоянию военного министра генерала Ивана Маринова было якобы по военным соображениям отсрочено на 72 часа. Москва, получившая временнóй выигрыш, никак не отреагировала на этот уже запоздалый шаг болгарской стороны.

Вплоть до 8 сентября 1944 г. советская сторона не предпринимала никаких военных действий по операции «Болгария». Информированное через Георгия Димитрова о готовившемся в стране государственном перевороте, советское руководство активно содействовало его подготовке: авиация 3-го Украинского фронта в течение трех ночей перебрасывала оружие, боеприпасы, амуницию и иные военные грузы в район Добро-Поле и Црна-Трава (поблизости от болгаро-югославской гра-

ницы), где формировалась Первая Софийская партизанская дивизия. Командир партизанских сил Денчо Знепольский сообщал, что удалось «отлично» вооружить около 10 тыс. болгарских и югославских партизан, а часть оружия даже отправить во внутренние районы страны[27]. Советская сторона пошла навстречу просьбе Димитрова и об оказании материальной помощи болгарским коммунистам, предоставив БКП 50 тыс. долларов – «подотчетно», под личную ответственность Димитрова и Загранбюро ЦК за «конкретное использование» суммы[28].

Выжидательная позиция советской стороны преследовала несколько целей. С одной стороны, давала возможность Отечественному фронту (ОФ) своими силами взять власть, а с другой – избежать проявлений недовольства западных союзников и возможных упреков в прямом вмешательстве в болгарские дела. Так или иначе, Красная Армия ступила на землю Болгарии 8 сентября 1944 г. К этому моменту власть ОФ была установлена в значительной части населенных пунктов, в том числе в 11 городах и 110 селах, прежде всего в районах активных действий партизан или примыкавших к полосе наступления 3-го Украинского фронта[29]. В ночь с 8 на 9 сентября силами перешедших на сторону ОФ воинских частей[30] были захвачены основные правительственные учреждения в Софии, а в 6 часов утра 9 сентября премьер-министр нового правительства Кимон Георгиев объявил по столичному радио о переходе власти в руки Отечественного фронта. 9 сентября 1944 г. по приказу Верховного Главнокомандующего Сталина операции в Болгарии были завершены[31]. В тот же день правительство ОФ направило к командованию Красной Армии полномочную делегацию для переговоров об условиях перемирия с Объединенными Нациями и об установлении взаимодействия советских и болгарских войск в будущих военных действиях на Балканах.

В новой обстановке ведущая роль в вопросе мирного урегулирования перешла к СССР, поскольку советские вооруженные силы находились на территории Болгарии. Советский представитель в ЕКК уведомил членов комиссии, что его правительство считает необходимым заново обсудить в Комиссии условия перемирия. Не ограничиваясь отдельными поправками и дополнениями к проекту перемирия, предложенному ранее

англичанами и американцами, советская сторона 12 сентября представила в ЕКК свой проект.

Его обсуждение в Комиссии показало, что камнем преткновения стали, по существу, три пункта: о месте подписания перемирия и подписантах от имени союзников; о статусе Болгарии по отношению к Объединенным Нациям после ее присоединения к ним; об организации союзнического контроля в Болгарии и принципах деятельности Союзной контрольной комиссии (СКК).

Основными оппонентами являлись советские и английские представители. Американцы поначалу заняли осторожно-уклончивую позицию, претендуя, таким образом, на роль посредника. Отсюда компромиссный характер их предложений, который фактически все же означал поддержку англичан[32].

Вопрос о том, кто будет подписывать перемирие от имени союзников – представитель Советского Главнокомандования или Верховного Командующего Союзников в Средиземном море, – решился на компромиссной основе: подписание договорились поручить двум представителям. По уполномочию правительств трех держав эта задача возлагалась на маршала Советского Союза Ф.И. Толбухина и генерал-лейтенанта Джеймса Гаммеля. Местом подписания была определена Москва, как это и предлагал советский проект (англичане отдавали предпочтение Каиру).

По второму вопросу была принята позиция западных союзников. В тексте перемирия было предложено отметить факт разрыва Болгарии с Германией и прекращения состояния войны с Объединенными Нациями. Вместо же констатации фактического участия Болгарии в войне против Германии, на чем настаивала советская сторона, предлагалось указать на обязательство Болгарии предоставить свои войска для действий под советским командованием. Таким образом, уже на этой стадии обозначился будущий спорный вопрос, имевший ключевое для судьбы Болгарии значение, – о статусе совоюющей стороны.

По вопросу об СКК стороны согласились с американским предложением разделить весь период перемирия на два этапа: 1) от заключения перемирия до окончания военных действий в Европе и 2) от окончания военных действий до подписания Мирного договора с Болгарией. Общее руководство Комисси-

ей на первом этапе было оставлено за Союзным (Советским) Главнокомандованием, а договориться по вопросу о втором этапе на стадии обсуждения в ЕКК не удалось. Западные союзники предлагали, чтобы СКК действовала на втором этапе в соответствии с инструкциями правительств трех стран. Это означало, что ведущая роль СССР в СКК признавалась союзниками только на первом этапе, а в дальнейшем ее должно было сменить «равное участие» трех держав. Для советской стороны такой подход был неприемлемым, он оценивался как покушение на прерогативы советских представителей в СКК в дальнейшем. Окончательное решение вопроса мыслилось в правовом поле некоторого расширения компетенции западных представителей в СКК. Однако конкретизировать это положение не удалось. В окончательный документ – Соглашение о перемирии – было включено советское определение, что СКК учреждается «на весь период перемирия» и будет решать возложенные на нее задачи «под председательством представителя Союзного (Советского) Главнокомандования с участием представителей Соединенного Королевства и Соединенных Штатов»[33]. Американские представители оставили за собой право позднее вернуться к вопросу об организации работы СКК на втором этапе, однако это оговорка не была зафиксирована ни в тексте Соглашения, ни в прилагавшемся к нему протоколе.

Готовя подписание Соглашения о перемирии с Болгарией, союзники опирались на уже имевшиеся аналогичные документы по Италии и Румынии, закрепившие приоритеты, соответственно, западных и советских интересов и доминирующую роль Запада и Востока при решении вопросов будущего развития указанных стран. Документы, однако, свидетельствуют, что в болгарском случае события развертывались не столь гладко, как можно было ожидать, исходя из имевшихся прецедентов. Стороны не упускали возможности «утяжелить» свой собственный вес и влияние в Болгарии, отступая подчас от согласованных ранее позиций и прибегая к двойным стандартам. Болгария явилась, в конечном счете, ареной достаточно жесткого противостояния союзников по антигитлеровской коалиции, пробы их сил и установления допустимых пределов, как наступления, так и отступления. Вместе с тем нельзя недо-

оценивать и практику совместного обсуждения и принятия консолидированных решений по важнейшим политическим вопросам как текущего дня (ведение военных действий против общего противника), так и более отдаленной, но становившейся все более реальной перспективы перехода к послевоенному миру. Основные принципы Соглашения о перемирии с Болгарией легли позднее в основу заключенного в 1947 г. мирного договора с этой страной.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Подробнее см.: 72 года назад в Касабланке договорились требовать безусловной капитуляции Германии, Италии и Японии – http://lombard-vip.com/extnews/286181/kompanii/72godanazadvkasablankedog.html

[2] Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Том I. Московская конференция министров иностранных дел СССР, США и Великобритании (19–30 октября 1943 г.). Сборник документов (далее – Московская конференция). М., 1978. С. 396 (сноска 66).

[3] Там же. С. 397 (сноска 66).

[4] Московская конференция. С. 48, 274 (Проект повестки дня, предложенный правительством Великобритании. 19 сентября 1943 г.; Повестка дня конференции министров иностранных дел СССР, США и Великобритании. 19 октября 1943 г.).

[5] Архив внешней политики Российской Федерации (далее – АВП РФ). Ф. 0511. Оп.1. П. 1. Д. 1. Л. 34–37.

[6] Московская конференция С. 148 (Приложение № 2. Европейская консультативная комиссия).

[7] *Liddell-Hart* B. History of the Second World War. New York, 1993. P. 719.

[8] *Исраэлян В.Л.* Антигитлеровская коалиция (Дипломатическое сотрудничество СССР, США и Англии в годы Второй мировой войны). М., 1964. С. 282–285; Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны 1941–1945: в 2-х томах. Т. 2. М., 1984. С. 7–8, 57,61–62, 67, 77, 85–86.

[9] Московская конференция. С. 188 (Запись седьмого заседания конференции министров иностранных дел СССР, США и Великобритании. 25 октября 1943 г.).

[10] Там же. С. 187–188 (Запись седьмого заседания конференции министров иностранных дел СССР, США и Великобритании. 25 октября 1943 г.).

[11] Там же. С. 343–344 (Секретный протокол конференции).

[12] *Калинова Е.* Победителите и България. 1939–1945. София, 2004. С. 31.

[13] Нота миссии СССР в Болгарии правительству Болгарии по вопросу об учреждении трех советских консульств. 18 мая 1944 г. // Советско-болгарские отношения и связи. Документы и материалы: в 3-х томах. Том 1. Ноябрь 1917 – сентябрь 1944 г. /Отв. ред. Л.Б. Валев, В. Хаджиниколов/. М., 1976. С. 593–594.

[14] Служебная записка министра иностранных дел Болгарии Д. Шишманова по вопросу об открытии советских консульств в Варне, Бургасе и Русе. 8 мая 1944 г. // Советско-болгарские отношения и связи. С. 592.

[15] Заявление правительств Советского Союза, Великобритании и Соединенных Штатов Америки, обращенное к сателлитам гитлеровской Германии – Венгрии, Румынии, Болгарии и Финляндии. 13 мая 1944 г. // Советско-болгарские отношения и связи С. 593.

[16] *Мигев В.* Иван Багрянов (1891–1945) // Български държавници и политици. 1918–1947. София, 2000. С. 168–184.

[17] *Валева Е.Л.* Болгария в годы Второй мировой войны // Болгария в XX веке. Очерки политической истории. М., 2003. С. 288.

[18] См., например: *Пинтев С.* Англия и мисията на Стойчо Мошанов в Кайро // Векове. София, 1981. Кн. 5.

[19] Подробнее см.: *Мошанов Ст.* Моята мисия в Кайро. София, 1991.

[20] АВП РФ. Ф.06. Оп.6. П.34. Д.403а. Л.2.

[21] Циркулярная шифрованная телеграмма МИД Болгарии представительствам в СССР, Турции, Испании, Швеции, Венгрии, Германии и др. об указании правительства разоружать немецкие части, идущие через Болгарию. 26 августа 1944 г. // Советско-болгарские отношения и связи. С. 599.

[22] Нота правительства СССР правительству Болгарии с предложением немедленно прекратить пропуск немецких войск на румынскую территорию. 29 августа 1944 г. // Советско-болгарские отношения и связи. С. 600.

[23] Болгария // Русский архив. 14–3(2). Великая Отечественная. Красная Армия в странах Центральной и Северной Европы и на Балканах. Документы и материалы. 1944–1945. М., 2000. С. 84.

[24] Опровержение ТАСС по поводу так называемого «болгарского нейтралитета» // «Известия». 30 августа 1944 г.

[25] *Калинова Е.* Победителите и България. С. 105.

[26] План представителя Ставки Верховного Главнокомандования и командования 3-го Украинского фронта на болгарскую операцию, представленный Верховному Главнокомандующему Красной Армии.

4 сентября 1944 г. // Българо-съветски политически и военни отношения (1941–1947). Статии и документи. София, 1999. С. 190–192.

[27] *Винаров И.* Бойци на тихия фронт. София, 1969. С. 506; *Калинова Е.* Победителите и България. С. 105.

[28] Российский государственный архив социально-политической истории. Ф.82. Оп.2. Д.1131. Л.57; *Георги Димитров.* Дневник (9 март 1933 – 6 февруари 1949). София, 1997. С. 436, 438.

[29] *Исусов М.* Политическите партии в България. 1944–1948. София, 1978. С. 16.

[30] Подробнее см.: *Валева Е.Л.* Болгария в годы Второй мировой войны. С. 295; *Исусов М.* Политическите партии в България. С. 19.

[31] Приказы Верховного Главнокомандующего в период Великой Отечественной войны Советского Союза. М., 1975. С. 234.

[32] *Гибианский Л.Я.* Советский Союз и соглашения о перемирии с Румынией, Болгарией и Венгрией // Études balkaniques. 1983. № 1. С. 21.

[33] Соглашение между правительствами Советского Союза, Соединенного Королевства и Соединенных Штатов Америки, с одной стороны, и правительством Болгарии, с другой стороны, о перемирии. 28 октября 1944 г. // Советско-болгарские отношения и связи. Документы и материалы. Том 2. Сентябрь 1944 – декабрь 1958 г. /Отв. ред. Р.П. Гришина, В. Божинов/. М., 1981. С. 39.

Н.В. Васильева*

ОТ ВОЙНЫ К МИРУ: НЕКОТОРЫЕ ДИСКУССИОННЫЕ АСПЕКТЫ ПОЛИТИКИ СОВЕТСКИХ ВОЕННЫХ ВЛАСТЕЙ В БОЛГАРИИ (СЕНТЯБРЬ 1944 – МАЙ 1945 гг.)

Проблемы изучения деятельности военной администрации СССР на территориях зарубежных стран на заключительном этапе Второй мировой войны приобретают особую актуальность в современных условиях. Это связано не только с необходимостью осмысления различных аспектов данной проблематики в их конкретно-историческом измерении с учетом расширения документальной базы исследования, но и с возрастанием значения исторического опыта военного присутствия российских вооруженных сил за рубежом, включая вопросы международно-правового характера, в том числе взаимоотношений с местным населением. Ныне эту тематику принято относить к силовому компоненту действия «советского фактора» в восточноевропейских странах.

В большинстве современных российских и болгарских исследований доминирует точка зрения, что, в отличие от государств-членов антигитлеровской коалиции, деятельность советских военных властей и военной администрации в странах – бывших союзниках нацистской Германии, включая Болгарию, регламентировалась Соглашениями о перемирии. Советское военное присутствие в ряде стран Европы являлось согласованным великими державами международно-правовым актом, направленным на претворение в жизнь совместных решений великих держав антигитлеровской коалиции,

* Васильева Нина Владимировна – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Научно-исследовательского института (военной истории) Военной академии Генерального штаба Вооруженных сил Российской Федерации.

зафиксированных в пунктах Декларации об освобожденной Европе, документах Тегеранской и Крымской конференций, а также в ряде других договоренностей.

Целесообразно подчеркнуть, что при исследовании данной тематики нельзя не учитывать, что Красная Армия (в период Великой Отечественной войны официальное название – Рабоче-Крестьянская Красная Армия) даже по своему названию отражала не национально-государственную принадлежность, а социально-классовое предназначение, присущее ей с первых дней создания советского государства. Правда, с началом Великой Отечественной войны Советского Союза произошла корректировка официальных идеологических формулировок, определявших задачи Красной Армии. На первый план были выдвинуты патриотические, национально-освободительные цели борьбы против нацистской Германии и ее союзников, которые совпадали со справедливым, освободительным характером Второй мировой войны со стороны стран антигитлеровской коалиции и порабощенных фашизмом народов. «Мессианские» принципы пролетарского интернационализма, отражавшие идейные основы советского строя, трансформировались в понятие «интернациональный долг», подразумевавший задачи оказания помощи народам Европы в их освобождении от фашистского гнета, сформулированные И.В. Сталиным в его выступлении по радио 3 июля 1941 г.[1].

Необходимо отметить, что перенос военных действий Красной Армии за государственную границу СССР в 1944 г. был всесторонне подготовлен деятельностью советской дипломатии на международной арене и работой политических органов в армии, прежде всего Главным Политическим управлением РККА (ГлавПУ РККА). Например, еще в марте 1944 г. ГлавПУ РККА приступило к разработке конкретного плана политической работы среди населения Румынии, Польши, Югославии и других стран[2].

При этом существовал дифференцированный подход в отношении группы стран, воевавших на стороне Германии, и оккупированных Германией и ее союзниками. Были составлены воззвания, подготовленные Военными советами фронтов, обращения на митингах и через средства массовой информации, включая газеты, листовки, радио, в которых разъяснялось, что

вступление Красной Армии на территорию стран, воевавших на стороне фашистского блока, вызвано исключительно военной необходимостью, а не завоевательными целями; что Советский Союз не покушается на суверенитет и национальную независимость Венгрии, Румынии, Болгарии. Учитывалась также роль этих стран в войне против СССР и участие их вооруженных сил в военных действиях на советско-германском фронте. Например, в обращении командующего войсками 3-го Украинского фронта к болгарскому народу подчеркивалось, что Красная Армия не имеет намерения воевать с болгарским народом и его армией, так как «считает болгарский народ братским народом»[3].

Важнейшим элементом организации и управления жизнью на освобожденных Красной Армией территориях становились военные комендатуры, которые по решению Государственного комитета обороны СССР (ГКО СССР) создавались Военными советами фронтов. Военные комендатуры действовали во всех освобожденных городах, уездных и волостных центрах, крупных населенных пунктах и на железнодорожных станциях. Деятельность комендатур регламентировалась инструкциями, разработанными Военными советами фронтов и армий с учетом военно-политической обстановки в каждой стране. Главной задачей военных комендантов было создание благоприятных условий для военных действий Красной Армии – организация порядка на освобожденной территории, оказание содействия местным органам власти и осуществление контроля над их деятельностью, а в ряде случаев – прямое участие в создании гражданской администрации на освобожденной территории.

По некоторым данным, к концу 1944 г. на территории Болгарии действовали 53 военные комендатуры[4]. Вначале у советских военных комендатур не было опыта практической работы, которую они должны были вести на освобождаемых территориях за рубежом. К тому же в первые месяцы пребывания советских войск в освобожденных ими странах военные коменданты назначались частью, которая дислоцировалась в том или ином районе, а с уходом ее прекращалась деятельность и военного коменданта. В дальнейшем военных комендантов назначали приказом Военного совета армии, а затем –

Военного совета фронта[5]. Приказом народного комиссара обороны СССР от 19 января 1945 г., о порядке использования трофейного имущества, наряду с другими задачами, устанавливалось, что «комендатуры формируются военными советами фронтов и армий в пределах границ армий и при продвижении частей оставляются как территориальные органы на местах с развертыванием новых комендатур на вновь занятой территории»[6]. Тем же приказом на всех фронтах за счет фронтового и армейского резерва в городах и крупных населенных пунктах стали назначаться помощники военных комендантов по хозяйственным вопросам

Однако необходимо отметить, что, к сожалению, к настоящему времени в России и Болгарии опубликовано крайне мало документальных материалов, освещающих конкретную деятельность отдельных фронтовых и армейских органов РККА, особенно военных комендатур.

Сложными и неоднозначными, на наш взгляд, представляются вопросы обоснованности вступления советских войск в Болгарию в сентябре 1944 г. и объявления СССР войны Болгарии. Ряд исследователей полагают, что в действиях СССР в отношении этой страны превалировали политические мотивы над военно-стратегическими[7]. Вместе с тем, анализ военно-политической ситуации в Болгарии и на Балканах в целом, а также имеющиеся ныне в распоряжении исследователей документы свидетельствуют, что военно-стратегическая обстановка на южном крыле советско-германского фронта к осени 1944 г. была такова, что «нейтральная» Болгария и неустойчивая прогерманская позиция ее правящих кругов не давали гарантий для успешного наступления войск Красной Армии в Югославии, а также на будапештско-венском направлении. Следует учитывать, что одним из важных условий нейтралитета, предусмотренных Гаагской конвенцией 1907 г., являлось запрещение использования воюющими сторонами территории нейтральной страны для проведения через нее войск, транспортов с оружием и военными материалами[8]. Как свидетельствуют факты, это условие правительство К. Муравиева после заявления о «полном нейтралитете» Болгарии не соблюдало. Объявленный болгарским правительством нейтралитет был использован для укрепления военных позиций германских

войск в Югославии. Для их снабжения немецкие грузы из Болгарии продолжали уходить в Сербию. В Москву также поступала информация о возможной военной интервенции немцев в Болгарию и о подготовке там государственного переворота в пользу Германии[9]. Поэтому военный фактор имел важнейшее значение при планировании советским командованием военных действий на Балканах и, в частности, в Болгарии осенью 1944 г.

У современных болгарских историков существуют различные мнения относительно прихода к власти правительства Отечественного фронта и роли советских войск. Выдвигается, например, тезис, что Красная Армия оккупировала Болгарию и передала власть Болгарской рабочей партии (БРП)[10]. Однако, как свидетельствуют факты, никакой передачи власти болгарским коммунистам со стороны советского военного командования не было. В плане Болгарской операции не предусматривалось овладение советскими войсками важнейшим политическим и стратегическим центром страны – городом Софией[11]. Советское командование предусматривало, что центральная и западная части Болгарии, включая ее столицу, могут быть освобождены повстанческими войсками и революционными рабочими отрядами. Выжидательная позиция Красной Армии на границах Болгарии после объявления 5 сентября 1944 г. Советским Союзом ей войны и вплоть до перехода 8 сентября войсками 3-го Украинского фронта румыно-болгарской границы создавала благоприятные условия для самостоятельного прихода к власти правительства Отечественного фронта (ОФ), в котором решающую роль играла Болгарская рабочая партия (БРП). Тем более, что комитеты ОФ еще 6–7 сентября установили свою власть более чем в 160 болгарских населенных пунктах[12]. Советские войска были остановлены в 360–400 км от Софии и в 400–460 км от болгаро-югославской границы. Лишь 15 сентября 1944 г. в Софию вошли части и соединения специальной Софийской группы войск, созданной в соответствии с директивой Ставки советского Верховного Главнокомандования от 13 сентября[13].

Вместе с тем нельзя не признать, что в фактах объявления СССР войны Болгарии и последующего военного присутствия советских войск на болгарской территории заключались

и политические мотивы, прежде всего геополитические интересы Советского Союза, стремление не допустить укрепления здесь позиций западных союзников, а в Болгарии – явно проанглийски настроенных политических сил. Чтобы исключить возможность какого-либо вмешательства войск западных союзников, находившихся в Греции, а также действий Турции, советское командование решило, чтобы войска Красной Армии прочно заняли приморскую часть Болгарии. В случае осуществления «балканского варианта», главную роль на полуострове стали бы играть англо-американские вооруженные силы[14]. Вряд ли это соответствовало геополитическим интересам СССР, а также в той конкретно-исторической обстановке и национальным интересам Болгарии. Ибо, как свидетельствуют документы, еще при предварительной подготовке условий перемирия с Болгарией англо-американские союзники планировали свое участие в оккупации ее территории. Так, в английском проекте условий капитуляции, представленном в Европейскую консультативную комиссию в июне 1944 г., имелась статья об использовании и оккупации союзниками болгарской территории, а в американском проекте указывалось, что союзные правительства, подписавшие документ о капитуляции, должны иметь право оккупировать любыми вооруженным силами любую или все части болгарской территории и пользоваться во всей стране законным правом оккупационной державы[15].

Несомненно, что присутствие советских войск в Болгарии стало серьезным аргументом в пользу СССР на советско-английских переговорах И.В. Сталина и У. Черчилля в Москве 9–18 октября 1944 г. На этих переговорах премьер-министр Великобритании и министр иностранных дел А. Иден настаивали на «наказании» Болгарии и участии Англии в «осуществлении контроля» над ней. Советская сторона отвергла эти предложения как неприемлемые[16].

Необходимо подчеркнуть, что утвердившаяся ранее в историографии советского периода точка зрения о том, что советская сторона в лице Сталина отвергла предложение Черчилля о распределении в процентном соотношении влияния между Великобританией и СССР в балканских странах, включая Болгарию, сегодня не находит документального подтверждения.

Опубликованная к настоящему времени архивная запись беседы британского премьера со Сталиным от 9 октября 1944 г. в Москве и другие документы о советско-английских переговорах свидетельствуют, что советский лидер принял участие в обсуждении процентных соотношений распределения влияния в этих странах. Например, Сталин возразил против 25%, предложенных Черчиллем для определения влияния Англии в Болгарии, и настаивал на 90% для Советского Союза[17]. В конечном итоге была достигнута договоренность о том, что процент «советского влияния» в Болгарии и Венгрии составит 80%[18].

Как известно, 28 октября 1944 г. в Москве было подписано Соглашение о перемирии между правительствами Советского Союза, Соединенного Королевства и Соединенных Штатов Америки, с одной стороны, и правительством Болгарии – с другой. Соперничество между СССР и западными партнерами при подготовке Соглашения выиграла советская сторона. В результате занятой представителями СССР твердой позиции попытки американской и английской сторон добиться условий оккупации Болгарии, а также передачи, использования или отдачи под контроль союзников военных материалов, собственности, ресурсов и т.д., не увенчались успехом и их требования не были включены в Соглашение[19]. В итоге была принята 3-я статья в формулировке о том, что Болгария «обеспечит советским и другим союзным войскам возможность свободного передвижения по болгарской территории в любом направлении, если этого потребует, по мнению Союзного (Советского) Главнокомандования, военная обстановка»[20].

В соответствии с 18-й статьей Соглашения в Болгарии учреждалась Союзная Контрольная Комиссия под председательством Союзного (Советского) Главнокомандования. Председателем СКК был назначен Маршал Советского Союза Ф.И. Толбухин, заместителем председателя – генерал-полковник С.С. Бирюзов, политическим советником – полномочный министр А.А. Лаврищев, помощником председателя – генерал-лейтенант А.И. Черепанов. В течение периода между вступлением в силу перемирия и окончанием военных действий против Германии СКК, согласно этой статье Соглашения, находилась под общим руководством Союзного (Советского) Главнокомандования[21]. Фактическим руководителем комиссии был

заместитель председателя СКК С.С. Бирюзов. Примечательно, что Проект постановления Совнаркома СССР о создании СКК в Болгарии, ее составе, а также положение о СКК были обсуждены на заседании Политбюро ЦК ВКП(б) и утверждены решением от 11 ноября 1944 г. Положением предусматривалось, что СКК имела постоянных уполномоченных в областях, а для организации контроля на местах она могла направлять их в части болгарской армии, военно-морского флота, в порты, на железные дороги, в органы связи, на важнейшие предприятия и в гражданские учреждения[22]. В работе СКК принимали участие также английские и американские представители во главе с генералами В. Оксли и Д. Крейном, тем не менее, решающую роль в ней играла советская сторона. Таков был результат англо-советского компромисса, достигнутого, скорее всего, в обмен на аналогичную договоренность относительно советского невмешательства в греческие дела[23]. Согласно воспоминаниям А.И. Черепанова, в составе советской части СКК было четыре генерала, один контр-адмирал, более 100 офицеров, а всего 270 человек[24].

Органы советской военной администрации активно содействовали выполнению всех пунктов Соглашения о перемирии. Это, прежде всего, касалось обязательств Болгарии по ее участию в войне против Германии, в том числе и по выплате денежных средств и предоставлении товаров (горючего, продуктов питания и т.п.), которые требовались Союзному (Советскому) Главнокомандованию для выполнения его функций[25]. Важным пунктом был контроль за выполнением обязательств по ликвидации любых проявлений фашизма и содействие установлению демократического режима, контроль за роспуском всех прогерманских и других фашистских политических, военных, военизированных, а также других организаций, ведущих враждебную Объединенным Нациям пропаганду. СКК должна была осуществлять проверку выполнения болгарским правительством пункта о выявлении, задержании военных преступников и суда над ними и пр.[26].

Ряд современных болгарских исследователей склонны полагать, что процесс дефашизации, проходивший в соответствии с Соглашением о перемирии, в Болгарии приобрел характер массовых репрессий со стороны коммунистов против

своих политических противников. В этом ключе важен вопрос о том, какова была позиция советских военных властей в отношении подобных действий? Насколько можно судить по имеющимся документам и материалам, представители советского командования отнюдь не одобрительно относились к массовым арестам офицерского состава Болгарской армии осенью 1944 г. Так, в донесениях, поступавших в политуправление 3-го Украинского фронта и в ГлавПУ РККА, положение в Болгарской армии оценивалось как неблагополучное. Пагубные результаты массовых арестов офицерского состава сразу же дали свои отрицательные результаты. Например, при первых же стычках с немецкой армией в районе Кула (в середине сентября 1944 г.), болгарские войска потерпели поражение[27].

Разнообразные данные свидетельствуют, что в тот период советское руководство и советские военные власти в Болгарии обращали внимание на левацкие проявления в Болгарской армии. Эта тенденция была отмечена и на высоком государственном уровне. Например, на переговорах о перемирии в Москве В.М. Молотов задал болгарской делегации (П. Стайнов, Д. Терпешев, Н. Петков, П. Стоянов) несколько вопросов относительно положения в армии и отметил, что там имеется «левый уклон», и что наличие «дисциплинированной и боеспособной армии» предполагает необходимость сохранения опытного, готового выполнять боевые задачи офицерства, возвращения на службу уволенных по тем или иным причинам офицеров[28]. В донесениях советских политорганов обращалось внимание на общую психологическую неподготовленность Болгарской армии и населения к участию в войне против Германии; говорилось о том, что болгары не осознали размера военной помощи, оказанной их страной Гитлеру; подчеркивалась необходимость решения главной задачи – усиления массовой политической работы по активизации борьбы на фронте против гитлеровцев[29]. Советская сторона рекомендовала для нормализации положения в армии создать специальные государственные комитеты, которые бы на основе фактов объективно определяли «качество» того или иного офицера. Эти соображения были изложены начальнику штаба Болгарской армии П. Илиеву и секретарю ЦК БРП (к) Тр. Костову 27 сентября 1944 г.[30]

Эти далеко не полные данные подтверждают приоритет военных задач, которые решал Советский Союз и его войска своим военным присутствием в Болгарии в 1944 г. При этом советское военное командование исходило из необходимости более быстрого и эффективного включения Болгарской армии в боевые действия на территории Югославии.

На ужесточение позиции советской военной администрации в определенной мере повлияла внутриполитическая обстановка, сложившаяся в Болгарии после того, как 23 ноября 1944 г. болгарский Совет министров принял постановление № 4, согласно которому все офицерские чины действующей армии и запаса, совершившие или обвинявшиеся в совершении преступлений по закону о Народном суде, а также обвинявшиеся в злодеяниях, связанных с войной, могли быть направлены в действующие части, чтобы непосредственным участием в боях против немецких войск искупить свою вину. Право устанавливать, на кого из военнослужащих распространялось это постановление, было дано военному министру генералу Д. Велчеву. Заграничное руководство БРП (к) во главе с Г. Димитровым, находившимся в Москве, расценило действия Велчева как провокационные, ведущие к правительственному кризису. По данным болгарских исследователей, члены ЦК БРП (к) Тр. Костов и А. Югов обратились в СКК за поддержкой. В телеграмме Костова Г. Димитрову в Москву отмечалось, что С.С. Бирюзов резко реагировал на постановление Велчева и даже заявил, что в случае крайней необходимости поставит вопрос о выводе болгарских войск из Софии[31]. Таким образом, советская военная администрация поддержала коммунистов в их стремлении контролировать армию, и эта поддержка со стороны СКК во многом предотвратила эскалацию кризиса. В то же время Москва не одобряла такое обострение ситуации, требовала от коммунистов большей гибкости в политике и сотрудничестве с другими партиями в Отечественном фронте.

Официально советская сторона придерживалась общих согласованных союзнических договоренностей о дефашизации и демократизации стран фашистского блока и наказании военных преступников. Советские военные власти контролировали выполнение пунктов Соглашения о перемирии с Болгарией, касавшихся обязательств сотрудничать при задержании

лиц, обвиняемых в военных преступлениях, и проведении суда над ними, а также о роспуске находившихся на болгарской территории всех прогитлеровских или других фашистских организаций.

В ходе разгоревшейся в Болгарии в 90-е годы XX в. дискуссии большинством болгарских авторитетных историков было высказано мнение, что в годы Второй мировой войны правящие режимы в странах-сателлитах Германии были скорее авторитарными, чем фашистскими. Многие болгарские исследователи также склонны полагать, что БРП (к) сознательно преувеличивала опасность со стороны остатков «фашистских» сил и сторонников прежнего режима. При этом истинными причинами масштабов репрессий было нарушение законности. Например, в ходе посещения заместителем политсоветника СКК К.Д. Левычкина ряда болгарских городов было выяснено, что в Бургасе с сентября 1944 г. по январь 1945 г. из арестованных 1100 чел. 300 чел. были расстреляны без суда, в Пловдиве из 1400 чел. также около 300 чел. расстреляны без суда. По признанию секретаря ЦК БРП (к) Тр. Костова, сделанному в докладе для отдела международной информации ЦК ВКП (б) 26 января 1945 г. в Москве, «бывали случаи произвольных арестов, избиений и даже убийств без суда и без приговора», имелись случаи сведения личных счетов[32].

Необходимо отметить, что из Москвы была дана официальная установка о невмешательстве СКК в работу народных судов. Так, согласно специальной записке, подготовленной 4-м Европейским отделом НКИД для А.Я. Вышинского и В.Г. Деканозова в январе 1945 г., попытки некоторых сотрудников СКК повлиять на определение сроков судебного заключения некоторых подсудимых в Болгарии были резко осуждены[33].

Официальная советская точка зрения по поводу приговоров Народного суда Болгарии была высказана заместителем министра иностранных дел СССР А.Я. Вышинским на пленарном заседании Парижской мирной конференции 11 октября 1946 г. Наказание Народным судом военных преступников в Болгарии оценивалось как демонстрация усилий в деле ликвидации последствий участия в преступной войне «во имя торжества справедливости, во имя интересов и блага не только болгарского народа, но и всех свободолюбивых народов

мира, во имя всеобщей безопасности всех стран мира»[34]. Советская сторона придерживалась официальной позиции, согласно которой действия осужденных Народным судом лиц относились к преступной деятельности в годы войны, за которую, согласно решениям Тегеранской конференции, главные военные преступники должны были отвечать перед международным судом.

Советская военная администрации в Болгарии стремилась не допустить усиления влияния западных представителей в стране. Так, после заключения перемирия английское правительство в ноябре 1944 г. обратилось к советскому руководству с предложением создания нового органа – консультативной комиссии для Болгарии, которая бы включала политических представителей СССР, США, Великобритании и Греции. Однако это предложение не встретило поддержки СССР. Для создания механизма противодействия советскому влиянию в Болгарии Великобритания попыталась использовать Крымскую конференцию, на которой английская сторона представила меморандум о СКК в Болгарии. Англичане настаивали, чтобы до победы над Германией проводились предварительные консультации с западными представителями по поводу решений руководства СКК, а также требовали свободы передвижения британских и вообще западных представителей. 25 февраля 1945 г. английский посол в Москве А. Кларк Керр в письме В.М. Молотову выразил претензии по поводу права передвижения представителя Англии в СКК в Болгарии. 28 апреля Черчилль в послании Сталину также высказал серьезное недовольство положением британских представителей в стране[35]. В ответе советской стороны ограничения в передвижении английских представителей объяснялись как вынужденные ввиду положения Болгарии в качестве приближенной к фронту базы Красной Армии и говорилось, что с прекращением войны вопрос будет решен по возможности с учетом пожеланий английского правительства[36]. Таким образом, Великобритании не удалось добиться каких либо изменений в СКК в Болгарии.

Несомненно, что идейная и пропагандистская работа, которую проводили на болгарской территории представители СКК, политработники, сотрудники военных комендатур не могла не отражать мировоззренческие, идеологические взгля-

ды советских воинов. На организованных при штабе 1-ой Болгарской армии курсах помощников командиров дивизий и полков занятия проводили политработники 3-го Украинского фронта[37]. Помимо технического оснащения советским оружием, закладывались и идеологические основы будущей Болгарской Народной армии – вооруженной опоры новой государственной власти в стране.

Перечисленные факты являются определенными аргументами в пользу вывода о том, что цели советского военного присутствия в Болгарии в 1944–1945 гг. определялись, главным образом, военной необходимостью продолжения боевых действий по окончательному разгрому Германии, стабилизации и нормализации обстановки в Болгарии в тылу противника. В то же время они имели и политическую направленность – поддержку пришедших к власти в Болгарии сил Отечественного фронта, решающую роль в котором играли болгарские коммунисты. Как полагали сами деятели БРП (к), в частности Тр. Костов и Г. Димитров, противники коммунистов рассчитывали спровоцировать кризис в стране, что дало бы возможность западным союзникам вмешаться и потребовать ввода английских и американских войск и тем самым «положить конец преобладающему влиянию Советского Союза»[38]. Однако совершить переворот и отстранить коммунистов было невозможно при наличии войск Красной Армии в стране. К тому же, даже если предположить успех такого варианта, Болгария в тех исторических условиях вряд ли смогла избежать кровопролитной гражданской войны и получить выигрыш с точки зрения укрепления своих позиций на международной арене, и в частности, в ходе подписания с ней мирного договора.

В соответствии с Мирным договором, заключенным 10 февраля 1947 г. между союзными державами и Болгарией, советские войска были выведены с ее территории.

Болгария, как и другие восточноевропейские страны, после окончания Второй мировой войны рассматривались советским руководством как «оборонительный буфер» СССР. Поэтому, естественно, что после их освобождения советскими войсками, советская сторона была заинтересована в установлении в них дружественных СССР правительств. Нельзя

отрицать тот очевидный факт, что идеологическая и пропагандистская работа, которую проводили на освобожденной территории представители СКК, политработники, сотрудники военных комендатур определялась и направлялась ВКП (б) и соответствовала мировоззренческим принципам коммунистической идеологии, носителями которой являлись как деятели советской военной администрации, так и воины Красной Армии.

Важной политической задачей в освобождаемых странах при создании условий перехода к миру и восстановления государственных структур являлась поддержка со стороны СССР тех политических сил, которые, так или иначе, ориентировались на Советский Союз. При этом, несомненно, учитывалась внутриполитическая ситуация в каждой отдельной стране. Однако на завершающем этапе войны это не означало отказа от сохранения партнерских отношений с западными союзниками по антигитлеровской коалиции, что открывало возможность достижения определенного компромисса как в рамках союзнических отношений трех великих держав, так и в самих восточноевропейских странах. Нараставшие между СССР и западными союзниками противоречия сдерживались из–за необходимости довести до конца задачи разгрома нацистской Германии, ее союзников в Европе и последующих совместных действий против Японии.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Сталин И.В.* О Великой Отечественной войне Советского Союза. 5-е изд. М., 1953. С. 16.

[2] *Шишов Н.И.* Советская военная администрация и помощь СССР народам Центральной и Юго-Восточной Европы в 1944–1945 годах // Вопросы истории. 1979. № 2. С. 17.

[3] См.: Русский архив: Великая Отечественная. Красная Армия в странах Центральной, Северной Европы и на Балканах: 1944–1945: Документы и материалы. Т. 14–3 (2). М., 2000. С. 15–16, 100.

[4] *Шишов Н.И.* Советская военная администрация. С. 19.

[5] Там же. С. 22.

[6] Русский архив: Великая Отечественная: Приказы Народного комиссара обороны СССР. 1943–1945. Т. 13 (2–3). М., 1997. С. 350–351.

[7] См.: Болгария в XX веке: Очерки политической истории / Отв.

ред. Е.Л. Валева. М., 2003. С. 293.

[8] См.: Гаагская конвенция о правах и обязанностях нейтральных держав и лиц в случае сухопутной войны (Заключена в г. Гаага 18. 10. 1907 г.) // [Интернет-ресурс] https://www.lawmix.ru/abrolaw/16808.

[9] Русский архив: Великая Отечественная. Красная Армия в странах Центральной, Северной Европы и на Балканах. С. 94–95. 97–99.

[10] См.:*Минчев М.* България отново на кръстопът (1942–1946). София, 1999. С. 42–44.

[11] Русский архив: Великая Отечественная. Красная Армия в странах Центральной, Северной Европы и на Балканах. С. 95–97.

[12] Болгария в XX веке. Очерки политической истории. С. 294–295.

[13] Освободительная миссия Советских Вооруженных Сил в Европе во второй мировой войне: Документы и материалы. М., 1985. С. 193.

[14] *Штеменко С.М.* Генеральный штаб в годы войны. Т. 2. М., 1973. С. 117.

[15] Архив внешней политики РФ (далее – АВП РФ). Ф. 06. Оп. 6. П. 37. Д. 404. Л. 1–3; Ф. 0425. Оп. 1. П. 8. Д. 44. Л. 4.

[16] *Ржешевский О.А.* Сталин и Черчилль. Встречи. Беседы. Дискуссии: Документы, комментарии, 1941–1945. М., 2004. С. 423, 429–432.

[17] Там же. С. 423.

[18] Там же. С. 435.

[19] История дипломатии: Дипломатия в годы второй мировой войны. Т. 4. М., 1975. С. 461–462.

[20] Советско-болгарские отношения 1944–1948 гг. Документы и материалы. М., 1969. С.38.

[21] Там же. С.40–41; *Черепанов А.И.* Поле ратное мое. М., 1984. С. 270.

[22] Российский Государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 3. Д. 1051. Л. 184–185.

[23] *Черчилль У.* Вторая мировая война. Книга третья. Т 5–6. М., 1991. С 373–374; *Васильева Н.В.* Балканская политика СССР и Гражданская война в Греции в контексте начальной фазы холодной войны // Imagines mundi: Альманах исследований всеобщей истории XVI – XX вв. Сер. Балканика. Вып 2. Екатеринбург, 2010. С. 163–164.

[24] *Черепанов А.И.* Поле ратное мое. С. 271.

[25] Русский архив: Великая Отечественная. Красная Армия в странах Центральной, Северной Европы и на Балканах. С. 131.

[26] Там же. С. 145–146.

[27] Там же. С. 112.

[28] *Баев Й.* Проблеми на българо-съветските военнополитически отношения (септември 1944–декември 1947) // България и Русия през XX век. София, 2000. С. 313.

[29] Центральный архив МО РФ. Ф. 392. Оп. 11309. Д. 230. Л. 169–176.

[30] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 47. Л. 76.

[31] *Баев Й.* Проблеми на българо-съветските военно-политически отношения. С. 315.

[32] Восточная Европа в документах Российских архивов 1944–1953. М.– Новосибирск, 1997. Т. 1. 1944–1948 гг. С. 147–150.

[33] Болгария в XX веке. Очерки политической истории. С. 314.

[34] Советско-болгарские отношения 1944–1948 гг. С. 254–255.

[35] Переписка Председателя Совета министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой отечественной войны 1941–1945 гг. Т. 1. М., 1976. С. 204.

[36] Българо-съветски политически и военни отношения (1941–1947). София , 1999. С. 85.

[37] Освободительная миссия Советских Вооруженных Сил на Балканах. М., 1989. С. 159.

[38] Восточная Европа в документах Российских архивов. С. 147.

Л.В. Ревякина*

БОЛГАРСКИЙ ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКИЙ НАРОДНЫЙ СОЮЗ В СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЙ ПЕРИОД РАЗВИТИЯ БОЛГАРИИ

Прошло много лет со времени моей защиты в МГУ им. М.В. Ломоносова кандидатской диссертации на тему «Сотрудничество коммунистических и крестьянских партий в период социализма. (На примере НР Болгарии)». Написанная на основе документов из болгарских архивов, диссертация получила положительную оценку оппонентов и, что было особенно приятно, – Л. Б. Валева. Открывшаяся в последние десятилетия возможность использовать недоступные ранее архивные фонды дала возможность пересмотреть или уточнить ранее защищаемые тезисы. Появилось и желание довести до логического конца ту тему, с которой началась моя научная биография. Этой небольшой статьей на уже более 40 лет интересующую меня тему хочу отдать дань уважения к личности и делу ученого-болгариста Любомира Борисовича Валева.

Политическая ориентация БЗНС (двух его основных крыльев – БЗНС «Ал. Стамболийский» и БЗНС «Врабча 1» и др. групп) накануне 9 сентября 1944 г. и в годы, когда Болгарская рабочая партия (коммунистов) (БРП(к)) заняла руководящие позиции в государстве и провозгласила построение экономических и культурных основ социалистического общества в Болгарии, определялась переходным состоянием общества. Руководство БЗНС «Ал. Стамболийский» – находившийся в стране Н. Петков и эмигрировавший в 1941 г. д-р Г. М. Димитров, принимают предложение коммунистов участвовать в создаваемом БРП(к) Отечественном фронте (ОФ) для борьбы против ведущего

* Ревякина Луиза Васильевна – профессор, доктор исторических наук, Институт исторических исследований БАН.

прогерманскую политику правительства и за установление демократического режима в стране. Руководитель БЗНС «Врабча 1» Д. Гичев отказывается присоединить руководимый им Союз к ОФ из-за несогласия с руководящей ролью коммунистов в этой организации. Он до конца своей жизни останется на позиции, что коммунистическая партия не должна быть управляющей силой в стране.

Достигнутый в конце 1943 г. компромисс между объединившимися в ОФ левоориентированными политическими силами (БРП, БЗНС «Ал. Стамболийский», Народный союз «Звено», Социал-демократическая партия) вскоре после 9 сентября 1944 г. сменился конфронтацией. Основной причиной этой перемены была быстрая концентрация власти в руках БРП(к) и нарушение принципа коалиционного управления, а также несогласие с проводимой компартией внутренней политикой. Присутствие советских воинских частей на территории Болгарии и председательство СССР в Союзной Контрольной Комиссии (СКК) позволяло коммунистам действовать уверенно, укреплять свои позиции в управлении страной. Эти же причины активизируют действия и ряда левоориентированных политиков и групп в БЗНС, которые решают воспользоваться ситуацией для осуществления своих планов. Речь идет о Александре Оббове и так называемых левых («левица»), которые с 1923 г. вместе с коммунистами создавали единый фронт, принимали участие в борьбе против правительства Цанкова, а позже прямо или косвенно поддерживали компартию в ее действиях, направленных против правящих кругов.

В первые недели после 9 сентября 1944 г. отношения между союзниками в ОФ развивались нормально. Представители БЗНС «Ал. Стамболийский» , БРП (к) и НС «Звено» получили в сформированном в ночь на 9 сентября 1944 г. на основе паритета первом правительстве ОФ по четыре министерских поста. Однако за БЗНС закреплены второстепенные министерства: Никола Петков – министр без портфеля и зам. председателя Совета министров, Асен Павлов – министр сельского хозяйства, Борис Бумбаров – министр строительства и труда, Ангел Держанский – министр железнодорожного транспорта. 12 сентября 1944 г. Петков был включен в состав болгарской делегации, которая уполномочивалась подписать перемирие

с СССР, Великобританией и США. 13 сентября 1944 г., в связи с начавшимся восстановлением Земледельческого союза Петков провозгласил платформу, во имя которой должен работать БЗНС: полное восстановление свободы народа и превращение Болгарии в демократическое, свободное и независимое государство; полная демократизация армии и ее превращение в действительно народную армию; организация системы кооперативного, планового, освобожденного от эксплуатации народного хозяйства и коллективная кооперативная обработка земли; введение новой, справедливой налоговой системы; проведение народного суда над всеми, кто грабил и угнетал болгарский народ, а также и над теми, кто объявил войну и довел страну до новой катастрофы. В ноябре 1944 г. было принято решение о предоставлении союзникам по ОФ дополнительных мест в государственном и административном аппарате, и до конца декабря 1944 г. число членов БЗНС в управленческих структурах увеличилось почти вдвое. Паритет партий существовал и в Национальном комитете – руководящем органе ОФ. В него вошли по четыре представителя от каждой партии, участвовавшей в создании ОФ до 9 сентября. Увеличилось и число членов БЗНС в местных комитетах Фронта: если до 9 сентября они составляли 15–20% от общего числа участников, то к Первому съезду ОФ (март 1945 г.) – 40–50%. Это имело важное значение для Союза, так как при отсутствии парламента Национальный комитет и комитеты ОФ на местах играли важную роль в управлении страной.

Ситуация стала меняться после возвращения в Болгарию 24 сентября 1944 г. из эмиграции бывшего главного секретаря БЗНС «Ал. Стамболийский» д-ра Г. М. Димитрова (Гемето). Он одобрил участие Союза в управлении страной на основе провозглашенной 17 сентября 1944 г. правительством ОФ программы, содержавшей широкий круг демократических задач в политической, экономической и социальной областях: восстановление Тырновской конституции и всех прав и свобод болгарского народа, переустройство государства сообразно воле народа, роспуск XXV Народного собрания и проведение свободных выборов, чистка государственного аппарата от антинародных элементов; «народный суд» над военными фашистскими преступниками, конфискация имущества и ка-

питалов, приобретенных (награбленных) во время войны; обеспечение землей безземельных и малоземельных крестьян; кооперативная обработка земли и т.д. Осложнения начались после проведенной Гемето 14–15 октября 1944 г. национальной конференции БЗНС «Ал. Стамболийский», на которой, несмотря на указание Д. Гичева[1] ограничиться проведением собственной конференции, присутствовали и представители БЗНС «Врабча 1»[2]. Не участвовал в работе конференции и Петков, который в те дни в составе болгарской делегации находился на пути в Москву для подписания Соглашения о перемирии.

На конференции д-р Димитров изложил свою позицию об основных идейных и политических принципах БЗНС. Земледельческий союз, отметил он, это политико-экономическая организация трудового крестьянства, которая должна защищать свободу и право каждого человека на идейные взгляды, на свободный труд и трудовую собственность. Наиболее подходящей формой общественно-хозяйственного переустройства страны была названа кооперация, а основной хозяйственной формой – трудовые (семейные) и кооперативные хозяйства при сохранении частной собственности и добровольном принципе участия в них. Д-р Димитров подчеркнул, что БЗНС выступает за равенство трудовых классов и организаций, за сотрудничество между ними, против подчинения одного трудового класса другому. Он заметил, что перед БЗНС сейчас стоят трудные задачи и что никогда Союз не был так необходим болгарской демократии, болгарской свободе и болгарской независимости, как в настоящий момент.

В избранном на конференции руководстве Союза оформились три группы, различавшиеся по своей политической ориентации. Наиболее многочисленной и влиятельной была группа, отстаивавшая идею сохранения традиционной идеологии БЗНС. Вместе с тем, учитывая новые политические реалии, она проявляла готовность продолжить сотрудничество с БРП(к) при условии, что компартия не будет претендовать на руководящую роль в государственной и политической жизни страны. Вторая группа категорически выступала против любого сотрудничества с коммунистами, за возвращение к старым формам управления страной и за сохранение независимости, самостоятельности и собственного «лица» Союза. Самой мало-

численной группой были левые – сторонники единства действий с коммунистами.

После октябрьской конференции начавшийся процесс восстановления «дружб» (местных организаций БЗНС) приобретает политическую направленность. На организационных собраниях «дружб» – и БЗНС «Ал. Стамболийский» и БЗНС «Врабча 1» – звучат высказывания против проводимой БРП(к) политики, против присутствия Красной Армии в Болгарии, против действий находившихся полностью в руках коммунистов силовых органов власти, а также против готовившегося «народного суда» над виновниками вовлечения страны во Вторую мировую войну. Участники собраний отрицают пропагандируемую коммунистами идею об ОФ как идейном союзе рабочих, крестьян и интеллигенции.

Организационное восстановление БЗНС вносит новые моменты в политическую жизнь страны: растут его влияние среди других политических сил и авторитет в обществе; руководители Союза заявляют претензии на участие в управлении страной на паритетных началах с БРП(к). Отношения между двумя партиями все больше начинают походить на конкуренцию, нежели на сотрудничество. Начинается борьба за влияние, а фактически за власть. Конфронтация между двумя партиями усиливается и становится открытой после того, как БЗНС включается в организацию кампании против участия Болгарии в войне против Германии.

В ЦК БРП(к) решают принять меры против Г. М. Димитрова – вплоть до его устранения от руководства Союзом. Первоначально в ЦК надеются на помощь Н. Петкова: он должен был убедить Димитрова подать в отставку. Петков, однако, не предпринимает никаких действий. Тогда коммунисты соглашаются на помощь, предложенную входившими в руководящие структуры Союза левонастроенными членами БЗНС, – председателем Управительного совета (УС) Александром Оббовым и группой, объединившейся вокруг Стефана Тончева, Михаила Геновского и Георгия Драгнева. В январе 1945 г., при их активном содействии, на заседании Верховного союзного совета (ВСС) Димитров отстранен с поста главного секретаря Союза. Главным секретарем становится Н. Петков. В новоизбранном Постоянном присутствии оформляются три группы: одна со-

стоит из сторонников Димитрова, вторая – из ближайшего окружения Петкова и третья – из представителей левых. К последней группе присоединился и председатель УС Оббов. Идя на этот шаг, Оббов преследовал собственные цели. Его давняя, еще с 1920-х годов, мечта – создать собственный Земледельческий союз и восстановить самостоятельную власть БЗНС. Но в новой обстановке своим авторитетом он оказал поддержку левым.

Приход к руководству Союзом Петкова не уменьшает политического влияния Г.М. Димитрова в Союзе. Как результат, следует усиление нападок на него со стороны власти, его деятельность квалифицируется как враждебная, направленная на объединение реакционных сил в стране. 28 апреля 1945 г. был издан приказ о его аресте, но Димитров успел укрыться в резиденции американского политического представителя в СКК Мейнарда Барнса. После длительных переговоров 25 сентября 1945 г. с разрешения болгарского правительства он покинул Болгарию.

Петков после расправы с Димитровым заявляет о своем возможном переходе в оппозицию, если в течение трех месяцев ему не удастся найти общий язык с коммунистами. Группа Ал. Оббова и Ст. Тончева приходит к выводу, что борьба внутри Союза против сторонников Димитрова возможна только после отстранения от руководства Петкова. В ЦК БРП(к) не возражают против такого сценария, и 8 и 9 мая 1945 г. левые в БЗНС, нарушая устав, без разрешения руководства Союза и, естественно, без согласия главного секретаря, проводят конференцию. На заседания допущены только левые земледельцы и часть поддерживающих их центристов. Конференция заявляет о своей верности ОФ, высказывается за сотрудничество с БРП (к) и принимает решение об исключении из Союза всех сторонников Димитрова. Сформированы на конференции и новые, лево-центристские, руководящие органы – Управительный совет и Постоянное присутствие. Председателем УС вместо смещенного Оббова стал Георгий Трайков. По решению министерства внутренних дел к новому руководству переходят вся собственность БЗНС и его печатный орган газета «Земеделско знаме». Хотя за Петковым сохранен пост главного секретаря Союза, но он отказывается от него. 12 июня главным секретарем избран Оббов.

Начавшаяся летом 1945 г. подготовка к назначенным на 26 августа 1945 г. выборам в Обыкновенное Народное собрание (ОНС) XXVI-го созыва привела к обострению отношений как между двумя группами в БЗНС, так и группы Петкова с коммунистами. Сторонники Петкова заявляют о своем несогласии с утвержденным регентами 8 июня 1945 г. избирательным законом, согласно которому партии, входящие в ОФ, должны участвовать в выборах по единым спискам. В ответ земледельческое руководство во главе с Оббовым, заручившись согласием коммунистов, принимает решение о лишении Петкова права возглавлять списки кандидатов в депутаты от БЗНС на предстоящих выборах, представлять БЗНС в правительстве и перед общественностью. В конце июня 1945 г. группа Петкова объявляет о своем выходе из БЗНС и создании самостоятельного Союза. В конце июля 1945 г. Петков выведен из правительственного кабинета, а 14 августа подают в отставку министры – земледельцы Ас. Павлов и А. Держански.

26 июля 1945 г. Никола Петков, Асен Стамболийский и Георгий Йорданов в письме, адресованном Совету министров, членам Регентского совета и заместителю председателя СКК С.С. Бирюзову, просят СКК дать согласие на проведение выборов под международным контролем. Причина – отсутствие в стране условий для свободного волеизъявления избирателями. Свои действия они согласовали с представителями США и Великобритании в Софии и нашли у них поддержку. СКК после неоднократного обсуждения вопроса принимает решение о переносе выборов на более поздний срок. Вскоре болгарское правительство определяет и дату выборов в ОНС – 18 ноября 1945 г. Но это была первая и единственная уступка оппозиции.

Переход оппозиции к открытой политической борьбе против БРП(к) не случайно совпадает с окончанием войны в Европе и нарастанием разногласий между СССР и англо-американским блоком. Вопрос был не только в различном подходе коммунистов и оппозиции к перспективам внутриполитического развития страны, как это утверждали поначалу оппозиционные партии. Дальнейшее развитие борьбы оппозиции против правительства ОФ, тесная связь ее с английскими и, особенно, американскими представителями в СКК, неод-

нократные обращения оппозиционных лидеров формально к СКК, а по существу, к Великобритании и США, с просьбой вмешаться в разрешение внутриполитических проблем и открытая поддержка оппозиции западными союзниками, синхронизированная с ходом внутриполитической борьбы в стране, свидетельствовали, что борьба ведется, прежде всего, за изменение внешнеполитического курса Болгарии.

После отсрочки выборов вдохновленный одержанной победой Петков приступает к созданию местных организаций из числа своих сторонников. В сентябре 1945 г. он регистрирует новую партию БЗНС-Никола Петков (БЗНС-НП). Отныне на болгарской политической сцене действуют два Союза. Оббовцы заявляют о приверженности ОФ и сотрудничеству с коммунистами, а петковцы объявляют БРП(к) и руководимому ей ОФ войну. В конце сентября начинает выходить печатный орган БЗНС-НП газета «Народно земеделско знаме». Руководит ею сам Петков. К осени 1945 г. с согласия Гичева к оппозиционному Союзу присоединился БЗНС «Врабча 1»: 11 ноября 1945 г. официально объявлено о создании БЗНС (объединенного). Ключевой фигурой в нем был Петков, вокруг которого начали объединяться все антикоммунистически настроенные и запрещенные ранее законом партии. На новый уровень выходит и борьба между двумя Земледельческими союзами.

Во время начавшейся в октябре 1945 г. предвыборной кампании оппозиция, стремившаяся не допустить выборов и добиться их новой отсрочки, идет на обострение: заявляет, что отказывается от участия в выборах. На этот раз, однако, столь решительный шаг успеха не принес, новой отсрочки не последовало. В ходе предвыборной кампании оппозиционеры развертывают широкую антиправительственную пропаганду, настаивают на отстранении коммунистов от руководства силовыми министерствами (внутренних дел и юстиции) и передаче их нейтральным лицам. Многие из членов БЗНС Ал. Оббова также поддерживают оппозиционеров: участвуют в выборах, но голосуют против ОФ.

По официальным данным, 18 ноября 1945 г. к избирательным урнам пришли 85,65% избирателей; 88,18% из них голосовали за ОФ. Проведенный 12 декабря 1945 г. IX пленум ЦК БРП(к), подводя итоги выборов, оценил победу ОФ как блестя-

щую, вопреки давлению извне и агитации со стороны оппозиции. В отношении БЗНС Ал. Оббова было отмечено, что победа на выборах упрочила его позиции и что эта тенденция должна получить дальнейшее развитие. БРП(к) обязалась оказывать морально-политическую поддержку отечественнофронтовскому БЗНС, активизировать процесс «срабатывания» с его местными организациями, обратить внимание на взаимодействие с парламентской фракцией оббовцев и не допустить формирования в ней оппозиционной группы. В отношении оппозиции пленум указал, что у нее есть две возможности: найти способ вернуться в ОФ (этот вариант коммунисты рассматривали как маловероятный из-за ее непримиримости к ОФ) или оставаться на нынешних позициях с перспективой быть разгромленной как оппозиционная группа[3].

После выборов в связи с формированием нового правительства оппозиция вновь подняла вопрос о передаче министерств внутренних дел и юстиции в руки других партий (читай: БЗНС) и включении ее представителей в кабинет министров. Но переговоры правительственной делегации с оппозицией (Петковым и социал-демократом Костой Лулчевым), как и заступничество представителей США и Великобритании перед советским руководством в СКК, не дали результата. Выдвинутые оппозицией условия участия в правительстве: «нейтрализация» силовых министерств и пополнение правительства двумя представителями оппозиции по ее усмотрению, без указания конкретных лиц, отклонены. Ответ был однозначным: оппозиция, бойкотировавшая парламентские выборы осенью 1945 г., имеет возможность принять участие в предстоящих выборах в Великое Народное собрание, а затем и в выборах в Обыкновенное Народное собрание. От их итогов и будет зависеть ее представительство в правительстве.

В сформированном после выборов кабинете оббовцы получают еще один министерский портфель – им уступили министерство юстиции (Л. Коларов). Министерства, которыми ранее руководили сподвижники Петкова, также оказались в руках БЗНС: Оббов стал вице-премьером и министром сельского хозяйства и государственного имущества, Г. Драгнев – министром благоустройства, а Ст. Тончев – министром железнодорожного транспорта, почт и телеграфа.

Оппозиция решает участвовать в выборах в ВНС, назначенных на 27 ноября 1946 г. К этому времени оппозиционный БЗНС пользуется уже большим влиянием в обществе и чувствует свою силу, что нашло выражение в агрессивном поведении по отношению к политическим противникам на левом фланге во время предвыборной кампании. БЗНС Оббова, однако, не противодействует оппозиции в такой степени, как этого хотели бы коммунисты. В списки своих кандидатов в депутаты оббовцы включают явных противников ОФ. Нередко действуют по принципу «двойного стандарта»: в совместных поездках с коммунистами по стране в ходе избирательной кампании высказываются в поддержку политики БРП(к), но на собраниях Союза позволяют себе выступления против правительства[4].

Под сильным нажимом правительства избирательная активность населения во время выборов в ВНС достигла 92,6%. БРП(к) получает 70,1% голосов и 277 мандатов из 465. БЗНС Оббова, соответственно, – 13,23% и 64 депутатских места, оппозиция набирает почти 30% голосов, что дает ей 89 мест. В некоторых районах страны результаты выборов были фальсифицированы, но это не имело решающего значения, поскольку в целом избиратели высказались в поддержку власти ОФ. Руководящая роль БРП(к) в правительстве ОФ по итогам выборов была обеспечена. Независимо от этого ЦК БРП(к), подчеркнув особенность политической ситуации, заявляет, что новое правительство, как и предшествующие, будет составлено из представителей всех партий ОФ, но коммунисты получат половину министерских постов (10 из 20) и сохранят контроль над ключевыми министерствами. Остальной расклад министерских портфелей был таков: представители БЗНС Оббова получают пять министерств, т.е. на одно больше, «Звено» и социал-демократы – по два министерства, одно предоставлено беспартийному. Председателем Совета министров назначен Георгий Димитров.

Однако и для оппозиции результат выборов был успешным. Он вселил в руководство БЗНС-НП большие надежды. У него сложилось убеждение, что массы одобряют непримиримость оппозиционеров. Борьба против БРП(к) начинает усиливаться, в адрес коммунистов звучат обвинения в утверж-

дении однопартийной системы в стране, в ликвидации парламентской демократии, в репрессиях, в нарушении принципа добровольности при создании трудовых кооперативных земледельческих хозяйств (ТКЗХ) и т.д. В Народном собрании оппозиция бойкотирует принятие новой конституции, отказывается признать принятый ВНС в апреле 1947 г. двухлетний план хозяйственного развития Болгарии на 1947–1948 годы. Она распространяет слухи, что в ближайшее время Великобритания и США начнут войну против СССР, и Болгария будет освобождена.

В начале 1947 г. власти решают начать наступление на оппозицию. 4 февраля в Народном собрании арестован один из руководителей БЗНС-НП, секретарь министерства финансов Петр Коев. Он был обвинен в подстрекательстве к созданию тайной военной организации «Нейтральный офицер» и осужден на двенадцать с половиной лет лишения свободы. В апреле запрещено издание газеты «Народно земеделско знаме». В первомайском обращении к народу правительство сообщает о решении пресекать любого рода скрытые «антинародные и предательские действия»[5]. 5 июня 1947 г. лишен депутатского мандата и арестован Никола Петков.

В то же время БРП(к) совместно с БЗНС Ал. Оббова активизирует деятельность по приобщению к ОФ оппозиционно настроенных крестьян. Проводятся совместные открытые собрания коммунистов и земледельцев по разоблачению политики оппозиции[6], в областях проходят заседания актива обеих партий, на повестке дня которых – отношения БРП(к) и БЗНС и задачи борьбы с оппозицией[7]. Распространение получает практика организации совместных собраний и совещаний партийных организаций с «дружбами», в которых имеются оппозиционно настроенные лица, с целью разъяснения политики правительства[8]. По инициативе коммунистов на заседания руководства местных организаций ОФ приглашаются руководители оппозиционных «дружб», чтобы привлечь их к решению конкретных насущных вопросов[9].

Политика БРП(к), направленная на раскол и фактически на ликвидацию оппозиционного БЗНС-НП, на привлечение части его членов в ОФ, обострила обстановку в руководстве БЗНС Ал. Оббова: возникает противостояние сторонников Оббова

и связанной с коммунистами группы Георгия Трайкова – Стояна Тончева. Борьба между ними особенно обострилась в конце 1946 г., когда на страницах газеты «Земеделско знаме» был поставлен вопрос о пересмотре идейно-политических позиций Союза[10]. Стремясь укрепить свои позиции, оббовцы в массовом порядке начали принимать в свои «дружбы» земледельцев, порывавших с Союзом Петкова. В некоторых районах дело доходило до организационного объединения «дружб» двух союзов. Окружение Трайкова осудило подобную тактику Оббова и 14 мая 1947 г. созвало Управительный совет. На заседании сторонники Оббова высказались за отстаивание политической самостоятельности Союза, а единомышленники Трайкова обвинили Оббова в намерении расколоть Союз, для чего руководителями областных и районных дружб и верховными советниками утверждаются фракционно настроенные лица. При выборах Постоянного присутствия Управительный совет разделился почти поровну: 28 голосами против 26 был одобрен список лиц, предложенный Оббовым[11].

В сложившейся ситуации сторонники Трайкова пошли на решительные действия: с согласия ЦК БРП(к) в ночь с 21 на 22 мая 1947 г. они занимают Союзный дом и редакцию газеты «Земеделско знаме». В партийном официозе публикуют декларацию, подписанную Трайковым, с сообщением о невозможности избрать новое Постоянное присутствие и о продолжении в связи с этим деятельности прежнего ПП. Было также объявлено о созыве в ближайшее время заседания Верховного союзного совета[12]. Совершенный оббовцами фактический переворот, однако, не сразу разрядил обстановку. На заседании ВСС 28 мая достичь взаимопонимания не удалось. И только 9 июля 1947 г., после того как Оббов произносит перед парламентской группой БЗНС речь, утверждая, что в стране нет свободы, что крестьяне не доверяют правительству ОФ и ждут помощи от президента США Трумэна, ПП Союза принимает решение об освобождении его с поста председателя партии. Руководство БЗНС переходит к Трайкову.

На начавшемся 5 августа 1947 г. срежиссированном судебном процессе Никола Петков был обвинен в подготовке вооруженного государственного переворота с целью отстранения от власти правительства ОФ. Под тяжестью этих обвинений

Петкову был вынесен смертный приговор, приведенный в исполнение 23 сентября 1947 г. БЗНС-НП был запрещен.

Драматическая развязка сделала реальным руководителем оппозиции Димитра Гичева. Но вскоре, в октябре 1947 г., он был арестован и обвинен в распространении слухов о предстоящей войне США и Великобритании против СССР. На судебном процессе приговорен к пожизненному тюремному заключению.

Отныне на политической сцене действует единственный, отечественнофронтовский БЗНС – во главе с Трайковым. По его инициативе Союз переходит к более тесному сотрудничеству с коммунистами, поддерживает партийную установку, сформулированную под влиянием созданного осенью 1947 г. Коминформбюро, о построении социализма в Болгарии и заявляет о готовности БЗНС внести коррективы в программные принципы Союза в духе нового времени. В докладе на съезде Союза, созванном 28–29 декабря 1947 г., Трайков осуждает все еще имеющую хождение среди земледельцев идею самостоятельной власти крестьян и гегемонии Союза в Отечественном фронте, указывает на объективные и субъективные причины выдвижения коммунистической партии как руководящей силы в общественной и политической жизни страны. От имени Союза формулирует главную задачу БЗНС – строительство социализма в Болгарии[13].

В ЦК БРП(к) столь резкие и стремительные перемены были встречены настороженно. По всей вероятности, они представлялись не совсем своевременными. Находившийся на лечении в подмосковной Барвихе Георгий Димитров 28 октября 1948 г. направил в Секретариат ЦК БРП(к) телеграмму, в которой выразил резко отрицательное отношение к заявлениям Трайкова[14]. Естественно, намерения последнего не были восприняты в Союзе единодушно и вызвали в нем новые разногласия.

Но Трайков не отказывается от своих намерений. В принятой Верховным советом (ВС) БЗНС 1 ноября 1948 г. резолюции заявлено об отказе от сословного принципа организации Союза, признании руководящей роли коммунистической партии в государстве и поддержке ее программы строительства социализма в Болгарии. В реальных условиях того времени эта позиция дала возможность Союзу как политической партии сохраниться. Состоявшийся 18–25 декабря 1948 г. V съезд

коммунистической партии, одобрив генеральную линию на строительство экономических и культурных основ социалистического общества в Болгарии, провозгласил БЗНС главным союзником коммунистов. В Болгарии установилась двухпартийная политическая система.

Официальное провозглашение БЗНС союзником и сподвижником БКП[15] в строительстве социализма способствует расширению уже существующих контактов между партиями. Постепенно увеличивается число представителей Земледельческого союза во всех звеньях государственного аппарата, активизируется совместная работа партий в комитетах ОФ и в народных советах, созданных в соответствии с принятой в декабре 1947 г. Конституцией НРБ.

Во время выборов (парламентских и в местные органы власти) БКП и БЗНС выступают с общей предвыборной программой, общим списком кандидатов в депутаты. Но число кандидатов в народные представители и будущих депутатов от БЗНС регламентировано. Еще в 1949 г. установлено соотношение представительства партий в парламенте и в местных органах власти: БКП – 60%, БЗНС – 20%, беспартийные – 20%. Оно закреплено решением Политбюро ЦК БКП от 17 октября 1953 г.[16] В Совете министров БЗНС обычно представлен 4–5 министрами и одним вице-председателем.

Взаимоотношения между БКП и БЗНС развиваются и путем прямых контактов между их руководящими организациями, обмена делегациями на партийных съездах и конференциях, взаимного участия в заседаниях высших партийных органов, принятия общих решений, контактов между местными организациями, совместной работы в общественных организациях и пр.

Коммунисты настаивают на более активном участии земледельцев в осуществлении принятых БКП и правительством решений в области сельского хозяйства. Участие БЗНС в социалистическом переустройстве общества осуществляется по двум направлениям: кооперировании села (создание ТКЗХ и государственных земледельческих хозяйств (ГЗХ)), а также в борьбе за повышение производительности труда в отрасли, ее модернизации, внедрении передового опыта, механизации и мелиорации сельского хозяйства.

Несмотря на конструктивные позиции руководства БЗНС и его участие в преобразовательной деятельности власти, дважды, в конце 1940-х и начале 1950-х гг., вставал вопрос о роспуске Союза. В 1949 г. после самоликвидации НС «Звено» и Радикальной партии и вхождения их членов в ОФ на правах индивидуального членства в политических кругах проявился скептицизм относительно необходимости существования БЗНС. После смерти Васила Коларова (январь 1950 г.), когда правительство возглавил Вылко Червенков, в Болгарии утверждается режим советского типа. Ориентируясь на советскую политическую (однопартийную) модель, болгарские руководители предпринимают попытки пересмотра прежних установок, связанных с деятельностью ОФ и БЗНС. Роль ОФ принижается, ограничивается его деятельность, работа комитетов ОФ сводится к оказанию помощи народным советам в их работе. В докладе на III съезде ОФ (1952 г.) Червенков поставил вопрос о слиянии деятельности комитетов ОФ и народных советов. БЗНС предлагалось направить большое число активных членов Союза на постоянную работу в ОФ[17]. Это фактически сводило роль БЗНС к положению пропагандистской организации. Зримым проявлением нового курса стало вытеснение земледельцев из административного аппарата: к середине 1953 г. председателями всех районных (95), городских (24) и окружных народных советов (13) были только члены БКП[18]. Ограничен был и численный состав Союза – до 100 тыс. членов.

Апрельский пленум ЦК БКП 1956 г. осудил культ личности и принял решение об активизации и улучшении работы Народного собрания, госаппарата, общественных организаций. Это относилось и к БЗНС. Позиция БКП по отношению к БЗНС была особенно четко сформулирована первым секретарем ЦК БКП Тодором Живковым на пленуме партии 6–7 сентября 1956 г. Он подчеркнул, что существование БЗНС в конкретных условиях развития Болгарии благоприятно для страны. БКП не может не считаться с фактом, что БЗНС «имеет известную опору среди некоторых слоев трудящихся крестьян», что члены БЗНС участвуют в строительстве социализма, и поэтому Союз еще долго будет иметь свое место в политической системе Болгарии[19].

Восстановленная БКП линия на сотрудничество способствовала росту авторитета БЗНС. В ноябре 1956 г. заседание ВС БЗНС обязывает своих членов улучшить работу в ТКЗХ. Этот вопрос рассматривает и XXIX съезд БЗНС (апрель 1957 г.). Центральное место на нем занял вопрос об увеличении производства сельскохозяйственной продукции. БЗНС поддерживает и включается в выполнение решений VII съезда БКП (1958 г.) об ускорении экономического развития страны, преодоления ее технической и экономической отсталости, а также решений VIII съезда БКП (1962 г.), который назвал генеральной задачей болгарского сельского хозяйства превращение его в высокопродуктивную и высококачественную отрасль болгарской экономики. Столь же активно руководство Союза содействует реализации решений последующих съездов БКП в области сельского хозяйства.

Актуальные вопросы развития сельского хозяйства постоянно обсуждаются на совместных пленумах руководств окружных организаций обеих партий, на межокружных совещаниях БЗНС.

В 1970-е годы БЗНС – неизменный активный участник всех мероприятий БКП по повышению эффективности сельского хозяйства, проводимой правительством кампании по объединению и укреплению ТКЗХ, объединению их с государственными земледельческими хозяйствами в аграрно-промышленные (АПК) и промышленно-аграрные комплексы (ПАК).

БЗНС поддерживает и предложенные X съездом БКП (1971 г.) Директивы социально-экономического развития страны на шестилетку, а также принятую съездом Программу БКП по построению развитого социалистического общества. Значительную роль в решении этой задачи программа отводила БЗНС. Значение Союза в жизни страны получило и законодательное закрепление. В ст. 1, п. 3 принятой 16 мая 1971 г. конституции указывалось, что «БКП руководит строительством развитого социалистического общества в Народной Республике Болгария в тесном братском сотрудничестве с БЗНС»[20].

1980-е годы, по оценке руководства БЗНС, были самыми плодотворными в жизни и работе Союза. Заметен его вклад в осуществление аграрной политики правительства, внедрение достижений научно-технической революции в сельско-

хозяйственное производство. Производственные единицы, руководимые членами Союза, давали 20% всей сельскохозяйственной продукции. Из 120 тыс. членов БЗНС 83 тыс. были заняты в системе АПК. На XXXV съезде (1986 г.) руководство Союза выразило готовность мобилизовать своих членов на решение стоящих перед сельским хозяйством задач и вместе с коммунистами выполнить поставленные XII съездом БКП (1981 г.) и Февральским пленумом ЦК БКП (1985 г.) задач в области сельского хозяйства[21].

Новым существенным компонентом в деятельности БЗНС в 1960-е – 1980-е годы была его возросшая роль во внешнеполитической деятельности государства. Союз активно способствовал установлению связей с зарубежными аграрными партиями и поддержанию отношений с теми государствами, для которых БКП была нежеланным партнером.

Как политический руководитель государства БКП на протяжении 45 лет формально обеспечивала организационную независимость БЗНС. Союз имел свои руководящие органы и организации в центре и на местах, принимал программные документы, постоянно был представлен в высших законодательных и исполнительных органах государственной власти. Располагая собственным издательством и типографией, издавал центральный орган – газету «Земеделско знаме», массовыми тиражами выпускал другую печатную продукцию. Регулярно созывались съезды БЗНС. Официально БКП не вмешивалась в его работу, не требовала отчетов о деятельности Союза, не давала «руководящих» указаний и оценок. Но практически вся деятельность БЗНС находилась под контролем и руководством БКП. Достигалось это через подписание совместных соглашений, консультации, совместное обсуждение вопросов и принятие общих решений, имевших обязательный характер.

В государственном аппарате и общественных организациях для БЗНС устанавливалась определенная квота: 100 депутатов из 400 в Народном собрании. С 1964 по 1971 г. Президиум НС возглавлял Трайков, а затем, с 7 июля 1971 г. до 27 апреля 1972 г., он был председателем парламента. Выше уже говорилось о представительстве Союза в правительстве и народных советах. Одним из заместителей председателя НК ОФ был член БЗНС. Назначались земледельцы и на дипломатическую

работу, в том числе и послами в различных странах. После создания Государственного совета как высшего постоянно действующего органа государственной власти в его состав вошли и представители от БЗНС.

Несмотря на внешне благополучную картину, лимитируемое коммунистической партией участие БЗНС в государственной и общественной жизни страны не могло не ранить самолюбие членов Союза. Соответствующие настроения подпитывались и бытующими в обществе оценками БЗНС как вспомогательной организации БКП. Но в целом реальное участие БЗНС в управлении страной компенсировало указанные ограничения, а члены и руководители Союза чувствовали свою принадлежность к самостоятельной партии.

10 ноября 1989 г. разделило БКП и БЗНС. Каждая партия самостоятельно переживала перипетии революционных потрясений, борьбы за свое политическое «лицо» и, в конечном счете, за сохранение. Обладая подготовленными кадрами, опытом административной работы, материальной базой, БЗНС мог бы в создавшихся после 1989 г. условиях начать новую политическую жизнь. Однако вернувшиеся из эмиграции бывшие руководители БЗНС делают все, чтобы уничтожить Союз и убрать с политической сцены его руководителей, разрушить существующие структуры, ликвидировать все, что создавалось на протяжении 45 лет. Обремененные старыми проблемами, оперируя уже отжившими, неактуальными идеями, они не могут сплотить вокруг себя сторонников. Вновь разделившись на группировки под различными названиями, они превратили БЗНС в маргинальную, а к настоящему времени почти исчезнувшую политическую силу.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Д. Гичев как член правительства К. Муравиева (2–8 сентября 1944 г.) находился под домашним арестом.

[2] *Барев Ц.* Принос към историята на БЗНС. Борба. Идеология. Принципи. София, 1994. С. 388–389.

[3] Централен държавен архив на Република България (далее – ЦДА). Ф. 1 Б. Оп. 5. А.е. 4. Л. 1, 4, 18, 54.

[4] Там же. А.е. 8. Л. 22–23.

[5] Работническо дело. 1 май 1947 г.

[6] ЦДА. Ф. 1 Б. Оп. 571. А.е. 67. Л. 195, 201, 229; А.е. 68. Л. 225.

[7] Там же. А.е. 59. Л. 239, 244.

[8] Там же. А.е. 68. Л. 90; А.е. 69. Л. 329.

[9] Там же. А. е. 67. Л. 213, 229; А.е. 69. Л. 329.

[10] Земеделско знаме. 24 декември 1946 г.

[11] *Зарчев Й.* БЗНС и изграждането на социализма в България. 1944–1962. София, 1984. С. 183.

[12] Земеделско знаме. 22 май 1947 г.

[13] Земеделско знаме. 30 декември 1947 г. *Исусов М.* Политическият живот в България. 1944–1948. София, 2000. С. 55.

[14] *Димитров Г.* Дневник (9 март 1933 – 6 февруари 1949). София, 1997. С. 634–635.

[15] БРП (к) переименована в БКП на V съезде партии (декабрь 1948 г.).

[16] Болгария в XX веке. Очерки политической истории. М., 2003. С. 374.

[17] Трети конгрес на Отечествения фронт. София. 1952. С. 61, 66.

[18] ЦДА, Ф. 1 Б. Оп. 5. А.е. 125. Л. 80–83.

[19] Там же. А.е. 219. Л. 59–60.

[20] Българските конституции и конституционни проекти. София, 2003. С.58.

[21] Тридесет и пети конгрес на БЗНС. София, 1987. С. 82–83.

И. Баева*

БОЛГАРСКИЕ ТУРКИ В ГОДЫ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ

Начало перехода Болгарии от государственного социализма к парламентской демократии и рыночной экономике совпал с драматическими переменами и в судьбе болгарских турок. Весной 1989 г. в северо-восточной Болгарии вспыхнули бунты турецкого населения, ознаменовавшие собой новый этап «возродительного процесса». Эти события стали для властей неожиданными, поскольку со времени насильственной смены личных имен болгарских турок в конце 1984 – начале 1985 г. прошло три года, и былой конфликт казался исчерпанным.

Однако возникшее в начале 1988 г. в стране диссидентское движение усмотрело в «возродительном процессе» возможность отмежеваться от действий центральной власти и выступило в защиту болгарских турок, официально называвшихся тогда «болгарами с восстановленными именами» или «исламизированными болгарами». Специальный пункт о защите турок содержался в диссидентской Декларации Народному собранию (НС) от 9 мая, а позднее был включен и в Декларацию, врученную в НС 18 июля 1989 г.[1] Воодушевленные этой поддержкой, болгарские турки в конце мая 1989 г. перешли к уличным протестам, для разгона демонстраций власти применили силу, и снова, как и в 1985 г., имелись человеческие жертвы[2]. Новые столкновения, а также необходимость соблюдать Заключительный акт Венской конференции (январь 1989 г.) заставили Тодора Живкова 29 мая 1989 г. объявить, что болгарские турки получат заграничные паспорта и смогут выехать из страны[3].

---

* Баева Искра – доктор истории, профессор исторического факультета Софийского университета им. Кл. Охридского.

Началось массовое переселение болгарских турок. Около 350 тыс. человек, распродав свое имущество, потянулись к болгаро-турецкой границе. Переселение, получившее название «большая экскурсия», имело для многих его участников трагические последствия, разрушало традиционное мирное сожительство болгар и турок и в очередной раз привело к обострению отношений между Болгарией и Турцией. Не меньшими оказались и внутриполитические и экономические последствия: нарушилась хозяйственная жизнь целых районов, для обеспечения своевременной уборки урожая была введена частичная гражданская мобилизация. В стране возник глубокий общественно-экономический кризис.

Создание первой турецкой этнической партии в Болгарии

Напряжение в болгарском обществе продолжало сохраняться и после того, как 20 августа 1989 г. Турция, не готовая принять такое количество людей, закрыла границу, а часть переселенцев вернулась в Болгарию. Обстановка в стране создала благоприятные условия для отстранения Живкова от власти на состоявшемся 10 ноября 1989 г. пленуме ЦК БКП.

Сразу после смены власти начался пересмотр политики в отношении болгарских турок. Такое требование прозвучало уже на первом оппозиционном митинге, состоявшемся 18 ноября 1989 г. на столичной площади перед храмом Александра Невского. Но когда один из выступавших, Румен Воденичаров, призвал вернуть туркам родные имена, многотысячное большинство собравшихся освистало его. Этот эпизод показал, что отношение к туркам раскололо болгарское общество. Расхождения по «турецкому вопросу» в кругах антикоммунистической оппозиции обусловили создание организации болгарских турок вне оппозиционной коалиции СДС – Союза демократических сил.

В декабре 1989 г. была объявлена амнистия туркам, осужденным за сопротивление «возродительному процессу». Среди амнистированных был и философ Меди Доганов (Ахмед Доган). 22 декабря из тюрьмы вышли также и 19 активистов нелегального Турецкого национально-освободительного движения в Болгарии (ТНОДБ). Укрепив свои позиции как идеолог и руководитель ТНОДБ, Доган был готов перейти к реализа-

ции вынашиваемых им планов по созданию самостоятельной турецкой организации. Поэтому он отказался войти в какие-либо другие правозащитные структуры, в частности, и в руководимую Воденичаровым столичную организацию Независимого общества защиты прав человека в Болгарии. Доган верил в превосходство болгарских турок, что отразило следующее его высказывание: «Если обратиться к исторической судьбе народа, то, в отличие, например, от болгарина, турок обладает гораздо более высоким историческим самосознанием. Он считает себя наследником имперского самосознания. Турки входят в малое число народов мира, которые никогда не были под чужим диктатом»[4].

24 и 28 декабря 1989 г. бывшие деятели ТНОДБ, собравшиеся в с. Дрындар Варненского округа, приняли решение создать в Варне 4 января 1990 г. новую политическую организацию – Движение за права и свободы (ДПС). Ее учредителями стали 33 активиста из Варненского, Толбухинского (ныне Добричского), Кырджалийского и Шуменского округов. Они избрали председателем ДПС Ахмеда Догана и приняли «Декларацию с основными требованиями турок и мусульман Болгарии». 5 января учредители прибыли в Кырджали, где на многотысячном митинге зачитали Декларацию, объявив, таким образом, о создании новой политической организации. Вскоре к ДПС присоединилось большинство болгар-мусульман Западных Родоп, что положило начало процессу отуречивания этой части болгарского народа[5]. Так впервые в истории современного болгарского государства было создано турецкое и мусульманское политическое объединение, цель которого заключалась в превращении болгарских мусульман из объекта государственной политики по национальному вопросу в самостоятельную силу с собственными требованиями.

Параллельно с политической самоорганизацией болгарских турок изменились и официальные оценки «возродительного процесса». Поводом для этого стали массовые демонстрации болгарских мусульман в Софии с требованиями восстановить их личные имена, религиозные и культурные права. Новое руководство БКП, сообразуясь с этими требованиями, на пленуме ЦК 29 декабря 1989 г. отменило «возродительный процесс». Принятое решение было категоричным:

«Отменить как принципиально ошибочную и осудить как грубую политическую ошибку проводимую авторитарным режимом Тодора Живкова кампанию по насильственному созданию “этнически монолитной болгарской нации” и связанные с ней извращения конституционных прав болгарских граждан»[6]. Решение преследовало цель устранить последствия политики, нанесшей ущерб этническим отношениям в стране, но воздействие его оказалось гораздо более значительным, так как совпало по времени с политической эмансипацией болгарских мусульман.

Очередная резкая перемена в государственной политике в отношении болгарских турок проиллюстрировала известную историческую закономерность: легче сделать ошибку, нежели ее исправить. Трудности заключались, прежде всего, в том, что в «возродительный процесс» и преодоление экономического кризиса во время масштабного переселения турок оказались вовлечены массы людей; в стране имелись районы, в которых болгары составляли меньшинство, и после отмены «возродительного процесса» они испытывали страх перед вероятной угрозой реваншистских проявлений со стороны турок. По этой причине непосредственно после принятия решения от 29 декабря 1989 г. часть населения в районах со смешанным населением остро отреагировала на новые оценки, выразив свое несогласие, в том числе и актами гражданского неповиновения[7]. В Софии и на периферии создавались болгарские национальные объединения, требовавшие допустить их к участию в урегулировании межэтнических противоречий в стране. На этой волне возник Всенародный комитет в защиту национальных интересов (ОКЗНИ).

Несогласие с принятым новым правительством решением выразили и сотрудники Министерства внутренних дел (МВД), которые на протяжении предыдущих пяти лет были вынуждены проводить «возродительный процесс», а теперь оказались виноватыми. 6 января 1990 г. на встрече с активом МВД новый лидер БКП Александр Лилов попытался было объяснить причины резкой смены курса, но встретил массовый отпор[8]. В результате реорганизации МВД значительная часть служащих была уволена, и некоторые бывшие офицеры Министерства вступили в возникшие националистические организации.

Среди них основатель Отечественной партии труда Минчо Минчев.

Протесты болгар из районов со смешанным населением, приехавших в Софию для проведения контрдемонстраций, вызвали в обществе дискуссии о месте и роли болгарских турок и Турции. Мнения разделились. С 9 по 12 января 1990 г. специально созданный Общественный совет обсуждал в Софии новые подходы к национальному вопросу. Результатом его работы стала Декларация Народного собрания по национальному вопросу, принятая 15 января 1990 г. Депутаты вновь осудили «возродительный процесс» как «посягательство на свободу и основные права человека», но «сохранение целостности территории страны» провозгласили «верховным долгом» граждан. Гарантировалось право каждого болгарского гражданина «на свободный выбор имени», но болгарский язык объявлялся «обязательным для всех учебных заведений, учреждений и организаций». Указывалось на недопустимость положения, «чтобы болгарские граждане поднимали флаги других государств», а заканчивался документ призывом к «национальному примирению и согласию»[9]. Декларация стала реакцией на высказывавшиеся ранее опасения, ставшие реальностью: на собраниях ДПС поднимались турецкие флаги, а в некоторых районах страны в торговой сети преобладал турецкий язык.

Лидер ДПС Ахмед Доган проявил политическую гибкость. 1 марта 1990 г. ДПС, ОКЗНИ и Союз родопских мусульман «Родолюбие» договорились «взять в свои руки решение национального вопроса». Данным соглашением болгарские националистические организации фактически определили статус ДПС как нового игрока на политической арене страны.

В 1990 г. Народное собрание приняло решение, предоставившее туркам право восстановить свои прежние имена. Сначала, в марте 1990 г., за это решение проголосовал парламент старого состава, в котором преобладали коммунисты, а в ноябре 1990 г. новое Великое Народное собрание (ВНС) подтвердило это решение, расширив и дополнив его. К весне 1991 г. свои имена восстановили 600 тыс. болгарских турок и мусульман. Вступил также в силу закон о политической и гражданской реабилитации репрессированных в связи с «возродительным процессом» болгарских граждан, предусматривавший

возмещение ущерба и выплату государственных пенсий наследникам осужденных на смерть, погибших в столкновениях с властями, покончивших с собой и без вести пропавших[10]. Принятые в соответствии с законом постановления сделали возможным преодоление юридических последствий «возродительного процесса».

Первыми свободными и альтернативными парламентскими выборами в стране стали выборы в ВНС 10–17 июня 1990 г., которому предстояло принять новую конституцию. Они явились и первым политическим испытанием для только что созданной турецкой партии. Хотя, формулируя свои цели, ДПС говорил о правах и свободах всех болгарских граждан, и избирательная кампания, и сами выборы показали, что Движение являлось партией болгарских турок и мусульман. За ДПС проголосовали 368 929 (5,75% от общего числа избирателей), что дало ему в парламенте 23 мандата из общего количества – 400[11]. Благодаря мусульманскому составу электората, ДПС оформился как региональная партия, ведущая политическая сила в районах с этнически смешанным населением.

В начале работы ВНС Ахмед Доган произнес символическую фразу о роли ДПС. Путь Болгарии в Европу, заявил он, пройдет через Босфор. Эти слова, без преувеличения, потрясли болгарское общество, напомнив ему о временах османского господства и необходимости изменить отношения с многомиллионной и динамично развивающейся Турцией. Опасения, что ДПС превратится в «троянского коня» южной соседки, обусловили желание болгарского общества ограничить влияние ДПС и нашли выражение в отдельных статьях проекта конституции. В свою очередь, это вызвало поддержку депутатами от ДПС той части парламентариев СДС, которые бойкотировали принятие нового Основного закона. Бойкот успеха не имел, и 12 июля 1991 г. Конституция Республики Болгария вступила в силу. Среди поддержавших ее 313 депутатов, закрепивших свое согласие подписями, нет ни одной фамилии представителей ДПС. Объяснение можно найти в следующих статьях документа: ст. 11, § 4 – «Не могут образовываться политические партии на этнической, расовой или вероисповедной основе...», или ст. 13, § 4 – «Религиозные объединения и институты, равно как и вероисповедные убеждения, не могут использоваться в полити-

ческих целях»[12]. Учитывая турецкий и мусульманский характер ДПС, эти конституционные пассажи ставили под вопрос возможность Движения участвовать в будущих парламентских выборах, назначенных на 13 октября 1991 г.

И в этот переломный для политического представительства болгарских турок момент Ахмед Доган продемонстрировал свои способности тактика. Чтобы отвлечь внимание от ДПС, он объявил о создании новой Партии прав и свобод и предоставил необходимые для ее регистрации документы в Софийский городской суд. Суд отказал в регистрации (позднее такое же решение принял и Верховный суд) на основании несоответствия целей и задач новой организации конституционным требованиям. Но пока шло рассмотрение вопроса, Центральная избирательная комиссия зарегистрировала документы ДПС (он получил бюллетени белого цвета с розовой полосой), поскольку еще 26 апреля 1990 г., т.е. задолго до принятия новой Конституции, столичный суд зарегистрировал ДПС не только по Закону о физических лицах и семье, по и по Закону о политических партиях[13]. Свои действия сам Доган называл «политической игрой» и «отвлечением внимания», но свою роль они сыграли: вопреки зримому несоответствию его организации новой Конституции, ДПС был вторично легитимирован.

Вторые демократические выборы 13 октября 1991 г. окончательно утвердили ДПС в качестве партии болгарских турок и мусульман. Разнообразные политические предпочтения граждан настолько раздробили избирательный лагерь, что лишь трем партиям удалось преодолеть установленный четырехпроцентный барьер и войти в парламент. Помимо СДС и БКП, взяла эту планку и ДПС. Движение получило 418 341 голос, или 7,55% от общего числа избирателей. В Народном собрании 36-го созыва ДПС представляли 24 депутата. Расстановка сил в парламенте создала для Движения уникальную возможность играть роль балансира между правыми и левыми депутатами. Более того, поскольку одному из победителей – СДС – не хватало голосов для обеспечения абсолютного большинства, состав нового правительства зависел от ДПС.

Осенью 1991 г. градус напряженности в районах со смешанным этническим населением все еще оставался высоким. По-прежнему сохранялась в обществе заметная насторожен-

ность и опасения в отношении ДПС как партии, связанной с соседней Турцией. Подобные настроения превратили переговоры с ДПС в деликатную проблему для лидера СДС Филиппа Димитрова. Учитывая общественный негативизм, Доган еще в начале ноября 1991 г. заявил: «В настоящий момент проводятся неофициальные консультации по вопросу о составе правительства. ДПС будет участвовать в нем только при необходимости, а не любой ценой. Мы не из тех людей, которые занимаются махинациями»[14]. Тем самым Доган предоставил Филиппу Димитрову карт-бланш на формирование кабинета без прямого участия в нем ДПС, но при поддержке его парламентской фракции. Однако такое решение играло, скорее, на руку ДПС, позволяя ему использовать свои решающие позиции в Народном собрании к собственной выгоде, но не неся при этом ответственности и сохраняя свободу действия.

В первые дни работы Народного собрания 36-го созыва Доган заявил, что БСП как наследницу БКП, как и другие организации, сотрудничавшие с коммунистами до 1989 г., следует запретить, а имущество конфисковать. Это требование выглядело как зеркальное отражение намерения БСП добиться запрета ДПС[15], но у него оказались и более важные последствия. БСП не была запрещена, но ее имущество, как и имущество БЗНС, профсоюзов, комсомола и ОФ, конфисковано, и болгарская политическая система обрела новую материальную базу[16].

Начало 1992 г. ознаменовалось вторичным подтверждением значения партии болгарских турок в жизни страны. Во втором туре первых прямых президентских выборов представители СДС д-р Желю Желев и Блага Димитрова опередили кандидатов от БСП проф. Велко Вылканова и Румена Воденичарова только благодаря голосам ДПС. С того времени складываются доверительные отношения между Доганом и Желевым, которые и в последующем оставались близкими партнерами, сотрудничавшими в различных объединениях и организациях. Поддержка ДПС оказывалась решающей на всех дальнейших президентских выборах вплоть до 2011 г. – и когда в 1996 г. президентом стал Петр Стоянов от СДС, и когда в 2001 и 2006 гг. был избран и переизбран Георгий Пырванов от БСП.

В конце 1992 г. ДПС продемонстрировал, что не намерен больше довольствоваться ролью молчаливого парламентско-

го тыла правительства СДС. По ходу конфликта Филиппа Димитрова с президентом Желю Желевым, частью СДС, прессой и профсоюзами Ахмед Доган встал на сторону критиков деятельности кабинета. В решительный момент, когда 28 октября 1992 г. Димитров поставил вопрос о вотуме доверия правительству, ДПС проголосовал против. Первое правительство СДС подало в отставку. Действия Догана СДС расценил как «предательство», и отношения двух этих организаций, созданных почти одновременно и поначалу близких, в последующем уже никогда не были такими, как в начальный «розовый» период.

В первые годы болгарской демократии многие турецкие и мусульманские организации, воспользовавшись благоприятными условиями, финансировали строительство новых мечетей в районах со смешанным населением и учреждали религиозные организации, часто связанные не с традиционным для болгарских турок исламом, а с его крайними фундаменталистскими формами[17].

Вхождение болгарских турок во властные структуры

Прямым следствием падения правительства Филиппа Димитрова стало приближение ДПС к центру политической жизни. При раскручивании «парламентской рулетки» ни СДС, ни БСП не смогли сформировать новое правительство, и председателем Совета министров с мандатом ДПС стал проф. Любен Беров, экономический советник президента Желева. Хотя и на сей раз роль ДПС при образовании правительства осталась закулисной, тем не менее, Движение получило своего вице-премьера – болгарина Евгения Матинчева.

Еще при правительстве Филиппа Димитрова ДПС достиг некоторых своих целей, в частности, улучшения отношений с соседней Турцией. 6 мая 1992 г. в Анкаре был подписан Договор о мире, добрососедских отношениях, безопасности и сотрудничестве. Его подписанию предшествовал один из первых крупных скандалов переходного периода. В феврале болгарские газеты обвинили Ахмеда Догана в передаче им в турецкое посольство в Софии списка работавших за границей болгарских дипломатов, являвшихся также и сотрудниками болгарских спецслужб[18].

Несмотря на политические успехи ДПС, социально-экономическое положение болгарских турок и мусульман не только не улучшилось, а, напротив, продолжало ухудшаться. Как и многие болгары, турки радовались политическим свободам, но ценой последних стал развал государственной системы социальной защиты. Законы о земле 1991 и 1992 гг. восстановили в правах прежних собственников, некоторые из которых давным-давно уехали из села, а на их место заселились турки. Созданная социалистическим государством местная промышленность, обеспечивавшая рабочими местами этнических турок, была разрушена под ударами рыночной экономики, резко выросла безработица. Вновь, но на сей раз по чисто экономическим причинам, в Болгарии поднялась переселенческая волна. Новый исход болгарских турок непосредственно не затронул позиции ДПС, поскольку избирательный закон позволял сохранившим болгарское гражданство переселенцам голосовать за рубежом. Это положило начало так называемому избирательному туризму – массовому прибытию переселенцев в Болгарию в день выборов, чтобы проголосовать за ДПС. «Избирательный туризм» стал возможным благодаря финансовой поддержке Общества балканских турок и турецкого государства, которые обеспечивали бесплатный проезд голосовавших за ДПС избирателей[19].

При правительстве проф. Берова усиление позиций ДПС стало вызывать все большее раздражение не только у БСП, но и у СДС. Возникшая в обществе ностальгия по социальной стабильности времен социализма способствовала победе БСП на выборах 18 декабря 1994 г., а число голосов, поданных за ДПС, значительно уменьшилось – до 283 094, что составило 5,44%. Фракция ДПС в Народном собрании 37-го созыва сократилась до 15 чел. Но еще до истечения двухлетнего мандата правительства Жана Виденова начался его кризис, что дало возможность ДПС вновь включиться в большую политику. На президентских выборах ДПС поддержал кандидатуру Петра Стоянова от объединенной оппозиции и помог его избранию. Представитель ДПС Стоян Денчев участвовал в переговорах в январе – феврале 1997 г. по преодолению кризиса, по ходу которых БСП отказалась от власти.

Чтобы обеспечить себе прочные позиции в Народном собрании на предстоявших 19 апреля 1997 г. досрочных выборах, ДПС впервые составил предвыборную коалицию. Вместе с пятью малыми парламентскими фракциями ДПС создал Объединение национального спасения (ОНС) и, набрав 323 429 голосов (7,6%), получил 19 мандатов. Поначалу ОНС поддержало новое правительство СДС во главе с Иваном Костовым. Однако вскоре возникли разногласия, и авторитарно настроенный Костов попытался создать альтернативное ДПС объединение болгарских турок. 12 декабря 1998 г. было учреждено Национальное движение за права и свободы (НДПС) с председателем Гюнером Тахиром. Это была не первая попытка политически расколоть турецкую общность в Болгарии. Не стала она и последней. И БСП, и СДС считали, что болгарские турки имеют разные экономические и социальные интересы и что следовало бы поискать возможности их реализации различными политическими партиями, как это делают болгары, цыгане (ромы), евреи, армяне и пр. Однако после утверждения ДПС на болгарской политической арене это было уже невозможно. С другой стороны, несменяемый лидер Ахмед Доган[20] внимательно следил за тем, чтобы в ДПС были представлены и болгары, причем не только как рядовые члены, но и в руководстве, и в парламентской фракции. Как правило, это были люди, наделенные политическими амбициями, но не имевшие шансов реализоваться в других партиях (в Народном собрании 40-го созыва к числу таких относился Йордан Цонев, но в избирательной борьбе с бюллетенями ДПС участвовали Ангел Марин, Радослав Пешлеевский, Минчо Семов, Людмил Георгиев, Мария Пиргова). В 2003 г. на Пятой национальной конференции ДПС было отмечено, что в состав ДПС входят 8 тыс. 800 болгар, в насчитывавшее 100 чел. национальное руководство были избраны 15 болгар, а заместителем председателя партии стал Росен Владимиров.

Спад политического влияния ДПС в конце 1990-х гг. был преодолен благодаря умелой тактике Ахмеда Догана. Он воспользовался намерением руководимой Георгием Пырвановым БСП вывести партию из изоляции, и 30 сентября 1999 г. подписал соглашение с БСП, БСДП, партией «Евролевица» и Отечественным фронтом о создании Совета оппозиционных сил. Одновременно Доган не прервал отношений и с правя-

щим СДС – 14 марта 2000 г. на встрече руководств СДС и ДПС в Пловдиве прозвучало, что после выборов 2001 г. ДПС будет готов войти в управление. На первый взгляд, это заявление производило впечатление своего рода сговора с целью оказания СДС поддержки в будущем, но одновременные высказывания Догана, что «СДС делает шаги [навстречу], когда его позиции слабы»[21] свидетельствовали о его намерении сохранить свободу действий.

Подлинные планы ДПС войти во властные структуры высветили выборы 17 июня 2001 г., на которых Движение снова выступило в коалиции – на сей раз с организацией «Евророма» и Либеральным союзом. Обращение Догана к крупному этническому меньшинству – цыганам (ромам) указывало направление эвентуального расширения влияния ДПС. Опыт оказался успешным: ДПС получил 340 395 голосов (7,45%), обеспечивших ему 21 мандат и место четвертой политической силы в стране[22]. Подтвердился прогноз Догана, что ДПС войдет в управление, так как победившему Национальному движению «Симеон Второй» (НДСВ) не хватило для абсолютного большинства одного мандата и Симеон Саксен-Кобург-Готский был вынужден пригласить в правительство представителя ДПС.

Впервые за всю историю периода трансформации коалиционное правительство НДСВ и ДПС было составлено после подписания 20 июля 2001 г. особого договора. В соответствии с этим документом, в новом кабинете ДПС был представлен министрами земледелия и без портфеля, пятью заместителями министров и тремя областными управляющими (Софии, Тырговиште и Разграда). Правительство Симеона Саксен-Кобург-Готского оказалось вторым за время трансформации кабинетом, которому удалось оставаться у государственного руля на протяжении всего периода своего мандата, однако четыре года пребывания ДПС в составе правительства имели для турецкой партии как положительные, так и отрицательные последствия. С одной стороны, вхождение во властные структуры способствовало росту влияния ДПС не только среди турок и мусульман, но и среди других этносов, но с другой стороны, клиентелистские отношения, присущие ДПС, возрождали в болгарском обществе негативизм по отношению к туркам и ДПС. Рождался новый болгарский национализм.

Плоды вхождения во власть ДПС пожал на выборах 25 июня 2005 г. Они принесли ДПС наибольший успех. Голоса электората (467 400 или12,68%) вывели ДПС на третье место, обеспечив 34 депутатских мандата[23]. Но в качестве противовеса ДПС в парламенте оказалась представленной националистическая Коалиция «Атака», выражавшая антитурецкие настроения. Разброс голосов серьезно затруднил формирование кабинета министров, но в результате двухмесячных переговоров он был составлен на трехпартийной основе (БСП, НДСВ, ДПС) и вновь, как и осенью 1992 г., с мандатом ДПС. Портфели распределились в соотношении 8:5:3. В правительстве, руководимом лидером БСП Сергеем Станишевым, ДПС не только не сократил, но, напротив, увеличил свое присутствие: получил посты вице-премьера, двух министров – земледелия и лесов, окружающей среды и вод, 14-ти заместителей министров, 6-ти областных управляющих и 5-ти председателей парламентских комиссий.

После выборов Ахмед Доган заявил, что ныне ДПС является не балансиром, а ключевым фактором, без которого правительство не может быть сформировано. Однако успех ДПС имел и оборотную сторону: росли обвинения, что ДПС «объелся властью»[24]. Усилившиеся позиции ДПС вызвали критические настроения против него не только в обществе, но и среди других политических сил. Масла в огонь подлили и итоги выборов в Европарламент 20 мая 2007 г.: ДПС получил 20,26% голосов и 4 из 18 отведенных Болгарии мест в этой структуре. Сообразуясь с этим фактом, болгарские избиратели взяли реванш на местных выборах в октябре-ноябре 2007 г. Ахмед Доган «жаловался» по этому поводу: «Помимо покупки голосов избирателей, нас тревожит одно возрождающееся явление – создание условий для голосования по этническому принципу»[25]. Заявление парадоксальное, если вспомнить, что именно ДПС с начала своего существования рассчитывал в первую очередь на этот принцип.

ДПС перед новыми вызовами

2009 год принес в политическую жизнь страны новые перемены. Уже очередные выборы в Европарламент (7 июня) показали, что на авансцену вышла новая сила – партия Граждане

за европейское развитие Болгарии (ГЕРБ), созданная популярным столичным кметом, бывшим главным секретарем МВД Бойко Борисовым[26]. На парламентских выборах 5 июля все оппозиционные силы атаковали «тройную коалицию» и особенно ДПС как партию, управлявшую коррупционными методами (по слова Догана, зажатую в кольцо фирмами). Антитурецким высказываниям способствовала и реплика Догана, что он лично распределял «финансовые потоки». Выборы принесли победу ГЕРБ (39,7% голосов), но и результаты ДПС были очень хорошими – 14,46%[27]. Это свидетельствовало, что электоральный «удельный вес» ДПС зависел не от общественных договоренностей, а от «этнического» голосования.

Однопартийное правительство Бойко Борисова начало постепенно оттеснять ДПС от власти. Двойственный для партии итог выборов – хорошие результаты голосования и глубокая изоляция в политической жизни – получил критическую оценку руководства. На Седьмой национальной конференции ДПС (12 декабря 2009 г.) Ахмед Доган констатировал: «Наше участие во власти предоставило нам большие возможности для защиты интересов значительной части электората в отдельных районах, но вместе с тем привело к критическому ослаблению иммунной системы партии...». Доган обвинил другие партии в том, что «их действия, направленные на обслуживание электората, маргинализовали политику, связанную с основными правами и свободами человека и нацменьшинств в стране»[28].

Новая властная конфигурация лишила ДПС роли балансира, но это только усилило его стремление еще прочнее привязать к себе мусульманское население. Этому способствовала и новая внешняя политика Турции, один из пунктов которой – о турецкой «сфере влияния» на территориях бывшей Османской империи (так называемый неоосманизм) – был озвучен министром иностранных дел Ахмедом Давутоглу[29]. Именно с помощью Турции в 2011 г. была предпринята очередная попытка провести перемены в ДПС – на сей раз руками одного из наиболее влиятельных членов руководства ДПС Касима Дала. После встречи в октябре 2010 г. с премьер-министром Турции Реджепом Эрдоганом Касим Дал обвинил Догана в том, что он лишил ДПС идеи, и вышел из состава руководс-

тва. Дал попытался объединить противников Догана в руководстве партии и в декабре 2010 г. вместе с бывшим лидером молодежного ДПС Корманом Исмаиловым создал новую турецкую партию – Народную партию «Свобода и достоинство» (НПСД)[30]. Новая партия не смогла, однако, завоевать голоса болгарских мусульман и, несмотря на поддержку турецкого правительства и части переселенцев, войти на правах самостоятельной силы в парламент. Этого достичь ей удалось только в 2014 г., но лишь в составе правого объединения Реформаторский блок.

Эти события укрепили выраженное ранее желание Ахмеда Догана об уходе с поста руководителя ДПС. Осуществил его он на Восьмой национальной конференции 19 января 2013 г.[31] Но во время его прощальной речи гость конференции, студент из Бургаса Октай Енимехмедов выстрелил в Догана из газового пистолета[32]. Этот драматический эпизод не помешал смене лидера. Доган рекомендовал на свое место известного парламентского оратора Лютви Местана, который и был единогласно избран. Первым испытанием для нового руководителя стали внеочередные парламентские выборы 12 мая 2013 г. ДПС удалось сохранить прежнюю третью позицию (400 466 голосов или 11,3%) и в коалиции с БСП вернуться к власти в составе правительства Пламена Орешарского. Однако сложность заключалась в том, что коалиция не располагала достаточным количеством голосов в парламенте и при принятии важных решений должна была рассчитывать на молчаливую поддержку националистической «Атаки». Это лишало правительство запаса прочности, особенно когда начались массовые акции протеста. Причина волнений заключалась в связях членов кабинета с олигархией, олицетворением которой являлся депутат от ДПС Делян Пеевский.

После провала правящей коалиции на выборах в Европарламент 5 июня 2014 г. Лютви Местан объявил, что до конца года следует провести внеочередные выборы[33]. Эта несогласованная с БСП инициатива привела к длительному ухудшению отношений между двумя партиями. Предвыборная кампания вновь была направлена против ДПС, но теперь эту позицию заняли все без исключения политические силы. И хотя на внеочередных выборах 5 октября 2014 г. ДПС получает отличный

результат – 510 508 голосов или 14,8%, цена успеха оказалась высокой: полная изоляция в новом парламенте.

В конце 2015 г. и в ДПС, казавшемся наиболее стабильной партией в годы трансформации, начался кризис. На праздновании Нового года в декабре 2015 г. почетный председатель ДПС Ахмед Доган выступил с острой критикой Лютви Местана, обвинив последнего, что он поставил ДПС в услугу Турции и повел партию в ошибочном направлении[34]. Сразу после прозвучавшей критики Местан был отстранен от руководства и исключен из партии. На март 2016 г. назначена национальная конференция, которой предстоит избрать нового лидера. Кризис показал, что Ахмед Доган продолжает контролировать деятельность ДПС, а также то, что партия ищет новое место на болгарской политической сцене[35].

В целом в годы трансформации болгарские турки, численность которых по переписи 2011 г. составила около 600 тыс. чел. или 8,8% населения, получили возможность не только иметь свое политическое представительство, но и выдвинуть авторитетного лидера, что сделало ДПС неизбежной частью болгарской политической жизни. А Болгария продемонстрировала перед своими новыми партнерами из Европейского союза толерантность по отношению к этническим группам, основную часть которых составляют турки.

Перевод с болгарского Т.В. Волокитиной

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Подробнее см.: *Иванова Е.* Българското дисидентство. Историята се завръща. 1988–1989. София, 1997. С. 202–205.

[2] Строго секретно! Документи за дейността на Държавна сигурност (1944–1989) /Съст. В. Ангелов/. София, 2007. С. 658–677.

[3] *Живков Т.* Единството на българския народ е грижа и съдба на всеки гражданин на нашето мило отечество (Изявление на председателят на Държавния съвет на НРБ Т. Живков по Българската телевизия и Българското радио, 29 май 1989 г.) // «Международни отношения». 1989. № 5. С. 3–7.

[4] Интервю на Илиана Беновска с Ахмед Доган. София, 1992. С. 14.

[5] *Татарлъ И.* Движение за права и свободи – фактор за демокрация, разбирателство и сигурност в страната и на Балканите. София, 2003. С. 21–22.

[6] Стенограма по т. 2 от пленума на ЦК на БКП, проведен на 29 декември 1989 г. // «Понеделник». 1999. № 3–4. С. 110.

[7] Централен държавен архив на Република България (далее – ЦДА). Ф. 1Б. Оп.55. А.е. 643. Л. 20–22, 33; Архив на Министерството на вътрешните работи (далее – АМВР). Ф.1. Оп. 12. А.е. 948. Л. 143–152, 165 и сл.

[8] АМВР. Ф. 1. Оп. 12. А.е. 991. Л. 1–114 (Стенограмма национального совещания Министерства внутренних дел, состоявшегося 6 января 1990 г., по выполнению решения Государственного совета и Совета министров НРБ от 29 декабря 1989 г.).

[9] «Векове». 1990. № 2. С. 51–53.

[10] ЦДА. Ф. 1Б. Оп. 73 (необработанная).

[11] Избори 1990 г. НЦИОМ. София, 1991.

[12] Конституция на Република България. София, 2007. С. 9–10.

[13] *Палчев И.* Ахмед Доган. Опит за политически портрет. София, 2011. С. 7–8.

[14] Там же. С. 15.

[15] До 1996 г. представители БСП и болгарских националистов в парламенте дважды обращались в Конституционный суд с требованием объявить ДПС неконституционной партией, но безуспешно. Решением Конституционного суда от 16 октября 1994 г. ДПС был перерегистрирован как политическая партия.

[16] «Държавен вестник». Бр. 105. 19 декември 1991 г.

[17] В интервью с журналисткой Нихал Юзерган председатель Международного научно-исследовательского центра по изучению истории, культуры и искусства ислама (ИРСИКА) Генеральный директор д-р Халит Эрен сообщил: «Мы заплатили 500 тыс. долларов за участок под строительство в Софии новой мечети» // «Труд». 27 ноември 2008 г.

[18] *Палчев И.* Ахмед Доган. С. 20.

[19] *Стоянов В.* Към ранната история на ДПС. Опит за биографичен очерк // Историята – професия и съдба. В чест на член-кореспондент Георги Марков. София, 2008. С. 657.

[20] Доган переизбирался лидером ДПС вплоть до Восьмой конференции (январь 2013 г.), на которой снял свою кандидатуру и предложил в качестве своего преемника Лютви Местана // *Татарлъ И.* Движение за права и свободи. С. 22–23.

[21] Интервю на Ахмед Доган // «168 часа». Бр. 3. 4–10 февруари 2000 г.

[22] Информационен бюлетин. Бр. 18. Декември 2001 г. С. 10.

[23] См.: www.2005izbori.org/results/.

[24] В речи на Шестой национальной конференции ДПС в апреле 2006 г. Ахмед Доган так ответил на подобные обвинения: «В последнее время распространяются фантасмагорические представления и убеждения, что ДПС якобы объелся существующими и несуществующими властными ресурсами...» //. «Труд». 2 април 2006 г.

[25] В нощта на изборите политиците казват // «Труд». 6 ноември 2007 г.

[26] См.: http://www.cik-bg.org/.

[27] Там же.

[28] См.: http://www.dps.bg/cgi-bin/e-cms/vis.pl?s=001&p=000018&g=

[29] Тезис присутствует и в изданной на болгарском языке книге: *Давутоглу А.* Стратегическа дълбочина. Изток – Запад. София, 2015.

[30] См.: http://npsd.bg/?q=historyofnpsd.

[31] Ахмед Доган: ДПС е другото мое Аз. Реч на лидера на ДПС Ахмед Доган на Осмата национална конференцията на партията // «Труд». 20 януари 2013 г.

[32] Атентаторът: Исках да застрелям Доган // Там же.

[33] ДПС избира провеждането на предсрочни парламентарни избори до края на годината – http://news.bgnes.com/view/1166901.

[34] Челен сблъсък Местан – Доган – http://www.bgnes.com/bylgariia/politika/4396297/ 23.12.2015.

[35] На состоявшейся 24 апреля 2016 г. национальной конференции ДПС новым председателем единогласно избран Мустафа Карадайы (р. 1970 г.). Согласно принятым изменениям в уставе, почетный председатель ДПС Ахмед Доган получил право в случае необходимости активно вмешиваться в партийную жизнь.

И. Марчева*

БОЛГАРСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК В ГОДЫ ПЕРЕХОДА (1989–2007 гг.): ПРОБЛЕМЫ АДАПТАЦИИ

Структура Болгарской академии наук (БАН) сложилась на основе исторической традиции и под сильным влиянием практики организации науки в СССР. Начиная с 1949 г., БАН принадлежала ведущая роль в создании и накоплении фундаментальных знаний, в то время как отраслевые (ведомственные) институты занимались прикладной научной деятельностью, а за университетами закрепились образовательные функции (в 1960-е гг. в университетах развернулись интенсивные научные исследования). Начиная с 1959 г. власти также периодически ориентировали БАН на прикладные исследования, а после 1973 г., когда были созданы Единые центры науки и подготовки кадров, – и на обучение студентов. По решению Политбюро ЦК БКП от 14 июля 1988 г. девять Единых центров вместе с научными объединениями институтов были расформированы. Вместо них основными структурными единицами в Академии стали научно-исследовательские институты (НИИ). В 1990 г. в структуре БАН насчитывалось 122 НИИ, в которых работали 14 821 чел. – ученые, специалисты, технический и административный персонал. Только 5 059 чел. являлись научными сотрудниками. Приведенная статистика свидетельствует о том, что в основу развития научных институтов, их специализации, как и формирования научных кадров, был положен экстенсивный принцип. Он соответствовал доминировавшим во второй половине XX в. представлениям о линейном развитии инновационной научной деятельности. Таким

* Марчева Илияна – доктор истории, доцент Института исторических исследований БАН.

образом, начавшийся в стране процесс общественно-политической трансформации застал БАН в состоянии «наиболее мощной и комплексной исследовательской структуры в Болгарии». Она соединяла в себе клуб ведущих, наиболее авторитетных ученых и государственные исследовательские научные центры, являясь главным центром фундаментальной науки и занимая привилегированное положение среди других научных учреждений страны.

В процессе реформирования БАН можно выделить два этапа. На первом (конец 1980-х – 1990-е гг.) реформы преследовали цель сохранить Академию и приспособить ее к рыночным условиям. На втором этапе ставилась задача включить БАН в европейское научное пространство. Ее решение рассматривалось как важный элемент общей государственной политики, направленной на подготовку к вступлению Болгарии в Европейский союз. Это событие, происшедшее в январе 2007 г., можно считать эманацией процесса трансформации. Для БАН его завершением стала успешно проведенная в 2009 г. международная экспертиза – своеобразный «стресс-тест» Академии как полноправного отныне члена европейского научного пространства.

Первые структурные изменения в 1988 г. обусловили необходимость разработки новой нормативной базы для функционирования БАН. В 1989 г. в академических институтах началось введение самоуправления: конкурсная система избрания директоров и руководителей всех уровней, проблемно-целевое финансирование на основе рыночных принципов. Уже в бюджете на 1989 г. была зафиксирована передача Министерству культуры, науки и просвещения функции предоставления институтам обязательных государственных заказов. Ранее это являлось прерогативой Государственного комитета науки и технологий. Менялась и система финансирования: основным принципом стало предоставление государственных субсидий только для проведения фундаментальных научных исследований, а остальные финансировал заказчик, если таковой имелся. Более того, в первой половине 1989 г. БАН вообще не нашлось места в госбюджете. Остававшийся еще у руля власти Тодор Живков предпринял последнюю попытку ликвидировать Академию, объявив, что она находится в коме.

Начиная с 1985 и до 1989 г. не проводились выборы действительных членов и членов-корреспондентов БАН. На страницах партийного официоза «Работническо дело» развернулось массированное наступление на Академию, а во время празднования 100-летия основания Софийского университета БАН было предложено передать часть своих институтов этому старейшему высшему учебному заведению[1].

Стремление коммунистической власти распустить Академию имело свое объяснение: в то время именно в академических кругах интенсивно формировались диссидентские настроения. Показательно в этом отношении, что первая в стране политическая антикоммунистическая организация – Союз демократических сил (СДС) – была создана 7 декабря 1989 г. в Институте социологии БАН. В конце 1980-х гг. в Академии существовали оппозиционно настроенные круги, готовые в том числе и к активным действиям в защиту права БАН на существование. В основном это были молодые ученые, и помимо Клуба в поддержку гласности и перестройки, основанного 3 ноября 1988 г., они входили в новый оппозиционный профсоюз «Подкрепа» («Поддержка»), существующий с 1989 г. В начале 1990-х гг. эти организации будут особо активно содействовать реформированию Академии, объявив его главными направлениями введение самоуправления и декоммунизацию.

«Старые» академические кадры, имеющие ученую степень, особенно представители высшего звена науки – академики и члены-корреспонденты, составляли руководящие органы Академии: Общее собрание (в нем участвовали также представители Софийского университета и других научных, политических и хозяйственных учреждений и организаций) и Президиум БАН. В социалистический период Академией, как и другими культурными и научными институциями, управлял ЦК Болгарской коммунистической партии (БКП), а от его имени – заведующий Отделом науки. Во второй половине 1980-х гг. и в этих кругах была воспринята идея либерализации социалистической системы, известная под советским термином «перестройка». Не удивительно поэтому, что они неохотно восприняли смену руководства БАН, навязанную Т. Живковым и, кроме того, шедшую в разрез с провозглашенной им демократизацией. Под его нажимом занимавшего долгое время пост

Председателя БАН академика Ангела Балевского сменил молодой и энергичный, к тому же беспартийный, академик Благовест Сендов. 25 июля 1988 г. он был избран Общим собранием БАН временным Председателем с обязательством провести реформы и выборы постоянного Председателя[2].

В возникших после 10 ноября 1989 г. новых условиях политической демократизации «живковские» кадры должны были отказаться от тех привилегий, которые им давала принадлежность к управлению наукой. Призвав к этому, новый председатель БАН Сендов взамен пообещал сохранить им прежние звания и некоторые льготы. Общество и рядовые ученые воспринимали академиков как научную номенклатуру, поскольку они состояли на партийном учете в ЦК БКП. На академиках, членах-корреспондентах и всех «остепененных» ученых лежало подозрение, что своей научной карьерой они обязаны идеологической и политической верности партии. Особенно уязвимыми в этом отношении оказались ученые-гуманитарии.

В процессе либерализации исключительную важность приобретало оформление правового статуса Академии путем разработки «Закона о БАН», причем в недрах самой этой институции. Сендов придавал этому закону очень большое значение, поскольку его коллеги из академий и научных центров на Западе, с которыми Председатель БАН встречался весной 1990 г., недвусмысленно характеризовали академии восточноевропейских стран как «сталинские»[3]. Это безосновательное определение стало своего рода приговором. В последующем оно будет оказывать влияние на отношение к БАН других «факторов» как в самой Болгарии, так и во всем Восточном блоке: в частности, породит идею о расформировании Академии и развертывании научных исследований на базе университетов[4]. В процессе принятия «Закона о БАН» руководство Академии тщетно рассчитывало на поддержку тех членов научного сообщества, которые активно участвовали в политической жизни от двух противостоящих лагерей – коммунистов и антикоммунистической оппозиции. В работе Великого Народного собрания (1990–1991 гг.), руководимого бывшим заместителем Председателя БАН академиком Николаем Тодоровым, участвовали 20 депутатов – сотрудников Академии, но, несмотря на это, «Закон о БАН» был принят только на последнем заседании 15 октября 1991 г.

Этот документ отразил основные идеи и представления о переменах в управлении Академией, выражавшиеся как учеными, входившими в Академический клуб в поддержку демократии, так и руководством БАН. В пункте 1 Закона закреплялось определение Академии как «национальной автономной организации для научных исследований, включающей академические институты и другие самостоятельные научные звенья». Новым органом руководства объявлялось Общее собрание всех ученых, что лишало академиков привилегий в сфере управления институтами. Закон сохранил выборность директоров на основе конкурса как способа занятия столь важного поста. Академик или член-корреспондент мог быть избран руководителем Управительного совета (УС), что было единственной связующей нитью между институтами и общностью академиков и членов-корреспондентов. Последние имели собственное Общее собрание, и вплоть до 1994 г. отчеты о его деятельности не включались в годовой отчет Академии[5].

Закон закрепил проведение следующего этапа реформ, связанного с отстранением от управления Академией так называемой научной номенклатуры путем декоммунизации и люстрации. Ведущим фактором стало на этом этапе Первое Общее собрание (ОС) ученых (1991–1995 гг.), избранное согласно Закону из числа сотрудников с научной степенью. В его состав вошли 200 человек – представителей академических институтов, избранных на общих собраниях коллективов. Руководителем ОС стал старший научный сотрудник Института литературы, первый главный редактор газеты «Демокрация» (органа СДС) Йордан Василев.

Весной 1992 г. ОС предложило институтам не допускать к управлению наукой на пятилетний срок партийные и административные кадры, начиная с членов бюро первичных парторганизаций и заведующих сектором института. Соответствующее положение вошло в люстрационный «Закон о временном введении некоторых дополнительных требований к членам руководства научными институтами и Высшей аттестационной комиссией», который действовал до конца 1995 г. Более того, Общее собрание подтвердило свою поддержку Закона от 3 января 1993 г. в ответ на запрос Конституционного суда о легитимности этого документа. Указанный за-

кон оказался гораздо мягче принятых аналогичных законов в ГДР и Чешской республике, по которым академики лишались своих званий.

Следующим шагом на пути декоммунизации стало осуждение участия Академии в так называемом «возродительном процессе» зимой 1984–1985 гг. После доклада специальной комиссии во главе со старшим научным сотрудником I степени Института истории Иваном Божиловым Академия активно включилась в процесс: в Совете по данной проблеме при Президиуме БАН и Академическом совете Софийского университета по «возродительному процессу», насчитывавших 36 человек, состояли 19 представителей БАН. Хотя указанная выше комиссия констатировала, что ученые занимались традиционными исследованиями по истории ислама и его распространения в болгарских землях и что не они инициировали смену имен, ОС осудило действия ученых в поддержку «возродительного процесса»: было отмечено, что, проводя исследования по указанным темам, они, по всей вероятности, увлеклись их популяризацией в провинциальной прессе[6].

В 1993 г. Общее собрание приняло документ под названием «Концепция перестройки и реорганизации БАН», реализация которого в 1994 г. привела к большим изменениям и сокращениям (из 122 институтов остались 73 и из 5 тыс. сотрудников – 3918). В Академии сохранились две структуры – руководство и научно-исследовательские звенья, хотя и с очень широкой автономией. Создание концепции и ее реализация явились доказательством эффективности самоуправления Академии, проявлением воспринятого эволюционистского подхода к реформам в целях сохранения БАН в новых условиях. Это отличало БАН от других академий, например, стран Балтии и Чешской республики, где в 1992–1994 гг. власти прибегли к помощи внешних экспертов и дело дошло до формирования «частных академий» по западноевропейскому образцу. В Болгарии итогом реформирования явилось сохранение Академии, но она перестала быть привилегированным основным производителем научных знаний для государства. Институты повысили еще больше свой автономный статус и получили права юридического лица. В результате такой децентрализации и либерализации общность академиков, членов-корреспондентов

и исследовательские институты все сильнее самоизолируются. Руководство БАН окончательно утратило свои программно-управленческие функции в отношении академических институтов[7].

Второе Общее собрание (декабрь 1995 – декабрь 1999 г.) активно продолжило процесс декоммунизации, поддержав политику преодоления тоталитарного прошлого. Оно проголосовало за решение, обязавшее все руководство БАН и членов всех прошлых Общих собраний подавать декларации в соответствии с принятым в июле 1997 г. Законом о доступе к документам архива Госбезопасности и Разведывательного управления Генштаба. Речь шла о досье публичных личностей, государственных служащих высокого ранга, депутатов парламента и пр.

В процессе адаптации Академии к новой обстановке главной болевой точкой оставался вопрос о финансировании институтов. Предстояло ответить на вопрос, как они будут работать в условиях рынка без поддержки государства. Лозунг «Деньги за реформы» отражал основную политику первого правительства СДС в 1992 г. Но за этим лозунгом крылось требование Международного валютного фонда (МВФ) резко сократить число ученых и научных звеньев, поскольку на душу населения таковых якобы приходилось чересчур много. Зарубежные специалисты считали, что для Болгарии с ее 8-миллионным населением 12–15 тыс. ученых слишком много, так как в ГДР при населении 17 млн. насчитывалось 25 тыс. ученых. (Между тем простой подсчет показывает, что цифры в пересчете на душу населения почти одинаковые. – *Прим. переводчика*). В 1991 г. Академия пережила свой первый финансовый шок: государственные субсидии сократились по сравнению с 1990 г. почти в 9 раз. Министром науки и высшего образования в то время был директор Института социологии БАН проф. Георгий Фотев. Следующим ударом явилось проведенное в 1997 г. сокращение субсидирования по сравнению с 1991 г. в 17 раз[8]. Тогда у властного руля находилось второе правительство антикоммунистического СДС, открытого сторонника неолиберализма. В переходные годы ни одно правительство не проявило заметной заинтересованности в использовании научного потенциала Академии, несмотря на ее

усилия вписаться в новые реалии. В той или иной степени все кабинеты следовали политике передачи науки в университеты. Исключением стало лишь правительство проф. Любена Берова (1993–1994 гг.), но его возможности были сильно ограничены действиями МВФ. Промышленный спад лишил БАН заказов. В стране тем временем начали открываться частные и государственные университеты, число которых в 2014 г. достигло 51 (при населении 7,5 млн. чел.).

Изменения кадрового потенциала вследствие сокращений, преобразований и реструктуризации институтов БАН подтверждали превращение Академии в центр фундаментальных исследований, на что нацеливал «Закон о БАН» 1991 г. Так, в 1994 г. сокращения коснулись в большей степени специалистов, нежели ученых, в результате чего удельный вес последних увеличился на 44,7% в 1993 г. и на 46% в 1994 г. Эта тенденция сохранится вплоть до конца 1990-х гг., свидетельствуя о все более четкой ориентации институтов БАН на теоретические исследования, для которых не требуются ни вспомогательный технический персонал, ни дорогая аппаратура. Поэтому если соотношение вспомогательного персонала и ученых в 1989 г. составляло 1,22:1, то в 2000 г. оно равнялось 0,97:1[9].

В 1990-е гг. наибольшее сокращение кадрового состава отмечалось в области технических наук: в 1994 г. из-за реорганизации Института технической кибернетики и робототехники и закрытия в 1994 г. по решению ОС фирм с участием его сотрудников общее число ученых – «технарей» сократилось на 39%[10]. Эти данные свидетельствовали о том, что Академия не только лишалась части кадрового потенциала, но и порывала связи с потенциальными потребителями ее продукции. Таким образом, сохранившись в результате реформ первой половины 1990-гг. как национальный центр фундаментальной науки, Академия утратила статус научного центра технологий, как это было до 1989 г.[11].

Стратегия адаптации БАН в столь неблагоприятных условиях включала несколько направлений. На первом месте оказались поиски источников финансирования. Одним из них стали международные проекты. Академия выступила в качестве координатора Программы ЕС «Сотрудничество стран Центральной и Восточной Европы в сфере науки и техники»

(1992 г.) как подпрограммы 3-ей рамочной программы ЕС на 1990–1994 гг. В трех из пяти одобренных проектов с болгарским участием были представлены ученые БАН[12].

Заметной вехой в процессе адаптации БАН явилось создание образовательного центра подготовки кадров высшей квалификации – докторантов в соответствии с Законом о высшем образовании 1995 г. Центр был основан в январе 1997 г.[13]. Заслуга в предоставлении Академии такой возможности принадлежала ее председателю академику Ивану Юхновскому.

В связи с новым статусом Болгарии как ассоциированного члена ЕС в проекте Закона о высшем образовании имелась статья, соответствовавшая критериям ЕС, о преобразовании аспирантуры в докторантуру, что предполагало присвоение успешно прошедшему обучение не чисто «научной», а «научной и образовательной степени». Ранее Академия была лишена права готовить докторантов именно по той причине, что являлась научно-исследовательской институцией[14]. Но с включением в Закон о высшем образовании ст. 47 БАН официально вошла в созданное на его основе при Совете министров Национальное агентство аттестации и государственной аккредитации высшей школы на правах не только научно-исследовательской, но и образовательной структуры. Наличие такого центра не исключает индивидуальной и иных форм работы по подготовке кадров в высшей школе[15]. В 1999 г. 60% болгарских аспирантов обучались в БАН[16].

В конце 1990-х гг. западные эксперты были вынуждены признать, что их подход к академиям наук социалистического типа был неадекватным, сугубо механическим, в то время как в процессе трансформации они проявили свою способность к адаптации. Успешная интеграция научного потенциала Болгарии и других восточноевропейских стран-кандидатов в члены ЕС стала основанием для рекомендаций «лечить» академии, а не ликвидировать их[17]. Важнейшим показателем адаптации БАН к требованиям ЕС явилась переориентация ее научной деятельности с фундаментальных исследований на прикладные. Об этом говорил в своем выступлении на 31-ом заседании ОС 10 ноября 1997 г. заместитель председателя Академии проф. Никола Сыботинов. Он согласился с выводами состоявшегося в 1997 г. в Вене семинара, в котором участвовали представите-

ли научных, государственных и промышленных кругов десяти стран Центральной и Восточной Европы – кандидатов в члены ЕС, члены Европейской комиссии (ЕК) по вопросам исследований, инноваций и науки и представители австрийского Министерства науки и транспорта. Три фирмы, изучавшие состояние научных исследований в указанных странах, установили, что соотношение фундаментальных и прикладных исследований составило 60:40, тогда как в Западной Европе это соотношение прямо противоположное. На основе полученных результатов ЕК выразила пожелание, чтобы страны-кандидаты добились соотношения 30:70 в пользу прикладных исследований. Достичь этого можно было бы путем более активного привлечения промышленных предприятий к финансированию исследований, а также разработки долгосрочной государственной программы с четким определением научных приоритетов[18]. Но так как всем было ясно, что эти страны переживали кризис, им было рекомендовано более активно участвовать в европейских проектах и европейских научных программах. В этом отношении болгарская сторона и, в частности, ученые БАН проявили завидную активность, предложив 55 проектов прикладной направленности по программе ЕК «Коперникус». Это была специальная подпрограмма сотрудничества стран-членов ЕС и ассоциированных стран. Болгарские ученые отдавали себе отчет в том, что в тот момент в стране развивались процессы приватизации и деиндустриализации, и найти заинтересованного в их инновационных разработках потребителя было практически невозможно. Ученые также понимали, что результатом их участия в международных проектах станет применение болгарских изобретений за рубежом, на пользу иностранной экономики. Для преодоления этого негативного эффекта НАТО предложило участникам программы «Партнерство ради мира» программу «Science for Peace» («Наука за мир»), по которой конечным потребителем являлась национальная фирма. В рамках этой долгосрочной программы Болгария подала заявку на 38 проектов, 3/4 которых приходились на институты БАН[19].

Открывавшиеся перспективы вызвали тем не менее, неоднозначную реакцию ученых БАН. Высказывались опасения, что снизится уровень фундаментальной науки, утверждалось,

что подача заявок еще не означает их автоматического удовлетворения, что для этой цели Болгарии необходимо иметь свое лобби в Европейской комиссии[20].

Именно в тот момент бюджетные поступления в БАН оказались вновь сорванными. В 1999 г. из бюджета Академии было изъято 10% от общей суммы, так как Министерству образования потребовалось покрыть расходы по закрытию школ в тех местах, где не имелось достаточного числа учеников и у общин не было средств для этого[21]. За сокращение академического бюджета председатель Совета министров и председатель СДС Иван Костов лично принес извинения 250 ученым БАН и университетов, приглашенным на встречу с ним в Большой салон Академии 13 марта 2000 г.[22]. Костов предупредил, однако, что ученым не следует рассчитывать только на бюджетные поступления, призвал обратить внимание на превратившиеся в частные фирмы приватизированные предприятия. Именно в них премьер-министр видел потенциальных финансовых доноров науки. Но и от ученых требовались, по его мнению, активные действия, например, реклама своей научной продукции, зарегистрированной в соответствии с патентным законодательством 1993 г. Костов пообещал поддержку со стороны государства технологических парков в целях содействия развитию высокотехнологичных инноваций. Но результаты финансируемых научных исследований, подчеркнул он, должны найти практическое применение в национальной экономике, деятельности фирм, крупных объектов национального значения, обслуживать интересы государства[23]. Костов настаивал на «совместной ответственности», предполагавшей поддержку политики правительства научной деятельностью и гражданской позицией ученых. Приведенные им в качестве иллюстрации примеры ориентировали Академию на опровержение существования экологических проблем Черного моря или западных районов Болгарии в связи с бомбардировками Югославии. С аналогичными утверждениями выступала и министр экологии Евдокия Манева[24].

Успешному включению БАН в прикладные исследования содействовала финансовая политика ЕС. Начиная с 1999 г., Академия участвует в европейской схеме обмена технологиями. Важное значение имеет и членство БАН с 2002 г. (вместе

с фондом «Научные исследования» Министерства образования и науки) в Европейском научном фонде, что открыло возможности прямого участия в европейской научной политике. БАН – активный член объединения академий наук стран Центральной и Восточной Европы, Международного совета академий наук стран Юго-Восточной Европы[25]. По новым европейским программам – V Рамочной (1998–2002 гг.) и VI Рамочной (2002–2006 гг.) – БАН сумела обеспечить европейское финансирование деятельности восьми высококлассных научных центров (из 11 имеющихся в стране). Всего за 1992–2006 гг. Академия успешно выполнила 462 профинансированных европейскими структурами проекта на общую сумму около 27 млн. евро[26]. Болгария – одна из немногих стран, в которых поступления от реализации научных проектов превышают членский взнос страны. Уже результаты выполнения V Рамочной программы с проектами стоимостью 25 млн. евро (при членском взносе Болгарии в 17,5 млн. евро) обусловили решение ЕК поощрить болгарских ученых. Взнос страны для участия в VI Рамочной программе был уменьшен на 3 млн. евро. Вклад болгарских ученых в осуществление научных программ ЕС значителен, что признают и европейские наблюдатели. Член Комиссии ЕС по науке и исследованиям Янез Поточник во время посещения Софии в апреле 2006 г. рекомендовал БАН «приумножать свои исторические традиции ведущей элиты и обеспечивать подготовку первоклассных ученых»[27].

Успехи болгарских ученых были оценены как существенный актив на переговорах Болгарии о выполнении главы 17 Договора о членстве в ЕС. Эта глава касалась раздела «Наука и исследования» и оказалась одной из первых, условия которых были полностью выполнены. Руководство страны также было настроено на быстрое решение этого вопроса. Его позицию по этому вопросу разъяснил Костов на вышеупомянутой встрече в БАН 13 марта 2000 г.: чем быстрее будут выполнены условия, касающиеся науки, тем быстрее увеличится финансирование (до присоединения Болгарии к ЕС) со стороны европейских фондов[28]. Этот расчет оказался ошибочным, о чем с тревогой, но без успеха предупреждало и руководство БАН. Болгария стала единственной страной, которая не выделила часть полагавшихся ей структурных фондов для укрепления

самой науки, как советовала ЕК, ставя в пример Ирландию. Страны «первой волны» расширения Евросоюза – «отличницы» Словения, Венгрия и Польша, как и отстающая северная соседка Румыния, принятая вместе с Болгарией в ЕС в 2007 г., планировали передачу 7–8% структурных фондов в исследовательский сектор[29]. Болгарской же Академии оставалось надеяться на понимание со стороны правительства и министерств, которые управляли этими фондами (Министерство образования и науки в их число не входило), а именно: на включение БАН в какие-либо программы, способствовавшие при использовании потенциала Академии эффективному освоению фондов научно-технологического развития Болгарии как части объединенной Европы[30]. Ближайшее будущее показало, что эти надежды не сбылись. БАН по-прежнему оставалась зависимой, прежде всего, от государственных бюджетных субсидий.

Бесспорной заслугой болгарских ученых и конкретно ученых БАН стало то, что в последний раз Еврокомиссия проанализировала состояние болгарской науки в своем мониторинговом докладе в 2005 г., а в двух последних (май и сентябрь 2006 г.) до вступления страны в ЕС 1 апреля 2007 г. раздел «Наука и исследования» не упоминался. Это свидетельствовало о том, что состояние болгарской науки не вызывало у ЕК беспокойства. Доклад 2005 г. содержал рекомендации властным структурам усилить научное и особенно технологическое развитие страны, увеличить численность научных и исследовательских кадров. Вместе с тем указывалось на слабое участие государства и бизнеса в финансировании исследований и в соответствии с единой европейской политикой предлагалось в 2010 г. выделить на науку 3% от национального валового продукта (ВВП). Это должно было вывести Болгарию на нужный уровень, поскольку в 2001–2005 гг. на финансирование науки приходилось 0,4–0,5% от ВВП, т.е. ниже, чем в 1990-е гг. (тогда, без учета 1996 и 1997 гг., эта цифра составила 0,57%). И это при том, что в среднем страны-члены ЕС выделяли на науку 1,99%, а новоприсоединенные страны «первой волны» (без Румынии, где процент составлял 0,37) – 0,84%. С началом болгарской перестройки процент бюджетной субсидии БАН равнялся 0,14–0,15%, а в 2004 г. достиг 0,16%[31].

Низкий уровень бюджетного финансирования академической науки разрушающе сказался на состоянии научного сообщества: уменьшилось число занимающихся наукой, многие ученые занялись преподавательской деятельностью или уехали за рубеж. Так, в 2006 г. в БАН имелось 68 научных институтов и подразделений, в которых числились 8086 чел. персонала и 3719 ученых[32]. Но в первые годы после вступления Болгарии в ЕС руководство Академии продолжало прилагать усилия, чтобы включить БАН в европейское научное пространство. Осуществлявшаяся интеграция начала приносить свои плоды: в соответствии cVII Рамочной программой по науке и технологическому развитию главной целью стала постепенная переориентация на прикладные исследования, достижение их приоритета перед фундаментальной наукой в соотношении 70:30.

Таким образом, адаптацию БАН в годы перехода в целом можно считать успешной. Академия сохранила свою двойственную структуру, «декоммунизировалась», демократизировалась и самостоятельно, без вмешательства извне, провела реформы. Благодаря инициативности и творческому потенциалу, БАН сегодня хорошо вписывается в европейское научное пространство, как надежный партнер участвует в международных проектах. Это также способствует ее функционированию в новых условиях после окончания переходного периода, о чем свидетельствуют результаты международной экспертизы ее деятельности в 2009 г. Однако у процесса адаптации есть и оборотная сторона. Прекращение поддержки со стороны государства, введение неолиберальной модели в научную сферу привели к утрате Академией прежнего привилегированного положения основного производителя и «законодателя» научных исследований в Болгарии. БАН превратилась в один из центров науки, лишилась 40% своего кадрового состава, довольствуется мизерными бюджетными отчислениями. В результате деиндустриализации и приватизации в Болгарии не появился какой-либо другой, кроме государства, спонсор науки. Кроме того, БАН не имеет возможности воспользоваться структурными фондами ЕС, находящимися в руках государства. И в годы перехода, и после его завершения БАН вынуждена всякий раз при принятии нового бюджета доказывать

государственным чиновникам наличие у нее творческого потенциала, противостоять намерению отстранить государство от финансирования академической научной сферы.

Перевод с болгарского Т.В. Волокитиной

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Геновски М.* СНР също е част от научния фронт на НРБ. Реч пред 9 сесия на IX ОНС, 16 декември 1989 г. // Научен живот. 1989. № 1. С. 3; Благовест Сендов пред списание «Наука» // Наука. 1991. № 1. С. 4–6.

[2] Текущ архив на БАН (далее – ТА на БАН). Стенографски протокол на Общото събрание, заседание (ОС) 21 декември 1989 г. С. 17–18.

[3] ТА на БАН. ОС, 13 април 1990 г. С. 5,6.

[4] *Балабанов И.* Научната политика на държавата и стратегическата цел на реформата // Списание на БАН. 1996. № 3. Част 1. С. 11.

[5] Държавен вестник. Бр. 85. 15 октомври 1991 г.

[6] ТА на БАН. 34 заседание на I ОС 6 юли 1992 г. след обяд. С. 74.

[7] *Симеонова К.* Стратегии в трансформирането на Академиите на науките от социалистически тип // БАН по пътя на реформите. 1989–2000 /редколегия: Симеонова К. и др./ София, БАН, Център по науказнание и история на науката, 2001. С. 9–30.

[8] *Матеев Н., Иванчева Л., Стоева Л.*Финансирането – проблем или предизвикателство // БАН по пътя на реформите. С. 251.

[9] *Гаделева С., Стайкова Р., Арсенова И.* Научен кадрови потенциал на БАН // БАН по пътя на реформите. С. 40.

[10] Там же. С. 36–37, 81 (бел. 1); Годишен отчет на БАН за 1994 г. София, 1995. С. 67–76.

[11] *Гаделева С., Стайкова Р., Арсенова И.* Научен кадрови потенциал на БАН. С. 35.

[12] ТА на БАН, 59-о заседание на I ОС, 12 юли 1992 г. С. 104–106.

[13] Държавен вестник. Бр. 112. 27 декември 1995 г.; изменения в Законе см.: Държавен вестник. Бр. 28. 2 април 1996 г.

[14] ТА на БАН, 34-о заседание на IV ОС, 11 февруари 2008 г. С. 21.

[15] Там же, 22-о заседание на II ОС, 27 януари 1997 г. С. 19–22.

[16] Там же, 54-о заседание на II ОС, 6 декември 1999 г. С. 8.

[17] *Симеонова К.* Стратегии в трансформирането на Академиите на науките от социалистически тип. С. 11; Информационен бюлетин на БАН. София, 2001. Кн. 1. С. 6–10.

[18] ТА на БАН, 31-о заседание на II ОС, 10 ноември 1997 г. С. 20–21.

[19] Там же. С. 25.

[20] Там же. С. 23–25, 26.

[21] Там же. II заседание на III ОС, 20 март 2000 г. С. 6.

[22] Магнитофонную запись выступления Костова 20 марта 2000 г. заслушало ОС БАН // ТА на БАН, II заседание на III ОС, 20 март 2000 г. С. 4–19. Впоследствии речь премьер-министра с некоторыми сокращениями и его заключительное слово были опубликованы в: Информационен бюлетин на БАН. София, 13 март 2000 г. Бр. 3. С. 1–11.

[23] ТА на БАН. II заседание на III ОС, 20 март 2000 г. С. 4–16.

[24] Там же. С. 19.

[25] См.: Слово на акад. Иван Юхновски, председател на БАН по повод 137-та годишнина на БАН // Бюлетин на БАН. София, октомври 2006 г. Бр. 10. С. 4; *Якимов Н.* Обобщения и изводи от дискусията «Международно научно сътрудничество» // Национален форум «Науката в България», Съюз на учените. София, 2005. С. 176.

[26] Слово на акад. Иван Юхновски. С. 6.

[27] Там же. С. 6–7.

[28] ТА на БАН. II заседание на III ОС. С. 11.

[29] Слово на акад. Иван Юхновски. С. 6–7.

[30] Там же. С. 7.

[31] Встъпителен доклад на акад. Иван Юхновски // Национален форум «Науката в България. С. 29; Слово на акад. Иван Юхновски. С. 6; Годишен отчет на БАН за 2012 г. София, 2013. Приложение 13, фиг. 13.

[32] Годишен отчет на БАН за 2006 г. София, 2007. С. 115.

Научное издание

Сборник статей

ИСТОРИЧЕСКАЯ БОЛГАРИСТИКА
К 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
ПРОФЕССОРА Л.Б. ВАЛЕВА

Художественный редактор *Л.Г. Ордынская*
Отв. редактор *Е.Л. Валева*
Верстка *Л.Х. Матвеевой*

Подписано в печать 06.06.2016 г.
Формат 60×90/16.
Усл. печ. л. 24,5. Тираж 500 экз.

Институт славяноведения РАН
119334 Москва, Ленинский проспект, д. 32-А
Тел.: +7 (495) 938-17-80; факс + 7 (495) 938-00-96.

ISBN 978-5-7576-0360-5

9 785757 603605